UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01320607 3

Н. П. Дашкевич
(Микола Дашкевич, 1852-1908)

Отзыв о сочинении г. Петрова „Очерки истории украинской литературы XIX столетия”

Записки Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1889. Т. 59, с. 37-301.

Зміст:

I. Общий взгляд г. Петрова на ход развития украинской литературы; анализ произведений И. П. Котляревского и выяснение первоначал украинской литературы	С. 53
II. Отношение украинской литературы к общерусской	С. 85
III. Любовь к народности и пробуждение самосознания как первоисточник украинской литературы	С. 103
IV. Идея народности, романтические увлечения народностью и идеализация старины в украинской литературе; польско-украинские поэты и их влияние на украинскую поэзию	С. 134
V. Украинский панславизм в соединении с народничеством	С. 232
VI. Украинская литература с начала прошлого царствования и общее заключение об украинской литературе	С. 258
VII. Группировка украинских писателей и деление на периоды в книге г. Петрова	С. 269
VIII. Очерки жизни и произведений украинских писателей в отдельности, данные в книге г. Петрова	С. 286
IX. Заключение	С. 299

LIBRARY
ОСТ. 1.1975
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3916
P4872D3
1888a

II.

ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНІИ г. ПЕТРОВА: «ОЧЕРКИ ИСТОРІИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ»,

составленный професоромъ Н. И. Дашкевичемъ.

Довольно давно уже возникъ въ русской литературѣ вопросъ о правѣ на существованіе въ ней и при ней особой областной литературы — украинской. Вопросъ начался съ разсужденій объ языкѣ этой литературы. Павловскій, авторъ первой грамматики украинскаго нарѣчія, которое онъ признавалъ «почти настоящимъ языкомъ», писалъ въ 1818 г. въ послѣсловіи къ своей грамматикѣ: «Я слышалъ вопросъ: «къ чему пригодна можетъ быть предлагаемая мною грамматика малороссійскаго нарѣчія?» — Вопрошаютъ: «нужно ли сохранять различныя нарѣчія, которыхъ во всякомъ языкѣ находится не малое количество? или предать всѣ оныя забвенію?» Рѣшительно отвѣчаю: нужно сохранять всѣ нарѣчія, сколько бы ни нашлось, въ какомъ бы ни было, а тѣмъ болѣе въ нашемъ отечественномъ, языкѣ» [1]). Но, если уже тогда начинался споръ объ языкѣ украинской литературы, то еще не было нападковъ на тѣ немногія произведенія ея, которыя появились въ печати до выхода въ свѣтъ грамматики Павловскаго и вскорѣ послѣ нея. Энеида Котляревскаго, съ которой начинаютъ новѣйшую украинскую литературу, была встрѣчена весьма благосклонно повсюду, и ее читали не только въ Малороссіи, но и въ Великороссіи. Въ 1816 г. вел. кн. Николай Павловичъ, будущій императоръ, посѣтивъ Полтаву, «многихъ удостоилъ обѣщаній высокаго покровительства своего, — особливо извѣстнаго дарованіями своими автора Вирги-

---

[1]) Грамматика малороссійскаго нарѣчія и проч., Спб. 1818, стр. 112—114.

ліевой Энеиды на изнанку на малороссійскомъ языкѣ, капитана Котляревскаго — и изъявилъ желаніе имѣть у себя два экземпляра оной» [1]). Ясно, что произведенія на украинскомъ нарѣчіи не возбуждали и оффиціальныхъ опасеній. Тѣ, которымъ казалось страннымъ украинское стихотворство, ограничивались насмѣшкой, какъ, напр., князь А. А. Шаховской [2]). Но когда послѣ И. П. Котляревскаго выступилъ въ русскихъ журналахъ съ произведеніями на украинскомъ нарѣчіи Гулакъ-Артемовскій, явственно обозначилось разногласіе въ русскомъ обществѣ и литературѣ касательно возникавшей украинской литературы. «Слышно», писалъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1827 г. [3]) Каченовскій, редакторъ этого журнала и профессоръ Московскаго университета, «что между благосклонными читателями стихотвореній малороссійскихъ есть и неблагосклонные къ сему нарѣчію — хранящемуся въ устахъ пяти милліоновъ соотчичей нашихъ и по многимъ отношеніямъ драгоцѣнному для славянскаго филолога». По мѣрѣ умноженія произведеній на малороссійскомъ нарѣчіи, въ русской литературѣ начали присматриваться внимательнѣе къ этому движенію. Въ 30-хъ годахъ украинская литература быстро шагнула впередъ, и къ этому новому движенію, вслѣдъ за Гулакомъ-Артемовскимъ, примкнули молодые представители науки, какъ И. И. Срезневскій, О. М. Бодянскій, А. Л. Метлинскій, а затѣмъ Н. И. Костомаровъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ нѣкоторые изъ русскихъ литераторовъ начали открыто возвышать голосъ противъ стремленія создать украинскую литературу. Н. А. Полевой, напечатавшій въ «Телеграфѣ» язвительную эпиграмму на Гулака-Артемовскаго, отчетливо формулировалъ свое мнѣніе объ украинской литературѣ въ статьѣ, помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1838 г. и затѣмъ перепечатанной въ «Очеркахъ русской литературы». Здѣсь Полевой говоритъ: «Родная намъ по происхожденію, наша православная русская прежде, и теперь столько же русская по любви къ царю и къ славѣ отечества Малороссія отличается отъ настоящей, сѣверо-восточной

---

[1]) Украинскій Вѣстникъ 1816, іюль, 93. Вообще Котляревскій былъ почтенъ монаршими милостями не по рангу.

[2]) См. ниже. Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ продолжались такія насмѣшки надъ малороссами.

[3]) № 20, стр. 286. Ранѣе относились иначе къ произведеніямъ Гулака-Артемовскаго. Въ своей «Пысулькѣ» и проч. онъ говоритъ: «мого Рябка въ Петербурзи, у Москви скризь такы гладылы не протывъ шерсти, прыймалы иначе кого й добраго». Кобзарь, 33.

Россіи нравами, обычаями, жилищами, одеждою, привычками и народною поэзіею. Это произошло отъ отдѣльнаго образованія Малороссіи и Россіи съ тринадцатаго по семнадцатый вѣкъ..... Пѣсня малороссійская до сихъ поръ не то, что наша русская пѣсня. — Обольщенные тѣмъ, что такая пѣсня находитъ еще сочувствіе въ самыхъ образованныхъ малороссіянахъ, нѣсколько умныхъ и грамотныхъ урожденцовъ Украйны подумали, будто можетъ еще существовать и народная малороссійская словесность.... какъ умную шалость, даже и мы, русскіе читали съ удовольствіемъ Энеиду Котляревскаго. Но подражатели и послѣдователи обличили потомъ ошибку мнимой малороссійской словесности, просто анахронизма въ нашемъ нынѣшнемъ быту... Послѣдователи Котляревскаго и Гоголя показали смѣшную сторону мысли объ искусственномъ созданіи самобытной малороссійской поэзіи, и о томъ, что Малороссія можетъ быть предметомъ драмы, эпопеи, лирики, романа, повѣсти самобытныхъ, такихъ, которые образовали бы отдѣльную словесность: все это составляетъ только частный элементъ для общей русской поэзіи и словесности. — Чѣмъ должны ограничиться и гдѣ поставить предѣлы поэзія и словесность племени, вошедшаго въ составъ государственный другаго народа? Они ограничиваются остатками первобытной поэзіи племени, повтореніемъ ея въ безъискусственой пѣснѣ простолюдина и наконецъ нѣсколькими частными явленіями, иногда блестящими. Такое явленіе былъ Шотландскій поэтъ Бурнсъ. Таковъ, можетъ статься, былъ Котляревскій — Бурнсъ Украинскій... И Бурнсъ и Котляревскій могутъ повториться еще нѣсколько разъ» [1]). Такимъ повтореніемъ Полевой призналъ автора драматическихъ сценъ, вышедшихъ въ Москвѣ въ 1837 г. подъ названіемъ «Чари», и весьма сочувственно отнесся къ нему. Полевой весьма подробно изложилъ содержаніе пьесы Кирилла Тополи, нашедши въ ней «настоящую поэзію», но заключилъ наставленіемъ: «ради Бога, не хитрите г. Тополи: не пускайтесь въ исторію, въ географію, въ древности, въ то, что вы можете узнать искусственно и по наслышкѣ! Списывайте, что видите, и не думайте о правилахъ.... ни слова о будущности малороссійскаго поэта. Кто знаетъ будущее? Оно такъ обманчиво!...» [2]) Мнѣніе Полеваго имѣло въ виду при-

---

[1]) Ср. мнѣніе, высказанное въ 1860 г. Добролюбовымъ по поводу Кобзаря Шевченка.

[2]) Оч. р. литт., ч. II. Спб. 1839, 488—490, 509—510.

мреніе разнорѣчивыхъ сужденій и признавало умѣстность нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній на украинскомъ нарѣчіи. Но были высказываемы и крайнія отрицательныя сужденія объ этихъ произведеніяхъ. Таковъ былъ, напр., отзывъ В. Г. Бѣлинскаго [1]). «Не пишите по малороссійски! Какъ это смѣшно! — только и читаешь въ журналахъ», писалъ въ 1841 г. Чужбинскій. — Съ 40-хъ годовъ вопросъ о малороссійской литературѣ вызывалъ сужденія многихъ изъ выдающихся дѣятелей нашей литературы и науки Въ разсмотрѣніи его принимали участіе: такіе критики и публицисты, какъ Добролюбовъ и И. С. Аксаковъ, не говоря о множествѣ другихъ, такіе ученые, какъ В. И. Ламанскій, Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, А. А. Котляревскій и А. С. Будиловичъ. Въ журналахъ и газетахъ послѣднихъ 30 лѣтъ споръ о малорусской литературѣ пріурочивали нерѣдко къ политическимъ тенденціямъ, и весьма часто велась и ведется полемика по вопросу объ украинской литературѣ.

За данными для рѣшенія этого вопроса обращались и обращаются, между прочимъ, къ исторіи западныхъ государствъ и литературъ. Тамъ, дѣйствительно, можно подыскать нѣсколько аналогій явленія, составляющаго предметъ спора у насъ. На западѣ вопросъ объ отношеніи провинціальнаго индивидуализма въ литературѣ и языкѣ къ единообразію, устанавливаемому государствомъ или иными національными связями, вопросъ объ языкѣ, преобладающемъ въ государствѣ или въ средѣ интеллигенціи, и о литературѣ областныхъ нарѣчій весьма старъ. Когда къ концу среднихъ вѣковъ въ Италіи началъ развиваться общеитальянскій литературный языкъ, тамъ поднялся вопросъ объ отношеніи его къ отдѣльнымъ нарѣчіямъ. Препирательства объ этомъ не прекращались во все продолженіе развитія итальянской литературы, начиная съ XIII в. и до послѣдняго времени [2]). Въ новѣйшее время обращаютъ на

---

[1]) Объ отношеніи Бѣлинскаго къ произведеніямъ Костомарова см. въ автобіографіи послѣдняго и въ примѣчаніяхъ къ ней: Р. Мысль 1885 г. май.— Объясненіе отношенія Бѣлинскаго къ украинской литературѣ см. въ ст. г. Пыпина въ «Вѣст. Европы» 1882 № 12, «Изученія русской народности», стр. 763.

[2]) См. ст. Caix—La Formazione degli idiomi letterarii in ispecie dell'italiano dopo le ultime ricerche — въ Nuova Antologia 1874 г. и его-же «Die Streitfrage über die italienische Sprache» въ сборникѣ Hillebrand'a: Italia, Bd. II. Ср. ст. В. И. Ламанскаго «Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ»—въ «Отечеств. Зап.» 1864 г., т. CLVII. Въ заключеніи 1-й статьи г. Ламанскаго (стр. 188) читаемъ: «направленіе

себя вниманіе литературное возрожденіе у нѣкоторыхъ небольшихъ народностей Запада и ихъ попытки создать собственныя литературы [1]). И противники малорусской литературы [2]), и ея защитники [3]) указывали на новѣйшую провансальскую литературу. И въ самомъ дѣлѣ та параллель, какую устанавливали между новѣйшей провансальской литературой и украинской, не лишена значенія, потому что обѣ эти литературы, возникши въ довольно отдаленное время, пришли затѣмъ въ упадокъ и возродились въ настоящемъ столѣтіи; обѣ принадлежатъ народностямъ, занимающимъ югъ государства, основаннаго или же возстановленнаго сѣверною вѣтвію націи; обѣ, наконецъ, занимаютъ своеобразное посредствующее положеніе между народнымъ и искусственнымъ творчествомъ [4]). Во Франціи также относились подозрительно къ возрожденію провансальской литературы [5]), которое сопровождалось иногда недруже-

---

Пасквили напоминаетъ нападки нѣкоторыхъ великорусскихъ патріотовъ на всѣ литературныя попытки малорусскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи они поступаютъ очень неблагоразумно и неосторожно, поддерживая ложную мысль о нашемъ литературномъ языкѣ, какъ будто онъ есть чисто великорусскій.... Мирное же свободное развитіе малорусскаго нарѣчія въ извѣстныхъ предѣлахъ (какъ провансальскаго во Франціи, сицилійскаго въ Италіи, плат-дейча въ Германіи), можетъ и должно служить примѣромъ для словаковъ, словинцевъ, болгаръ и прочихъ племенъ славянскихъ, которыя могли бы подобно малорусскимъ, пользоваться въ одно и то же время и своими мѣстными нарѣчіями и литературнымъ русскимъ языкомъ. Изъ обще-русскаго онъ сдѣлается тогда языкомъ обще-славянскимъ. «Въ послѣднее время этого вопроса объ обще-славянскомъ значеніи русскаго языка касался лингвистъ Абель въ статьѣ «О возможности общеславянскаго литературнаго языка», переведенной въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества» 1885 г. №№ 9 и 11—12.

[1]) См. лекцію Филарета Шаля: La musique, la poésie et les arts de la Provence moderne — въ Revue des cours littéraires, première année, № 20.

[2]) Милюковъ въ ст. «Вопросъ о малороссійской литературѣ» (Эпоха 1864»), перепечатанной въ его книгѣ: «Отголоски на литературныя и общественныя явленія». Спб 1875 г.

[3]) Драгомановъ въ ст.: Новокельтское и Провансальское движеніе во Франціи (Вѣстн. Европы 1875 г., Августъ и Сентябрь).

[4]) Объ отношеніи искусственной поэзіи къ народному творчеству на западѣ вообще см. въ книгѣ Körting'a: Die Anfänge der Renaissanceliteratur in Italien, Leipz. 1884, S. 170 ff. Ср. его-же Encyklopädie und Methodologie der romanischen Philologie, zw. Theil, Heilbronn 1884, 358—361.

[5]) Revue politique et littéraire, 2 serie, 6-e année num. 37 (10 mars 1877), вступит. лекція L. Clédat, читанная въ Ліонѣ, подъ заглавіемъ: «Le vieux français», p. 867.

любимымъ настроеніемъ южанъ по отношенію къ сѣверянамъ [1]), и также ведутся споры между южанами и многочисленными критиками, которые видятъ въ употребленіи южанами роднаго нарѣчія въ литературѣ признакъ безсилія или—самое малое—капризъ и упрямство и желали бы, чтобы существовала исключительно литература на общемъ нарѣчіи высшихъ классовъ французской націи. Возраженія, выдвигаемыя защитниками патуа, напоминаютъ доводы, выставляемые у насъ въ защиту малорусской литературы [2]). Наконецъ, и нѣкоторые современные поэты романскаго юго-запада, въ томъ числѣ провансальскіе, подобно южно-русскимъ поэтамъ, склоняющимся къ панславизму, провозглашаютъ идею обще-латинской федераціи [3]). — Интересно, далѣе сопоставить украинскую литературу съ литературою на platt-deutsch, также издавна существовавшею [4]). На аллеманскія стихотворенія Гебеля указывалъ уже въ 20-хъ годахъ Каченовскій [5]).

Итакъ, указываютъ немало параллелей на Западѣ украинскому литературному движенію. Но первостепенное значеніе для рѣшенія вопроса объ этомъ движеніи имѣетъ не разъясненіе его посредствомъ аналогій, а изученіе генезиса вопроса во всей его широтѣ на русской почвѣ. Къ сожалѣнію, необходимость такого обстоятельнаго изученія упускали изъ виду нѣкоторые изъ вступавшихъ въ полемику объ украинской литературѣ. Они пускались въ раз-

---

[1]) Ibid.: «.. ce n'est un mystére pour personne, que le réveil recent de la littérature provençale a été accompagné d'un mouvement peu sympathique de certaines populations du Midi à l'égard de celles du Nord. Les poëtes de grand talent qui ont illustré cette renaissance de la langue du Midi n'ont pas résisté peut être autant qu'ils l'auraient dû a ces sentiments regrettables et que rien explique».

[2]) Вступительная лекція Chabaneau, La langue et la litterature provençales. 14—17.

[3]) A. Roque-Ferrier, De l'idée latine dans quelques poésies en langue d'oc, en espagnol et en catalan, Par. 1877 (Extrait de la *Revue des Langues romanes*).

[4]) См. общія замѣчанія о распаденіи нѣмецкаго языка на двѣ вѣтви въ превосходной книгѣ Scherer'a: Gesch. d. deutschen Litteratur (1-е изд., стр. 39—40). Отмѣтимъ брошюры: Dannehl'я—Ueber niederdeutsche Sprache u. Literatur (Samml. gemeinverständl. Vorträge, Heft 219 u. 220) и Eggers'a — Klaus Groth u. d. plattdeutsche Dichtung, Berl. 1885 (Deutsche Zeit- und Streit-Fragen Heft. 215) Огоновскій отвергаетъ это сравненіе и указываетъ на аналогію малорусской литературѣ въ литературахъ датской и голландской. Опроверженіе послѣдняго сопоставленія см. въ ст. Пыпина въ Вѣстн. Европы, 1886, № 4, стр. 774.

[5]) См. ниже.

сужденія объ этой литературѣ, не имѣя надлежащихъ историческихъ свѣдѣній. Отсутствіе надлежащаго знакомства съ предметомъ обнаружили и нѣкоторые литераторы, какъ напр. Милюковъ, и многіе публицисты.

Г. Петровъ, авторъ «Очерковъ украинской литературы XIX столѣтія», подлежащихъ разбору въ настоящей рецензіи, обратилъ вниманіе на постоянно встрѣчающіеся, самые противуположные и притомъ неустойчивые взгляды на исторію украинской литературы, затемняющіе сущность дѣла». По его мнѣнію, въ томъ и другомъ лагерѣ недостаетъ «спокойнаго изученія историко-литературныхъ фактовъ и даже надлежащей полноты этихъ фактовъ, необходимой для правильнаго уразумѣнія украинской литературы. Историческое изученіе украинской литературы нынѣшняго вѣка, и только оно одно, можетъ развязать гордіевъ узелъ запутанныхъ отношеній между обѣими отраслями русской литературы» (стр. 1).

Г. Петровъ преувеличилъ нѣсколько въ приведенныхъ словахъ разногласіе и шаткость мнѣній объ украинской литературѣ, а также рѣшающее значеніе историческаго изученія новѣйшаго періода украинской литературы.

Онъ не представилъ историческаго очерка спора объ этой литературѣ и не отмѣтилъ того, что въ русской литературѣ не было исключительнымъ враждебное отношеніе къ украинской литературѣ, но постоянно имѣло мѣсто и не прекращалось и сочувствіе къ ней. Котляревскій, начинатель новѣйшей украинской литературы, «въ 1822 г. былъ избранъ членомъ Санктпетербургскаго Общества любителей Русской Словесности, помѣстилъ нѣкоторые отрывки изъ послѣднихъ частей Энеиды въ издававшемся тогда журналѣ Соревнователь» [1]). До 30-хъ годовъ однимъ изъ періодическихъ изданій, относившихся благосклонно къ украинской литературѣ, былъ журналъ Московскаго профессора Каченовскаго «Вѣстникъ Европы». Каченовскій, получившій первоначальное образованіе въ Харьковскомъ коллегіумѣ, выразилъ въ своемъ журналѣ сочувствіе Украинскому Вѣстнику, а затѣмъ помѣщалъ на страницахъ «Вѣстника Европы» произведенія на украинскомъ нарѣчіи. Стихотворенію Гулака-Артемовскаго «Рыбалка» Каченовскій предпослалъ слѣдующее замѣчаніе: «Несговорчивыхъ мудрено переувѣрить; но для другихъ мы сошлемся на *Аллеманскія* стихотворенія покойнаго Гебеля, съ любопытствомъ и наслажденіемъ

---

[1]) Сѣверная Пчела 1839, № 146.

читаемыя во всѣхъ государствахъ Германіи, частію напечатанныя и у насъ, рядомъ съ нѣкоторыми изъ прекрасныхъ переводовъ В. А. Жуковскаго. Кажется позволено просить снисхожденія къ нарѣчію многочисленныхъ однородцевъ, соотечественниковъ и согражданъ *нашихъ*, снисхожденія, подобнаго тому, какое оказываютъ нѣмцы къ остаткамъ языка, уцѣлѣвшимъ въ одномъ уголкѣ Швабіи»[1]). Не станемъ перечислять другихъ журналовъ и альманаховъ, удѣлявшихъ мѣсто на своихъ страницахъ произведеніямъ украинской литературы. Отмѣтимъ лишь мнѣніе *Сѣверной Пчелы*. Рецензентъ ея назвалъ «Думки и пѣсни, та шче де шчо» Амвросія Могилы «трудомъ *благонамѣреннымъ* и слѣдовательно достойнымъ уваженія», отмѣчая въ тоже время излишній энтузіазмъ» Метлинскаго[2]), который, дѣйствительно, впалъ въ преувеличенія въ предисловіи къ этой книжкѣ. Въ другомъ мѣстѣ рецензентъ той же Сѣверной Пчелы говоритъ[3]), что онъ прочелъ Наталку Полтавку съ большимъ удовольствіемъ. — *Основатели* московскаго славянофильства смотрѣли благодушно на украинскую литературу, и въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г. былъ помѣщенъ эпилогъ Кулиша къ «Черной Радѣ»: «Объ отношеніи малороссійской словесности къ общерусской», въ которомъ авторъ указывалъ на то, что въ ряду нашихъ ученыхъ — и именно историковъ и филологовъ — есть такіе, которые думаютъ играть роль русскихъ патріотовъ, унижая одно русское племя передъ другимъ». «Какими бы глазами ни смотрѣли на литературную дѣятельность южной Руси тѣ патріоты, которые ограничиваютъ полетъ русскаго духа предѣлами древняго государства московскаго; но сама она явно стремится къ сообщенію съ литературой сѣверно-русской. Она не чуждается того, что́ въ этой литературѣ есть чисто-славянскаго, одинаково родственнаго каждому племени; но, чувствуя въ ней односторонность развитія и недостаточность своенародныхъ чисто русскихъ формъ, усиливается выработать изъ своей нравственной почвы слово полное, сильное, истинно самобытное, способное выразить южно русскаго человѣка въ глубокихъ и тончайшихъ чертахъ его характера.... Намъ очень добродушно совѣтуютъ оставить разработку малороссійскаго языка посредствомъ художественныхъ созданій; но это совѣтуютъ люди, не имѣющіе понятія о томъ, какое вліяніе имѣетъ

---

[1]) Вѣстникъ Европы. Октябрь 1827, стр. 286—287.

[2]) Сѣв. Пчела 1839, № 110.

[3]) 1839, № 69.

высоко развитая сила и красота роднаго слова на нравственное, а имѣетъ съ тѣмъ и на вещественное благосостояніе цѣлаго племени» [1]). — Вспомнимъ, далѣе, мнѣніе покойнаго Гильфердинга объ «особенномъ признаніи малоруссовъ« «въ средѣ Русскаго народа» къ «развитію между нами славянской идеи» [2]). — Въ послѣднее время отстаивали права украинской литературы на существованіе нѣкоторые журналы [3]) и высказывали вполнѣ благородный и просвѣщенный взглядъ на этотъ вопросъ и нѣкоторые представители славянофильства.

Итакъ, едвали можно согласиться съ утвержденіемъ, которымъ начинается книга г. Петрова; нельзя сказать, что украинская литература «періодически подвергалась враждебнымъ нападкамъ со стороны извѣстныхъ литературныхъ партій». Отношеніе западнической и славянофильской «партіи» къ украинской литературѣ не было постоянно одинаково, нападки на нее не повторялись періодически, но держались постоянно, а равно постоянно встрѣчала она и сочувственное отношеніе въ русской литературѣ.

Съ другой стороны, приверженцы украинской литературы далеко не всегда впадали въ ту крайность, какую приписываетъ имъ г. Петровъ. Чупрына (А. А. Котляревскій), Костомаровъ не были излишне снисходительны въ своихъ сужденіяхъ, не были способны впадать въ узкій провинціализмъ, и врядъ-ли можно сказать, что они, а равно и другіе просвѣщенные критики ставили украинскую литературу «несравненно выше сѣверно-русской искусственной литературы». Въ предѣлахъ Россіи украинская литература никогда не имѣла притязанія оттѣснять общерусскую. Защитники ея имѣли въ виду лишь существованіе ея при русской литературѣ [4]); вѣдь въ XVII в. и отчасти въ XVIII литературныя произведенія на

---

[1]) Русская Бесѣда 1857, III, 127, 141—142.

[2]) Полное собраніе сочиненій А. Гильфердинга, т. I, Спб. 1868. «Какъ относится къ Кириллу и Меѳодію современные славяне», стр. 336—340.

[3]) Рядъ этихъ журналовъ открывается «Современникомъ». Укажемъ въ послѣднемъ на статью, помѣщенную въ т. LXXXV, стр. 66 и слѣд. Здѣсь, между проч., читаемъ: «теперь уже никто изъ насъ не можетъ отзываться о малорусской литературѣ безъ уваженія и сочувствія, если не хочетъ заслужить названія невѣжды». Эта увѣренность автора оказывается однако ошибочною.

[4]) Укажемъ на мнѣніе, неоднократно выраженное Костомаровымъ, о томъ, что «литература малорусская должна быть литературою простонародною, какъ по выбору предметовъ, такъ и по способу выраженія мыслей объ этихъ предметахъ» (Кіевск. Стар. 1883, № 2, стр. 222).

народномъ языкѣ могли появляться въ Украйнѣ при литературѣ на языкѣ, въ которомъ старались удержать связь съ языкомъ церковно-славянскимъ. Украинская литература была свободна отъ непріязни къ велико-руссамъ [1]), не искала первенства и не проповѣдывала розни. Украинская литература не могла не цѣнить общерусскаго просвѣщенія и его органа—общерусскаго литературнаго языка, не могла не знать, сколько обязана украинская литературная рѣчь общерусскому литературному языку выработанностью, замѣчаемою въ произведеніяхъ Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Стороженка. Если на что могли указывать и указывали сторонники существованія украинской литературы, то развѣ на неполное приближеніе русскаго литературнаго языка къ чисто народной рѣчи, но такую обособленность литературнаго языка отмѣчали и не украинцы, какъ напр., Добролюбовъ [2]), и съ другой стороны защитники украинской литературы признавали общерусскій литературный языкъ созданіемъ великоруссовъ и малороссовъ. Словомъ, украинская интеллигенція не могла не сказать вмѣстѣ съ новѣйшимъ украинскимъ поэтомъ:

Чому не ймешъ вірити, брате-москалю,
Невже ти лякаєсся зради?
Зъ тобою недолі насъ кровью зъєднали —
Не буде міжъ нами розради;
Зъ тобою давно ми працюємъ на полі
Розросту науки и освіти,
Зъ тобою давно ми шукаємо долі —
Ті намъ зъ тобою ділити [3])!

---

[1]) Не было ея и у того поэта, у котораго болѣе всего указываютъ ея,—у Шевченка, который пострадалъ за нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній (См. автобіогр. Костомарова и ст. г. Гаршина въ № 1-мъ «Историч. Вѣстника» 1886). Укажемъ на отзывъ г. Петрова объ отношеніи Шевченка къ русскому языку (стр. 355) и о нецензурныхъ произведеніяхъ его (стр. 349).

[2]) «Вѣдь и у насъ языкъ литературы—собственно не русскій, и черезъ сто лѣтъ надъ нами, конечно, будутъ такъ же смѣяться, какъ мы теперь смѣемся надъ языкомъ *ассамблей* петровскаго времени». Сочин. Н. А. Добролюбова, изд. 3, т. III, 324.

[3]) Старицькій, Зъ давнёго зшитку, Кіевъ 1883. До славянъ, II. Ранѣе это стихотвореніе было напечатано въ Львовской «Правдѣ» 1872, ч. I.

Но въ тоже время защитники украинской литературы не могли забыть коренныхъ особенностей, которыми украинцы отличаются отъ великоруссовъ и которыя слагались въ теченіи многихъ вѣковъ.

Въ виду этого послѣдняго обстоятельства вопросъ объ украинской литературѣ рѣшается не только однимъ изученіемъ новѣйшаго періода ея, что утверждаетъ г. Петровъ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько государство, охраняя общіе интересы, вправѣ, въ видахъ поддержанія исключительнаго значенія общелитературнаго языка, стѣснять развитіе литературъ на другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ [1]); оставимъ въ сторонѣ и сужденія объ общей пользѣ, проистекающей изъ сохраненія единства въ разнообразіи, и о вредѣ обезличенія [2]); укажемъ на рядъ *научныхъ* вопросовъ, съ которыми ставился въ соотношеніе вопросъ объ украинской литературѣ. Его приводятъ въ связь: съ общей исторіей малорусской народности на всемъ протяженіи ея развитія, начиная съ момента яснаго выдѣленія этнографическаго типа [3]);— съ исторіей малорусскаго нарѣчія, явственные слѣды котораго, по документаль-

---

[1]) Нельзя не согласиться съ Абеленъ, который въ своей книгѣ Gross und kleinrussisch, Leipz. u. Berl. 1885, S. 36, говоритъ: «Wenn schon Blut- und Namens-Verwandtschaft die Menschen aneinander bindet, eint die Gemeinschaft geistigen Lebens sie nicht noch mehr?»

[2]) Таково было мнѣніе А. А. Котляревскаго. См. газ. «Трудъ» 1881, № 8. Въ послѣднее время А. Н. Пыпинъ не разъ, по его словамъ, «объяснялъ, что подобное (какъ въ малорусской литературѣ) развитіе мѣстныхъ элементовъ нетолько не ослабляетъ цѣлую народность, но усиливаетъ ее, раскрывая богатства ея внутренняго содержанія, давая исходъ разнообразію ея оттѣнковъ, поощряя проявленія народной и личной даровитости, расширяя объемъ литературы, обогащая языкъ. Относиться враждебно къ этимъ мѣстнымъ элементамъ, значитъ умалить внутреннее достоинство самой господствующей народности». В. Евр. 1885, № VIII, Обзоръ малорусской этнографіи, стр. 753. Напоминающая воззрѣніе современнаго философа Спенсера мысль о томъ, что «оригинальность части не вредитъ единству цѣлаго, ибо единство въ реальности предполагаетъ извѣстную степень разнообразія», была высказана у насъ уже въ 40-хъ годахъ Валеріаномъ Майковымъ, о которомъ см. ст. Арсеньева въ Вѣстн. Европы. 1886, № 4.

[3]) Время зарожденія малорусской народности и отношеніе ея къ великорусской еще не выяснены (см. въ ст. Д. И. Иловайскаго: «Еще о туранизмѣ въ славянской исторіи», Ж. М. Н. Пр. 1883, № 8, стр. 378, перепечатана эта статья въ книжкѣ Иловайскаго: «Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гунскому», М. 1886), но особенности малорусской народности рано выступаютъ въ русской исторіи, на что указывалъ Костомаровъ и другіе, до него не столь отчетливо выражавшіе эту мысль.

нымъ даннымъ указаны новѣйшимъ авторитетнымъ изслѣдователемъ въ довольно отдаленное время [1]); — и съ исторіей всей письменности на этомъ нарѣчіи. Наконецъ принимаютъ во вниманіе современныя особенности малорусскаго народнаго типа [2]), проявляющіяся, между прочимъ, въ художественномъ творчествѣ, въ народной словесности, въ орнаментикѣ, въ архитектурѣ [3]).

Повторяемъ, объясненіе возникновенія украинской литературы заключается не только въ ея новѣйшемъ развитіи, и г. Петровъ преувеличилъ значеніе изслѣдованія, которое предпринялъ.

Но, конечно, и факты новѣйшей украинской литературы имѣютъ значеніе на ряду со всѣми другими, только что указанными. Эта литература можетъ съ гордостью указать на произведенія, получившія громкую извѣстность не только въ общерусской литера-

---

[1]) См. А. И. Соболевскаго — Очерки изъ исторіи русскаго языка, ч. I. Исторія спора о малорусскомъ языкѣ изложена въ ст. г. Пыпина въ Вѣстникѣ Европы 1886, № 4.

[2]) Особенности этаго типа были отмѣчаемы въ русской литературѣ съ конца прошлаго столѣтія (см. перечень этнографическихъ замѣтокъ у Лазаревскаго: Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края, Спб. 1858, стр. 11 и слѣд.). Въ сентиментальномъ «Путешествіи въ полуденную Россію» Измайлова, о которомъ см. замѣтку г. Горленка въ Кіев. Стар.» 1885, № 3, стр. 581—592 почти нѣтъ топографическихъ данныхъ. См. также о сентиментальныхъ описаніяхъ путешествій у Галахова. Павловскій, авторъ первой «Грамматики малороссійскаго нарѣчія», «нѣсколько лѣтъ живучи въ Малой Россіи, довольно могъ примѣниться къ національному характеру ея жителей». «Я нашолъ въ нихъ, говоритъ Павловскій, что-то *пріятно-меланхолическое, отличающее* ихъ, можетъ быть, отъ всѣхъ другихъ обитателей земнаго шара. Они имѣютъ природную вникательность, остроту, наклонность къ музыкѣ» и проч. (Вмѣсто предисловія, стр. II). Укажемъ затѣмъ, какъ на видное явленіе въ малорусской этнографіи, на книгу Кулжинскаго «Малороссійская деревня», Москва 1827. Въ № 3 Московскаго Телеграфа была помѣщена рецензія на нее. Авторъ рецензіи Галуховскій, отмѣчаетъ «сліяніе трехъ періодовъ первоначальной жизни—наѣздической, пастушеской и земледѣльческой — составляющее особенную замѣчательность малороссіянъ въ отношеніи психическомъ». Съ этимъ согласился кн. Цертеленъ (В. Евр. 1827, № 12, стр. 278). Отмѣтимъ еще Украинскія мелодіи И. Маркевича, М. 1831, въ которыхъ авторъ говоритъ съ восторгомъ о Малороссіи: «здѣсь все является въ блескѣ поэзіи» (стр. X) и Путевыя Записки Вадима * (Пассека), М. 1834, гдѣ много говорится объ «Украйнѣ» и «Малороссіи». Въ 1837 г. авторъ поднесъ эти записки И. П. Котляревскому, котораго посѣтилъ въ Полтавѣ (см. Москвитянинъ 1841, ч. II, № 4, стр. 567). О Пассекѣ см. въ ст. г. Пыпина «Изученія русской народности», В. Евр. 1882, ноябрь, 167—179.

[3]) Объ архитектурѣ малороссовъ см., между проч., въ Przegląd archeologiczny, zeszyt I z roku 1882, Lwów: «Odezwa» etc. и ст. Дѣдушицкаго.

турѣ, но и во всемъ славянскомъ мірѣ, именно на произведенія Шевченка. Этотъ кобзарь, чудно соединившій старое украинское народное творчество съ новымъ—литературнымъ, остается доселѣ малорусскимъ поэтомъ, не превзойденнымъ ни въ силѣ таланта, ни въ широтѣ поэтическаго міросозерцанія. Его поэзія считается лучшимъ цвѣтомъ творчества малорусской народности на всемъ пространствѣ, занимаемомъ послѣднею. Въ Галичинѣ имя Шевченка какъ бы начертано на знамени народности. Тамъ существуетъ «Товариство имени Шевченка», и ежегодно чтутъ годовщину смерти (роковины) славнаго поэта [1]). Высоко цѣнятъ поэзію Шевченка и французскіе [2]) и нѣмецкіе критики, писавшіе о немъ. Не станемъ гадать о томъ, выдвинетъ ли будущее столь-же крупные таланты, но позволимъ себѣ указать на то, что въ 30-хъ годахъ и раньше говорилось о совершенномъ упадкѣ малорусской рѣчи [3]), о малороссахъ отзывались съ презрѣніемъ [4]), Срезневскій однако, въ письмѣ къ Снегиреву [5]), выразилъ надежду на развитіе украинской литера-

---

[1]) Въ прошломъ году вышла книжечка, разъясняющая значеніе Шевченка для галицкихъ малороссовъ: «Чѣмъ есть для насъ Шевченко?» Критическое разсужденіе Ф. С. Свистуна, Львовъ 1885.

[2]) Укажемъ на статью E. Durand'a въ Rev. d. d. Mondes, 1876, t. XV: «Le poète national de la Petite-Russie».

[3]) См., напр., Думки и пѣсни та инче де-ничо Амвросія Могилы, Харьк. 1839; «Замѣтки относительно южнорусскаго языка»: «Южнорусскій языкъ со дня надень забывается и молкнетъ—и—придетъ время—забудется и смолкнетъ... Но можетъ быть и то, что въ эпоху пренебреженія южнорусскаго языка любовь къ нему проснется». Ободряло Метлинскаго въ этой надеждѣ «свѣтлое вниманіе правительства и просвѣщенныхъ мужей»; «и ни одна черта народности не изгладится» говоритъ онъ.

[4]) Метлинскій (тамъ-же, стр. 7) указываетъ на «ложное въ Великоруссіи понятіе о грубости Украинскаго или Галиційскаго выговора». Интересно также указаніе въ «автобіографіи Н. И. Костомарова» (Р. Мысль 1885, № 5, 203), относящееся къ 1838 году: «Мною овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому; меня выводило изъ себя, что невѣжды, какихъ тогда было очень много, съ презрѣніемъ отзывались о хохлахъ, и всякое малороссійское слово возбуждало только смѣхъ».

[5]) См. Ученыя записки Имп. Моск. Университ., годъ второй, ч. VI (М. 1834)—ученыя извѣстія: «Взглядъ на памятники Украинской народной словесности. Письмо къ профессору И. М. Снегиреву». Здѣсь читаемъ въ началѣ: «Въ настоящее время, кажется уже не для кого и не для чего доказывать, что языкъ Украинскій (или какъ угодно называть другимъ: Малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе—Русскаго или Польскаго, какъ доказывали нѣкоторые; многіе увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ... Но можетъ-ли, долженъ ли онъ въ настоящихъ обстоятельствахъ продолжать свое развитіе, и сдѣлаться языкомъ литературы, а потомъ и обще-

туры и его ожиданія сбылись съ появленіемъ произведеній Шевченка. Крупные поэтическіе таланты являются не часто. По словамъ Байрона,

. . . . . Каждый годъ
Толпа поэтовъ въ міръ идётъ,
Но геніевъ межъ ними мало;
Ихъ ждемъ мы цѣлые вѣка.

Дѣятельности геніальныхъ поэтовъ предшествуетъ работа многихъ мелкихъ, а иногда и ряда поколѣній. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія то направленіе и тѣ размѣры, какіе принимаетъ украинская литература въ настоящее время. Далеко не многія изъ довольно численныхъ произведеній ея цѣнны, но все-таки въ ряду ихъ есть обнаруживающія несомнѣнный талантъ, а остальныя интересны, поскольку въ нихъ выражаетъ себя большая вѣтвь русскаго племени. Этимъ не исчерпывается значеніе украинской литературы. Въ значительной мѣрѣ подъ ея вліяніемъ развилась въ настоящемъ столѣтіи народная литература отторгнутой направѣ отъ остальнаго русскаго міра и все еще отстаивающей свою народность галицкой вѣтви русскаго племени, и нынѣшняя украинская литература какъ бы дополняется галицко-русскою.

Ясно изъ всего сказаннаго, какой интересъ представляетъ исторія новѣйшей украинской литературы,—не только съ точки зрѣнія вопроса о правѣ ея на существованіе и публицистическихъ препирательствъ, но и съ точки зрѣнія болѣе широкой и научной — въ виду важности ея, какъ литературнаго самовыраженія значитель-

---

ства, какъ было отчасти прежде, или же его удѣлъ остаться навсегда языкомъ простаго народа, безпрерывно искажаться, мало по малу вянуть, глохнуть среди терній другихъ языковъ, и наконецъ исчезнуть съ лица земли, не оставивши по себѣ ни слѣда, ни воспоминанія? Нѣтъ! Какая бы участь ни ожидала его, чтобы ни дѣлало съ нимъ легкомысліе и случай, онъ не исчезнетъ, и еслибъ даже онъ не имѣлъ надежды на славу литературную, онъ оставитъ свои пѣсни и думы, и долго будетъ памятенъ подобно языку Труверовъ и Скальдовъ. Еслибъ онъ не имѣлъ надежды на славу литературную, сказалъ я;— но онъ имѣетъ и сію надежду, хотя и слабую, хотя еще и въ зародышѣ, но имѣетъ». Перечисливъ нѣсколькихъ украинскихъ писателей, Срезневскій замѣчаетъ: «почему должны они остаться одни въ доселѣ дикой пустынѣ Украинской литературы»? По его мнѣнію, языкъ «великихъ людей Украйны долженъ передать потомству славу» ихъ. «Подъ щитомъ и покровомъ мудраго правительства, подъ призоромъ Монарховъ, покровителей отечественнаго просвѣщенія, онъ можетъ имѣть эту надежду... Будемъ радоваться надеждой — и не предадимъ забвенію того, чѣмъ уже можемъ гордиться». Стр. 134—136.

наго, по численности, русскаго племени, имѣвшаго великое значеніе въ созданіи общерусскаго государства и гражданственности, внесшаго много въ русскую литературу, начиная съ XVII в., и проливавшаго даровитость и оригинальность. Нельзя не поблагодарить г. Петрова за то, что онъ обратилъ вниманіе на предметъ въ высокой степени важный для научнаго изслѣдованія и въ то-же время полный современнаго интереса. Насколько книга г. Петрова удовлетворяетъ запросу современной жизни и литературы, показываетъ значительное количество рецензій, вызванныхъ ею [1]).

Не вполнѣ благопріятное отношеніе нѣкоторыхъ рецензентовъ къ труду г. Петрова обусловлено отчасти тѣмъ положеніемъ, какое занялъ г. Петровъ, устанавливая генезисъ украинской литературы. Онъ затронулъ злобу дня, коснулся вопроса, не перестающаго возбуждать жгучіе споры, а въ такихъ вопросахъ весьма нелегко соблюсти надлежащую справедливость и безпристрастіе. Положеніе изслѣдователя затрудняется тѣмъ давленіемъ, которое могутъ оказывать на него современныя политическія воззрѣнія тѣ притязанія, какія могутъ быть предъявляемы ему тою или другою стороною. Г. Петровъ желалъ стать внѣ этихъ препирательствъ. Онъ выступилъ «въ виду тенденціозности взглядовъ на украинскую литературу и важности объективнаго изученія ея» (стр. 2) и принялъ на себя не всегда благодарную роль научнаго посредника между крайними общественными мнѣніями, опирающимися не исключительно на научныхъ данныхъ. Авторъ желалъ соблюсти научную объективность, и нѣкоторые рецензенты задавали, повидимому, вопросъ, выполнено ли это намѣреніе. Что до чисто литературной оцѣнки произведеній украинской

---

[1]) Рецензіи на книгу г. Петрова имѣются въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) Въ журн. «Кіевская Старина» 1884 г. (апрѣль, статья В. Горленка).

2) Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за мартъ 1884 г. (Критика и библіографія).

3) Въ «Вѣстникѣ Европы» за мартъ (на обложкѣ) и за августъ 1884 г (стр. 839—842. Статья А. Н.).

4) Въ Archiv für slavische Philologie.

5) Въ 1-й кн. «Русскаго Филологическаго Вѣстника» 1884 г.

6) Въ журн. «Дѣло» 1884, № 5.

7) Въ № 47 «Одесскаго Вѣстника» 1884 г. (Статья А. Маркевича).

8) Въ №№ 37 и 48 газеты «Зари» 1884 г... Статья М—на «Судьбы украинской литер.» и въ № 92 письмо Старицкаго въ редакцію по поводу приведеннаго г. Петровымъ отзыва Костомарова о драмѣ Старицкаго «Не судилось».

9) Въ № 43 газ. «Кіевлянинъ» 1884 (Статья Н. Новицкаго).

10) Въ газ. «Недѣля» 1884, № 10: Новый опытъ обозрѣнія украинской литературы, К.

11) Въ галицкой газетѣ «Дѣло» 1884, №№ 13—46, 54, 55, 61 и 62 и сл...

словесности, то авторъ самъ (на стр. 2) указываетъ на то, что «спокойную объективность представленія историко-литературныхъ фактовъ можетъ нарушить, помимо воли и сознанія автора, иноплеменное происхожденіе его».

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе того, не повліяли ли сколько-нибудь на обработку предмета, избраннаго г. Петровымъ для изслѣдованія, «апріорные взгляды», мы обратимъ вниманіе на чисто научное содержаніе книги г. Петрова. Въ вопросѣ о малорусской литературѣ насъ займетъ, вслѣдъ за авторомъ, сторона, поддающаяся чисто научному историко-литературному изученію, область литературнаго творчества, свободнаго отъ публицистической тенденціозности.

Разсматривая отношеніе г. Петрова къ этому творчеству, не можемъ не признать большой тщательности и внимательности съ его стороны, но не можемъ не отмѣтить и значительныхъ недостатковъ въ его трудѣ.

Они проистекаютъ изъ того, что авторъ приступилъ къ разсмотрѣнію украинской литературы не со всею нужною для того способностью воспріятія. Въ большинствѣ случаевъ онъ смотрѣлъ на живое цѣльное созданіе народнаго духа, говорящаго устами выдающихся представителей его, глазами археолога и анатома, обращалъ вниманіе при такомъ раздробленіи преимущественно на нѣкоторые изъ элементовъ, казавшихся ему прилаженными извнѣ. Менѣе вниманія обращалъ г. Петровъ на органическое развитіе украинской литературы.

Въ подтвержденіе этого общаго замѣчанія о книгѣ г. Петрова мы остановимся подробнѣе на процессѣ его научнаго творчества, проанализируемъ, какъ г. Петровъ установилъ ту основную точку зрѣнія, согласно съ которою попытался нарисовать болѣе или менѣе цѣльную картину развитія украинской литературы. Мы разсмотримъ затѣмъ, какъ основная схема, принятая авторомъ, повлекла за собою не совсѣмъ вѣрное распредѣленіе и освѣщеніе матеріала съ одной стороны и неполное изслѣдованіе его съ другой. Наконецъ, приглядимся къ пріемамъ, какими характеризуется у г. Петрова изученіе писателей въ отдѣльности и критика ихъ произведеній. Въ заключеніе укажемъ на заслугу г. Петрова, состоящую въ томъ, что онъ представилъ первое подробное изслѣдованіе украинской литературы, основанное на детальномъ изученіи ея произведеній [1]).

---

[1]) Въ своей работѣ я воспользовался нѣкоторыми указаніями и пособіями, сообщенными мнѣ А. И. Соболевскимъ и В. Б. Антоновичемъ, и считаю пріятнымъ долгомъ выразить имъ мою искреннюю признательность.

I.

Общій взглядъ г. Петрова на ходъ развитія украинской литературы; анализъ произведеній И. П. Котляревскаго и выясненіе первоначалъ украинской литературы.

Г. Петровъ принялъ за пунктъ отправленія своего труда объ украинской литературѣ очеркъ обзоровъ и имѣющихся въ русской литературѣ [1]) общихъ взглядовъ на нее, «чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, исходную точку для установленія общаго взгляда на исторію новѣйшей украинской литературы и періоды ея развитія» (стр. 2).

Въ перечнѣ «частныхъ обзоровъ» находимъ «Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края», который слѣдовало-бы отнести къ «справочнымъ указателямъ». Неосновательно помѣщена въ ряду «цѣльныхъ обзоровъ украинской литературы нынѣшняго вѣка» статья Мастака, лишь слегка перечисляющая малорусскія прозаическія произведенія (на двухъ страничкахъ). Если упоминать о ней, то почему-бы не назвать также статьи Енецкаго «Малороссійская литература» въ «Денницѣ» 1842 г...

Распредѣленіе обозрѣвателей на три группы (на 5-й стр.) не отличается опредѣленностью: не видно изъ изложенія мнѣній, въ чемъ сказалось славянофильство второй группы обозрѣвателей, неясно общее названіе, данное третьей группѣ — «смѣшаннаго характера». Въ этотъ послѣдній разрядъ вошли, между проч., Костомаровъ и Пыпинъ, изъ которыхъ первый выступаетъ и ранѣе — въ группѣ «національно-романтической», а второй въ ряду обозрѣвателей «съ оттѣнкомъ украинскаго славянофильства». Изложеніе мнѣній не всегда точно. Такъ, о новѣйшемъ очеркѣ, помѣщенномъ Костомаровымъ въ изданіи Гербеля «Поэзія славянъ», утверждается, что въ немъ «всѣ писатели украинскіе весьма похожи одинъ на другаго и всѣ одинаково служатъ одной и той же задачѣ развитія украинскихъ самобытныхъ началъ, безъ всякой почти исторической смѣны понятій и мыслей» (стр. 11). Для опроверженія этой характеристики достаточно указать на начало тирады о Шевченкѣ въ упомянутомъ очеркѣ (на стр. 160).

---

[1]) Изъ вышедшихъ за границею общихъ очерковъ украинской литературы г. Петровъ назвалъ только статью въ «Правдѣ» 1871 г.; другихъ онъ не видѣлъ.

Изъ перечня мнѣній, какъ онъ представленъ г. Петровымъ, видно, что на возникновеніе украинской литературы смотрѣли различно. Одни приводили ее въ связь съ «обращеніемъ къ народности» въ первой четверти XIX вѣка, съ пробужденіемъ у славянъ общаго стремленія къ самобытному развитію, со славянскимъ возрожденіемъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, со славянофильствомъ. Другіе возводили украинскую литературу къ вліянію польской литературы или къ противодѣйствію полонизму; сюда-же будто-бы примкнула въ позднѣйшее время «хлономанія», развившаяся въ средѣ поляковъ народолюбцевъ. Украинскую литературу 40-хъ годовъ и послѣдующаго времени нѣкоторые ставили въ связь съ соціально-политическимъ или общественно-политическимъ движеніемъ, которое называютъ украинофильствомъ. Наконецъ, украинскую литературу послѣднихъ лѣтъ сближаютъ съ реально-соціальнымъ направленіемъ и съ русской реалистической школой.

Г. Петровъ, перечисливъ эти мнѣнія, не представилъ обстоятельной критики ихъ и общаго выясненія значенія указанныхъ условій въ развитіи украинской литературы. Онъ ограничился замѣчаніемъ, что «особенно важное значеніе имѣютъ обзоры Костомарова и Пыпина во второй редакціи, а также «Вольница» и «Украинца». Первые двое представляютъ всю новѣйшую украинскую литературу продуктомъ пробудившагося у славянъ стремленія къ самобытному развитію, а «Вольнецъ» и «Украинецъ» ограничиваютъ эту мысль Костомарова и Пыпина воздѣйствіемъ на украинскую литературу сосѣднихъ литературъ польской и русской» (стр. 14). Г. Петровъ такъ сливаетъ затѣмъ эти мнѣнія, не сохранивъ полной точности: «нельзя не согласиться, что украинцы воспитали свои идеи и направленія въ духѣ славянскаго возрожденія подъ непосредственнымъ вліяніемъ литературъ польской и русской, отрицательнымъ-ли то, или положительнымъ» (тамъ-же). Признавая не только отрицательное, но и положительное польское воздѣйствіе на украинскую литературу, г. Петровъ считаетъ однако преобладающимъ русское. Затѣмъ вслѣдъ за «Украинцемъ» (Драгомановымъ [1]), не совсѣмъ вошедшимъ въ мысли его, г. Петровъ принимаетъ отраженіе въ украинской литературѣ основныхъ направленій, господствовавшихъ въ общерусской литературѣ, сентиментализма, романтизма, націонализма («отраженія темныхъ славянофильскихъ стремленій; ср. стр. 11, 15 и 16) и демократизма. Г. Петровъ распредѣ-

---

[1]) См. «По вопросу о малорусской литературѣ» М. Драгоманова, Вѣна 1876.

ляетъ произведенія украинской литературы по этимъ направленіямъ или «періодамъ», какъ онъ ихъ называетъ, и обозрѣваетъ каждый періодъ сначала въ общемъ очеркѣ, а затѣмъ подводитъ подъ него писателей въ отдѣльности, смотря по тому, какое направленіе преобладало въ дѣятельности извѣстнаго писателя. Общій взглядъ г. Петрова на развитіе разсматриваемой имъ литературы высказанъ имъ на стр. 16-й послѣ того, какъ онъ привелъ мнѣніе Костомарова объ «отношеніи южноруссовъ и ихъ литературы къ Россіи и Польшѣ». По мнѣнію г. Петрова, «точка зрѣнія на новѣйшую украинскую литературу должна обнимать двоякія отношенія ея къ Польшѣ и Россіи, и притомъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя, но подъ преобладающимъ вліяніемъ россійской литературы. Съ этой точки зрѣнія въ исторіи новѣйшей украинской литературы можно различать «шесть» моментовъ развитія».

Изъ этого видно, что г. Петровъ началъ съ самаго существеннаго вопроса въ исторіи украинской литературы, — вопроса о двигательныхъ началахъ ея и о происхожденіи ея, но, устанавливая эти начала, г. Петровъ *слилъ* нѣсколько общихъ взглядовъ, высказанныхъ другими, или, правильнѣе говоря, — послѣдовалъ преимущественно мнѣнію «Украинца», видоизмѣнивъ его въ смыслѣ признанія главнаго значенія за русскимъ «вліяніемъ».

Эта общая схема, принятая г. Петровымъ, не выдерживаетъ критики. Въ украинской литературѣ XIX в. нельзя видѣть только какъ-бы продолженіе двухъ теченій, господствовавшихъ въ ней въ прежніе вѣка. Въ XVII в. въ ней, дѣйствительно, встрѣчались и сталкивались два главныя начала: греческо-славянское и латино-польское. Въ XIX в. первое окончательно замѣнилось общерусскимъ литературнымъ воздѣйствіемъ, и продолжалось польское вліяніе, но, сверхъ того, украинская литература XIX в., въ отличіе отъ прежней, проявила значительную самобытность и художественность при народности содержанія. Поэтому, въ противовѣсъ тезису о существенномъ вліяніи на нее польской и общерусской литературъ, справедливость требуетъ указать также на мѣстныя начала украинской литературы и на общеевропейскія теченія, отражавшіяся въ ней чрезъ польскую и русскую литературы и помимо ихъ. Такимъ образомъ, въ своей общей схемѣ г. Петровъ оставилъ въ тѣни одно изъ самыхъ существенныхъ двигательныхъ началъ украинской литературы — стремленіе народности къ самовыраженію, хотя въ частныхъ очеркахъ ему неоднократно доводилось отмѣчать факты, указывающіе на это стремленіе. Г. Петровъ не обратилъ надлежащаго внима-

нія на то обстоятельство, что новѣйшая украинская литература, расцвѣтая въ тѣсномъ единеніи съ общерусскою, проявила въ тоже время значительную оригинальность. Г. Петрова заняло взаимодѣйствіе посторонних вліяній или собственно воздѣйствіе одного изъ основныхъ, по мнѣнію автора, началъ ея — подражанія общерусской литературѣ и воспроизведенія ея мотивовъ; польское-же вліяніе, какъ увидимъ, г. Петровъ совершенно оставилъ въ сторонѣ.

Распредѣленіе матеріала, представляемаго украинскою литературою, лишь примѣнительно къ главнымъ теченіямъ, смѣнявшимся или сливавшимся въ общерусской литературѣ, лишило возможности уловить мѣстныя индивидуальныя черты и вѣрно опредѣлить характерныя особенности различныхъ періодовъ. Тѣ явленія, какія г. Петровъ выдвигаетъ, какъ существенные признаки отдѣльныхъ «періодовъ», имъ разграничиваемыхъ, встрѣчаются, какъ увидимъ, въ значительномъ количествѣ во всѣ эти «періоды». То, что г. Петровъ назвалъ (гл. I) «реакціей псевдоклассицизму», юмористическое изображеніе дѣйствительности, характеризуетъ значительную долю украинскаго литературнаго творчества во всѣ періоды его развитія: назовемъ Н. Гоголя, Квитку, Стороженка, Лепицкаго, не говоря о многихъ другихъ [1]). Сентиментальность, какъ называетъ г. Петровъ украинскую чувствительность, отличающую будто-бы второй «періодъ» украинской литературы, выступаетъ вполнѣ ясно, какъ замѣтилъ самъ г. Петровъ, уже въ послѣднихъ произведеніяхъ начинателя «реакціи псевдо-классицизму», И. П. Котляревскаго, а эти произведенія явились почти одновременно съ первыми произведеніями продолжателя той же «реакціи» — Гулака-Артемовскаго; эта сентиментальность постоянно держалась и послѣ Квитки и встрѣчается въ изобиліи даже въ украинской поэзіи послѣднихъ 25 лѣтъ [2]). Интересъ къ исторіи Украйны и воспроизведеніе современнаго быта ея населенія, этнографическое изученіе замѣчаются издавна, а не только у тѣхъ писателей, которыхъ г. Петровъ свелъ въ группу «націоналистовъ» (гл. IV).

---

[1]) И такъ называемая *котляревщина*, т. е. комически-каррикатурное изображеніе народа, продолжалась еще въ 50-хъ годахъ (произведенія Карпенка, Ванценка-Захарченка и др.). См. также въ альманахѣ «Спинъ» сатирическую поэму «Вечерницї», въ которой видно вліяніе Котляревскаго; напр. на стр. 132:

Гей, Орфію, небораче!
Я не знаю, що писать! *и проч.*

[2]) Ср., напр., Наталку-Полтавку съ Одаркою въ пьесѣ Кропивницкаго: «Дай серцю волю, заведе въ неволю» (стр. 418—419 книги г. Петрова).

Этнографическій элементъ не выходилъ изъ украинской поэзіи и постоянно составлялъ ея основу, начиная съ И. П. Котляревскаго. Собираніе произведеній народной поэзіи постоянно пробуждало интересъ къ малорусской старинѣ, которая воспѣвается въ украинскихъ пѣсняхъ. Увлеченіе ею прошло нѣсколько ступеней; теперь эта романтическая идеализація старины пала, но еще не исчезла вполнѣ. Авторъ не выяснилъ этихъ переливовъ и постепенности въ изученіи народности. Славянофильскія тенденціи не были главнымъ или исключительнымъ двигательнымъ началомъ дѣятельности Костомарова, Шевченка и Кулиша, которыхъ г. Петровъ выдѣлилъ какъ украинскихъ славянофиловъ (гл. V). То славянофильство, которому они положили начало, продолжается и въ позднѣйшей украинской поэзіи. Вообще воздѣйствіе славянскаго возрожденія на *возникновеніе* и *первоначальное развитіе* украинской литературы не было особенно значительно, и болѣе повліяло общеевропейское движеніе, проявившееся и въ славянскомъ возрожденіи и переходившее въ украинскую литературу чрезъ литературы русскую, польскую и чешскую [1]). Славянское возрожденіе отразилось на первыхъ порахъ въ развитіи украинской литературы лишь усиленіемъ интереса къ этнографическому изученію.

Итакъ, то указаніе двигательныхъ началъ украинской литературы, которое представилъ г. Петровъ, неудовлетворительно. Въ подтвержденіе несостоятельности общей схемы его книги попытаемся выяснить эти начала не «апріорно», какъ установилъ ихъ г. Петровъ, вопреки своему обѣщанію дать «менѣе всего апріорныхъ взглядовъ и поболѣе фактическихъ данныхъ» (стр. 2), а руководясь непосредственнымъ изученіемъ матеріала.

Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляютъ произведенія И. П. Котляревскаго, котораго уже съ 30-хъ годовъ общій голосъ признаетъ начинателемъ новѣйшей украинской литературы [2]).

---

[1]) На незначительность вліянія славянскаго возрожденія на развитіе украинской литературы указалъ уже въ 1857 г. Кулишъ, котораго г. Петровъ считаетъ однимъ изъ главныхъ представителей украинскаго славянофильства. По словамъ г. Кулиша, «въ южно-русскомъ образованномъ обществѣ начала пробуждаться любовь къ родной поэзіи и родному языку, но отнюдь не послѣдствіе общаго движенія Славянскихъ племенъ къ своенародности, какъ полагаютъ нѣкоторые, — движенія сравнительно очень недавняго». Р. Бесѣда, 1857, III, 128.

[2]) Теперь согласился съ этимъ и Кулишъ, который въ концѣ своей статьи объ И. П. Котляревскомъ, помѣщенной въ «Основѣ» 1861 г., говорилъ (стр. 104 отдѣльнаго оттиска): «письменная украинская словесность не можетъ ни-

Съ него мы и начнемъ нашъ анализъ тѣмъ болѣе, что съ Котляревскаго-же начинаетъ разсмотрѣніе жизни и произведеній украинскихъ писателей и г. Петровъ.

Изученіе произведеній И. П. Котляревскаго весьма важно для выясненія исходнаго пункта новѣйшей украинской литературы, а слѣдовательно и ея генезиса. Мы разберемъ ихъ въ связи съ этюдомъ о нихъ г. Петрова, такъ какъ это разсмотрѣніе ознакомитъ насъ отчасти съ пріемами изслѣдованія дѣятельности отдѣльныхъ писателей у г. Петрова.

Г. Петровъ излагаетъ, по обычаю, прежде всего біографію разсматриваемаго поэта. Онъ повторяетъ общеизвѣстныя свѣдѣнія и допускаетъ неточность. Такъ, онъ говоритъ, что родители Котляревскаго «принадлежали къ дворянскому роду». Мѣстный біографъ, заслуживающій полнаго вѣроятія, говоритъ, что отецъ Котляревскаго «служилъ въ Полтавскомъ городовомъ магистратѣ канцеляристомъ, дѣдъ былъ дьякономъ въ Полтавской соборной Успенской церкви» [1]). По словамъ г. Петрова, Котляревскій началъ свою службу «въ штатѣ бывшей новороссійской канцеляріи», но названный уже біографъ С. Стеблинъ-Каминскій прямо говоритъ, что первый (служебный) шагъ Котляревскаго — «была служба военная» [2]). Личность поэта не возстаетъ предъ читателемъ въ очертаніяхъ и съ нравственными качествами, которыя объясняли-бы характеръ его поэзіи. Мы не получаемъ свѣдѣній ни объ отмѣчаемыхъ хорошо знавшими Котляревскаго «самыхъ свѣтлыхъ убѣжденіяхъ и безукоризненности правилъ» послѣдняго, ни о замѣчательномъ талантѣ его, какъ собесѣдника, острякa, разсказчика анекдотовъ, ни о силѣ его «простаго Малороссійскаго слова». Г. Петровъ не указалъ также на нѣкоторыя интересныя подробности біографіи Котляревскаго, напр. на неудачу въ любви, повлекшей за собою поступленіе поэта въ военную службу. А между тѣмъ для характеристики Котляревскаго, какъ человѣка есть достаточно данныхъ. Видимо г. Петровъ ознакомился не со всѣми ими. Такъ, онъ не читалъ въ подлинникѣ «Воспоминаній объ И. П. Котляревскомъ» (изъ записокъ старожила). Излагая свѣдѣнія о жизни

дѣлъ въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій».

[1]) Сѣв. Пчела 1839, № 146. Повторено и въ предисловіи Катранова, которое г. Петровъ, повидимому прочелъ.

[2]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, стр. 16.

Котляревскаго, г. Петровъ долженъ былъ остановиться внимательнѣе на нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ въ извѣстіяхъ, потому что многое существенное еще не выяснено, какъ слѣдуетъ, въ біографіи Котляревскаго и послѣдняя еще не возсоздана критически. Интересно было-бы знать что-нибудь о семинарской обстановкѣ, въ которой довелось провести юные годы нашему поэту. Данныя о ней могли-бы пролить нѣкоторый свѣтъ и на возникновеніе Энеиды. Заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе, переданное Сементовскимъ, что «въ лѣта кипучей молодости Котляревскій писалъ *разныя вирши на малороссійскомъ* языкѣ, которыя или расходились по рукамъ его пріятелей и знакомыхъ, или оставались въ его портфейлѣ, но впослѣдствіи всѣ погибли» [1]). Г. же Петровъ просто сообщаетъ, что Котляревскій «на семинарской скамьѣ писалъ стихи» (какіе?). Г. Петровъ даже совсѣмъ не сказалъ намъ ничего о времени написанія первыхъ пѣсенъ Энеиды. Относительно этого времени, которое весьма важно было-бы опредѣлить хотя-бы приблизительно [2]), существуетъ разногласіе въ показаніяхъ біографовъ. Пассекъ упоминаетъ, что Котляревскій, «предавшись чтенію Вергиліевой Энеиды, еще *въ первой молодости* написалъ три части Энеиды на Малороссійскомъ языкѣ» [3]). По словамъ Сементовскаго, появленіе ихъ относится къ «годамъ военной службы». Наконецъ, разсказъ о неудачной любви Котляревскаго и поступленіи его затѣмъ въ военную службу показываетъ, что уже въ 1795 г. была написана часть Энеиды, которою поэтъ могъ заниматься и гораздо раньше, если примемъ во вниманіе медленную обработку этого сюжета Котляревскимъ впослѣдствіи и долгое нежеланіе отдавать въ печать обработанныя части.

Передавши кратко обстоятельства жизни Котляревскаго, г. Петровъ перечисляетъ его произведенія. Собственныхъ разысканій онъ не производилъ и ограничился повтореніемъ увѣренія біографовъ, что Котляревскій «занимался собираніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и нѣкоторыя изъ нихъ помѣщалъ въ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ» (въ какихъ?).

---

[1]) Сѣверная Пчела 1846, № 82. Въ повѣсти Шевченка, напечатанной въ ноябрьской кн. «Кіевской Старины» 1886 г., есть указаніе на «Муху» Котляревскаго, которая будто-бы относится ко времени пребыванія Котляревскаго въ семинаріи.

[2]) См. ниже изложеніе состоянія вопроса о томъ, пользовался-ли Котляревскій «Енеидой, вывороченной на изнанку» Осиповымъ.

[3]) Москвитянинъ 1841, ч. II, стр. 563.

Затѣмъ г. Петровъ излагаетъ мнѣнія малорусскихъ критиковъ о произведеніяхъ Котляревскаго, высказанныя послѣ Шевченка, восторженно отозвавшагося о Котляревскомъ въ стихотвореніи «На вічну память Котляревскому». Указавъ на раздвоеніе мнѣній, г. Петровъ излагаетъ лишь сужденія Костомарова и гг. Кулиша и Катранова. Отзывы Костомарова отличаются трезвостью и умѣренностью. Перечисляя ихъ, г. Петровъ не упомянулъ о позднѣйшемъ замѣчаніи Костомарова въ статьѣ, помѣщенной въ № 2 «Кіевской Старины» 1883 г. (стр. 233). Приведенный г. Петровымъ отзывъ Кулиша, высказанный въ 1861 г. въ журналѣ «Основа», страдаетъ обычными у этого писателя преувеличеніями и предвзятостью и давно оцѣненъ съ этой стороны [1]). Г. Петровъ не сказалъ, какіе украинцы послѣдовали за Кулишемъ въ приговорѣ о Котляревскомъ [2]). Въ послѣднее время самъ г. Кулишъ какъ-бы считаетъ свое прежнее мнѣніе несостоятельнымъ. Г. Петровъ не обратилъ вниманія на то, что въ своей «Хуторной поэзіи» Кулишъ выразился такъ, минуя свое собственное мнѣніе, высказанное въ 1861 году: «*Пíшамъ оцíямъ* здавалось порóжнёю забавкою те, що написавъ Котляревськый». Г. Кулишъ признаетъ теперь Котляревскаго «соціальнымъ реформаторомъ» [3]). Рядомъ съ г. Кулишемъ г. Пет-

---

[1]) По мнѣнію г. Стебанна-Каминскаго, г. Кулишъ «въ критическомъ этюдѣ своемъ совершенно ложно истолковалъ личный характеръ Котляревскаго, исказивъ истину». Обстоятельно разобранъ взглядъ Кулиша въ ст. г-на Н. М. В.: «Иванъ Петровичъ Котляревскій», помѣщенной въ «Нивѣ» 1885, т. II, №№ 4 и 5. Кратко передано было содержаніе этой статьи въ «Кіевской Старинѣ» 1885, № 3, стр. 599 и слѣд..

[2]) Такъ, Даниленскій выразился, что въ Энеидѣ Котляревскаго «для насъ заключается порядочная частица сиотворности и воды».—Украинская старина, Харьк. 1866, 198. Тотъ-же г. Даниленскій въ другомъ мѣстѣ своей книги назвалъ Каразина, Квитку и Котляревскаго «первыми настоящими умственными *двигателями* малороссійскаго общества». Ср. Основа 1862, сент. 69—70. Г. Пискуновъ въ предисловіи къ «Кобзарю» И. П. Артемовскаго Гулака (Кіевъ 1877, стр. 4) выразился, что ямбовъ «накыдавъ багато Котляревськый въ свою чудасійну «Энеиду», що такъ довго потишало наше панство небувалыми украиньскимы троянамы».

[3]) Хуторна поэзія, у ві Львові 1882, 123—124. Костомаровъ возражаетъ противъ послѣдняго мнѣнія г. Кулиша о Котляревскомъ, но не совсѣмъ основательно. Преподаваніе въ Харьковскомъ коллегіумѣ и духовныхъ семинаріяхъ распространяло знакомство съ псевдоклассицизмомъ въ образованномъ обществѣ Украйны, а г. Кулишъ имѣлъ въ виду обоготвореніе классическихъ героевъ именно «по великихъ містахъ» (Костомаровъ выпустилъ эти слова, читая Кулиша). Невѣрно въ замѣчаніи Костомарова и утвержденіе, будто «иного народа, говорящаго по малорусски, кромѣ простонародія, почти не было»

ровъ постановилъ г. Катранова. Сужденіе послѣдняго страдаетъ противоположною крайностью, панегиризмомъ [1]), могло бы быть опущено и во всякомъ случаѣ не принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ [2]). Намъ, кажется, что вмѣсто отзыва г. Катранова умѣстнѣе было-бы привести мнѣнія другихъ болѣе авторитетныхъ критиковъ, напр. Срезневскаго или Сементовскаго, а также Стеблина-Каминскаго, по замѣткамъ котораго составилъ свой очеркъ г. Катрановъ.

Приведши разнорѣчивыя сужденія о произведеніяхъ Котляревскаго, г. Петровъ старается «установить правильную точку зрѣнія» и для того обращаетъ вниманіе «на предшествовавшіе литературные элементы, служившіе пробнымъ камнемъ для поэтическаго таланта Котляревскаго, и на отношеніе его къ современной малорусской жизни» (стр. 29).

Г. Петровъ видитъ въ народированіи народной жизни у Котляревскаго продолженіе каррикатурнаго изображенія *простонародной* жизни, имѣвшаго мѣсто въ комическихъ интерлюдіяхъ. Котляревскій «сдѣлалъ смѣлую попытку соединить малорусскую рѣчь и содержаніе съ современными формами господствующей русской литературы и такимъ образомъ дать этой рѣчи и содержанію бо̀льшую подвижность и возможность дальнѣйшаго развитія. Онъ удержалъ въ своихъ произведеніяхъ малорусскую рѣчь XVIII вѣка, но очистилъ ее отъ слишкомъ грубаго содержанія и макаронизмовъ и подчинилъ требованіямъ и формамъ современной русской литературы» (стр. 29).

Намъ кажется, что въ этой общей оцѣнкѣ дѣятельности Котляревскаго есть неточности и упущенія. Заслуга Котляревскаго состояла не только въ сближеніи украинской литературы съ современными формами русской литературы, но также въ весьма талантливомъ раскрытіи сокровищъ малорусскаго народнаго духа и слова.

въ Украйнѣ, когда Котляревскій писалъ свою Энеиду. Сошлемся хотя-бы на разсказъ о помѣщикѣ, у котораго жилъ въ 1795 г. Котляревскій, и на замѣчаніе г. Куліша въ его первой статьѣ («Основа» 1861, янв., стр. 216; стр. 88 отд. оттиска»).

[1]) Называя (стр. XIII) Котляревскаго поэтомъ-двигателемъ, г. Катрановъ повторилъ мысль, высказанную ранѣе, какъ мы говорили, г. Даниленскимъ и вѣрную, но въ другихъ сужденіяхъ г. Катрановъ переступаетъ мѣру. См., напр., на стр. XII сужденіе о «Наталкѣ-Полтавкѣ».

[2]) Въ предисловіи г. Катранова немало ошибокъ, показывающихъ слабое знакомство съ предметомъ. Ср. отзывъ объ его книгѣ въ ст. г. Горленка въ «Кіевской Старинѣ» 1883, № 5, стр. 151.

Что до очищенія содержанія украинской литературы, то «Энеида» этимъ еще не отличается: въ ней не мало еще грубости; равнымъ образомъ и «Москаль-Чарішникъ» примыкаетъ къ старому народному комизму. Очищеніемъ-же украинской литературной рѣчи Котляревскій не задавался сознательно, потому что она была искажена далеко не во всѣхъ произведеніяхъ на украинскомъ нарѣчіи, распространенныхъ въ Украйнѣ до Котляревскаго. Разсмотрѣніе языка произведеній Котляревскаго могло-бы привести къ нѣкоторымъ интереснымъ наблюденіямъ, но г. Петровъ совершенно не касается вопроса объ языкѣ украинскихъ писателей.

Мы не видимъ, почему «Энеиду» Котляревскаго слѣдуетъ сопоставлять непремѣнно со школьными интерлюдіями. Намъ неизвѣстны данныя, которыя заставляли бы усматривать генетическую связь «Энеиды» со школьной драмой въ ея вполнѣ развитомъ видѣ [1]). Но Котляревскій могъ быть знакомъ съ вертепомъ, въ которомъ были выполняемы сцены изъ народнаго быта [2]). Въ Украйнѣ во время Котляревскаго было въ ходу не мало произведеній, отрѣшенныхъ отъ схоластическихъ формъ. Павловскій, который жилъ въ слободско-украинской губерніи [3]) въ началѣ настоящаго столѣтія, отмѣтилъ «нѣсколько ему извѣстныхъ малороссійскихъ, большихъ или малыхъ, сочиненій. Онѣ суть: напечатанная, и публикою съ удовольствіемъ принятая, Перельцобанная Вергиліева Енеида; Діалоги рожествéнській и воскресéнській; Вірша, гонóренная запорóзькому Гетьмáну на Велы́къ-день; Замыслъ на попа, и еще нѣкоторыя» [4]) Въ «Отрывкѣ изъ исторіи нѣкотораго Малороссіянина» того-же Павловскаго панотéць дастъ такой совѣтъ сыну, отправляющемуся въ Петембýрхъ: «тамъ десь ѣ Кгранъ N. то ты ходы́ до іôго на Різдво *зъ віршою*, а на Велы́кдень зъ ралцéмъ» [5]). О «Вѣршѣ или поздравительной рѣчи въ день свѣтлаго праздника Воскресенія

---

[1]) Г. Н. М. В. въ своей статьѣ о Котляревскомъ («Новь» 1885, т. II, № 5) считаетъ «Вознаго» въ «Наталкѣ» «вѣчнымъ типомъ подьячаго и дьяка, столь излюбленнаго въ малороссійскихъ интерлюдіяхъ 18 вѣка», но указываетъ также на пьесу Капниста.

[2]) Недавно открыты новые слѣды вертепа. См. газету «Новости» за мартъ 1886 г.

[3]) См. стр. 110 его Грамматики.

[4]) Тамъ-же стр. 111.

[5]) Стр. 97. Слово *ралець* Павловскій объясняетъ на стр. 55: «подарокъ, состоящій въ хлѣбѣ, винѣ, пряникахъ и проч., которой подчиненные приносятъ своимъ *начальникамъ* на *праздникъ* свѣтл. Христ. Воскресенія и въ новый годъ».

Христова, говоренной Кошевымъ запорожскихъ козаковъ свѣтлѣйшему князю таврическому Григорью Александровичу Потемкину, котораго запорожскіе казаки называли «Грицько Нечеса», упоминаетъ самъ г. Петровъ въ «Очеркахъ изъ исторіи Украинской литературы XVIII в.» [1]). Въ томъ-же трудѣ г. Петровъ говоритъ, что время открытій еще не миновало: литературныхъ произведеній, свидѣтельствующихъ «о живыхъ литературныхъ интересахъ южнорусскихъ школьниковъ XVIII в., сохранилось-и не такъ мало: слѣдуетъ только тщательнѣе разыскивать ихъ и приводить въ извѣстность» [2]). Въ послѣднее время напечатано переложеніе въ стихахъ малорусскаго сказанія о «Маркѣ пекельномъ». По мнѣнію издателя, «стихотвореніе принадлежитъ несомнѣнно концу XVIII вѣка; это очевидно по его языку и пріемамъ, сильно напоминающимъ извѣстныя пасхальныя и рождественскія вирши того-же времени... Цѣль его дидактическая, а писалось оно для запорожцевъ и всего вѣроятнѣе въ самомъ-же Запорожьѣ»... «Стихотвореніе принадлежитъ времени, которое мы привыкли называть временемъ упадка и истощенія малорусской литературы, но которое, на самомъ дѣлѣ, есть только малоизвѣстное и мало обслѣдованное время. Побольше откроется такихъ произведеній, какъ печатаемое теперь и напечатанныя прежде, и мы должны будемъ значительно измѣнить взглядъ на происхожденіе новой украинской литературы» [3]). Въ отношеніи къ «Энеидѣ» Котляревскаго интересно, что въ концѣ XVIII в. «легенда о Маркѣ имѣла живое обращеніе въ устахъ народа», и появилось литературное изложеніе разсказа о нисхожденіи въ адъ. Слѣдовательно, одинъ изъ эпизодовъ Энеиды не былъ чуждъ и народному творчеству. Къ произведеніямъ въ родѣ перечисленныхъ и къ сопоставленію съ извѣстнымъ изъ другой литературы образцомъ народированной Энеиды естественнѣе всего возводить идею Энеиды Котляревскаго.

---

[1]) Кіевъ 1880, стр. 23. Вірша эта напечатана въ № 7 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1877 г. Народъ и теперь поетъ объ Адамѣ и Евѣ, какъ доводилось намъ слышать, въ тонѣ, напоминающемъ заключеніе вірши Кошевого, Вірши Різдву и Великодню, распѣваемые и теперь школярами, напечатаны въ іоньской кн. «Основы» 1862 г.: «Зъ народніхъ устъ», стр. 44—53. Эти вірши могутъ быть сближаемы съ комическими колядками, напр. съ колядкою о «старомъ Йосипѣ». Она была напечатана въ ряду другихъ, помнится, въ одной изъ статей г. Хойнацкаго въ «Трудахъ Кіевской Дух. Ак.».

[2]) Оч. изъ ист. Укр. лит. XVIII в., стр. 2.

[3]) Кіевская Старина 1885 г., августъ, 682—683.

Интересны нѣкоторыя данныя, находящіяся въ самой Энеидѣ и оставленныя безъ вниманія г. Петровымъ. Описывая пиръ, заданный Энеемъ, Котляревскій говоритъ во 2-й части:

У виконь школяри спивалы,
Халяндры цыганкы скакалы,
Игралы въ кобзы и слипци.

Въ III-й части находимъ слѣдующее упоминаніе о томъ, какъ развлекали себя Троянцы во время плаванія по морю:

Гребци и весла положылы,
Та сыдя люлечки курылы
И кургыкалы писеньокъ:
Козацькыхъ, гарныхъ Запорожськыхъ,
А яки знаны, то Московськыхъ,
Выгадовалы бриденьокъ.
Про *Сагайдичного* спивалы,
Лыбонь спивалы и про *Січь*,
Якъ въ пикинеры набиралы,
Якъ мандровавъ козакъ всю ничь;
Полтавську славылы Шведчыну,
Иненя якъ свою дытыну
Зъ двора провадыла въ походъ;
Якъ нидъ Бендерью воювалы,
Безъ галушокъ якъ померлы,
Колысь якъ бувъ голодный годъ.

Послѣдніе стихи указываютъ, вѣроятно, на казацкіе разсказы о невзгодахъ, какіе приходилось испытывать, сражаясь вмѣстѣ съ русскою арміею. Одинъ изъ этихъ разсказовъ слышалъ еще Кулишъ [1]). По его словамъ, «этотъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изустной, потѣшавшей вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названной мною *Очаковской бидѣ*, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотренинскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы» (См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289) [2]).

---

[1]) См. разсказъ г. Кулиша «Очаківська біда», Спб. 1861, не упомянутый въ перечнѣ г. Петрова.

[2]) Основа 1861, январь, стр. 242—243.

Общій характеръ перечисленныхъ произведеній состоялъ въ юморѣ: въ нихъ изображались юмористически не только повседневныя явленія, но также и нѣкоторыя событія народной исторіи; юмористическія черты входили даже въ разсказы о событіяхъ священной исторіи. Такого рода произведенія были въ ходу даже въ средѣ запорожцевъ. Котляревскій въ своей «Энеидѣ» примкнулъ къ этому направленію украинской словесности, характеризуемому народнымъ юморомъ и употребленіемъ народной рѣчи. Ему оставалось сообщить лишь нѣкоторую дальнѣйшую обработку этимъ готовымъ пріемамъ творчества. Въ предшествовавшей Котляревскому украинской словесности мы не видимъ яркаго эпическаго и драматическаго выраженія лишь той стороны народнаго характера, которая выступила со всею ясностью въ «Наталкѣ-Полтавкѣ».

Обращаемся къ разсмотрѣнію каждаго изъ произведеній Котляревскаго въ отдѣльности и тѣхъ элементовъ, которые вошли въ эти произведенія.

Для правильной оцѣнки «Энеиды» Котляревскаго важно было бы рѣшить вопросъ объ отношеніи ея къ «Виргиліевой Енеидѣ, вывороченной на изнанку Н. О» (т. е. Н. Осиповымъ) [1]; но г. Петровъ не остановился на этомъ вопросѣ и ограничился замѣчаніемъ, что «идея перелицованной «Энеиды» не принадлежитъ Котляревскому и заимствована у «Энеиды, вывороченной на изнанку», Осипова и Котельницкаго, 1791—1807 гг.» (стр. 30).

Отношеніе перелицовки Котляревскаго къ народіи Осипова пытался выяснить уже въ 1856 году Скубентъ Чупрына (А. А. Котляревскій). Во 2-й своей статьѣ онъ отказался отъ своего первоначальнаго мнѣнія, по которому Котляревскій заимствовалъ идею перелицованной Энеиды у Осипова, и высказалъ мнѣніе, что малорусская Энеида была написана прежде передѣлки Осипова, но напечатана позднѣе. Въ послѣднее время г. Н. М. В. въ «Новѣ», 1886 г. «пришелъ къ неопровержимому выводу, что первенство по времени принадлежитъ поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій» (стр. 708). Г. Н. М. В. ссылается на то, что «Энеида» Осипова явилась въ 1791 г., а поэма Котляревскаго была напечатана впервые въ 1798 г.

Что одинъ изъ перелагателей Энеиды пользовался произведеніемъ другаго, не можетъ подлежать сомнѣнію: это доказывается

---

[1]) Мы пользовались вторымъ изданіемъ: С.-Петербургъ 1801 г., 4 части.

сопоставленіемъ обѣихъ Энеидъ [1]). При сравненіи ихъ нельзя не отдать предпочтенія изложенію Котляревскаго, которое не столь растянуто, кратче [2]), но выразительнѣе, болѣе приспособлено къ русской жизни и не заключаетъ неинтересныхъ для русскаго читателя подробностей изъ классическихъ легендъ [3]). «Энеида» Котляревскаго передаетъ лишь общую схему оригинала. На это указываетъ отчасти самъ Котляревскій; приступая къ описанію ада, онъ говоритъ:

Я може що нибудь прыбавлю,
Переміню и що оставлю,
Пысну—якъ одъ старыхъ чуванъ [4]).

Вопросъ можетъ быть о томъ, читалъ-ли Котляревскій произведеніе Осипова, или же послѣдній приступилъ къ своей Энеидѣ, познакомившись съ рукописью начала поэмы Котляревскаго. Намъ кажется, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ обстоятельнаго сравненія Энеидъ Осипова и Котляревскаго и сопоставленія ихъ съ латинскимъ подлинникомъ и французскими и нѣмецкими передѣлками его. Такого сравненія мы еще не имѣемъ. Если за первенство Энеиды Осипова говоритъ болѣе раннее появленіе ея въ печати, то, съ другой стороны, въ пользу независимости Котляревскаго отъ Осипова въ идеѣ перелицовки говоритъ преданіе, по которому Котляревскій «еще въ семинаріи началъ перелицовывать Энеиду Виргиліи на карикатур-

---

[1]) Сравн.

у Осипова:	у Котляревскаго:
А ты! рекла она *Енею* Удалой доброй *молодецъ!* (ч. III, стр. 43).	*А ты!* мовляла ко *Енею*, Моторный, смилый *молодець*...
Потомъ имъ *Смерть* своей Косою Отбрякнула по спойски *честь*. (ч. III, стр. 46).	А *потимъ смерть* до артыкулу Имъ воздала косою *честь*.
Насупротивъ сихъ богомолокъ	*Насупротывъ сыхъ* оканиньць.

Иногда изъ тожественныхъ выраженій болѣе удачное принадлежитъ какъ-бы украинскому переложенію. Такъ, выраженію Осипова: «И лѣзла въ небо черна тѣнь» (ч. III, 36) соотвѣтствуетъ у Котляревскаго: «Изъ неба злізла чорна нічь».

[2]) Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одной строфѣ Осипова соотвѣтствуютъ двѣ Котляревскаго.

[3]) Такъ, Котляревскій въ описаніи ада опустилъ Кентавровъ, Грифовъ и проч., о которыхъ подробно говоритъ Осиповъ.

[4]) Эти стихи какъ-бы указываютъ на пользованіе Виргиліемъ.

по-украинскій языкъ» [1]). Котляревскій зналъ французскій языкъ и могъ читать Скаррона, не говоря уже о томъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ Вергиліевой Энеидой [2]). «По окончаніи курса наукъ въ семинаріи, Котляревскій нѣсколько времени занимался въ частныхъ помѣщичьихъ домахъ обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей; бывалъ онъ на сходьбищахъ и играхъ народныхъ и самъ, переодѣтый, участвовалъ въ нихъ, прилежно вслушивался въ народный говоръ, записывалъ пѣсни и слова, изучалъ языкъ, нравы, обычаи, обряды, повѣрья, преданія украинцевъ, *какъ-бы подготовляя себя къ предстоящему труду*» [3]). Интересно, далѣе, что въ переводѣ Осипова встрѣчаются малорусскія слова и обороты [4]). Къ сожалѣнію, мы еще не имѣемъ вполнѣ научнаго и подробнаго указанія источниковъ, изъ которыхъ черпалъ Осиповъ [5]). Но и теперь несомнѣнно, что онъ пользовался не однимъ Блумауэромъ [6]).

---

[1]) Основа 1861, январь 245.

[2]) На русскомъ языкѣ существуетъ переводъ «Энеиды» подъ заглавіемъ: «Еней — Героическая поэма Публія Виргилія Марона. Перев. съ латинскаго Петроны мъ», 8⁰, 2 ч.

[3]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, 16. — Въ Сѣв. Пчелѣ 1839, № 146 подчеркнутымъ словамъ соотвѣтствуетъ слѣдующее замѣчаніе: «Время показало, что это было слѣдствіемъ поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ поэму Виргилія». Тамъ-же говорится: «По долгомъ, обдуманномъ приготовленіи, Котляревскій рѣшился народировать Энеиду Виргилія на Малороссійскомъ языкѣ. Изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу». Въ новѣйшей редакціи біографіи (стр. 16) говорится неправильно: «сколько намъ извѣстно, первыя три части Энеиды были написаны около 1803 года».

[4]) Ч. I, 39: *забобони*. Ч. II, 43: *пильнуетъ*. Ч. III, 19: *завсегда*, зачнетъ тревожить; стр. 28: изъ *мяла*; стр. 30: трубилъ всегда *безъ перестатку*; стр. 40: *годиться* (вмѣсто пригодиться) и др. выраженія.

[5]) Послѣдній издатель Блумауэра, Бобертагъ (Deutsche National-Litteratur, herausgeg. von I. Kürschner. 141 Band: G. Ch. Lichtenberg, Th. g. v. Hippel und Al. Blumauer, hrsg. von Felix Bobertag) говоритъ (S. 302): Ein Mittelding zwischen Uebersetzung und Nachahmung ist Osipof's russische Bearbeitung (Petersburg, 1791—93. 8⁰), worin Aeneas als russischer Bauer, Dido als russische Bauerndirne erscheint». Подробныя свѣдѣнія о Блумауэрѣ можно найти въ предисловіи Гризебаха къ изданію Блумауэра, вышедшему въ коллекціи Брокгауза: Bibliothek der Deutschen Nationalliteratur des achtzehnten und neunzehnten Iahrhunderts, 35. Bd. Leipz. 1872.

[6]) Достаточно сравнить хотя-бы описаніе путешествія по аду у Осипова и у Блумауэра. У Осипова и Котляревскаго какъ и у Скаррона, Энеи съ Сивиллою встрѣчаетъ Смерть, и слѣдующія затѣмъ у Осипова строфы (ч. III, стр. 47 и слѣд.) не имѣютъ соотвѣтствующихъ у Блумауэра.

Какъ бы то ни было, сравненіе народіи Осипова съ передѣлкою Котляревскаго [1]) можетъ выяснить характеръ творчества Котляревскаго и содѣйствовать въ значительной степени и рѣшенію того вопроса, которымъ занялся г. Петровъ, — вопроса о томъ, которому изъ мнѣній о значеніи Энеиды Котляревскаго отдать предпочтеніе. Болѣе внимательное разсмотрѣніе содержанія Энеиды показало бы, какъ несправедливо замѣчаніе г. Петрова, что «*всѣ* нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія». Какъ мы видѣли, самъ Кулишъ отказался теперь отъ этихъ нареканій. Подрываетъ ихъ и самъ г. Петровъ, который опровергаетъ взглядъ Кулиша, повторяя замѣчаніе, сдѣланное самимъ Кулишемъ [2]). Слишкомъ ужъ много сказано въ словахъ г. Петрова, что Котляревскій «чѣмъ дальше шелъ по новому пути, тѣмъ болѣе сближался съ народомъ и изучалъ его дѣйствительную жизнь» (стр. 39). Обстоятельное знакомство съ послѣднею видно во всѣхъ частяхъ Энеиды. Равнымъ образомъ во всѣхъ частяхъ ея Котляревскій изображалъ животную сторону жизни, преобладавшую въ современной ему Украйнѣ. Онъ не щадилъ никого и нарисовалъ довольно полную картину украинской жизни. Г-нъ Н. М. В. замѣчаетъ нѣсколько разъ въ своей статьѣ о Котляревскомъ, что нашъ поэтъ, «приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ вначалѣ только одну сознательную цѣль: смѣшить образованную публику сценами изъ простонароднаго быта, написанными на Малорусскомъ языкѣ». Да, Котляревскій хотѣлъ посмѣшить, но не на счетъ одного только простаго народа; онъ желалъ выставить въ рамкахъ Энеиды вообще смѣшныя явленія жизни, и картина изначала была широко задумана; простому народу только удѣлено въ ней наиболѣе мѣста [3]). Всѣмъ достается у Котляревскаго. Онъ имѣлъ въ виду и пановъ, и представляетъ ихъ такими-же любителями попить и поѣсть, какими выставилъ ихъ потомъ Квитка въ «Панѣ Халявскомъ». Такъ, напр., во 2-й части Энеиды читаемъ:

Зибравшыся вси *паненята*
Изновъ кружаты началы,

---

[1]) Оно произведено удачно въ первой статьѣ г-на Н. М. В., отмѣчающаго достоинства передѣлки Котляревскаго по сравненію съ Энеидою Осипова.

[2]) См. стр. 247 статьи г. Кулиша въ январской кн. «Основы» 1861 г..

[3]) Въ своей статьѣ 1861 года г. Кулишъ такъ выразился объ этомъ: Котляревскій, «только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей Энеидѣ, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ». Основа 1861, янв., стр. 253.

Пылы, якъ брагу поросята,
Горилку такъ воны тяглы.

Постоянно изображаемыя картины пьянства претятъ, но — нечего грѣха таить — то былъ старый общераспространенный порокъ. Потому-то у Котляревскаго горілкою упиваются и боги, а ранно и Эней со спутниками запиваетъ сю и горе, и радость. Укажемъ далѣе на то, что говоритъ Сивилла Энею въ 3-й части о взяточничествѣ:

Ты знаешъ, — дурень не бере:
У насъ хоть трохы хто тямущій,
Уміє жыть по правди сущій,
То той хоть зъ батька, то здере.

Въ аду помѣщены «начальныки, пьявкы людскіе», и не дано пощады никому изъ утѣснителей народа:

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хльору,
Всимъ по заслузи, якъ котамъ.

Нельзя сказать, чтобъ авторъ Энеиды осмѣивалъ лишь малороссовъ. Онъ становится на народную точку зрѣнія и относительно «Москалей». Этотъ народный взглядъ на Москалей, составлявшій продолженіе исконныхъ племенныхъ пересудовъ и теперь уже значительно ослабѣвшій, выражался, между прочимъ, въ пословицахъ; нѣкоторыя изъ нихъ приведены въ письмѣ Срезневскаго къ Снегиреву (стр. 148). Мы уже указали на то мѣсто Энеиды, въ которомъ говорится о «Московськыхъ бриденькахъ». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ:

Съ діявола шыдки, проворни,
Пидпустятъ Москаля якъ разъ [1]).

Вообще Котляревскій съумѣлъ придать всему народный колоритъ и даже Сивиллу сдѣлалъ настоящею вѣдьмою. Малороссія встаетъ предъ читателемъ въ неприглядномъ видѣ, «но нечего пенять на зеркало, коли рожа крива», да и слишкомъ яркія картины нарисованы Котляревскимъ не только съ цѣлью осмѣянія и одной

[1]) Ср. что говорится о Москаляхъ въ Москалѣ-Чарішникѣ.

пустой забавы: благородное настроеніе автора постоянно проглядываетъ въ Енеидѣ [1]). Въ поэмѣ Котляревскаго господствуетъ крайній реализмъ, но за этимъ реализмомъ скрывается честность побужденій и горячая любовь къ народу и правдѣ. Комическое изображеніе украинскаго быта переходитъ иногда въ каррикатурное [2]), но по большей части оно выполнено въ духѣ *народнаго юмора*. Потому то, вѣроятно, Срезневскій назвалъ Котляревскаго «простодушнымъ» [3]). Народа не обмануть, а анекдотъ о встрѣчѣ Котляревскаго съ запорожцами у Дуная показываетъ, какъ сразу понравилась народу поэма Котляревскаго: очевидно, въ ней не видѣли насмѣшки надъ народомъ по преимуществу. Тѣ изъ народа, которые читали Энеиду, находили въ ней весьма много народнаго. Въ особенности это можно сказать объ языкѣ поэмы Котляревскаго: онъ энергиченъ, выразителенъ, въ высшей степени характеренъ и мѣтокъ, хотя нерѣдко и грубоватъ. Литературная заслуга Котляревскаго въ Энеидѣ состояла именно въ томъ, что онъ выказалъ въ блестящемъ видѣ и богатство народнаго языка, и богатство юмора, таящееся въ душѣ народа; онъ сумѣлъ пріобрѣсти полное вниманіе и сочувствіе пановъ, которые до того времени не такъ сознательно питали любовь къ народному слову и народной словесности. Г. Петровъ не обратилъ вниманія на эти заслуги Котляревскаго. Въ примѣненіи къ Энеидѣ оказывается не совсѣмъ вѣрною та общая оцѣнка значенія литературной дѣятельности Котляревскаго, какую далъ г. Петровъ. По его словамъ, «чтобы поставить малорусскую рѣчь на высотѣ тогдашней литературы, для этого нужно было подчинить ее литературнымъ пріемамъ и формамъ господствующей русской литературы... Котляревскій подчинилъ украинскую словесность формамъ господствующей русской литературы... Содержаніе и рѣчь.. полу-

---

[1]) Это настроеніе характеризуется лучше всего описаніемъ грѣшниковъ, встрѣченныхъ Энеемъ въ аду. Укажемъ, напр., на слѣдующіе стихи:

Нашивъ за те тамъ мордовалы,
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставылы ихъ за скотивъ.

[2]) Это доказалъ г. Кулишъ въ концѣ своей статьи о Котляревскомъ въ «Основѣ» 1861 г..

[3]) Тоже выраженіе употребилъ и г. Н. М. В. на стр. 712 своей статьи о Котляревскомъ; на стр. 711 онъ называетъ насмѣшку Котляревскаго «добродушною».

чили болѣе приличную форму и отдѣлку...» (стр. 20—21). Пародія однако не была господствующимъ видомъ творчества въ русской литературѣ; напротивъ, юмористическое изображеніе было весьма распространено въ украинской словесности. Типъ передѣлки Осипова — площадной и кабацкій, и Котляревскій стоитъ выше Осипова, съ чѣмъ соглашается и г. Петровъ.

Поэма Котляревскаго оказывается въ подробностяхъ совершенно народною, написана весьма талантливо [1]) и получила значеніе самостоятельнаго произведенія. Это-то и было причиною чрезвычайнаго успѣха Энеиды Котляревскаго, въ которой видѣли не одно простое смѣхотворство, какъ, напр., въ пьесѣ Шаховскаго. Энеида была «принята публикою съ удовольствіемъ», по словамъ Павловскаго. «Всѣ сословія читали ее, говоритъ Пассекъ, отъ грамотнаго крестьянина до богатаго пана» [2]). Объ особомъ достоинствѣ ея, какъ народнаго произведенія, говоритъ то обстоятельство, что она пережила своихъ соперницъ [3]) и часто переиздается [4]).

Изъ сказаннаго видно, что въ Энеидѣ Котляревскаго украинская литература получила произведеніе съ широкимъ народнымъ направленіемъ. Этого не поняли тѣ критики, которые, имѣя въ виду ея чрезвычайное распространеніе, порицали ее, какъ виновницу насмѣшливаго отношенія къ малороссамъ. Такое отношеніе, дѣйствительно, было обычно до появленія повѣстей Гоголя [5]), но было порождено не одною поэмою Котляревскаго.

---

[1]) См., напр., въ пятой части мастерскую картину посѣщенія Венерою Вулкана.

[2]) Москвитянинъ, ч. II, 563. — «Новое изданіе вашей Энеиды ожидаютъ съ жадностью въ Малороссіи», писалъ Мельгуновъ къ Котляревскому въ 1820 г.. «Кіевск. Стар.» 1883, № 5, стр. 151 (Замѣтка Горленка: «Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго»).

[3]) Послѣ Энеиды Осипова и Котельницкаго явилась еще одна пародія Энеиды въ русской литературѣ, именно «Энеида. Комическая поэма. Сочиненіе Николая Невѣдомскаго. С.-Петербургъ 1828». Ничтожество этого отзвука пародій XVIII в. раскрыто въ рецензіи «Московскаго Вѣстника» (1828, ч. IX, 304—308).

[4]) Въ 1886 г. вышло новое изданіе Энеиды Котляревскаго.

[5]) Въ «Эпилогѣ къ Черной Радѣ» г. Кулишъ говоритъ, что Гоголь открылъ для Великороссіянъ своехарактерный и поэтическій народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по карикатурамъ... Со временъ Гоголя взглядъ Великороссовъ на натуру Малороссіянина перемѣнился, почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію, и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной

Итакъ, защищая Энеиду Котляревскаго отъ крайнихъ сужденій односторонней критики, г. Петровъ лишь развилъ намекъ, высказанный вскользь представителемъ той-же критики, Кулишемъ. Того, что заслуживало особаго вниманія, генезиса Энеиды, г. Петровъ коснулся поверхностно и не выяснилъ, какъ слѣдуетъ, связи этой поэмы съ современной ей украинской словесностью, хотя былъ на пути къ тому въ своей предшествовавшей работѣ. Значеніе Энеиды и заслуги ея автора поняты односторонне.

Обращаемся къ драматическимъ произведеніямъ Котляревскаго. Г. Петровъ признаетъ и въ нихъ формальное подражаніе русскимъ комедіямъ, считаетъ заимствованнымъ отчасти и общій тонъ и, съ другой стороны, замѣчаетъ самобытные элементы. Указанія г. Петрова не вполнѣ удачны въ частностяхъ, не исчерпываютъ главнаго матеріала и не выказываютъ внимательнаго изученія предмета.

Такъ г. Петровъ говоритъ совершенно голословно о вліяніи русскихъ образцовъ на пьесы Котляревскаго. Недостаточно сказать, что Котляревскій «написалъ комедію (?) «Москаль-Чарівникъ» по образцу такихъ-же (?) русскихъ комедій фонъ-Визина (?), Капниста, Аблесимова, Крылова, кн. Шаховскаго и др.» (стр. 21). Желательно было-бы получить болѣе точныя указанія.

Также легковѣсно и сужденіе г. Петрова о «Наталкѣ-Полтавкѣ». Г. Петровъ повторилъ старое мнѣніе [1]), что въ Наталкѣ-Полтавкѣ простолюдинъ «изображенъ въ сентиментальномъ вкусѣ карамзинской школы», и не провѣрилъ этого сужденія. Мы не понимаемъ,

---

натуры сѣверно-русскаго человѣка». Р. Бесѣда 1857, III, 128, 130. — Эти слова Кулиша подтверждаются примѣромъ Костомарова. Онъ говоритъ въ своей автобіографіи о впечатлѣніи, какое произвело на него чтеніе произведеній Гоголя въ 1837 г.. «Въ это время мнѣ, уже прежде читавшему Гоголя, попались *Вечера на хуторѣ близь Диканьки* и *Тарасъ Бульба*. Это было чуть-ли не первое пробужденіе того чувства къ Малороссіи, которое дало совершенно новое направленіе моей дѣятельности. Я читалъ Гоголя съ увлеченіемъ, перечитывалъ и начитаться не могъ: «какъ это все такъ близко кругомъ меня, и я ничего этого не видѣлъ, не знаю! — думалось мнѣ, Нужно изучить это хорошенько!» Р. Мысль 1885, № 5, стр. 202.

[1]) Костомаровъ въ своемъ первомъ обзорѣ украинской литературы выразился, что содержаніе Наталки «отзывается устарѣлою сентиментальностью прошлаго вѣка». Намъ непонятенъ такой отзывъ въ виду того, что говоритъ далѣе Костомаровъ о «Марусѣ» Основьяненка (Ср. стр. 165 и 170 «Молодика» на 1844 годъ); да и самъ Костомаровъ замѣтилъ, что въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»... «сочинитель хотѣлъ представить нѣжное сердце малороссійской дѣвушки». Послѣ Костомарова г. Кулишъ обвинялъ «Наталку-Полтавку» въ «аффектаціи и сентиментальности».

въ чемъ можно сближать чувствительность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ «Наталки-Полтавки» съ сентиментальностью карамзинской школы, и сошлемся, чтобы долго не говорить, на статью о Котляревскомъ въ «Нови» 1885 г., т. II, № 5, стр. 129—130, гдѣ вѣрно на нашъ взглядъ сравнена «Наталка-Полтавка» съ «Бѣдною Лизою» и показано, что «между ложною сентиментальностью Карамзина и его послѣдователей, съ одной стороны, и чувствительностью у Котляревскаго, вытекающею изъ народнаго характера, съ другой, лежитъ цѣлая бездна». Эта бездна была-бы еще замѣтнѣе, если-бы сличить произведеніе Котляревскаго съ настоящею сентиментальною пьесою, напр. съ драмой Н. Ильина «Лиза или торжество благодарности» [1]). До указанной статьи г-на Н. М. В., подробно сравнившаго оперу Котляревскаго съ повѣстью Карамзина, не было такого обстоятельнаго сопоставленія, но все же было высказано въ литературѣ немало сужденій, хотя и кратко, но вѣрно отмѣчавшихъ прекрасное отраженіе народнаго характера въ «Наталкѣ-Полтавкѣ». Мы присоединяемся къ этимъ мнѣніямъ, оставленнымъ безъ вниманія у г. Петрова.

Жизненною правдою запечатлѣны не только «нѣкоторыя мѣста», какъ говоритъ г. Петровъ; ею проникнута вся пьеса. Въ доказательство этого опять сошлемся на статью Н. М. В. (стр. 130—131). Даже Наталка, которую столь обвиняли въ сентиментальности, «поступаетъ такъ, какъ на ея мѣстѣ поступили-бы тысячи деревенскихъ дѣвушекъ въ Малороссіи». Словомъ въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» удачно, хотя и не всесторонне, воспроизведена родная и столь любезная поэту Полтавщина—край, гдѣ

Ворскло ричка
Невелычка,
Тече здавна
Дуже славна
Не водою,
А войною,
Де Шведъ полигъ головою [2]).

---

[1]) Эта драма была посвящена имп. Александру I. 1-е ея изданіе—1803 г., 2-е — 1808 г..

[2]) Въ Энеидѣ также упоминаются близкія къ Полтавѣ села и называются кое-гдѣ полтавцы, напр. Вернигора Мусій.

Этотъ край прославляетъ собою Наталка, какъ одинъ изъ перловъ Украйны. Сама Наталка поетъ о себѣ подъ конецъ пьесы скромно и въ то же время съ сознаніемъ своего достоинства:

Ой я дивчына Полтавка,
А зовуть мене Наталка,—
Дивка проста, не красыва,
Зъ добрымъ серцемъ, не спесыва, *и проч.*

Другіе отзываются о ней съ восторгомъ. Такъ, Микола говоритъ о ней: «Ай, Наталка! ай Полтавка! Отъ дивка, що и на краю пропасты не тилько не здригнулась, а и другого поддержуе». Изъ простодушнаго сельскаго населенія выдѣляются и нарушаютъ идиллію, разрушаемую также бѣдностью, «Возный»—«юрыста завзятый и хапунъ такый, що и зъ рідного батька злупыть», и «Выборный Макогоненко»; послѣдній «чоловикъ и добрый бувъ бы, такъ бида,—хытрый, якъ лысыця, и на вси стороны мотаетця: де не посіе, тамъ и уродытця. И уже де и чортъ не сможе, то пошлы Макогоненка, заразъ докаже». Но и эти зачерствѣвшія натуры поддаются доброму порыву сердца и оказываются настоящими полтавцами. «Оттакови-то наши Полтавци, говоритъ Мыкола. Колы дило пиде, щобъ добро зробыты, то одынъ передъ другымъ хапаютця». «Наталка—по всему Полтавка, говоритъ Выборный, Петро Полтавець, та й Возный, здаетця, не зъ другои губерныи». Словомъ, въ Наталкѣ-Полтавкѣ изображены «добрыи полтавци», «добрыи»—безъ излишней идеализаціи. Типы, выведенные въ этой комедіи, реальны, и неосновательно заподозривать жизненность ихъ: «свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Въ героинѣ оперы—Наталкѣ раскрыта прекрасная душа малороссійской дівчины съ такою теплотою чувства, которая не можетъ не трогать читателя и зрителя и которой лишена сентиментальность. «Наталка-Полтавка» показываетъ лучше всего, какъ несправедливо мнѣніе о Котляревскомъ, какъ о писателѣ, далекомъ отъ народа. Котляревскій явился здѣсь предшественникомъ Квитки въ сочувственномъ и въ тоже время правдивомъ воспроизведеніи народной души [1]. Совершенно справедливо Евецкій назвалъ характеръ Наталки «образцово наивнымъ» [2], т. е. рѣзко отличнымъ (по Шиллеру) отъ характера сентиментальнаго. Искусственность Наталкиной чувстви-

---

[1]) Василь въ повѣсти Квитки «Марусѣ» нѣсколько напоминаетъ Петра въ «Наталкѣ-Полтавкѣ».

[2]) «Денница» 1842, стр. 86.

тельности опровергается лучше всего живучестью этой пьесы. Неужто и теперь еще поддаются ложной сентиментальности украинцы, цѣнящіе «Наталку-Полтавку»? Опера Котляревскаго доселѣ держится на мѣстной сценѣ не по отсутствію другихъ піесъ, а въ силу особой привлекательности. Наталка сохранила свое обаяніе и по выходѣ произведеній Квитки. Въ 1846 г. Сементовскій писалъ о ней слѣдующее: «Ни одна повѣсть, ни одно какое-либо сочиненіе до сихъ поръ не пришлось такъ по душѣ Малороссіянъ, какъ Наталка И. П. Котляревскаго: сотни списковъ ея ходятъ и теперь еще по всей Малороссіи; народъ усвоилъ себѣ пѣсни, написанныя Иваномъ Петровичемъ, и есть много такихъ лицъ, которыя знаютъ наизусть всю оперу» [1]). Наталка остается, по выраженію г. Горленка, «вѣчно юною».

Въ частности весьма цѣнятся и пѣсни «Наталки-Полтавки», какъ весьма удачныя поддѣлки подъ народныя пѣсни, и нельзя осуждать ихъ, какъ то сдѣлалъ Кулишъ, за то, что онѣ искуственныя. Важно то, что онѣ составлены въ духѣ народнаго творчества. Въ западной литературѣ такія удачныя пѣсни также высоко цѣнятся [2]). Г. Петровъ замѣтилъ, что пѣсни Наталки, Петра и Миколы, «несмотря на сентиментальный оттѣнокъ, повидимому представляютъ изъ себя передѣлку народныхъ малорусскихъ пѣсенъ или вольное подражаніе имъ» (стр. 32). Прибавленныя авторомъ къ этому общему замѣчанію указанія кажутся намъ неподходящими. Пѣсня Наталки: «Віютъ вітри» напоминаетъ г. Петрову чумацкую пѣсню «Забіліли сніги, заболіло тѣло». Мы укажемъ на пѣсню:

Шумытъ, шумытъ дубривонька
Тужытъ, тужытъ дівчинонька

и проч.

Слова этой пѣсни:

Ахъ якъ плачу, гды зобачу
Літа свои дармо трачу,

могутъ быть сопоставляемы со слѣдующими стихами пѣсни Котляревскаго:

Трачу літа въ лютомъ горі и кінця не бачу,
Тілько тоди и полегша, якъ нишкомъ заплачу.

---

[1]) Сѣв. Пчела 1846, № 82. Ср. подобное-же извѣстіе Срезневскаго, относящееся къ 1838 г..

[2]) См. Kleinpaul, V. d. Volkspoesie; 1870.

Пѣсня: «Гомонъ, гомонъ по дниброві» вопреки г. Петрову—народная; она была напечатана Павловскимъ уже въ 1818 г.[1]).

Было-бы интересно выяснить отношеніе пѣсенъ, считающихся написанными самимъ Котляревскимъ, къ народнымъ. Оцѣнивая значеніе «Наталки-Полтавки» и дѣятельности Котляревскаго вообще, г. Петровъ не указалъ отчетливо на значеніе этого поэта въ исторіи южнорусской этнографіи, а между тѣмъ оно было отмѣчено уже въ 1838 г. Срезневскимъ — въ предисловіи къ «Наталкѣ-Полтавкѣ», изданной имъ въ Украинскомъ Сборникѣ, кн. I, Харьковъ 1838 г.. По мнѣнію Срезневскаго, «Наталка-Полтавка была не только однимъ изъ первыхъ книжно-народныхъ произведеній Украйны, но вмѣстѣ и первымъ сборникомъ памятниковъ Украинской народности, образцомъ для всѣхъ послѣдовавшихъ; она имѣла сильное вліяніе на изученіе Украинской народности и до сихъ поръ остается лучшимъ указателемъ почти на всѣ важнѣйшія стороны, съ которыхъ должно изучать Украинскую народность»[2]).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о водевилѣ Котляревскаго «Москаль-Чарівникъ». Г. Петровъ сопоставляетъ содержаніе этой пѣсни съ разсказомъ одной чумацкой пѣсни, «записанной въ полтавской-же губерніи». Ранѣе Костомаровъ замѣтилъ, что сюжетъ «Москаля-Чарівника» заимствованъ изъ народной сказки[3]). Дѣйствительно фабула, положенная въ основу «Москаля-Чарівника» и «Простака» Гоголя-отца,—перехожая и весьма распространенная, а Котляревскій вдобавокъ былъ хорошо знакомъ съ народными сказками и анекдотами. Но необходимо принять во вниманіе имѣющееся въ запискахъ полтавскаго старожила указаніе, по которому «содержаніе Наталки и Москаль-Чарівника взято авторомъ изъ мѣстныхъ преданій (Мазуровка горка и теперь есть въ Полтавѣ), а происшествіе съ Финтикомъ—дѣйствительное событіе, только нѣсколько

---

[1]) Стр. 89 — 90. Помѣщена она и въ сборникѣ Лисенка, вып. II. Срезневскій приводилъ эту пѣсню въ 1834 г. въ примѣръ того, какъ въ ряду «пѣсней и думъ, удостоенныхъ памяти народной, много истинно прекрасныхъ, проникнутыхъ глубокимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, оживленныхъ звуками трогающими *сердце*». Письмо къ Снегиреву въ Учен. Зап. И. Моск. Унив. 1834, ч. VI, стр. 138.

[2]) Мы передали содержаніе замѣчаній Срезневскаго словами рецензіи въ Сѣв. Пчелѣ 1839, № 69. Ср. въ «Воспоминаніяхъ» Стеблина-Каминскаго стр. 28.

[3]) Гербель, Поэзія славянъ, стр. 159. Ранѣе, въ «Сѣв. Пчелѣ» 1839, № 146, Стеблинъ-Каминскій утверждалъ, что «содержаніе Москаля-Чарівника взято изъ народнаго разсказа».

переиначенное авторомъ»[1]). Изъ того, что говоритъ г. Петровъ о «Москалѣ-Чарівникѣ», особую цѣну имѣетъ указаніе на источникъ романса «Не прельщай меня драгая» въ рукописи 1760 г..

Послѣ приведенныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о самостоятельности и народности содержанія піесъ Котляревскаго, можно судить, въ чемъ могло состоять вліяніе на него образцовъ русской драматической литературы. Котляревскій, бывавшій въ Петербургѣ, принимавшій живое участіе въ театральныхъ представленіяхъ въ Полтавѣ, былъ хорошо, конечно, знакомъ со всѣми выдающимися русскими комедіями конца прошлаго и начала настоящаго вѣка. Русскія комедіи и оперетки были во время Котляревскаго въ ходу на югѣ, и въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* «любимѣйшею оперою изъ Русскихъ» названъ *Сбитенщикъ*[2]). Котляревскому долго, однако, не приходило на умъ подражать русскимъ піесамъ. Ближайшимъ побужденіемъ къ написанію въ 1819 г. двухъ піесъ изъ малороссійскаго быта Котляревскій былъ обязанъ невѣрному изображенію этого быта и характеровъ малороссовъ въ оперѣ-водевилѣ кн. Шаховскаго *Казакъ-Стихотворецъ* и критикѣ, какую вызвала эта піеса, будучи поставлена въ Полтавѣ и Харьковѣ. Мы вполнѣ согласны съ весьма удачною догадкою г. Петрова о томъ, что «*можетъ быть*, неуспѣхъ этой оперы, имѣвшей претензію на изображеніе украинскаго быта, (мы прибавили-бы еще: и блестящій успѣхъ въ столицѣ) и побудилъ Котляревскаго написать свою «Наталку-Полтавку» (стр. 23). Мы пойдемъ еще далѣе г. Петрова и укажемъ на *несомнѣнную прямую* связь «Наталки-Полтавки» и «*Москаля-чарівника*» съ театральною рецензіею, явившеюся въ декабрьской книжкѣ «Украинскаго Вѣстника» 1817 г.. Есть указаніе на эту связь въ самой «Наталкѣ-Полтавкѣ», но г. Петровъ не замѣтилъ этого соотношенія, хотя на него обратилъ вниманіе уже въ 1834 г. Мастакъ.

Опера-водевиль кн. Шаховскаго *Казакъ-стихотворецъ* была написана въ 1812 г. и напечатана въ первый разъ въ 1815 г.[3]). Она пользовалась большимъ успѣхомъ[4]), но его, кажется, слѣдуетъ при-

---

[1]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, стр. 27.

[2]) Украинскій Вѣстникъ 1816, январь, стр. 121.

[3]) Слѣдовательно, ошибочно—утвержденіе г. Петрова (стр. 174), что это піеса впервые напечатана въ 1822 году; г. Петровъ повторилъ ошибку Комарова. Въ 1822 г. вышло уже 3-ье изданіе, а въ 1817 — 2-е. См. Роспись Смирдина № 7760.

[4]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между проч., и три изданія піесы. 13 сен-

писать не только удачному построенію пьесы, но и модному въ то время осмѣиванію малороссовъ. Въ пьесѣ Шаховскаго они выставлены каррикатурно въ личностяхъ «Прудіуса» и «Грыцка», а съ хорошей стороны малорусскій характеръ изображенъ въ «Климовскомъ». Въ оперѣ-водевилѣ Шаховскаго не было ничего реальнаго, потому что авторъ никогда не бывалъ въ Малороссіи. Исковеркалъ даже малорусскій языкъ. Эти недостатки пьесы Шаховскаго были сразу замѣчены украинцами, въ томъ числѣ и Котляревскимъ. Пьесою Шаховскаго остались недовольны и въ Полтавѣ, и въ Харьковѣ. По мнѣнію Харьковскаго рецензента въ декабрьской книжкѣ Украинскаго Вѣстника 1817 г.[1]), кое-что могло смѣшить въ «Казакѣ-стихотворцѣ», но «какъ фарсъ, а не какъ острая и забавная выдумка». Рецензентъ удивлялся успѣху этого измышленія въ Петербургѣ. Приведемъ часть его замѣчаній.... «я воображалъ, говоритъ рецензентъ, увидѣть что-нибудь похожее на несравненную Малороссійскую Енеиду.... Я едва могъ дослушать конецъ. Что это за произведеніе? Бывъ Русскимъ, я вижу, что эта піеса—не Русская; живя въ Украйнѣ пять лѣтъ уже, не узнаю ни одного Малороссійскаго характера въ лицахъ дѣйствующихъ! На чемъ-же основана піеса сія? На жестокости къ человѣчеству и похищеніи Государственныхъ денегъ, на пословицѣ: *намъ добро ни кому зло, то козацкое житье.*» Рецензентъ считаетъ усвоеніе этихъ качествъ Малороссамъ «выдумкою, очень обидною для Малороссіянъ». На несправедливость піесы указало и письмо къ сочинителю «Казака-стихотворца», отмѣчавшее хлѣбосольство Малороссіянъ. *Если въ Прудіусѣ*, говоритъ рецензентъ, *изображенъ Мазепа, то вина его не падаетъ на всѣхъ.* «Напротивъ-же чаще случается: что, по простотѣ сердца, не подозрѣвающей никого въ обманѣ, скорѣе *обманываютъ Малороссіянъ*, нежели они кого-нибудь. Здѣсь *можно-бы привести множество*, въ подтвержденіе сего, національныхъ *анекдотовъ;* но и безъ нихъ всякій сколько-нибудь знающій сей край не усумнится въ справедливости мною сказаннаго. Мнѣ кажется Малороссіяне не должны были вынести и одного явленія»[2]). Замѣчательно сов-

---

тября 1826 г. она была поставлена, по желанію Императора Николая, въ Москвѣ, на даровомъ спектаклѣ для солдатъ и офицеровъ: С. Аксаковъ, Разныя сочиненія М. 1858, стр. 133.

[1]) Стр. 366 — 369.

[2]) Того-же мнѣнія, что въ пьесѣ Шаховскаго нѣтъ ничего Малороссійскаго, были и петербургскіе критики (см. «Отрывки изъ моего журнала» въ

паденіе нѣкоторыхъ подробностей этого отзыва съ сужденіемъ объ оперѣ-водевилѣ Шаховскаго въ «Наталкѣ-Полтавкѣ». Петро разсказываетъ о комедіи, видѣнной имъ въ Харьковѣ: «Тамъ була Маруся, бувъ Клымовскій, Продыусъ и Грыцько... (Воны) спивалы Московськи пісни на нашъ голосъ; Клымовскій танцювавъ зъ москалемъ; а що говорылы, то трудно розибраты, бо сю штуку написавъ Москаль по-нашому, и дуже поперевертавъ слова». Возный отмѣчаетъ историческія неточности пьесы Шаховскаго, а по поводу того, что «тамъ Продыуса и пысаря его Грыцька дуже брыдко выставлено, що ниби царську казну затаилы», замѣчаетъ: «О се дило возможне и за се сердытьця не треба.... Два плуты въ сели и селу безчестя не роблятъ, а не тилько цилому краеви». Выборный заканчиваетъ разговоръ о «Казакѣ-стихотворцѣ» слѣдующими словами: «Отто тилько не чепурно, що Москаль взявся по нашому и про насъ пысаты, не бачывшы зъ роду края, и не знавшы звычаивъ и повирья нашего... Колы не шпиъ»..... При сравненіи этого разсужденія съ рецензіей Украинскаго вѣстника родство между ними не подлежитъ сомнѣнію. Не подъ вліяніемъ-ли рецензіи «Украинскаго Вѣстника» написалъ Котляревскій и своего «Москаля-Чарівника»? Въ этой пьесѣ хитрецомъ оказывается Москаль, а крестьянинъ-украинецъ—простакомъ, согласно указанію рецензента.

Ясно изъ сказаннаго, что пьеса Шаховскаго повліяла только отрицательно на драматическія произведенія Котляревскаго. Положительное вліяніе можно-бы видѣть лишь въ томъ, что Котляревскій ввелъ и въ свои пьесы малорусскія пѣсни, по примѣру Шаховскаго; Харьковскій рецензентъ одобрилъ болѣе всего въ пьесѣ Шаховскаго малорусскія пѣсни, назвавъ ихъ «въ самомъ

---

13 № Благонамѣреннаго на 1823 г.. Цитата заимствована нами изъ Историч. христоматіи Галахова, т. II, Спб. 1864, стр. 415). Снисходительнѣе сравнительно, чѣмъ критикъ «Украинскаго Вѣстника», отозвался о «Казакѣ-Стихотворцѣ» Мастакъ въ Учен. Зап. II. Моск. Унив., 1834, ч. VI, стр. 289, перечисляя произведенія украинской литературы въ прозѣ: «Мы не упоминаемъ здѣсь объ анекдотической Оперѣ-Водевилѣ: Казакъ-Стихотворецъ, писанной тоже прозою; ибо въ ней языкъ Малороссійскій изуродованъ, или какъ говоритъ Выборный въ оперѣ Наталка-Полтавка: наколочено гороху зъ капустою, хотя вымыслъ въ ней очень не дуренъ и дѣйствіе ведено искусною рукою, исключая нѣкоторыхъ анахронизмовъ, происшедшихъ отъ незнанія Малороссійской исторіи, мѣстности, характера, обычаевъ, и т. п.» — Кулишъ назвалъ оперу Шаховскаго «крайне нелѣпою» (въ ст. о Гуякѣ-Артемовскомъ—въ «Основѣ» 1861 г.).

дѣлѣ восхитительными по тону, по чувствамъ»[1]). Но народныя пѣсни въ нѣсколько передѣланномъ видѣ начали появляться въ нашихъ комедіяхъ и операхъ съ конца прошлаго вѣка, между прочимъ — въ тѣхъ, которыя ставились въ Полтавѣ.

Въ чемъ состояло подражаніе Котляревскаго комедіямъ Фон-Визина, Капниста, Крылова, на которыя указываетъ г. Петровъ, онъ не поясняетъ. Вліяніе Фон-Визина, Крылова и Капниста намъ кажется сомнительнымъ. Г. Петровъ могъ-бы указать только на то, что солдатъ въ «Москалѣ-Чарівникѣ» своей порожбой напоминаетъ издалека «Мельника, колдуна, обманщика и свата» Аблесимова. Связи піесъ Котляревскаго съ пьесами Княжнина мы не видимъ ни въ чемъ, кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ изъ произведеній Княжнина дѣйствіе совершается въ сельской обстановкѣ, какъ и

---

[1]) Ср. въ Ист. христ. Галахова, т. II, стр. 415: «водевиль Шаховскаго имѣлъ большой успѣхъ, благодаря сюжету и особенно мотивамъ малорусскихъ пѣсенъ, положеннымъ на музыку Кавосомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ долгое время были въ общемъ употребленіи и вошли въ пѣсенники, назначенные для средняго и низшаго класса грамотныхъ людей». — Г. Петровъ не упоминаетъ (см. стр. 174) о другомъ произведеніи Шаховскаго изъ малорусской исторіи, написанномъ, вѣроятно, вслѣдствіе успѣха «Казака-стихотворца», именно объ огромной повѣсти, «вполовину урѣзанной въ печати», «Маруся — Малороссійская Сафо» (помѣщена въ I-мъ т. сборника «Сто Русскихъ литераторовъ», Спб. 1839). Эта повѣсть примыкаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ «Казаку-стихотворцу»: она также заимствована будто-бы изъ малорусской исторіи (авторъ изображаетъ половину XVII вѣка), и героиней ея является поэтесса, какъ въ «Казакѣ-стихотворцѣ» поэтъ; «Маруся» также всецѣло вымышлена, также не заключаетъ «ни одного Малороссійскаго характера»; языкъ ея также представляетъ безобразную смѣсь полонизмовъ и словъ небывалыхъ. Лучшее и въ повѣсти Шаховскаго — пѣсни, но онѣ, по мѣстамъ, неудачно подправлены. Утомительные разговоры имѣютъ цѣлью соединить эти пѣсни. Канвой для автора какъ будто послужила народная пѣсня о Грыцѣ, данная сюжетъ и другимъ композиціямъ на малорусскомъ языкѣ (между проч. — опереткѣ Александрова). Шаховской со свойственною ему спѣшностью на скоро состряпалъ свою повѣсть, воспользовавшись, между прочимъ, драматическими сценами Тополи «Чари». На это заимствованіе указалъ рецензентъ «Отечеств. Записокъ» (см. «О. З.» 1839, т. II, отд. VII, стр. 127), ошибочно назвавъ «Чари» повѣстью. Ср. также неблагопріятный отзывъ о «Марусѣ» въ «Воспоминаніи о Князѣ Александрѣ Александровичѣ Шаховскомъ» Н. А. Смирнова въ «Пантеонѣ» 1847, стр. 122. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ уже требовали этнографической правды, и повѣсть, которую самъ Шаховской цѣнилъ очень высоко, не могла, въ силу отсутствія въ ней такой правды, встрѣтить успѣха, какой ранѣе снискалъ на сѣверѣ «Казакъ-стихотворецъ».

въ пьесахъ Котляревскаго; сближать Синехдохоса комедіи «Неудачный Примиритель» съ Финтикомъ и Возным невозможно.

Вліяніе русскихъ образцовъ можно признать еще въ «Одѣ до князя Куракина». Въ русской литературѣ 2-й половины XVIII в. были въ ходу такія оды [1]). Замѣчательно однако, что Котляревскій не напечаталъ своей оды. Стеблинъ-Каминскій говоритъ о ней: «Ода эта, по замѣчанію современниковъ Котляревскаго, имѣла ироническій смыслъ и потому сочинитель не хотѣлъ выпускать въ свѣтъ ее» [2]). При подражаніи въ формѣ ода Котляревскаго все-таки отличается значительною своеобразностью и отступаетъ отъ шаблонныхъ пріемовъ.

Сдѣлаемъ выводы изъ всего сказаннаго о произведеніяхъ Котляревскаго и объ основныхъ началахъ новой украинской литературы.

Первое произведеніе новой украинской литературы явилось въ Полтавщинѣ, которая была самымъ цвѣтущимъ краемъ Малороссіи со второй половины XVIII в. Въ началѣ XIX в. тамъ же были поставлены на сцену и первые украинскіе опыты въ драматическомъ родѣ творчества, примѣненные къ распространеннымъ въ новѣйшей драмѣ формамъ оперы и водевиля.

Начинателя новѣйшей украинской литературы И. П. Котляревскаго главный обвинитель его, г. Кулишъ, осуждалъ за то, что Энеида его «носитъ въ себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія»; здѣсь будто бы «собрано все, что только могли паны найти каррикатурнаго, смѣшного и нелѣпаго въ худшихъ образчикахъ простолюдина». Котляревскій будто-бы подвергъ тѣмъ самому опасному испытанію чувство украинской народности. Поэма Котляревскаго, «концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, заслонила передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя его стороны». Въ своихъ драматическихъ пьесахъ «Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ *Энеидѣ*, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ.... Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность — въ аффектацію и сентиментальность, отъ которыхъ въ то время не

---

[1]) См., напр., въ собраніи сочиненій Кострова, изданномъ въ 1849 г. Смирдинымъ, стр. 168.

[2]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, стр. 26.

былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель» [1]). Г. Петровъ нѣсколько освободился отъ крайностей этого прежняго сужденія г. Кулиша, но все еще находится въ зависимости отъ него и считаетъ Котляревскаго однимъ изъ украинскихъ поэтовъ, примыкавшихъ въ весьма значительной степени къ образцамъ, имѣвшимся въ русской литературѣ.

Строго-научное безпристрастіе требуетъ умѣрить эти отзывы. Намъ кажется, что вполнѣ справедливо будетъ сказать слѣдующее о начинателѣ новой украинской литературы.

Не осталось безъ вліянія на его дѣятельность то обстоятельство, что Котляревскій родился въ Полтавщинѣ, гдѣ полвѣка спустя были записаны первыя старинныя украинскія думы, какія явились въ печати, гдѣ, слѣдовательно, держались еще во всей свѣжести славныя преданія Украины, поддерживавшія народное самосознаніе, и сохранялся въ чистотѣ народный украинскій типъ. Котляревскій съ дѣтства находился подъ впечатлѣніями украинской природы, жизни и народнаго творчества. Уже въ годы пребыванія въ духовной семинаріи Котляревскій испытывалъ влеченіе къ творчеству на родномъ языкѣ, образцы котораго были извѣстны ему, между проч., въ віршахъ. Слѣдовательно, Котляревскій началъ свою поэтическую дѣятельность, увлекаемый любовью къ народной рѣчи и поэзіи на родномъ языкѣ. Подъ вліяніемъ этой наклонности, переходившей постепенно въ любовь къ народности, можетъ быть вначалѣ не вполнѣ сознательную [2]), Котляревскій рано началъ тщательно изучать народную жизнь и народную словесность и пріобрѣлъ превосходное знакомство съ тою и другою. Въ своей послѣдующей литературной дѣятельности онъ руководился не только желаніемъ распотѣшить публику и не только примыкалъ къ образцамъ въ русской литературѣ, въ которыхъ съ конца прошлаго вѣка смутно пробивалось стремленіе къ изображенію народнаго быта (сюда относятся, между проч., и пародіи эпоса) и въ которые (въ оперетки) начали проскальзывать и народныя пѣсни: Котляревскій поддавался также старой украинской литературной традиціи и вліянію народной словесности и народнаго воззрѣнія на жизнь. Народный элементъ наполнилъ собою въ огромныхъ размѣрахъ схему Энеиды, взятую извнѣ (можетъ быть — независимо отъ Осн-

[1]) Основа, 1861, январь, стр. 236, 244, 247—248.

[2]) Таково послѣднее мнѣніе г. Кулиша: «Сам Котляревскій не знав добре, що він творить. Він покорялись недоцідомому велінню народнёго духа». Хуторна поезія, 123. Мнѣніе г. Кулиша о «безсознательномъ (въ началѣ) народничествѣ» Котляревскаго повторилъ г-нъ Н. М. В.

нова[1]), а въ драматическія произведенія Котляревскаго онъ вошелъ въ полной чистотѣ; такія лица, какъ Возный и Фунтикъ, не измышлены, но взяты изъ украинской же дѣйствительности. Въ этихъ пьесахъ лишь форма въ самыхъ общихъ очертаніяхъ ея принадлежала не Котляревскому и была заимствована имъ изъ русской литературы. Въ то время, когда были написаны опера и водевиль Котляревскаго, онъ выработалъ въ себѣ вполнѣ способность къ оригинальному творчеству, находящему матеріалъ въ народной жизни и поэзіи. Изъ народнаго характера и народной поэзіи почерпнута та чувствительность, которую г. Петровъ вслѣдъ за нѣкоторыми другими назвалъ сентиментальностью въ произведеніяхъ Котляревскаго (и Квитки). Котляревскій раскрылъ въ своихъ произведеніяхъ сокровища народной души и народнаго слова и былъ въ тоже время однимъ изъ самыхъ раннихъ украинскихъ собирателей этихъ сокровищъ, однимъ изъ первыхъ по времени малорусскихъ этнографовъ. Онъ любилъ народъ и былъ оцѣненъ по достоинству всѣми сословіями народа: онъ сразу сталъ какъ бы общенароднымъ поэтомъ, возбудивъ интересъ къ своимъ произведеніямъ не только въ интеллигентномъ классѣ украинцевъ, но и въ простомъ народѣ.

Такимъ образомъ, Котляревскій обратился къ литературной дѣятельности подъ вліяніемъ безсознательнаго влеченія къ творчеству на родномъ языкѣ и не безъ воздѣйствія старой украинской традиціи. Онъ очистилъ свой литературный вкусъ, познакомившись съ формами русскихъ литературныхъ произведеній, но въ содержаніи «Энеиды», а въ особенности драматическихъ произведеній выказалъ полную оригинальность.

Итакъ, въ новой украинской литературѣ усматривается изначала вліяніе нѣсколькихъ элементовъ. Первое мѣсто въ ряду ихъ занимаетъ элементъ мѣстный, который вскорѣ былъ усиленъ романтическимъ увлеченіемъ народностью. Въ украинской литературѣ сразу проявилась характерная черта племеннаго типа: совмѣщеніе реализма, юмора и чувствительности. Русская литература оказывала съ самаго начала весьма благотворное вліяніе на очищеніе украинскаго языка, на возвышеніе его до ступени литературнаго выраженія и изощряла вкусъ къ изяществу формы, какъ то вѣрно замѣтилъ г. Петровъ.

Существеннымъ вопросомъ въ исторіи новой украинской литературы является вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ эле-

[1]) Интересно, что въ концѣ прошлаго столѣтія появилась и бѣлорусская Энеида.

менчомъ, о томъ, какое теченіе преобладало и какъ оно сливалось съ другими. Самъ г. Петровъ призналъ, что «историческое изученіе украинской литературы показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, изслѣдовало бы ту почву, на которой она произрастаетъ, и опредѣлило бы, насколько устойчива и питательна эта почва» (стр. 1).

Разсмотримъ подробнѣе, какъ выполнилъ г. Петровъ эту задачу, т. е. какъ онъ изслѣдовалъ генезисъ украинской литературы. При этомъ мы не будемъ придерживаться собственной схемы г. Петрова, которая кажется намъ неудовлетворительной. Наиболѣе важнымъ двигательнымъ началомъ украинской литературы согласно съ данными, извлеченными изъ произведеній Котляревскаго, слѣдуетъ считать любовь къ народности въ литературномъ самовыраженіи. Затѣмъ уже вліяло великое общеевропейское движеніе первой половины XIX в., съ которымъ согласовалось естественное, прирожденное стремленіе украинцевъ къ выраженію въ литературѣ на языкѣ, усвояемомъ съ момента перваго лепета. Въ концѣ 1-й четверти XIX в. въ Украинѣ начало обозначаться болѣе или менѣе сознательное стремленіе къ народности въ литературѣ и примкнуло къ вѣянію романтики. Однимъ изъ проявленій этого общеевропейскаго движенія было славянское возрожденіе. Изъ славянскихъ литературъ, охваченныхъ этимъ теченіемъ, польская литература вслѣдъ за русской въ особенности вліяла на изученіе народности и на первоначальное развитіе украинской литературы. Мало по малу въ Украинѣ возникло самостоятельно начавшееся славянофильское движеніе.

Нѣкоторымъ изъ этихъ теченій г. Петровъ отводитъ особое мѣсто въ своей книгѣ, а о другихъ въ ней можно найти лишь скудныя отрывочныя замѣчанія, разбросанныя въ разныхъ частяхъ изслѣдованія. Мы разсмотримъ собранныя г. Петровымъ данныя объ основныхъ началахъ новой украинской литературы въ указанномъ выше порядкѣ, начавъ съ вопроса объ отношеніи между украинскою и общерусскою литературою. Благодаря такому распорядку читатель ясно увидитъ, насколько состоятеленъ общій взглядъ г. Петрова на украинскую литературу, и правильно ли опредѣлено въ немъ значеніе каждаго изъ ея факторовъ.

Кое-гдѣ мы воспользуемся и нѣкоторыми новыми матеріалами и пособіями, явившимися въ печати по выходѣ въ свѣтъ книги г. Петрова. Мы примемъ ихъ во вниманіе лишь для подкрѣпленія тѣхъ выводовъ, какіе вытекаютъ изъ матеріала, бывшаго въ распоряженіи у г. Петрова.

II.

Отношеніе украинской литературы къ общерусской.

Вліяніе общерусской литературы на развитіе украинской не можетъ подлежать сомнѣнію. Совершенно справедливо замѣтилъ г. Пыпинъ о малорусскомъ племени, что его «наибольшая половина живетъ давно въ тѣсныхъ связяхъ съ великорусскимъ центромъ, съ которымъ едва-ли можетъ раздѣлиться въ своей умственной жизни; въ этой большей половинѣ литература на народномъ языкѣ давно стала провинціализмомъ» [1]). Но, признавая это, невозможно также отрицать значительную долю оригинальности въ генезисѣ, содержаніи и формахъ украинской литературы.

Г. Петровъ не соблюлъ справедливости и преувеличилъ значеніе общерусской литературы въ возникновеніи украинской. Любимая его мысль въ изслѣдованіяхъ объ украинской литературѣ — слабая оригинальность послѣдней. Уже въ своемъ «Очеркѣ изъ исторіи украинской литературы XVIII столѣтія» г. Петровъ выставляетъ на видъ «въ южно русскихъ писателяхъ XVIII вѣка нѣкоторое движеніе и смѣну понятій и мыслей, представляющія слабое отраженіе литературнаго движенія на сѣверѣ Россіи» [2]). Украинское литературное движеніе настоящаго вѣка «подновлено только воздѣйствіемъ на него идей, вкусовъ и пріемовъ сѣверно-русской литературы и потому, несмотря на мѣстный колоритъ, большею частію идетъ по слѣдамъ этой послѣдней литературы и съ ея словъ повторяетъ только зады. Въ этомъ отношеніи украинская литература нынѣшняго вѣка не есть какая-либо самостоятельная отрасль общерусской литературы, и потому, она должна быть разсматриваема не отдѣльно, сама по себѣ, а въ тѣсной связи съ общерусскою» [3]). Изъ этихъ словъ какъ-будто выходитъ, что южнорусская литература проявила мало оригинальности и украинскіе авторы повторяли то, что находили въ общерусской литературѣ. Ясно, что г. Петровъ приступилъ къ своему труду объ украинской литературѣ XIX вѣка съ предвзятою мыслью.

Невѣрность общаго взгляда г. Петрова выступаетъ въ самомъ этомъ тезисѣ: украинская литература едва-ли возникла бы и раз-

---

[1]) В. Европы, 1886, № 4, стр. 767.

[2]) Стр. 12.

[3]) Стр. 150.

вивалась, если бы была порождена преимущественно посторонним вліяніемъ и почерпала главное содержаніе въ общераспространенной и господствующей литературѣ. Очевидно, что среда, въ которой держалась и держится рядомъ съ общерусскою мѣстная литература, заключала въ себѣ задатки самобытнаго литературнаго творчества и оригинальной переработки того, что вносилось въ нее общерусскою литературою и извнѣ.

Степень оригинальности украинской литературы можетъ быть выяснена сопоставленіемъ произведеній ея въ цѣломъ съ соотвѣтственными произведеніями общерусской литературы. Г. Петровъ прибѣгаетъ неоднократно къ такому сравненію, но спрашивается, насколько научны эти сопоставленія.

Уже довольно давно начали отмѣчать важность взаимныхъ вліяній народностей въ развитіи литературъ [1]). Теперь въ исторіи литературъ обращаютъ особое вниманіе на выясненіе степени оригинальности тѣхъ или иныхъ литературныхъ произведеній, и изученіе такого рода стало моднымъ. Въ настоящее время въ немъ усматриваютъ «одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторіи литературы» и отчетливо формулируютъ, какъ разрѣшается эта задача «посредствомъ разысканія источниковъ произведенія и сопоставленія его съ другими подобными произведеніями того же времени или времени предшествовавшаго» [2]). Рѣшеніе вопроса о степени оригинальности литературныхъ произведеній требуетъ большой осмотрительности въ сужденіяхъ. Необходимо устанавливать сходства и аналогіи съ отчетливостью и осторожностью, потому что въ противномъ случаѣ можно доходить до совершенно невѣрной оцѣнки. Слѣдуетъ далѣе имѣть въ виду, что въ художественныхъ произведеніяхъ важна не столько оригинальность фабулы, сколько ея обработка, то духовное содержаніе, которое влагается въ заимствованный сюжетъ. Дантъ, Боккаччіо, Аріостъ, Шекспиръ, Мольеръ, Гете не измышляли собственныхъ фабулъ, но почерпали ихъ изъ литературныхъ произведеній, которыя попадались имъ подъ руку, или же изъ народной словесности.

Съ этой точки зрѣнія въ отношеніи къ украинской литературѣ необходимо рѣшить, насколько были сильны въ ней посторонніе

---

[1]) Ph. Chasles. Etudes sur l'antiquité précedées d'un essai sur les phases de l'histoire littéraire et sur les influences intellectuelles des races, Par. 1847, p. 3—136, Influences littéraires.

[2]) Körting, Encyclopaedie und Methodologie der romanischen Philologie zw. Theil, Heilb. 1885, 487.

вліянія, были ли они главною двигательною силою въ ея развитіи, подавляли ли ея самобытность, достигая исключительнаго преобладанія, или же вносили лишь нѣкоторыя общія идеи. Г. Петровъ долженъ былъ отчетливо прослѣдить, въ какой мѣрѣ украинская литература слѣдовала воззрѣніямъ и направленіямъ общерусской литературы и какъ видоизмѣнялись эти литературныя мнѣнія въ Украинѣ.

Г. Петровъ рѣшилъ этотъ вопросъ довольно односторонне, долго не вдумываясь: мы видѣли, что онъ пріурочилъ направленія украинской литературы къ главнымъ направленіямъ, господствовавшимъ въ общерусской.

Но сама русская литература того времени, когда возникала украинская литература, не отличалась полною народностью и самобытностью и примыкала къ иноземнымъ теченіямъ. Западное же вліяніе, которое было такъ сильно въ русской литературѣ даже въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго вѣка, могло проникать въ украинскую литературу не только чрезъ общерусскую литературу, но и путемъ непосредственнаго усвоенія общеевропейскихъ направленій украинцами. Самъ г. Петровъ замѣтилъ на стр. 126, что украинская литература знакомилась съ ново-романтическимъ движеніемъ «или непосредственно изъ первыхъ рукъ, или же при посредствѣ польской и русской литературъ».

Въ общемъ ходѣ развитія европейскихъ литературъ начиная съ среднихъ вѣковъ можно усматривать смѣну нѣсколькихъ *общихъ теченій*. Своимъ могучимъ потокомъ эти массовыя движенія уплекаютъ литературы на обширныхъ пространствахъ и составляютъ *основныя направленія* извѣстнаго времени. Такими общими теченіями европейской образованности, преобладавшими въ новѣйшее время, обусловливалось и развитіе украинской литературы при участіи мѣстныхъ началъ.

Въ Украинѣ знакомились нерѣдко съ западною литературою въ оригиналѣ. Подтвержденіе этого находимъ въ «Сочиненіяхъ и переводахъ студентовъ императорскаго Харьковскаго университета» 1818—1822 гг. Здѣсь встрѣчаемъ переводы съ языковъ: нѣмецкаго, французскаго, польскаго. Одинъ изъ переводовъ посвященъ проф. Кронебергу, который былъ отличнымъ знатокомъ иностранныхъ литературъ, какъ то доказываютъ, между прочимъ, его этюды въ «Брошюркахъ». Переводы Гулака-Артемовскаго изъ иностранныхъ поэтовъ, помѣщенные въ «Украинскомъ Вѣстникѣ», примыкаютъ, вѣроятно, къ тому же Харьковскому умственному дви-

женію. Молодежь была поощряема къ переводамъ, вѣроятно, и примѣромъ профессоровъ Гопорскаго, Филомаритскаго и Срезневскаго, помѣщавшихъ свои переложенія въ «Украинскомъ Вѣстникѣ». Вообще въ этомъ журналѣ печаталось много переводовъ съ древнихъ и новыхъ языковъ. Мы встрѣтили здѣсь и имя столь дѣятельнаго впослѣдствіи литератора Ореста Сомова — подъ переводомъ нѣсколькихъ стиховъ изъ Дантова Ада [1]).

Нѣкоторые украинскіе литераторы были знакомы съ западноевропейскими литературами и отчасти подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, а отчасти въ силу оригинальныхъ наклонностей, хотя и не вполнѣ сознательно, упреждали въ нѣкоторыхъ видахъ творчества общерусское литературное теченіе. Карамзинъ, Озеровъ, Жуковскій подражали французамъ и нѣмцамъ, а въ украинскихъ произведеніяхъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго сразу водворился реализмъ и живая народная рѣчь.

Особаго вниманія заслуживаетъ въ украинскихъ *повѣстяхъ* сравнительно раннее вѣрное и въ тоже время весьма сочувственное изображеніе народнаго быта, въ чемъ она опередила-было на время общерусскую литературу. Какъ извѣстно, въ общерусской литературѣ уже со второй половины прошлаго столѣтія начали появляться оперы, изображавшія, между прочимъ, и бытъ народа, и передавались отдѣльныя черты народнаго быта. Съ той поры литература часто рисовала образы нашихъ крестьянъ, но въ большинствѣ случаевъ эти изображенія были лишены правды и напоминали западныхъ пейзановъ. Первая замѣчательная реальная русская повѣсть изъ быта простого народа — «Деревня» Григоровича, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846 года [2]). Лишь въ 40-хъ годахъ въ общерусской литературѣ началось болѣе глубокое изображеніе народнаго быта съ полнымъ сочувствіемъ и въ тоже время съ значительною реальностью. Тогда народная идея была провозглашена и въ лагерѣ западниковъ, не только въ лагерѣ славянофиловъ, которые были предшественники позднѣйшихъ «народниковъ». Но подкрашиваніе картинъ народнаго быта продолжалось еще и въ началѣ 50-хъ годовъ въ повѣстяхъ Григоровича, которыя написаны увлекательно, но вмѣстѣ и не совсѣмъ правдиво. Нѣкоторые находятъ, что даже у Тургенева не

---

[1]) Укр. Вѣстн. 1817, № 4, стр. 100.

[2]) Ср. Н. Воскресенскаго — Словесность — наука, Спб. 1887, стр. 100—107. Ср. въ статьѣ Бѣлинскаго о послѣдователяхъ Гоголя, написанной въ 1848 году.

видно настоящаго русскаго мужика, который будто бы впервые художественно-правдиво былъ воспроизведенъ въ русской литературѣ въ Ананіи, героѣ «Горькой судьбины». Какъ бы то ни было, только въ 40-хъ годахъ въ общерусской литературѣ появились «Записки Охотника» Тургенева и «Деревня» и «Антонъ-Горемыка» Григоровича. Мы позволимъ себѣ противопоставить этимъ произведеніямъ болѣе раннія украинскія повѣсти Квитки и не находимъ возможнымъ согласиться со взглядомъ г. Петрова на Квитку и другихъ болѣе раннихъ изобразителей жизни украинскаго народа, какъ на послѣдователей сентиментализма, господствовавшаго въ общерусской литературѣ.

Г. Петровъ какъ бы возводитъ изображеніе народнаго быта въ произведеніяхъ первыхъ украинскихъ писателей новѣйшаго времени къ гуманнымъ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка [1]), вызвавшимъ въ русской литературѣ преимущественное развитіе комедіи и «пародированныя поэмы въ простонародномъ духѣ». Въ другомъ мѣстѣ [2]) онъ указываетъ на сентиментальныя повѣсти Карамзина и Жуковскаго. Эти повѣсти повліяли будто бы на Котляревскаго въ «Наталкѣ-Полтавкѣ». Полнѣе же выразилось сентиментальное направленіе (и романтизмъ Жуковскаго) въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ и драматическихъ пьесахъ Квитки или Основьяненка».

Эти указанія кажутся намъ совсѣмъ не подходящими; не вполнѣ точенъ и общій взглядъ г. Петрова на сентиментальность. Народное направленіе литературы, выражавшееся въ формѣ комическаго изображенія и картинъ простонароднаго быта, не прекращалось въ украинской литературѣ съ начала XVII в. То, что г. Петровъ назвалъ реакціей псевдо-классицизму, было по существу, какъ мы видѣли, проявленіемъ сочувствія къ народу въ формѣ народіи классическихъ литературныхъ формъ.

Сентиментальность того направленія которое отличаетъ украинскую литературу, скорѣе можно бы возводить къ любовно-идил-

---

[1]) Стр. 4: въ вѣкъ Екатерины II «въ самой общерусской литературѣ былъ такой пунктъ, который послужилъ потомъ точкою отправленія для новѣйшей украинской литературы. Это были гуманныя просвѣтительныя идеи XVIII в., подъ вліяніемъ которыхъ русскіе писатели мало по малу стали отвыкать отъ изображенія знаменитыхъ героевъ и знаменитыхъ подвиговъ и спускаться въ низменныя сферы человѣческой дѣятельности».

[2]) Стр. 86—87.

ческой поэзіи, ведшей начало на западѣ съ весьма отдаленнаго времени.

Пастушеская поэзія имѣла мѣсто уже въ средневѣковой литературѣ, но достигла особеннаго процвѣтанія въ Италіи въ періодъ Возрожденія, а затѣмъ въ XVI вѣкѣ развилась въ Испаніи и Португаліи [1]), откуда въ XVII вѣкѣ была занесена во Францію. Издавна нашла мѣсто любовно-идиллическая поэзія и въ польской литературѣ. Во всей этой поэзіи пастушки и вообще поселяне выражали свои сердечныя страданія сентиментально, въ духѣ образованнаго общества, не такъ, какъ выражали бы ихъ въ дѣйствительности. Вотъ откуда ведетъ начало сентиментальность въ изображеніяхъ сельскаго быта.

Въ русской литературѣ не привился пастушескій романъ, но эклоги и идилліи были перенесены въ нашу литературу въ Екатерининское время. Идилліями Геснера увлекался и Александръ I [2]). Появились у насъ также сентиментальныя оперетки.

Въ нихъ-то и могутъ усматривать съ наибольшею вѣроятностью литературные образцы, вліяніе которыхъ могъ испытать Котляревскій, когда писалъ «Наталку-Полтавку». Она примыкаетъ къ сентиментальнымъ изображеніямъ сельскаго быта, порожденнымъ идиллическимъ влеченіемъ къ простотѣ сельской жизни въ ея противоположеніи городской жизни. Но, какъ мы видѣли, сентиментальность Котляревскаго является не столько подражательною, сколько естественною; она свободна отъ болѣзненности и неестественнаго преувеличенія и соединена съ здоровою положительностью. Мы видѣли также, насколько оригинально содержаніе оперетокъ Котляревскаго [3]). Въ чемъ состоитъ ближайшая связь произведеній Котляревскаго съ сентиментальными повѣстями Карамзина и Жуковскаго, мы не понимаемъ. Указывая на эти повѣсти, г. Петровъ упустилъ изъ виду, что Карамзинъ и Жу-

---

[1]) Schönherr, Jorge de Montemayor, 1885.

[2]) Надлеръ, Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, т. I. 1886, стр. 15.

[3]) Бродячій анекдотъ, положенный въ основу «Москаля-Чарівника», не лишаетъ эту пьесу оригинальности: какъ извѣстно, странствующія повѣсти составляютъ основу даже лучшихъ литературныхъ произведеній. Замѣтимъ здѣсь относительно общей схемы «Москаля-чарівника», что она встрѣчается и въ одной изъ пьесъ французскаго писателя Лириве, у котораго колдунъ обманываетъ отца молодаго кутилы, веля ему стать на колѣни и не подымать глазъ: благодаря тому Урбанъ скрывается со своею возлюбленною.

ковскій не были единственными представителями сентиментальности въ нашей литературѣ и что они примкнули лишь къ широко распространенному направленію.

Если говорить о давѣшней извнѣ сентиментальности въ украинской литературѣ, то необходимо принять во вниманіе чрезвычайное господство этого направленія и возможность проникновенія его въ Украйну изъ первоисточниковъ въ оригиналахъ или въ переводахъ. Въ первыя десятилѣтія настоящаго вѣка «чувствительное сердце» высоко ставилось и въ Украйнѣ [1]). Августъ Лафонтенъ, Мармонтель, Жанлисъ были въ большомъ ходу въ русскихъ переводахъ. Въ библіотекѣ И. П. Котляревскаго имѣлись «переводные романы бывшихъ тогда въ ходу писателей: Августа Лафонтена, Дюкре-Дюмениля, Коттень, Жанлисъ [2]).

Г. Петровъ считаетъ Котляревскаго начинателемъ украинскаго сентиментализма, заимствованнаго изъ русской литературы изъ повѣстей Карамзина и Жуковскаго; въ духѣ этого сентиментализма дѣйствовала цѣлая школа украинской литературы, главнымъ представителемъ которой былъ будто бы Квитка.

Этимъ своимъ мнѣніемъ г. Петровъ обязанъ не собственнымъ разысканіямъ, а утвержденію, высказанному ранѣе нѣкоторыми украинскими писателями. Вникнувъ тщательнѣе, г. Петровъ могъ бы убѣдиться въ невѣрности этого мнѣнія.

Первая повѣсть Квитки—«Харьковская Ганнуся»—была напечатана въ 1832 г.—много лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ повѣстей Карамзина и Жуковскаго. Въ то время въ русской литературѣ было не мало другихъ образцовъ сентиментальной повѣсти, и на Квитку могли повліять повѣсти Полевого, Марлинскаго и др., если только предположить, что Квитка не былъ вовсе знакомъ съ сентиментальными произведеніями иностранныхъ литературъ.

---

[1]) Любовь Кричевская, подписка на сочиненія которой принималась въ 1817 г. у «Правителя дѣлъ Харьковскаго Общества благотворенія Григорія Осдоровича Квитки», въ обращеніи къ читателямъ говоритъ: «Чувствительныя сердца! подивитесь моей хитрости: я нашла способъ быть читаема вами» и пр. Укр. Вѣстн. 1817, апрѣль: 137. Еще въ 30-хъ годахъ въ Харьковѣ «будто-бы слишкомъ увлекались такими сочиненіями, какъ «Коварство и любовь» Шиллера, «Вертеръ» Гете и проч., вслѣдствіе чего случались самоубійства отъ любви и другія романическія происшествія. Кіевская старина 1883, май, ст. Барымова: «Харьковскій Вертеръ».

[2]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, стр. 6.

Но намъ кажется, что повѣсти Квитки слѣдуетъ признать не столько подражательными, сколько оригинальными произведеніями. Мы можемъ привести въ подтвержденіе этого положенія прежде всего отзывы современниковъ Квитки объ его повѣстяхъ [1]). Укажемъ далѣе на то, что сентиментальность Квитки вытекала изъ его личнаго характера. Во всѣ вѣка бываютъ въ ряду поэтовъ, по выраженію Sainte-Beuve-а [2]), «нѣжныя души, которыя, благопріятствуетъ ли имъ окружающее или нѣтъ, будутъ отыскивать свой идеальный міръ».

Глубоко-чувствительнымъ сердцемъ обладалъ Котляревскій [3]), и еще въ большей степени отличался имъ Квитка [4]). Весьма характерна также проявленная имъ смолоду наклонность къ тихой и уединенной жизни среди сельской природы [5]). Сентиментальность

---

[1]) Въ «Молвѣ» 1835 г., ч. X, №№ 27—30, столб. 36, говорится о «Малороссійскихъ повѣстяхъ, разсказываемыхъ Грицкомъ Основьяненкомъ» (кн. 1, М. 1834), что онѣ «отличаются высокимъ литературнымъ достоинствомъ, происходящимъ отъ *оригинальности предмета и оригинальности таланта*». Въ предшествовавшемъ году, въ письмѣ къ Снегиреву, Срезневскій назвалъ Квитку «всегда игривымъ, всегда увлекательнымъ» (стр. 135). Такими сужденіями были встрѣчены повѣсти Квитки въ русской литературѣ. А вотъ какъ выразился о Квиткѣ вскорѣ послѣ его смерти издатель Молодика: это «едва-ли не единственный писатель, который могъ, по своему несомнѣнному *самородному таланту, одинъ* поддержать самостоятельность малороссійской литературы». . . (Молодикъ на 1844 г., стр. 241).

[2]) Nouveaux lundis, t. VIII, Par. 1879, p. 84.

[3]) См. разсказъ о томъ, какъ онъ расплакался, когда пѣлъ пѣсню. Помѣщикъ, у котораго Котляревскій прожилъ нѣкоторое время въ 1795 г., въ первый же день попросилъ своего гостя спѣть чувствительную пѣсню «на счетъ якой-нибудь былиночки, сиротиночки, . . . або що». Въ 1829 г. Квитка спрашивалъ одного своего пріятеля: «А чи нема писенекъ, заунывныхъ или смѣшныхъ»?

[4]) См., напр., анекдотъ, переданный Даниленскимъ въ «Украин. Старинѣ» (Харьк. 1869) на стр. 205.

[5]) «Основу», любимое мѣстопребываніе Квитки, по имени которой онъ составилъ свой псевдонимъ, такъ описалъ другъ Квитки, извѣстный въ свое время Харьковскій литераторъ Вернетъ: «Пріятенъ видъ на городъ съ балкона домовъ гг. Ламакина и Сердюкова; но еще лучше въ Основѣ съ огромнаго дома достопочтеннаго губ. предводителя А. О. Квитки. Лѣсъ и вода придаютъ новую красу перспективѣ. Вообще нѣтъ пріятнѣйшаго уединенія, какъ въ сосѣдствѣ города по закону контрастовъ. Въ Основѣ сосновая роща во всякое время пріятна: мрачная зелень сосенъ съ бѣлизною песка или снѣга рождаетъ какую-то сладкую задумчивость. . . .» Укр. Вѣстн. 1817, окт., стр. 190. Думами, выраженными въ этомъ письмѣ, помѣченомъ 1 іюля 1817 г., написанномъ въ Основѣ и посвященномъ Квиткѣ, авторъ дѣлился, вѣроятно, со своимъ другомъ.

Квитки не была вычурна, поддѣльна, искусственно усвоена. То была та самая чувствительность, которая покоится въ глубинѣ народной души. Въ Квиткѣ она предстала съ большею выразительностью, какъ въ лучшемъ представителѣ народной души, какимъ съ полнымъ правомъ можетъ назваться народный поэтъ. Скажемъ словами Костомарова: «Великорусскіе критики упрекали Квитку въ искусственной сентиментальности, которую онъ будто навязываетъ изображаемому народу; но именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязываемаго народу — нѣтъ; незаслуженный упрекъ происходитъ оттого, что критики не знали народа, который изображалъ малороссійскій писатель» [1]). Совершенно справедливо замѣтилъ также авторъ статьи о Котляревскомъ въ «Нови», что чувствительность составляетъ черту народнаго характера украинцевъ. Она проявляется и въ народныхъ пѣсняхъ, и въ искусственной украинской лирикѣ, къ которой неодобрительно относился Костомаровъ, и въ произведеніяхъ новѣйшей украинской литературы [2]). Необходимо отличать ложную сентиментальность въ родѣ той, какая господствовала въ пастушеской поэзіи, отъ истинной чувствительности. У Квитки сентиментальность не устраняла вѣрности изображенія. Возьмите одну изъ самыхъ сентиментальныхъ повѣстей Квитки—«Марусю». Изображеніе въ ней украинки съ ея силою любви, глубокимъ чувствомъ и душевнымъ изяществомъ сохраняетъ значеніе и свѣжесть и до настоящаго времени, между тѣмъ какъ нельзя того сказать о «Бѣдной Лизѣ». Повѣсти Квитки вызывали слезы у читателей изъ всѣхъ классовъ общества, и это служитъ лучшимъ подтвержденіемъ правдивости произведеній Квитки: поддѣльная чувствительность не въ силахъ такъ дѣйствовать на всѣхъ читателей [3]). Чувствительность Квитки не

---

[1]) Гербель, Поэзія славянъ, Спб. 1866, стр. 160.

[2]) Нѣкоторые обвиняли въ сентиментальности и Марка-Вовчка См. также ст. К. Шрама: «Украинская деревня по произведеніямъ гг. Старицкаго и Кропивницкаго» въ альманахѣ «Степъ, Херсонський беллетристичний збирникъ», Спб. 1886, стр. 307—308.

[3]) Вотъ что писалъ къ Марлинскому его братъ Н. А. Бестужевъ въ 1835 г.: «Ты много писалъ о чувствованіяхъ, о страстяхъ, расцвѣчалъ ихъ блестящимъ твоимъ слогомъ, одѣвалъ ихъ во всѣ краски твоего воображенія— и мы оставались недвижимы, и почему?... Потому что ты эти чувствованія, эти страсти хотѣлъ только представить изумительными, а не заботился повѣрить ихъ ощущеніями собственнаго сердца — и вотъ ты самъ себѣ далъ вѣрный урокъ, ты напалъ на дорожку, которая и привела тебя и насъ къ собственному твоему сердцу (рѣчь идетъ о «Кавказскихъ очеркахъ»). Вѣрь, что

заключала въ себѣ неестественности и уравновѣшивалась въ его творчествѣ второю, крупною особенностью его таланта—юморомъ [1]). И въ этомъ сочетаніи Квитка явился представителемъ малороссійскаго народнаго характера. Въ народной малороссійской поэзіи грустные тоны смѣняются иногда прорывомъ юмора [2]). Въ совершенномъ соотвѣтствіи съ народнымъ характеромъ украинцевъ и Квитка совмѣщалъ въ себѣ глубоко чувствующее сердце съ добродушнымъ юморомъ. Наклонность къ нему Квитка проявлялъ задолго до написанія сентиментальныхъ повѣстей. Значительный самородный талантъ сатирика и юмориста проявлялся уже въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Квитки, въ его статьяхъ, печатавшихся въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» подъ псевдонимомъ Ѳалалея Повинухина [3]) и «производившихъ въ Харьковѣ фуроръ» [4]). Одно изъ юмористическихъ стихотвореній Квитки: «Люди добрые, винюся» было распѣваемо, а пѣсня: «Прійшовъ Грыць, зажурывсь», стала народною [5]). Подобно Котляревскому Квитка славился какъ замѣчательный разсказчикъ анекдотовъ на первыхъ литературныхъ вечерахъ въ Харьковѣ. Квитка выказывалъ также «игривое во-

---

для писателя сердце есть неистощимый рудникъ сокровищъ. Расточай же намъ полными пригоршнями твое сердце. . .» Отеч. Зап. 1860, іюль, ст. Семевскаго: «Александръ Александровичъ Бестужевъ», стр. 92.

[1]) Г. Петровъ придаетъ мало значенія юмору Квитки и говоритъ (стр. 107; ср. стр. 90), что «все разнообразіе произведеній Квитки можетъ быть подведено подъ одно общее начало идилліи и сентиментальности, которое предполагаетъ собою противоположность между городскою изысканною и сельскою простою жизнью». Между тѣмъ уже, при первомъ появленіи повѣстей Квитки, Бодянскій замѣтилъ, что «Панъ Грыцько рѣшительнымъ талантомъ обладаетъ для повѣстей въ духѣ веселомъ, насмѣшливомъ, комическомъ» (Учен. Зап. И. Моск. Унив., годъ второй, ч. VI, стр. 302 — 303.

[2]) Укажемъ на лирниковъ. По словамъ Тюменева, лирникъ, поющій хвалебные гимны, религіозно-покаянныя или аскетическія думы, иногда «становится представителемъ и народнаго юмора, заставляя хохотать чуть не до слезъ своихъ слушателей юмористическими созданіями народной поэзіи. Но эти проявленія простодушнаго веселья сравнительно довольно рѣдки; большею частью лирникъ сосредоточенно серьезенъ и пѣсня его либо проникнута религіозной торжественностью, либо щемящей сердце тоскою». Вѣстникъ Археологіи и исторіи 1885, кн. IV, стр. 38.

[3]) Письмо Ѳалалея Повинухина находимъ уже въ № 1-мъ Украинскаго Вѣстника 1816 г.

[4]) Даниленскій, Украинская старина, 201. Ср. «Неизданный разсказъ Квитки» въ формѣ писемъ, напечатанный въ № 1 «Кіевской Старины» 1887 стр. 91—98).

[5]) Даниленскій, 205—206.

ображеніе и мѣткую юмористику» въ тѣхъ добавленіяхъ, какія позволялъ себѣ при импровизаціи стихотворенія Сковороды «Всякому городу нравъ и нрава», когда увлекался въ разговорѣ въ книжномъ магазинѣ разсказами о знакомствѣ своемъ со Сковородою. Квитка «любилъ разговаривать о немъ, о своеобразности его взглядовъ на жизнь, о подробностяхъ и особенностяхъ его жизни». «Гомерическая личность Сковороды и непреложное, во всей суровой простотѣ, достинство общежитейскихъ разсужденій этого загадочнаго мыслителя имѣло значительное вліяніе на умъ и направленіе способностей Григорія Ѳедоровича Квитки» [1]).

Соединяя въ своей поэзіи смѣхъ надъ житейской пошлостью и слезы, въ чемъ Квитка явился отчасти соревнователемъ Гоголя, украинскій писатель стремился также, какъ и Гоголь, къ правдивости изображенія. Квитка былъ недоволенъ безсодержательностью журнальной беллетристики и приступилъ вполнѣ сознательно къ воспроизведенію народной жизни *на народномъ языкѣ*. «Мнѣ было досадно, — писалъ Квитка, — *что всѣ летаютъ подъ небесами, изобрѣтаютъ страсти*, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, налѣво и не писать того, что попадается на глаза? Живя въ Украйнѣ, пріучась къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать публикѣ» [2]). Въ письмѣ къ Шевченку Квитка такъ отзывался о беллетристикѣ своего времени: «Сьдымо мы у двохъ зъ моею жинкою, та де объ чимъ базикаемо, ажъ ось и прымчалы намъ книжкокъ, знаете — тыхъ, котрыми насъ дурныкивъ обдурюють, — гроныкы по переду злуплять, та й пишуть и друкують московську писеннтыцю, якъ яка разляпушка вбывалася объ своему бахурови, або якъ якый живжикъ одуривъ джинджиглясту панянку, що боялася и на людей дывытысь, а тутъ треба колыску дбаты.... Отъ таке усе пишуть звисно москаль: винъ по своиѝ вири такъ и пише» [3]).

---

[1]) Панъ Халанскій, изд. 4-е, Краткое воспоминаніе о Квиткѣ, Спб. 1879 стр. 3—4.

[2]) Во взглядѣ своемъ на умѣстность литературы на малорусскомъ нарѣчіи Квитка (см. его предисловіе къ повѣсти «Салдацькій патретъ», предпосланное подъ заглавіемъ «Суплика до пана издателя» во 2-й кн. Харьковскаго альманаха 1833 г. «Утренняя звѣзда») расходился съ Гоголемъ. Отзывъ Гоголя о Шевченкѣ см. въ ст. Г. П. Данилевскаго «Знакомство съ Гоголемъ» въ Ист. Вѣстн. 1886, № 12, стр. 479.

[3]) Болѣе подробностей о задачахъ малороссійскихъ повѣстей Квитки см. въ брошюрѣ А — ра: «Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко) 1778 — 1843, изд. 2, К. 1885», стр. 23—26.

Ясно отсюда, насколько основательны толки о томъ, что Квитка явился подражателемъ въ своихъ повѣстяхъ [1]) и комедіяхъ. Современные Квиткѣ критики и литераторы признавали оригинальность его произведеній и цѣнили ихъ за ихъ новизну. Въ альманахѣ Максимовича на 1831-й годъ, «Денницѣ», въ «Обозрѣніи Русской Словесности 1830 года», читаемъ: «Комедія сдѣлала нѣкоторое пріобрѣтеніе во 2-й части *Дворянскихъ выборовъ*, гдѣ представленъ *Выборъ исправника*». Болѣе значенія имѣли повѣсти Квитки, отличавшіяся вѣрнымъ изображеніемъ народнаго характера. Что до быта сельскаго люда, то онъ былъ представленъ у Квитки не во всестороннемъ освѣщеніи; Квитка не говоритъ о страданіяхъ этого люда, обусловленныхъ крѣпостничествомъ [2]). Равнымъ образомъ Квитка, по справедливому замѣчанію Костомарова, не раскрылъ всего того, что таилось въ глубинѣ народной души, не осмыслялъ, какъ Шевченко, смутныхъ чувствъ народа и его чаяній. Но взамѣнъ того Квитка озарилъ для насъ яркимъ свѣтомъ прекрасную душу крестьянина, глубину его чувства. Г. Кулишъ опредѣлилъ совершенно вѣрно достоинство одной изъ первыхъ повѣстей Квитки, «Маруси», которую Бодянскій справедливо осудилъ за растянутость — главный недостатокъ ея. По словамъ г. Кулиша, «Маруся» до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству. Видѣли въ ней плѣнительную живопись простонародныхъ обычаевъ, теплое чувство и много сценъ истинно-патетическихъ; но упустили изъ виду, что еще ни въ одномъ литературномъ произведеніи простолюдинъ-малороссіянинъ, лишенный всякаго иного общенія съ людьми просвѣщеными, кромѣ слова Божія, не являлся въ столь величественной простотѣ нравовъ, какъ въ

---

[1]) Въ своей первой малорусской повѣсти «Салдацькій патретъ» Квитка приближается болѣе всего къ повѣстямъ Н. В. Гоголя и въ частности къ «Сорочинской ярмаркѣ», написанной во второй половинѣ 1829 г. Интересно совпаденіе подробности о дьячкѣ у Гоголя и у Квитки. Объ украинскихъ источникахъ повѣстей Гоголя см. въ кн. Шенрока: Ученическіе годы Гоголя, М. 1887, стр. 91 и слѣд. По мнѣнію г. Петрова (стр. 99; ср. стр. 107), «въ повѣсти «Салдацькій патретъ» еще замѣтны литературные пріемы И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака-Артемовскаго».

[2]) Въ этомъ отношеніи украинскую *повѣсть* упредили нѣкоторыя произведенія общерусской беллетристики, каковы кромѣ «путешествія» Радищева: повѣсть Погодина «Нищій», «Дубровскій» и «Лѣтопись села Горохина» Пушкина и повѣсти Павлова, о которыхъ см. ст. акад. Сухомлинова: «Эпизодъ изъ литературы тридцатыхъ годовъ» (Древняя и Новая Россія 1875, т. I). О П. Павловѣ см. еще этюдъ Franzos-a: «Nicolaj Pawlow» во 2-мъ т. «Aus Halb-Asien».

этой повѣсти... Никто не скажетъ чтобъ это была аффектація. Тогда бы Квиткинъ поселянинъ не возбуждалъ къ себѣ такого сочувствія; онъ не впечатлѣлся бы въ душѣ и не сдѣлался бы ея любимымъ пріобрѣтеніемъ. Сердца обмануть невозможно, и слезы, пролитыя въ Малороссіи надъ чтеніемъ «Маруси», составляютъ фактъ, которымъ не должна пренебречь эстетическая критика» [1]). Вотъ лучшій отвѣтъ на тѣ обвиненія въ сентиментальности, которыя повторялись неоднократно, когда заходила рѣчь о повѣстяхъ Квитки.

На основаніи сказаннаго мы позволимъ себѣ усматривать въ повѣстяхъ Квитки первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно. Едва ли кто изъ нашихъ беллетристовъ до Квитки относился съ такою горячею и искреннею любовью къ народу. Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе общерусской литературы на Квитку можно допустить лишь въ частностяхъ [2]), и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Сентиментальность не отразилась у Квитки тѣми нелѣпостями, какія встрѣчаются у болѣе раннихъ сентименталистовъ, и соединялась съ натурализмомъ [3]). Что до «карикатурнаго изображенія малорусской жизни», на которое указываетъ г. Петровъ, то въ немъ можно обвинять и Гоголя, но спрашивается, насколько основательны такія обвиненія.

Такимъ образомъ, украинская литература рано и въ тоже время инстинктивно примкнула къ тому западноевропейскому теченію, которое обнаружилось плодотворными результатами и въ западноевропейской и въ русской литературѣ нѣсколько позже. Въ западноевропейской литературѣ повѣствованія изъ сельской жизни были выдвинуты въ противовѣсъ салонной новеллистикѣ и лживымъ изображеніемъ крестьянскаго быта. Проникаясь все болѣе и болѣе реалистическими тенденціями, начали интересоваться картинами дѣйствительныхъ отношеній и характеровъ деревни, воспроизводили то, что было свѣжаго въ ея жизни, но не скрывали и нѣко-

---

[1]) Русская Бесѣда, 1857, III, 134.

[2]) Такъ, напр., Василь въ повѣсти «Маруся» представляетъ отдаленное сходство съ «Чернецомъ» Козлова.

[3]) Незеленовъ отмѣчаетъ вліяніе сентиментальнаго натурализма и въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ произведеній Тургенева.

тарой грубоватости ея. Образецъ такихъ разсказовъ на западѣ представилъ Ауэрбахъ въ 1843 году въ своихъ «Dorfgeschichten» («Деревенскихъ разсказахъ») [1]), съ которыми сопоставляютъ «Записки охотника» Тургенева.

Сказаннымъ мы не отрицаемъ того, что иногда и общерусская литература обращала вниманіе украинцевъ на малорусскіе сюжеты, преданія и красоты природы. Такъ, въ 20-хъ годахъ очень нравилась русской публикѣ опера «Днѣпровская русалка», въ которой не было ничего мѣстно-реальнаго [2]). Общерусская литература знакомила также по временамъ украинцевъ съ произведеніями иностранныхъ литературъ. Такъ, «Рибалка», баллада Гулака-Артемовскаго, была написана, по нашему мнѣнію, подъ вліяніемъ перевода баллады Гете, сдѣланнаго Жуковскимъ и подвергшагося нападкамъ въ «Невскомъ Зрителѣ» 1821 г. Вліяніе перевода Жуковскаго изобличается началомъ баллады Гулака-Артемовскаго [3]).

Кромѣ такого вліянія, надо отмѣтить еще, что украинская литературѣ вдохновлялась не только мѣстными сюжетами, но и общерусскимъ патріотизмомъ. Напр., въ 1855 г. инспекторъ Лицея кн Безбородко, Морачевскій издалъ стихотвореніе «До чумака, або война Ягло-Хранцузо-Турецька, у 1853 и 1854 рокахъ» [4]) «въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ защитниковъ Севастополя». Въ томъ-же 1855 г., въ № 46 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей Л. Глѣбовъ помѣстилъ «по поводу прохода дружинъ Московскаго, Нижегородскаго и Владимірскаго ополченій чрезъ городъ Нѣжинъ» стихотвореніе «Остапова правда», заканчивающееся словами:

Здіймайте шапкы, та молитеся Богу,
Щобъ Богъ їим поміг та ныты противъ трьох!
Нехай розуміе и трусыться вôрог,
Бо з нами й за нас мылосердны наш Богъ»

---

[1]) См. о нихъ Stern, Geschichte der neuern Litteratur, VII-ter Bd. (1885), S. 60 fgde.

[2]) Объ успѣхѣ ея, см. напр., стр. 129 *Украинскихъ мелодій* Н. Маркевича.

[3]) Переводъ Жуковскаго начинается такъ:

Бѣжитъ волна, шумитъ волна!
Задумчивъ, надъ рѣкой
Сидитъ рыбакъ; душа полна
Прохладной тишиной.

[4]) Кіевъ, 1855 (3 печ. листа).

Далѣе, и украинская литература одушевлялась великими общерусскими интересами.

Итакъ, нельзя сказать, что вліянію общерусской литературы принадлежитъ исключительное или главное значеніе въ возникновеніи и движеніи украинской литературы. Не это только вліяніе было исходнымъ пунктомъ въ развитіи украинской литературы и не изъ общерусской литературы было почерпаемо общее направленіе и содержаніе украинской. Не искусственная сентиментальность заправляла творчествомъ первыхъ украинскихъ писателей, а та чувствительность, которая присуща народу, и эта послѣдняя не препятствовала сохраненію реализма, постоянно державшагося въ украинской литературѣ. Мы видѣли, что произведенія Котляревскаго и Квитки исполнены не только сентиментальности, но и юмора и реализма. Когда иноземное вліяніе должно было, наконецъ, уступить мѣсто народности въ общерусской литературѣ, въ Украинѣ оказалось достаточно собственнаго содержанія для наполненія мѣстной литературы, что́ доказываетъ, напр., поэзія Шевченка. Вмѣстѣ съ тѣмъ племенной геній Украины по прежнему участвовалъ въ развитіи общерусской литературы и вносилъ въ нее обильные вклады. Какъ извѣстно, въ лицѣ Гоголя украинское творчество рѣшительно направило общерусскую литературу на путь натурализма.

Въ послѣднее время г. Скабичевскій попытался умалить эту заслугу Гоголя. Онъ говоритъ: «Обыкновенно Гоголя считаютъ у насъ родоначальникомъ натурализма въ Россіи. Но это большое заблужденіе. Инициатива истиннаго натурализма, этого сѣвернаго типа поэзіи, безспорно принадлежитъ Пушкину. Гоголь же выступившій вполнѣ на поприще натурализма только въ половинѣ 30-хъ годовъ, съ изданія «Миргорода», — является уже не инициаторомъ, а послѣдователемъ Пушкина, его ученикомъ, воспитавшимся притомъ не надъ одними твореніями своего великаго учителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его личными, устными наставленіями. Пушкинъ, какъ извѣстно, внушилъ Гоголю всѣ лучшіе сюжеты его послѣдующихъ произведеній и «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»; онъ же, конечно, и направилъ его на путь изображенія обыденной дѣйствительности. Однимъ словомъ въ лицѣ Пушкина сѣверный геній покорилъ своему неотразимо-энергическому мужскому вліянію блестяще-яркій, но женственно-мягкій южный геній, олицетвореніемъ котораго представляется Гоголь» [1]).

[1]) Сѣверный Вѣстникъ 1886, № 1, ст. «Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ», стр. 88.

Невозможно отрицать весьма благотворное вліяніе Пушкина на творчество Гоголя [1]). Но указаніе на тотъ или иной сюжетъ, которымъ Гоголь былъ обязанъ Пушкину, еще не доказываетъ, что Гоголь въ изображеніи дѣйствительности былъ всецѣло ученикомъ Пушкина, который былъ начинателемъ реализма въ русской литературѣ. Въ художественномъ творчествѣ важенъ не только замыселъ, но и выполненіе послѣдняго; выполненіе же идеи «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» было всецѣло дѣломъ таланта Гоголя и выдвинуло также особенности творчества, какихъ не встрѣчаемъ у Пушкина. Сверхъ того, помимо «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», у Гоголя есть такія реалистическія произведенія, какъ «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», которыя свидѣтельствуютъ о самобытности таланта Гоголя и его творчества. Эту оригинальность произведеній Гоголя призналъ самъ Пушкинъ: онъ писалъ по прочтеніи Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки: «они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, *какая чувствительность!* [2]) *Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ*, что я доселѣ не образумился...» Пушкинъ, по сообщенію самого Гоголя, такъ опредѣлилъ главное существо таланта послѣдняго: «Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость пошлаго человѣка...»

Говоря о Гоголѣ, г. Скабичевскій примкнулъ къ критикамъ, понижающимъ достоинство произведеній великаго украинскаго писателя. Г. Петровъ справедливо не раздѣляетъ такихъ крайнихъ воззрѣній и опровергаетъ отзывы Кулиша объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, указывающіе въ этихъ повѣстяхъ постоянную этнографическую и историческую невѣрность. Г. Петровъ указываетъ довольно обстоятельно на связь украинскихъ повѣстей Гоголя съ народною словесностью и украинскою литературою и защищаетъ Гоголя отъ обвиненій въ незнаніи быта Украины и ея исторіи, иногда не вполнѣ удачно [3]).

---

[1]) См. воспоминанія Данилевскаго о Гоголѣ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1886 № 12 и въ № 3 1887 замѣтку П. Л. В.: «Гоголь о Пушкинѣ».

[2]) Ср. то, что сказано выше о чувствительности украинцевъ.

[3]) На стр. 193 книги г. Петрова читаемъ: «Главную причину недружелюбнаго отношенія Кулиша къ украинскимъ повѣстямъ Гоголя мы видимъ въ томъ обстоятельствѣ, что Кулишъ разсматриваетъ ихъ относительно этно-

Въ дополненіе къ замѣчаніямъ г. Петрова о повѣстяхъ Гоголя укажемъ на то, что Гоголь даже въ своихъ фантастическихъ и историческихъ повѣстяхъ изъ жизни Украины обнаружилъ стремленіе приблизиться къ дѣйствительному прошлому и вѣрно воспроизвести изображаемую эпоху. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и переписка Гоголя [1]). На западѣ образецъ вѣрнаго художественнаго воспроизведенія старины былъ данъ уже въ прошломъ столѣтіи Гете въ его «Гецѣ»; затѣмъ особое значеніе въ этомъ отношеніи имѣли романы Вальтеръ-Скотта. У насъ съ трудомъ привыкали къ вѣрному изображенію прошлаго въ историческомъ романѣ. Къ такому изображенію лишь въ 20-хъ годахъ начало пріучать вліяніе Вальтеръ-Скотта [2]). Въ виду этого несправедливо унижать повѣсти Гоголя, и отзывъ г. Скабичевскаго о «Тарасѣ Бульбѣ» (ср. мнѣніе Кулиша, изложенное г. Петровымъ на стр. 192) долженъ быть признанъ ненаучнымъ. Польскій критикъ и историкъ Грабовскій также отнесся неодобрительно къ исторической повѣсти Гоголя, которую призналъ «весьма слабою», принадлежащею «къ числу тѣхъ созданій, которыя — ни поэзія, ни исторія», но въ то же время критикъ замѣтилъ, что Гоголь, «взявши для сочиненія предметъ изъ историческаго минувшаго, *въ первый разъ создавалъ по воображенію рисунокъ и колоритъ, бился безъ дороги* и дѣлалъ погрѣшности на каждомъ шагу» [3]). Для насъ интересно въ особенности мнѣніе Костомарова. Въ предисловіи къ изданію «Тараса Бульбы» для народа Костомаровъ отмѣтилъ въ повѣсти Гоголя «вымышленное содержаніе» и «историческія невѣрности», но по его мнѣнію, «историческія невѣрности не лишаютъ достоинства произведеніе Гоголя, которое имѣетъ значеніе какъ плодъ его великаго дарованія по своему прекрасному художественному построенію» [4]). Гоголь не вполнѣ отрѣшился въ «Тарасѣ Бульбѣ» отъ пріемовъ

графической и исторической вѣрности, тогда какъ самъ Гоголь былъ поэтъ-художникъ, который дѣйствительную жизнь своевольно пересоздавалъ и преображалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое».

[1]) См. Шенрока стр. 85, 91 — 93, 128.

[2]) На такое значеніе произведеній Вальтеръ-Скотта указываетъ наша журнальная критика того времени. См. о ней въ книгѣ Веселовскаго: Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, Спб. 1881, стр. 61—63. Значеніе «Гецца» было вѣрно разъяснено Шевыревымъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 г.

[3]) Современникъ, т. сорокъ первый (1846), «Письмо Грабовскаго о сочиненіяхъ Гоголя».

[4]) Спб. 1874, стр. VI.

прежнихъ писателей историческихъ романовъ и повѣстей. Подобно Парѣжному героемъ своей повѣсти онъ избралъ вымышленное лицо, имя котораго неизвѣстно изъ исторіи [1]). Но, не обладая фактическимъ знаніемъ, Гоголь угадалъ и возстановилъ чутьемъ поэта вѣрный въ общемъ образъ прошлаго и настроеніе людей столь отдаленнаго отъ насъ времени. Если онъ не дошелъ до полнаго реализма въ воспроизведеніи изображеннаго имъ времени, то вина была не на его сторонѣ. Исторія Малороссіи была плохо извѣстна даже нѣсколько позже, — въ то время, когда писалъ Шевченко. И у Шевченка замѣчаются невѣрности въ частностяхъ, но въ общемъ поражаетъ инстинктивное прозрѣніе поэта, подобное тому, какое отмѣчено у Гоголя. Тѣмъ выше заслуга Гоголя въ «Тарасѣ Бульбѣ». Сравненіе этой повѣсти съ историческими повѣстями и поэмами Пушкина, выказывая преимущества произведеній послѣдняго, не должно приводить къ умаленію достоинствъ произведеній Гоголя. Изображая время Бориса Годунова, Екатерины II, Пушкинъ находился въ иномъ положеніи, чѣмъ Гоголь которому пришлось возстановлять въ поэзіи эпоху гораздо менѣе извѣстную. Что до «Полтавы», въ которой по словамъ Максимовича «Пушкинъ, по свойству своего генія былъ покорнѣе исторической дѣйствительности, чѣмъ Гоголь въ своемъ «Тарасѣ Бульбѣ», то и ея сюжетъ былъ сравнительно хорошо извѣстенъ и былъ обработанъ даже въ польской литературѣ [2]).

Представимъ на основаніи сказаннаго общее заключеніе о вліяніи общерусской литературы на развитіе украинской.

Послѣдняя разцвѣла только въ общеніи съ литературой всероссійской. Г. Петровъ совершенно основательно указалъ на то, что общерусская литература дѣйствовала весьма благотворно на очищеніе вкуса украинцевъ, на выработку болѣе или менѣе изящныхъ формъ въ ихъ литературѣ [3]). Чистота въ украинской литературной

---

[1]) Г. Скабичевскій указываетъ еще на неестественность рѣчей Андрея и панночки въ «Тарасѣ Бульбѣ», но лиризмъ этихъ рѣчей еще не доказываетъ ихъ неестественности.

[2]) Іезуитъ Muśnicki написалъ поэму «Pultava» до 1817 г. — О поэмѣ Пушкина «Полтава» въ историческомъ отношеніи см. «Атеней» 1829, ч. II, стр 501—515. — См. еще рѣчь г. Петрова «Значеніе Пушкина въ украинской литературѣ» — въ «Кіевлянинѣ» 1880, №№ 154 и 155. Отзывъ Грабовскаго о Полтавѣ см. въ его книгѣ: «Literatura i krytyka, Wilno, 1839, 35—37; онъ находитъ въ поэмѣ Пушкина мало украинскаго колорита.

[3]) Формальное вліяніе общерусской литературы на произведенія Котляревскаго не подлежитъ сомнѣнію и отзывается даже въ одѣ до князя Куракина.

рѣчи также явилась подъ вліяніемъ общерусской литературы [1]). Но послѣдняя не обусловливала содержанія украинской литературы, существенныхъ особенностей ея стиля и основныхъ направленій. Эти направленія были общи украинской литературѣ не только съ общерусскою литературою, но и съ другими славянскими, а также съ западноевропейскими литературами. Реализмъ [2]), юморъ и чувствительность постоянно характеризуютъ украинскую литературу какъ ея оригинальныя черты. Усилія г. Петрова поставить, кромѣ формы, и содержаніе украинской литературы въ постоянную зависимость отъ общерусской поселяютъ превратное мнѣніе въ читателѣ и оставляютъ въ сторонѣ главную двигательную силу украинской литературы, чистомѣстныя начала ея и условія почвы изъ которой органически и стройно выростало творчество украинскаго племени. Изъ этихъ началъ первыми по времени и значенію были жизненная сила племени, любовь къ народности и пробужденіе самосознанія.

III.

Любовь къ народности и пробужденіе самосознанія, какъ первоисточники украинской литературы.

Исходнымъ пунктомъ въ развитіи украинской литературы была любовь къ своей народности, естественная, а не привнесенная извнѣ потребность самовыраженія на родномъ нарѣчіи, привязанность къ родному слову. Эти двигательныя начала постепенно усиливались по мѣрѣ развитія самопознанія и самосознанія.

Украинцы страстно любятъ свою родину, и тоже чувство постоянно одушевляетъ ихъ поэтовъ. Можно бы привести цѣлый рядъ свидѣтельствъ о любви къ родинѣ, какою были проникнуты украинскіе поэты. У нѣкоторыхъ изъ нихъ эта любовь доходила до особеннаго пристрастія къ родному уголку. Такъ, Котляревскій чрезвычайно любилъ свою поэтическую усадьбу, свой дѣдовскій домикъ, уцѣлѣвшій еще отъ времени Полтавской битвы. Пассекъ такъ описываетъ этотъ домикъ: «Кто не помнитъ въ Полтавѣ не-

---

[1]) Уже у Котляревскаго находимъ обороты общерусской литературной рѣчи. Вліяніе ея замѣтно у всѣхъ лучшихъ украинскихъ писателей, напр. у Шевченка и Стороженка. Ср. литературную рѣчь въ Галичинѣ.

[2]) Знаменитая реальная комедія русской литературы «Ябеда» была написана украинцемъ.

большаго, уединеннаго домика на высокой горѣ близъ крѣпостныхъ окоповъ. Кто, посѣтивши этотъ домикъ, не любовался окрестными видами: направо огромное зданіе института и садъ по взгорью; налѣво широкіе луга, и по нимъ, извиваясь, блеститъ р. Ворскла, воспѣтая въ народной пѣснѣ:

Тече ричка невеличка,
Ворсклом прозываютъ:
Про ту ричку невеличку
Старци й дити знаютъ.

Далѣе видны темные лѣса, синяя даль, и мѣстами бѣлѣются Малороссійскія слободы. Это былъ домъ Ивана Петровича Котляревскаго» [1]). Съ крылечка этого домика «открывался великолѣпный видъ на зарѣчную сторону; — здѣсь любилъ просиживать цѣлые часы, Котляревскій съ зрительною трубою и наблюдать въѣзжавшихъ по сосѣдней пролегающей горѣ поселянъ. Весною его пріятели нарочито собирались къ нему полюбоваться разливомъ рѣки Ворсклы» [2]). Квитка не захотѣлъ оставить родину для Петербурга [3]). Шевченко тосковалъ по Украйнѣ, мечталъ о ней и просилъ, чтобы его похоронили

. . . . . на могыли,
Середъ степу широкого
На Вкраини мыляй;
Щобъ ланы широкополи
И Днипро, и кручи
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучій [4]).

Гребенка, сидя въ Петербургѣ, мечталъ про «чудесную дѣву», «красавицу», «родную Украйну», и писалъ:

Какъ тяжкіе вздохи печали глубокой,
Какъ матери вопли надъ гробомъ дѣтей,
Мнѣ въ душу запали далеко, далеко
Украины пѣсни моей [5]).

---

[1]) Москвитянинъ 1841, ч. II, № 4, стр. 562.

[2]) Стеблинъ-Каменскій, Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, 7.

[3]) Данилевскій, Украинская Старина, 212.

[4]) См. у Кулябки: Тар. Григ. Шевченко, К. 1884, стр. 65—68.

[5]) Стихотвореніе «Признаніе», напечатанное первоначально во II т. «Отеч. Зап.» 1839 г. Можно бы указать и на другія подобныя поэтическія воспоминанія объ Украйнѣ. См., напр., въ «Денницѣ на 1834 годъ» стихотвореніе «Малороссіянкѣ».

Метлинскій убѣждалъ хранить старые обычаи:

..... не внось свого, гостю, звычаю...
Батько казавъ, нічо якъ свій отдамо,
Мы и дѣткй нашй пропадемо.[1]).

Въ «Думкѣ Червонорусця» Метлинскій выразилъ любовь къ родинѣ человѣка, заброшеннаго на чужбину и вспоминающаго родной край,

Де густй луги, садочки зелененькй батьки[2]).

А вотъ какъ говоритъ Метлинскій о «зрадникѣ», который «зневажае родину»:

Зрадникъ одъ людей ласки не знатиме;
Самъ вйнъ одъ себе въ пущй тйкатиме....
Его рйдне слово въ пѣснѣ не грѣтиме,
Ему пѣсня въ сердцѣ углемъ горѣтиме....[3])

Любовь къ своей народности, выразившаяся у Метлинскаго и у другихъ украинскихъ поэтовъ[4]), была главною двигательною силою новѣйшей украинской литературы, какъ и многихъ другихъ литературъ XIX вѣка. Ранѣе она не выступала столь замѣтно въ литературѣ, но все же сказывалась. Она достигла было особаго оживленія въ періодъ польскихъ утѣсненій, въ тяжелыя годины народныхъ несчастій и обнаружилась, между прочимъ, въ томъ литературномъ движеніи, которое началось въ Украинѣ въ концѣ XVI вѣка. Широкая народная идея, одушевлявшая украинскихъ патріотовъ конца XVI вѣка и начала XVII-го, проявилась въ дѣятельности братствъ, въ подъемѣ просвѣщенія, въ переводахъ книгъ св. Писанія на болѣе или менѣе народный языкъ[5])

---

[1]) Могила, Думки и пѣсни та-шче де-шчо, стр. 63.

[2]) Ibid., 80.

[3]) Ibid., 45. Таже идея высказывалась и въ новѣйшей украинской поэзіи. См., напр., въ альманахѣ «Рада».

[4]) См. въ особенности «Украинскія мелодіи» Маркевича.

[5]) О нихъ см. въ рѣчи г. Житецкаго: «Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ» (Кіевская Старина 1882, Ноябрь, 282—284). Недавно г. Левицкій открылъ въ актовой книгѣ Житомирскаго градскаго суда подъ 1635 г. стихотворное переложеніе 42-го псалма на южнорусскую рѣчь. См. Кіев. Стар. 1886, № 3. См. также въ описаніи старопечатныхъ книгъ Каратаева о малорусскомъ евангеліи 1580 г., но его сообщеніе требуетъ разъясненія.

въ воззваніяхъ Аоонскаго монаха Іоанна Вишенскаго [1]) и въ обвиненіяхъ, которыя были выдвинуты имъ противъ аристократіи и высшаго духовенства. Эта идея сказывалась и въ языкѣ украинской литературы XVII вѣка [2]): языки церковно-славянскій и малорусскій предпочитали польскому и въ церковно-славянскую рѣчь вносили значительную примѣсь изъ языковъ малорусскаго, польскаго и латинскаго. Кромѣ переводовъ св. Писанія въ южной Руси являлись и другія произведенія на болѣе или менѣе народномъ языкѣ [3]) Языкъ этихъ произведеній не былъ вполнѣ народенъ, и въ чистомъ видѣ выступала народная рѣчь лишь въ разговорной рѣчи малороссовъ въ интерлюдіяхъ, которыя терялись въ общей массѣ произведеній на книжномъ, литературномъ языкѣ [4]). Но вѣдь въ то время и въ Великороссіи народная рѣчь не была господствующею въ литературныхъ произведеніяхъ, пробивалась только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и находила безпрепятственный доступъ въ акты.

Какъ извѣстно, общенародная идея, которою были проникнуты лучшіе люди Украины въ періодъ борьбы противъ польскаго утѣсненія, потомъ уступила мѣсто шляхетскимъ идеямъ, которымъ поддались и казацкая старшина, и монахи и книжники. Господство казацкой старшины надъ посполитыми оправдывалось ссылками на св. Писаніе. Выраженіе такихъ воззрѣній дошло до уродства у нѣкоего украинскаго стихотворца Климентія [5]). Соотвѣтственно складу общественной жизни въ Украйнѣ, и въ литературѣ послѣдней нарила латино-польская схоластика и лже-классицизмъ. Привычка къ нимъ въ украинскомъ обществѣ была распространяема студентами

---

[1]) Напечатаны во II-мъ т. Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи (Спб. 1865).

[2]) Общая «характеристика южно-русской литературы XVII в.» представлена г. Сумцовымъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885, № 1. Г. Сумцовъ различаетъ два періода въ этой литературѣ: «греко-славянскій — отъ восьмидесятыхъ годовъ XVI столѣтія до тридцатыхъ годовъ XVII столѣтія» и періодъ отъ тридцатыхъ годовъ до конца восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія.

[3]) Нѣсколько сказаній, переведенныхъ и передѣланныхъ на южно-русское нарѣчіе въ концѣ XVI в., напечатаны Макушевымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1851, № 9, подъ заглавіемъ: «Южно-русскія сказанія по рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ», и въ послѣднее время вновь появились въ печати заграницею подъ заглавіемъ: «Матеріалы до рускои литературы апокрифичнои. Зобравъ Д-ръ Ом. Калитовскій. Львовъ 1884 (библіотека «Зорѣ»)».

[4]) Изъ писавшихъ на этомъ послѣднемъ наибольшую близость къ народной рѣчи обнаружилъ Галятовскій.

[5]) О немъ см. ст. Куліша въ «Основѣ» 1861.

Кіевской Академіи [1]). Народная украинская литература была подорвана присоединеніемъ Кіева къ Москвѣ, когда просвѣщенные украинцы начали достигать виднаго положенія въ сѣверо-восточной Руси, и въ Кіевѣ уже не было интересовъ, побуждавшихъ къ усиленной литературной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, полнаго перерыва въ развитіи народной украинской литературы не было. Драма въ Украинѣ носила народный характеръ и такимъ же характеромъ могли отличаться тѣ вирши, какія писали семинаристы. Правда, до конца XVIII в. украинская литература не могла достигнуть національно-художественныхъ формъ, потому что не было для того благопріятныхъ общественныхъ условій, но все же она обладала нѣкоторыми значительными достоинствами. Въ «Очеркахъ изъ исторіи украинской литературы XVIII в.» г. Петровъ призналъ «пятый періодъ южнорусской драмы XVIII в., съ царствованія Екатерины II», «періодомъ упадка ея и совершеннаго преобладанія сѣверно-русской литературы и ея формъ» [2]). Дѣйствительно въ то время замѣчается упадокъ въ искусственной драмѣ, а также въ тѣхъ видахъ литературы, которые находились въ связи съ процвѣтаніемъ казачества, не остававшагося безъ вліянія на старую украинскую поэзію. Но самъ г. Петровъ указалъ на то, что языкъ украинской литературы XVIII в. былъ «простой, деревенскій» [3]). Онъ приближался въ значительной степени къ разговорной рѣчи, и слѣдовательно, уже тогда былъ проложенъ путь къ общенародному пониманію и усвоенію украинской литературы. Важны были, далѣе, чисто народные элементы украинской литературы XVIII в. Г. Петровъ въ своемъ трудѣ объ этой литературѣ отмѣтилъ «въ южнорусскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка удивительную амальгаму письменныхъ источниковъ всякаго рода съ произведеніями устной народной словесности» [4]). Въ народъ проникали даже произведенія такихъ книжниковъ, какъ Климовскій и Сковорода [5]).

---

[1]) О томъ, какъ студенты Кіевской Духовной Академіи «пѣвали разные канты», «говорили рѣчи, представляли діалоги, комедіи, трагедіи и проч.» въ Кіевѣ и въ губерніяхъ, см. у митр. Евгенія: Описаніе Кіевософ. собора, 1825, 215—216.

[2]) Стр. 27.

[3]) Оч. изъ ист. укр. лит. XVIII в. стр. 13. Ср. Головацкаго въ *Галичанинѣ*, III—IV, стр. 311, и Н. Онишкевича, Русска библіотека, т. III, Львовъ 1884, стр. IX. Въ Почаевѣ въ 1791 г. была напечатана книга Ю. Добриловскаго «Науки парохіяльныя зъ славено-руского на простый и посполитый языкъ»

[4]) Ib. 5.

[5]) О проникновеніи стихотвореній Сковороды въ народъ см. въ Украин-

Представленный краткій очеркъ развитія литературы въ Украинѣ до конца XVIII в. показываетъ, что эта литература не новa и издавна отличалась воспроизведеніемъ народной жизни и народной рѣчи. Не удивительно потому, что и новая украинская литература въ произведеніяхъ Котляревскаго сразу стала на народную почву.

Новая украинская литература развилась подобно старой благодаря подъему народнаго чувства, народнаго просвѣщенія и народнаго самосознанія. Въ просвѣщеніи разумномъ и живомъ чувствовалась давно настоятельная потребность [1]). На нее указывалъ Сковорода [2]), столь повліявшій на позднѣйшаго дѣятеля Слободской Украины, Квитку. Эта потребность была удовлетворена съ распространеніемъ новаго не семинарскаго образованія, съ появленіемъ гимназій и основаніемъ университета въ Харьковѣ [3]). Учрежденіе университета въ Харьковѣ повліяло въ сильнѣйшей степени на оживленіе литературнаго движенія въ Украинѣ. Нѣкоторые изъ профессоровъ этого университета начали издавать Украинскій Вѣстникъ, который былъ какъ бы полуоффиціальнымъ органомъ университета: въ этомъ журналѣ печатались свѣдѣнія о торжествахъ университета и разнаго рода отчеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ издатели желали «дать лучшее понятіе» объ Украинѣ. Они обѣщали «употребить всѣ способы къ убѣжденію здѣшнихъ писателей, дабы они сообщали свои сочиненія» [4]). Въ журналѣ нерѣдко пробивалось

скомъ Вѣстникѣ 1817, апр., 119, въ Украинской Старинѣ Данилевскаго, стр. 74—75; ср. «Памятную книжку Полтавской губерніи за 1865 г.», стр. 461. Мы сами слышали элегію Сковороды о смерти изъ устъ лирника въ Волынской губерніи. О пѣсняхъ Климовскаго и Добриловскаго см. Н. Онишкевича Р. Библіот. III, 152 и 153. См. еще въ «Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ» Карамзина, у котораго Шаховской заимствовалъ идею своего «казака-стихотворца».

[1]) Авторъ «Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ», изданныхъ Бодянскимъ (М. 1848), говоритъ въ своей запискѣ, которая, быть можетъ, была подана высшему начальству: «примѣчательный и безпристрастный наблюдатель найдетъ, что Малороссійская губернія въ доброправіи, въ просвѣщеніи, въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ торговлѣ, въ рукодѣліи и во всемъ благоустройствѣ отъ всѣхъ прочихъ губерній отстала и во всемъ ихъ хуже. Стр. 51.

[2]) Первую свою лекцію по благоправію Сковорода началъ въ Харьковскомъ училищѣ словами: «Весь міръ спитъ». Сковорода стоялъ за то, что «не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое, родное».

[3]) О Харьковскомъ коллегіумѣ, главномъ учебномъ заведеніи Слободской Украины до основанія Харьковскаго университета, см. ст. г. Амфіана Лебедева въ «Чтеніяхъ Императ. Общ. Ист. и древн. Россійскихъ» 1885.

[4]) Украинскій Вѣстникъ на 1816 г., ч. I, мѣсяцъ январь. Отъ издателей стр. 2.

увлеченіе роднымъ краемъ [1]). Пробужденіе мѣстнаго самосознанія начало сказываться затѣмъ въ возникновеніи новой литературы на украинскомъ нарѣчіи.

Эта литература развивалась въ связи съ главными теченіями европейской образованности XIX в. и въ то же время продолжала старыя, никогда не прерывавшіяся преданія мѣстнаго творчества.

Итакъ, новая украинская литература представляетъ продолженіе старой и связана съ послѣднею общею той и другой идеею народности. Непрерывность литературной традиціи въ Украинѣ признаетъ А. Н. Пыпинъ [2]) и не отрицаетъ ея и г. Петровъ.

Г. Петровъ совершенно основательно началъ исторію украинской литературы XIX вѣка съ указанія на то, что начало ея «коренится въ предшествующихъ столѣтіяхъ». Къ сожалѣнію, очеркъ связи новѣйшей украинской литературы съ предшествующимъ мѣстнымъ умственнымъ и литературнымъ движеніемъ вышелъ у г. Петрова весьма поверхностнымъ и неполнымъ, хотя авторъ могъ бы представить не мало интересныхъ наблюденій надъ этой связью, такъ какъ неоднократно указывалъ на нее въ своей предшествовавшей работѣ объ украинской литературѣ [3]).

---

[1]) Журналъ открывается «составленною по старинным рукописямъ» статьею «Гетманъ Хмѣльницкій». Эта статья начинается выпискою изъ одного иностраннаго писателя о козакахъ, ихъ добродѣтеляхъ, заслугахъ въ охраненіи «внутреннихъ провинцій» отъ бѣшеной ярости варваровъ. Здѣсь между прочимъ читаемъ о «гражданахъ» Украины и Малороссіи: «отцы ихъ передавали дѣтямъ гордость независимости и оставляли единственнымъ наслѣдіемъ саблю и слова: *побѣдить или умереть*» (стр. 7). Выпискѣ предшествуютъ слова: «Лѣтописи Украйны и Малороссіи столько же любопытны, какъ и исторія древнихъ республикъ». Описаніе университетскаго акта 25-го декабря 1815 г. заканчивается словами: «Кстати, здѣсь можно сказать, что многіе изъ здѣшнихъ молодыхъ людей отмѣнно занимаются музыкою и оправдываютъ названіе Украины — Италіею» (стр. 93). Въ концѣ замѣтки о Крещенской ярмаркѣ говорится, что, еслибы обратить побольше вниманія на благоустройство Харькова, «то право и безпристрастно по всѣмъ отношеніямъ здѣшній край можно было бы назвать Италіею, а Харьковъ, естьли ужъ не Флоренціею такъ по крайней мѣрѣ любымъ изъ городовъ средней Италіи» (стр. 108).

[2]) См., напр., ст. его въ Вѣстникѣ Европы 1885, анг. кн.

[3]) См., напр., Оч. изъ ист. укр. лит. XVIII в., стр. 19, гдѣ говорится, что южнорусскія элегическія стихотворенія XVIII в., «сдѣлавшись любимыми пѣсенками различныхъ слоевъ малорусскаго общества и даже простонародья, сильно окрасились мѣстнымъ южно-русскимъ колоритомъ, послужили предтечами новѣйшей южнорусской лирической поэзіи искусственной и даже доселѣ распѣваются въ Малороссіи». — Равнымъ образомъ и искусственныя южнорусскія пѣсни XVIII вѣка, представлявшія подражаніе народнымъ, «служатъ

Не будемъ говорить ни объ ошибкахъ, допущенныхъ г. Петровымъ въ перечнѣ памятниковъ старой украинской литературы [1]), ни о пропускахъ [2]), которые могутъ быть извиняемы тѣмъ, что г. Петровъ не имѣлъ притязанія на полноту въ этомъ очеркѣ. Укажемъ лишь на болѣе существенныя погрѣшности. Г. Петровъ приписываетъ возрожденіе украинской литературы, совсѣмъ почти не имѣвшей будущности въ вѣкъ Екатерины [3]), вліянію общерусской литературы, явившейся выразительницею «гуманныхъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка». Отъ «Ябеды» Капниста «уже недалекъ былъ переходъ къ изображенію малорусской дѣйствительности на малорусскомъ языкѣ». Но самъ же г. Петровъ говоритъ далѣе, что новѣйшая украинскмя литература лишь была «подчинена литературнымъ пріемамъ и формамъ господствующей русской литературы», а «*содержаніе* или, по крайней мѣрѣ, общій колоритъ (двухъ) произведеній Котляревскаго и рѣчь ихъ остались малорусскими, какъ и въ интерлюдіяхъ XVIII вѣка»; самъ г. Петровъ приводитъ слова Лобысевича о малорусскихъ интерлюдіяхъ Конисскаго или Танскаго: «Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ и во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечества сладокъ, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая». Уже изъ приведенныхъ словъ самого г. Петрова и указанныхъ имъ фактовъ ясно, чѣмъ связывалась новѣйшая украинская литература съ болѣе раннею и какое мѣстное двигательное начало обусловливало ея развитіе помимо вліянія общерусской литературы. Въ единеніи съ великой Россіей южно-русское племя освободилось отъ неурядицъ въ строѣ своей жизни, отрѣшилось отъ вліянія польскаго гнета и схоластицизма и обрѣло чистоту литературнаго выраженія; любовь же къ своей народности была присуща искони южно-русскому племени, не умирала

немаловажнымъ посредствующимъ звѣномъ въ цѣпи историческаго развитія послѣдующей малорусской пѣсенной поэзіи» (стр. 20). На стр. 112 г. Петровъ говоритъ, что «интерлюдіи имѣютъ связь съ новѣйшею русскою литературою со временъ Гоголя».

[1]) Въ числѣ ихъ г. Петровъ назвалъ библію Скорины, «Четью» 1489 г., которой лишь оригиналъ могъ быть южнорусскаго письма.

[2]) Г. Петровъ не упоминаетъ, напр., о Сковородѣ.

[3]) Стр. 19: «Въ вѣкъ Екатерины II южнорусскія интерлюдіи стушевываются и почти забываются. Южнорусская литература совершенно подчиняется общерусской, въ которой господствовалъ тогда псевдоклассицизмъ, смягчаемый просвѣтительными идеями XVIII вѣка... Повидимому, южнорусская литература не имѣла уже будущности».

въ немъ и выражалась въ не прерывавшемся рядѣ произведеній чисто народнаго направленія. Новѣйшая украинская литература продолжала то комическое изображеніе заслуживавшей осмѣянія дѣйствительности, которымъ отличались и прежде народныя произведенія украинской литературы [1]). Г. Петровъ подводитъ первыя произведенія новой украинской литературы подъ категорію псевдоклассицизма и реакціи послѣднему. Но необходимо имѣть въ виду, что даже въ тѣхъ произведеніяхъ, форма которыхъ можетъ быть названа пародіею, существеннымъ началомъ является юморъ. По словамъ Костомарова, «этотъ народный, своеобразный юморъ оказался независимо отъ пародіи, слишкомъ свѣжимъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ» [2]). То, что южнорусскій юморъ переходилъ по временамъ въ карикатуру у Котляревскаго, Квитки и др., не приводило къ слишкомъ вреднымъ послѣдствіямъ.

Итакъ, новѣйшая украинская литература началась юмористическими произведеніями. Сатира и юморъ были на западѣ союзниками реализма даже въ періодъ преобладанія фантастики и классицизма. Также точно и южнорусскій юморъ не былъ обусловленъ псевдоклассицизмомъ и реакціею ему, не былъ книжнымъ порожденіемъ и чѣмъ-то наноснымъ; онъ составлялъ видную черту народнаго характера. Онъ пробивался и пробивается и въ украинской народной словесности (изъ которой переходилъ въ драму уже въ XVII вѣкѣ [3]), и у позднѣйшихъ украинскихъ писателей, между прочимъ и у тѣхъ, на которыхъ г. Петровъ указываетъ, какъ на дѣятелей общерусской литературы [4]). Юморъ составляетъ принадлежность

---

[1]) Немногія произведенія украинской литературы, обращавшіяся въ читающей публикѣ, отличались, повидимому, тѣмъ же характеромъ, что и Энеида Котляревскаго и, по словамъ Павловскаго (стр. 119), «заключали въ себѣ истинныя изображенія характера Малороссійскаго народа». Изъ украинской литературы XVIII в., по словамъ Вагилевича, «на измѣнку заслугуютъ діялогиѣ». Я читалъ декотры изъ нихъ, говоритъ Ваг., «Рыцарь и смерть, Соломонъ и зговоръ на попа; послѣдный подъ взглядомъ художестна не лихо развитый, а що ся тычитъ языка, наветь доброю рунциною написанный». Рус. библ. III, 153.

[2]) Поэзія славянъ, 158.

[3]) См. ст. Кузьмичевскаго: «Старѣйшія русскія драматическія сцены» въ Кіевск. Старинѣ 1885 г. Украинская драма XVIII в., а равно Котляревскій продолжали черпать изъ запаса народнаго юмора.

[4]) Разумѣемъ Богдановича, Капниста и въ особенности Гоголя, у котораго эта черта племеннаго характера достигла высшаго выраженія. Не чуждъ былъ юмора и Гнѣдичъ. См. брош. Тиханова Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Изд. втор. отд. И. А. Н., Спб. 1884, стр. 21.

дарованной народной натуры, не поддающейся житейскимъ невзгодамъ [1]) и житейской пошлости, и вполнѣ уживается съ горячей любовью къ народности. Онъ былъ весьма благотворенъ [2]) и помогъ украинцамъ отрѣшиться отъ уродливостей старины и быстро развить въ себѣ новый духъ. Соотвѣтственно тому и украинская литература одновременно съ юмористическимъ изображеніемъ жизни начала подниматься въ область идеала. Она начала раздѣлять вмѣстѣ съ общерусскою литературою увлеченіе нѣкоторыми общеевропейскими идеалистическими направленіями, но и тутъ не утрачивала своей народности [3]) и находилась въ связи съ народнымъ творчествомъ.

Ясны отсюда степень самобытности украинской литературы и значеніе въ ней народнаго начала. Очевидно, что историку ея необходимо имѣть въ виду постоянную связь ея съ народною украинскою словесностью.

Г. Петровъ отмѣчалъ неоднократно соприкосновеніе того или иного произведенія украинской литературы съ народною словесностью, но не выдѣлилъ увлеченія народностью, какъ одного изъ главныхъ двигательныхъ началъ украинской литературы. Мы попытаемся здѣсь восполнить этотъ пробѣлъ въ работѣ г. Петрова, чтобы тѣмъ замѣтнѣе были допущенные имъ промахи и пропуски въ выясненіи началъ украинской литературы.

Собираніе произведеній народной словесности началось въ Украи-

---

[1]) Замѣчательно, что, въ противоположность украинской литературѣ, польская литература XIX в. отличается незначительностью комизма, на что и обратилъ вниманіе Брандесъ въ своихъ лекціяхъ о польской литературѣ. См. однако, Zgliński, Humor w Panu Tadeuszu, Warsz. 1883.

[2]) Кн. Вяземскій въ разборѣ прозаическихъ сочиненій Жуковскаго («Телеграфъ» № 23) указалъ на то, какъ было бы полезно русской литературѣ, если бы первыми классическими произведеніями ея были не оды, а сатирическія произведенія. Вяземскому возражалъ Шевыревъ (Моск. Вѣстн. 1827, ч. I, № 3), ссылавшійся на то, что повсюду поэзія начинается съ эпоса и пѣсни, но мысль Вяземскаго заслуживаетъ вниманія.

[3]) Г. Петровъ такъ говоритъ объ украинской литературѣ положительнаго направленія: «какъ самъ И. П. Котляревскій, такъ и его ближайшіе преемники и послѣдователи не остановились на однѣхъ шутливыхъ народіяхъ и смѣшливыхъ комедіяхъ и операхъ изъ простонароднаго быта, но, вслѣдъ за русской и отчасти польской литературой, пошли далѣе, къ изображенію положительныхъ свойствъ украинской жизни, внутреннихъ чувствъ украинца и его возвышенныхъ идеаловъ». Стр. 21.

нѣ почти въ то же время, какъ и въ остальной Руси [1]) и въ Германіи. Г. Петровъ указалъ на первый печатный памятникъ этого изученія — «Описаніе свадебныхъ украинскихъ и простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи, такожъ и въ Великорусскихъ слободахъ, населенныхъ Малороссіянами, употребляемыхъ. Сочиненное Григорьемъ Калиновскимъ, Армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ Украинской Дивизіи, прапорщикомъ. Въ Санктпетербургѣ и пр., 1777» [2]).

Украинскія пѣсни, какъ справедливо замѣтилъ Добролюбовъ [3]), составляютъ «народную святыню, лучшее достояніе украинской жизни: въ нихъ горитъ любовь къ родинѣ, блещетъ слава прошедшихъ подвиговъ; въ нихъ дышетъ и чистое, нѣжное чувство женской любви, особенно любви материнской; въ нихъ же выражается и та тревожная оглядка на жизнь, которая заставляетъ казака, свободнаго отъ битвы, «искать свою долю». Весь кругъ жизненныхъ насущныхъ интересовъ охватывается въ пѣснѣ, сливается съ нею и безъ нея сама жизнь дѣлается невозможною. По словамъ Шевченка, —

Наша дума, наша пісня
Не вмре, не загине...
Отъ де, люде, наша слава,
Слава Украіни!

Богатая поэзія Украины дѣйствовала чарующе на всѣхъ, кто знакомился съ нею, на поляковъ [4]), чеховъ [5]) и даже нѣмцевъ [6]).

---

[1]) Въ Москвѣ у Новикова вышли въ 1780 г. «Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія».

[2]) Посвящено: «Милостивой Государынѣ моей матушкѣ Харитинѣ Григорьевнѣ Калиновской, урожденной Рубановой, въ Кролевцѣ». Перепечатано это описаніе въ «Архивѣ историко-юридич. свѣд.» Калачова въ 1854 г. Замѣтку о немъ см. въ «Кіевской Стар.» 1884 г.

[3]) III, 329. Ср. отзывъ Гоголя.

[4]) Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что въ польской литературѣ существуетъ цѣлая школа поэтовъ, дарованіе которыхъ было взлелѣяно звуками украинскихъ пѣсенъ. Есть также и музыкальныя переложенія украинскихъ пѣсенъ, принадлежащія польскимъ композиторамъ.

[5]) См. Zap-a Cesty a prochàzky po Halické zemi (W Praze, 1863).

[6]) См., напр. «Южный Сборникъ», учено-литер. журналъ, изд. Н. Максимовымъ, Одесса 1859, № 11, «Воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ». Роммель говоритъ о своей женѣ: «Маргарита и ея сестры знали всѣ малорусскія пѣсни, прелесть которыхъ состоитъ въ нѣжномъ языкѣ, вѣрно отражающемъ природу, въ оригинальной преимущественно элегической мелодіи и въ богатствѣ содержанія».

Влекла она къ себѣ великоруссовъ [1]) и тѣмъ болѣе самихъ украинцевъ.

Съ конца прошлаго вѣка общее настроеніе умовъ почти повсюду направляло къ изученію народности и сообщало увлеченіе ею. Въ Украинѣ оно было усилено мѣстными обстоятельствами. Повсюду, по объясненію г. Веселовскаго [2]), современное «направленіе фольклоризма» слѣдуетъ «быть можетъ поставить въ связи съ общею научною эволюціею, замѣчаемою, напримѣръ, и въ области сравнительнаго языкознанія», но «есть доля истины» и по взгляду г. Пыпина, связывающаго «внезапный и дружный наплывъ» фольклоризма «съ сознательнымъ и безсознательнымъ предчувствіемъ упадка народно-поэтической старины». Это послѣднее въ особенности можно сказать объ Украинѣ, гдѣ еще въ 30-хъ годахъ настоящаго вѣка опасались исчезновенія родного нарѣчія и родной поэзіи и тѣмъ съ большимъ рвеніемъ принялись за собираніе памятниковъ замиравшаго творчества. По словамъ Гейне, когда потеряютъ родину, начинаютъ воспѣвать ее и поэтически разрисовывать. Точно также въ поэтическомъ озареніи предстаютъ воображенію потомковъ минувшія эпохи славы. Элегическое созерцаніе прошлаго выступаетъ и въ нѣкоторыхъ украинскихъ пѣсняхъ [3]) и еще въ большей степени должно было сообщиться тѣмъ образованнымъ украинцамъ конца прошлаго вѣка и настоящаго столѣтія, которые знакомились съ украинской стариной по преданіямъ и памятникамъ народной словесности. Въ концѣ прошлаго столѣтія на-

---

[1]) Авторъ первой грамматики Малороссійскаго нарѣчія *великоруссъ* Павловскій восхищался мелодіей украинскихъ пѣсенъ. Онъ говоритъ: «Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать когда Малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, собравшись во множествѣ и сидя на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывныя пѣсни. Тогда эхо, въ окружности отдающееся, приноситъ съ полей и отъ лѣсовъ къ чувствительному сердцу самые трогательные тоны! Прельстившись чувствованіями» своими, авторъ «неоднократно желалъ проникнуть сущность ихъ нарѣчія»... Вм. предисл., III—IV.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1886, № 3, «Новыя книги по народной словесности», стр. 221. По мнѣнію Hertzberg-a, «haben unsere hoch civilisirten Zeiten eine besondere Zärtlichkeit für die sogenannte Volkspoesie. An dieser Vorliebe hat zwar einen nicht geringen Antheil theils krankhafte Sentimentalität, die durch das Naive immer entzückt wird, theils Blasirtheit, die, aus Ueberreizung entsprungen, sich um jeden Preis der frischen Natur zuwendet, sollte sie auch Rochheit und Ungeschlachtheit mit in den Kauf nehmen müssen».

[3]) См. напр., запорожскую пѣсню «Летѣвъ орелъ» и пр., сообщенную Костомаровымъ въ Лѣтоп. р. литер. и древн. Тихонравова. т. III, стр. 89.

чалось собираніе украинскихъ думъ [1]). За нимъ должна была слѣдовать идеализація прошлаго, которая вызвала впослѣдствіи расцвѣтъ новаго творчества. Новая украинская поэзія явилась на извѣстной ступени развитія послѣднимъ откликомъ замиравшей старой поэзіи бандуристовъ и продолженіемъ народной повѣствовательной литературы въ изображеніи настоящаго. Такъ увлеченіе прошлымъ, изученіе родной старины и народной словесности стали съ конца прошлаго вѣка исходнымъ пунктомъ въ развитіи самосознанія украинцевъ. Возвратъ къ старымъ преданіямъ служитъ иногда признакомъ оскудѣнія творчества, а иногда является источникомъ обновленія. Въ Украинѣ собираніе произведеній народной словесности и творческая переработка ихъ и подражаніе имъ были не только послѣднею вспышкою старо-украинскаго патріотизма, но вмѣстѣ и началомъ новой жизни. Украинская литература съ конца прошлаго вѣка постоянно черпала изъ живаго источника *цѣлющей воды* народной словесности.

Мы видѣли, что Котляревскій примыкалъ въ своихъ произведеніяхъ въ весьма значительной мѣрѣ къ народному творчеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ быть названъ однимъ изъ первыхъ южно-русскихъ этнографовъ [3]).

Первыя 15 лѣтъ настоящаго вѣка не произвели въ украинской литературѣ ничего заслуживающаго вниманія; гремѣла лишь слава Энеиды Котляревскаго. Но съ 1816 г. начинается оживленное движеніе, которое должно было привести къ быстрому развитію украинской литературы. Мы упоминали, что въ этомъ году началъ выходить Украинскій Вѣстникъ. Въ 1818 г. авторъ первой грамматики малороссійскаго нарѣчія въ предисловіи къ своему труду

---

[1]) Мы видѣли у покойнаго проф. А. А. Котляревскаго сборникъ думъ, о которомъ упоминаетъ Костомаровъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Русской Мысли» 1880, № 1, стр. 10; по мнѣнію Костомарова, эти думы записаны, «какъ показываетъ почеркъ, въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго столѣтія».

[2]) Наклонность къ ней замѣчается и у Котляревскаго.

[3]) «Онъ звалъ наизусть бездну пословицъ, народныхъ поговорокъ, сказокъ, присказокъ украинскихъ и пѣсенъ: нѣкоторыя изъ послѣднихъ помѣщалъ въ періодическихъ современныхъ ему изданіяхъ». Стеблинъ-Каменскій, Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ, 11. — «Сохраненіемъ прекрасныхъ памятниковъ поэтической фантазіи южно-русскаго народа обязаны мы тому свѣтлому стремленію къ основательному изученію нравовъ и народнаго быта Украины, которое указалъ Котляревскій многочисленнымъ своимъ преемникамъ»: Ib., 28.

называлъ это нарѣчіе «исчезающимъ» [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ въ малорусскихъ пѣсняхъ матеріалъ, пригодный для литературной обработки. По его словамъ, эти пѣсни, «всегда почти темны, но скрывающіеся въ нихъ, *особливо для стихотворцовъ интересные*, замыслы, не принужденное выраженіе мыслей, и блистающая всегда какая-то нѣжность и невинность — безподобны» [2]). Въ 1819 г. явилась «Наталка-Полтавка» Котляревскаго, вызванная развитіемъ украинскаго самосознанія, желаніемъ представить вѣрную картину украинскаго быта въ противовѣсъ каррикатурному изображенію этого быта у Шаховскаго. Въ томъ же году вышелъ въ свѣтъ «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней», кн. Цертелева. То былъ важный моментъ въ исторіи новѣйшей украинской литературы. Произведенія Котляревскаго [3]), труды Павловскаго, Цертелева опредѣляли и предуказывали дальнѣйшее направленіе украинской литературы и характеризуютъ побужденія, приводившія къ развитію этой литературы, а также первый источникъ ея — любовь къ родному слову и племени въ его прошлой исторіи и современномъ состояніи и обращеніе къ тщательному изученію народнаго быта и народной словесности. Котляревскій, Павловскій, Цертелевъ выдвинули на видъ тѣ задатки народнаго характера и творчества, которые дотолѣ таились отчасти въ глубинѣ народной души, а отчасти не были отчетливо сознаваемы, а между тѣмъ представляли богатые рудники поэзіи. Эти характерныя черты украинскаго племени, между прочимъ способность къ юмористическому созерцанію жизни и при этомъ глубина чувства, должны были сообщить особый оригинальный отпечатокъ украинскому творчеству.

Въ виду того остановимся подробнѣе на трудахъ Павловскаго и Цертелева.

Павловскій такъ охарактеризовалъ отличительныя свойства

---

[1]) 20 лѣтъ спустя такъ же думалъ объ украинскомъ нарѣчіи Метлинскій.

[2]) Вв. Предисл. III.

[3]) Оставляемъ въ сторонѣ другія произведенія, явившіяся около того времени на украинскомъ нарѣчіи. Нѣкоторыя изъ нихъ не проникли въ печать. Таковы, «нѣсколько псалмовъ и пѣсенъ на малороссійскомъ языкѣ», доставленныхъ Гнѣдичу Императорскою Россійскою Академіею «для разсмотрѣнія и пополненія оныхъ еще въ 1818 году». Тихановъ, Ник. Ив. Гнѣдичъ, стр. 32. Тамъ же упомянуто, что въ бумагахъ Гнѣдича былъ найденъ «Рукописный Словарь Малороссійскаго языка» и нѣсколько листовъ на буквы *А* и *Б* Словаря малороссійскаго языка, писанныхъ собственною рукою Н. И. Гнѣдича».

украинской поэзіи: «стихи Малороссіянина... отличаются отъ другихъ народовъ, можетъ быть, особенною легкостію, множествомъ и простотою вымысловъ... вымыслы, важнѣйшая часть стихотворенія, у Малороссіянъ занимаются отъ вещей большею частью извѣстныхъ, обыкновенныхъ, по видимому не важныхъ;... вымыслы сіи всегда бываютъ просты, не высоки, не бурны, обильны и для сердца пріятны. Можетъ быть сіе происходитъ отъ того, что *мнительность*, растворенная съ *веселостію духа*, между характеромъ Малороссіянъ занимаетъ не послѣднее мѣсто» [1]). Въ этихъ словахъ Павловскій отмѣтилъ силу чувства, юморъ, простоту и реализмъ украинской поэзіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Павловскій оттѣнилъ преимущественно пригодность украинскаго нарѣчія для легкой поэзіи и изображенія народной грубости, но указывалъ рядомъ и на возможность иного употребленія этого нарѣчія. «Истину скажу, говоритъ Павловскій, что почти повѣрить не можно, сколь легко на Малороссійскомъ нарѣчіи изъяснять, особливо *простоту и невѣжество*, сколь естественно изображать страсти, и сколь пріятно, шутить». Затѣмъ тутъ-же Павловскій замѣчаетъ: «Нельзя сказать, чтобъ у Малороссіянъ не было сколько нибудь словъ и такихъ, которыми если бы не погнушалася самая Риторика наша, то онѣ, при случаѣ, могли бы придать ей немало важности, силы и хорошаго изображенія вещи» [2]). Павловскій указываетъ далѣе на отзывы «пристрастныхъ къ отчизнѣ своей сочинителей, что языкъ Малороссійскій есть нѣженъ», и приводитъ противоположные факты, указываетъ на «*бранныя* выраженія», которыя «означаютъ твердый характеръ сего народа»; они «ужасное понятіе представляютъ о его характерѣ». Павловскій признаетъ «нѣжность Малороссійскаго народа, но не языка». «Языкъ Малороссіянъ больше или меньше, нѣженъ, или грубъ, мѣстами» [3]). — Одновременно съ характеристикой украинской рѣчи Павловскій предложилъ и образцы литературнаго употребленія ея рядомъ съ историческою пѣснею казацкаго времени. Онъ помѣстилъ при своей грамматикѣ небольшой юмористическій разсказъ объ отъѣздѣ нѣкоего панича въ «Петербурхъ» и о впечатлѣніи, произведенномъ на юношу этимъ городомъ [4]), а также и юмористическое стихотвореніе «Вакула Чмырь»

---

[1]) Стр. 23—24.

[2]) Стр. 107.

[3]) Стр. 108—110.

[4]) Подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго Малороссіянина» стр. 90—93). Тотъ же мотивъ развитъ подробнѣе въ романѣ Квитки «Панъ

съ русскимъ переводомъ[1]). Это стихотвореніе заключаетъ слишкомъ уже каррикатурное изображеніе пьянаго Чмыра, возвращающагося изъ корчмы и потерявшаго «люльку, чубукъ, губку и тютюнъ зъ гамана». И стихотвореніе и разсказъ подходятъ подъ представленную Павловскимъ характеристику извѣстныхъ ему малороссійскихъ сочиненій: «Всѣ онѣ, кажется, заключаютъ одну шутку, и всѣ онѣ Малороссіянъ представляютъ народомъ грубымъ, ретивымъ, суевѣрнымъ, и слѣдственно незаслуживающимъ почтеннаго мѣста, въ бытоописаніяхъ: но ясно видѣть можно, что въ нихъ, вообще, описывается во всей своей простотѣ Малороссіянинъ такой, до котораго не долетѣлъ еще лучь ни малѣйшаго просвѣщенія, а какой же народъ не былъ грубъ, суевѣръ, варваръ, пока свѣтъ наукъ осіялъ его душу?» [2]). Послѣднее замѣчаніе какъ бы указываетъ на то, что Павловскій надѣялся на подъемъ просвѣщенія и въ средѣ Малороссіянъ. На слѣдующей страницѣ онъ прямо говоритъ: «Просвѣщеніе, до нашихъ временъ въ неподвижномъ почти состояніи въ Малороссіи бывшее, производитъ нынѣ удивительно успѣшныя дѣйствія. Вселенная скоро увидитъ ее членомъ, получившимъ бытіе свое въ одно и тоже мгновеніе вѣковъ со всѣми другими членами великаго тѣла Всероссійской Имперіи» [3]). Можно было ожидать, что получитъ болѣе достоинства и станетъ внушать болѣе уваженія и украинская поэзія, но Павловскій не былъ чуждъ сомнѣній касательно пріема, какой могли встрѣтить малорусскія произведенія [4]).

Въ одинъ годъ съ первой Грамматикой Малороссійскаго языка въ 45-й части «Сына Отечества» 1818 г. появилось разсужденіе «О старинныхъ Малороссійскихъ пѣсняхъ». Авторомъ его былъ одинъ изъ первыхъ нашихъ этнографовъ, занявшихся украинскою поэзіею, кн. Н. А. Цертелевъ. Онъ перепечаталъ свое разсужденіе въ слѣдующемъ году въ «Опытѣ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней». «Изданая произведенія малороссійскаго эпоса, Цертелевъ руководился, по словамъ г. Пыпина, двумя побужденіями —

Халявскій»: нѣкоторую аналогію ему представляетъ и одинъ изъ разсказовъ Стороженка.

[1]) Стр. 93—106.

[2]) Стр. 111—112.

[3]) Стр. 113.

[4]) Въ примѣчаніи на стр. 111 Павловскій говоритъ: «Естьли бы я былъ увѣренъ, что Публика не сочтетъ мой трудъ излишнимъ; то я охотно бы рѣшился собрать сколько можно Малороссійскихъ сочиненій, и оныя напечатать».

своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ и первыми неясными догадками о научной важности изслѣдованія народно-поэтическихъ памятниковъ этого рода» [1]). Эти побужденія выступаютъ вполнѣ ясно и въ эпиграфѣ книжечки Цертелева [2]) и въ «Разсужденіи о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ». Изъ этого разсужденія видно, что издателя увлекало «любопытство касательно протекшаго». Не надѣясь найти другую Иліаду, онъ тѣмъ не менѣе «не сомнѣвался въ томъ, что пѣсни сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя». Цертелеву нравилось отраженіе въ собираемыхъ имъ пѣсняхъ «піитическаго генія народа», «та чистая нравственность, которою всегда отличались Малороссіяне и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ ихъ окружавшихъ»! Собирателя плѣняли «сила чувствованій и красота изображеній». Онъ заявлялъ, что «нарѣчіе Малороссійское, бывшее нѣкогда, такъ сказать, языкомъ *отдѣльнымъ* и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи... Вообще въ пѣсняхъ Малороссійскихъ все просто и благородно... Прекрасныя Оссіяновы описанія бури едвали заключаютъ въ себѣ болѣе живости и вѣрности... Малороссійская поэзія чувствами исполнена. Вообще проглядываетъ въ оной тихое уныніе, повсюду сопутствующее поэту... Сочинитель конечно не имѣлъ никакого понятія о правилахъ поэзіи; не зналъ ни Горація, ни Буало, ни Батте, ни Ешенбурга — но природа, щедрая къ любимцамъ своимъ, внушила ему сіи счастливыя выраженія... Какое чувство и живость воображенія. Читая мѣсто сіе невольно воспоминаю трогательную разлуку Гектора съ Андромахой. Малороссійскій сочинитель безъ сомнѣнія не читывалъ Иліады и не слыхалъ о Гомерѣ; но законы природы общи и неизмѣнны». Въ виду всѣхъ этихъ выраженій нельзя не согласиться съ Пыпинымъ [3]), что «на первый разъ вниманіе къ народной поэзіи было результатомъ простой любви къ своей мѣстной народности».

---

[1]) Вѣстникъ Европы, августъ 1885, стр. 755.

[2]) Онъ заимствованъ изъ трагедіи «Пожарскій» и гласитъ:

И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, я сердцу чту святымъ.

[3]) В. Евр. авг. 1885, стр. 756.

Цертелевъ началъ интересоваться народными украинскими пѣснями съ 1814 г.[1]). Записавъ на первый разъ шесть думъ, онъ присоединилъ къ нимъ потомъ еще четыре пѣсни. Онъ принялся углубляться въ изученіе народной поэзіи и тѣхъ вопросовъ, которые соприкасались съ занимавшими его пѣснями. Онъ помѣстилъ въ «Сынѣ Отечества» «Замѣчанія на вторую часть опыта г. Востокова о русскомъ стихосложеніи»[2]). И по напечатаніи своего сборника Цертелевъ продолжалъ заниматься старинною русскою поэзіею, и идеи его среди этихъ занятій и болѣе широкаго изученія достигали все большей и большей зрѣлости.

Повидимому Цертелевъ написалъ рецензію на грамматику Павловскаго, отвѣтная брошюра котораго вышла въ 1822 г.[3]). Въ томъ же «Сынѣ Отечества», въ которомъ была помѣщена рецензія на «Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней»[4]). Цертелевъ напечаталъ статьи: «Взглядъ на старинныя русскія сказки и пѣсни»[5]), «О произведеніяхъ древней русской поэзіи»[6]), «О стихосложеніи старинныхъ русскихъ пѣсенъ»[7]).

Мало по малу Цертелевъ примкнулъ къ общему движенію славянскаго возрожденія. Онъ обратилъ вниманіе на изданія древнихъ памятниковъ словесности и народныхъ пѣсенъ славянскихъ народностей, начавшія выходить съ 1815 г. (годъ появленія собранія сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича). Въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1824 г.[8]) Цертелевъ помѣстилъ замѣтку о «Slavanské národní písne», изданныхъ въ Прагѣ Челяковскимъ. Цертелевъ не-

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1827, № 12, стр. 275. «Малороссіяне охотливы до пѣсень. Кто изъ жившихъ въ Украйнѣ не знаетъ ихъ веснянокъ, щедровокъ, колядовокъ и проч.; кто не слыхалъ ихъ серенадъ, извѣстныхъ подъ названіемъ улицъ? Они имѣютъ даже своихъ рапсодовъ, большею частью несчастныхъ, лишенныхъ зрѣнія. Въ 1814-мъ году слышалъ я двухъ таковыхъ слѣпцовъ, и одинъ изъ нихъ удивилъ меня». Затѣмъ Цертелевъ разсказываетъ объ удачной импровизаціи этимъ слѣпымъ «хвалы одному почтенному вельможѣ». Ср. «Опытъ» стр. 1: «Года за четыре предъ симъ, находясь долгое время въ Полтавской Губерніи, здѣлалъ я небольшой опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней».

[2]) Ч. 49 (1818).

[3]) Она извѣстна намъ изъ ст. г. Пыпина въ апр. кн. Вѣстн. Евр. 1886 стр. 746.

[4]) 1820, ч. 60. Зам. Е. Т—ія.

[5]) 1820, ч. 59 и 60.

[6]) 1820, ч. 63.

[7]) Письмо къ Остолопову. 1820, ч. 63.

[8]) № 2, Смѣсь, стр. 102—112.

репечаталъ текстъ восьми пѣсенъ на различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и приложилъ къ тексту русскій переводъ; по поводу же малорусскихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ чешскій сборникъ, рецензентъ замѣтилъ: «Странно, что отдѣленіе сіе столь бѣдно тогда, когда оно могло быть однимъ изъ богатѣйшихъ, ибо ни одно можетъ быть изъ нарѣчій языка Славянскаго не имѣетъ столько разнообразныхъ прелестныхъ стихотвореній, какъ нарѣчіе Малороссійское». — Заключилъ свою статейку Цертелевъ слѣдующимъ увѣщаніемъ: «Весьма желательно, чтобы сей примѣръ нашелъ себѣ послѣдователей между нашими соотечественниками. Намъ Русскимъ, старшимъ потомкамъ Славянъ, стыдно уступить въ любви къ народной славѣ Сербамъ и Богемцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ и имѣя еще возможность передать внукамъ и правнукамъ своимъ духъ народной поэзіи, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умирающій, совершенно не радѣть о томъ».

Эти позднѣйшіе взгляды Цертелева изложены весьма отчетливо въ письмѣ его къ Максимовичу, помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1827 г. [1]). Здѣсь Цертелевъ также указываетъ на отсталость Россіи въ изученіи произведеній народной поэзіи («одни мы изъ просвѣщенныхъ европейцевъ остаемся равнодушны къ сему предмету»), жалуется на пристрастіе къ «заморскимъ сказкамъ» и невниманіе къ «роднымъ пѣснямъ и преданіямъ». Особаго вниманія заслуживаетъ упоминаніе о важномъ значеніи народной поэзіи для литературы: «знаете ли, что сію безъискусственную поэзію предпочитаю я большей части нашихъ романовъ, балладъ и (слушайте! слушайте!) даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ... Скажу смѣло, что тотъ, кто хочетъ быть хорошимъ отечественнымъ писателемъ и въ особенности отечественнымъ поэтомъ; кто хочетъ дать, если можно такъ выразиться, народный колоритъ своимъ произведеніямъ, тотъ не долженъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ сколько можно болѣе; ибо сіи бѣдные памятники... сохраняютъ еще многія черты той оригинальности, которая отличаетъ поэзію одного народа отъ поэзіи другаго». Затѣмъ Цертелевъ говоритъ о томъ же, о чемъ говорилось и въ польской литературѣ того времени, о необходимости народности въ отечественной литературѣ. Народность эта возможна и при восхи-

---

[1]) Іюнь, № 12, стр. 270—277.

ценіи иноземными произведеніями; «но зачѣмъ быть рабами ихъ? Не лучше ли учиться по тѣмъ книгамъ, по которымъ они сами учились: а сѣ книги имѣетъ каждой: сто Природа, сердце писателя и его отечество». Важно было слѣдующее замѣчаніе Цертелева: «не только отечественные нравы и обычаи, не только характеры и происшествія, но самая мѣстность, даже языкъ и особенности его, сильно дѣйствуютъ на душу читателя.»

Изложенная статья Цертелева показываетъ, что онъ проникался все болѣе и болѣе воздѣйствіемъ романтическаго движенія и примыкалъ къ сознательно выработанной программѣ народности. Во имя народности Цертелевъ требовалъ вниманія литераторовъ къ народной поэзіи, изученія родной природы, нравовъ и характеровъ своего народа и его языка. Этому призыву и подобнымъ и послѣдовали украинскіе литераторы съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка. Съ того времени украинскіе литераторы стали этнографами подобно Котляревскому и примыкали къ романтическому увлеченію народностью. Въ такомъ направленіи трудились Квитка и выдающіеся дѣятели молодаго поколѣнія Бодянскій, Срезневскій и выступившіе нѣсколько позже Могила (Метлинскій) и Галка (Костомаровъ). Ближайшимъ преемникомъ Цертелева на поприщѣ украинской этнографіи явился Максимовичъ[1]).

Итакъ любовь къ народности вызвала первые опыты украинской этнографіи и она же, сливаясь постепенно съ романтическимъ движеніемъ и почерпая нѣкоторое вдохновеніе въ идеяхъ славянскаго возрожденія, привела къ развитію украинской литературы въ новѣйшее время. Эта литература явилась однимъ изъ яркихъ выраженій стремленія къ народности, охватившаго всѣ славянскія и другія племена Европы и вдохнувшаго новую жизнь въ старое украинское творчество.

Любви къ народности принадлежало первостепенное значеніе въ исторіи украинской литературы какъ стараго, такъ и новаго времени. На сколько можетъ оказаться производительной при первой возможности эта жизненная сила, таящаяся въ самомъ народѣ, показываетъ галицкое литературное возрожденіе 30-хъ и 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Наблюденія надъ исторіей этого возрожденія могутъ привести къ весьма интереснымъ соображеніямъ

---

[1]) Уже въ «Московскомъ Вѣстникѣ» были помѣщены нѣкоторыя изъ малороссійскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ: см. ч. 2, № 8, стр. 315 и примѣч. на стр. 419; ч. 3, № 12, стр. 316.

при рѣшеніи занимающаго насъ здѣсь вопроса и уясняютъ до извѣстной степени развитіе новѣйшей украинской литературы. Потому мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на обстоятельствахъ возникновенія новѣйшей галицко-русской литературы.

Появленіе и постепенное разростаніе этой литературы заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что нить литературнаго развитія въ томъ краѣ была почти совершенно прервана съ довольно давняго времени. Галичина была оторвана отъ остальныхъ русскихъ земель уже въ половинѣ XIV в. Въ XVI в. она дала нѣсколькихъ славныхъ дѣятелей польской литературѣ, именно Рея и Орѣховскаго, матери которыхъ были русскія. Города Червонной Руси въ XVI в. и въ первой половинѣ XVII в. были мѣстомъ оживленнаго умственнаго и литературнаго движенія, между тѣмъ какъ въ Малой Польшѣ въ то время являлись лишь второстепенные дѣятели. Прекрасная природа и дѣятельная жизнь Червонной Руси благотворно вліяли на развитіе талантовъ людей, прибывавшихъ туда изъ другихъ мѣстностей. Одновременно началась во Львовѣ и оживленная дѣятельность русскихъ патріотовъ; виднымъ проявленіемъ ея были труды тамошняго Ставропигійскаго братства.

Со времени окончательнаго водворенія уніи въ Галичинѣ это братство не могло уже противодѣйствовать ополяченію края.

Какъ извѣстно, раздѣлъ Польши привелъ къ переходу Галичины подъ власть Австріи. Отношеніе австрійскаго правительства къ русской народности Галичины измѣнялось примѣнительно къ тому или иному пониманію интересовъ австрійской власти въ томъ краѣ. Весьма долго оно не благопріятствовало развитію русскаго просвѣщенія и литературы. Въ началѣ XIX в. русскій языкъ былъ вытѣсненъ изъ университета, и австрійское правительство игнорировало русскую народность въ Галичинѣ. При учрежденіи школъ въ 1817 г. преподаваніе русскаго языка не было включено въ ихъ программу и языкомъ преподаванія въ правительственныхъ школахъ былъ признанъ въ 1818 году польскій языкъ. Отъ 1796 до 1808 г. въ Галичинѣ не вышло ни одной русской книги. Польскій языкъ былъ въ ходу даже въ средѣ галицко-русскаго духовенства, которое долго было единственнымъ защитникомъ идеи русской народности. Лучшіе представители духовенства не отрѣшались отъ заботъ о просвѣщеніи своего народа [1]), но, стараясь распростра-

---

[1]) Въ 1816 г. въ Перемышлѣ было основано духовенствомъ товарищество идеи выдаванія катехитичныхъ и гомелитичныхъ *книгъ для народа*, для обра-

нить знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ, они не заботились о развитіи литературы на народномъ языкѣ. Проповѣди говорились на польскомъ языкѣ [1]), книги печатались на церковно-славянскомъ языкѣ, а книги, напечатанныя въ Россіи, были крайне рѣдки въ Галичинѣ. Народность, пребывавшая въ утѣсненіи много вѣковъ, обнаруживала лишь слабые признаки жизни. Даже въ началѣ 40-хъ годовъ, говоритъ Я. О. Головацкій, «было преступленіемъ заниматись славянскою литературою и читати славянскія книги. Наша литературная дѣятельность была въ глазахъ полиціи преступною. Директоръ полиціи Пайманъ сказалъ прямо по поводу изданія «Русалки»: Wir haben mit den Polen vollauf zu schaffen, und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken» [2]).

Но уже въ 20-хъ годахъ и въ Галичинѣ начало проноситься вѣяніе, увлекавшее все болѣе и болѣе къ изученію родной народности и къ поднятію ея. При этомъ увлеченіе роднымъ языкомъ

зованія обычаевъ и ширенія правдъ вѣры христіанской». Въ 1818 г. былъ учрежденъ «Институтъ для дикôвъ и учителôвъ для шкôлъ народныхъ». Были издаваемы книги для народныхъ школъ.

[1]) Н. Л. Устіяновичъ говоритъ въ своей автобіографіи: «Моя юность совпадала со временами тихой, безропотной, но на диволядъ успѣшной полонизаціи не только всей интелигенціи изъ коренно-русского роду, но и всего, что на себе сюртукъ навлекало. Почти нигдѣ не слышалось русское слово въ домахъ нашего священства, и почти нигдѣ церковной науки въ народномъ языцѣ. Около 1830 г. дошло то направленіе своей кульминаціонной точки». Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою матицею, подъ ред. Б. Дѣдицкаго, 1885, вып. I, стр. 42. По словамъ Я. О. Головацкаго, ни его «отецъ, ни дѣдъ не умѣли писати русскою скорописью». «Въ то время почти никто изъ священниковъ не зналъ русской скорописи». Ib., вып. II и III, 134 и 132. О священникахъ, начавшихъ произносить проповѣди на русскомъ языкѣ, см. въ Лит. сборн. 1886, стр. 114.

[2]) Лит. сбор., изд. гал.-русск. матицею, вып. I, 37. — О состояніи просвѣщенія русской народности въ Галичинѣ подъ владычествомъ Австріи до 20-хъ годовъ настоящаго вѣка см. у Головацкаго — «Первое движеніе Русиновъ»; Jan Lewicki, Ruch Rusinow w Galicji w pierwszej polowie wieku panowania Austrji (1772—1820), We Lw. 1879; Н. Онишкевича Руска библіотека. Томъ третій, изданный «Академичнымъ Братствомъ». У Львовѣ, 1884. Здѣсь важно «введенье», написанное Коцовскимъ. См. еще О. Огоновскаго Исторія литературы руской, періодъ новый — въ «Зорѣ» 1887, № 1 и слѣд. и въ отдѣльномъ оттискѣ. Ср. ст. М. Т—она: «Русскіе въ Галиціи» — въ «Вѣстн. Евр.» 1873, янв. Въ статьяхъ Огоновскаго и Коцовскаго представленъ также обстоятельный очеркъ возникновенія народной галицко-русской литературы съ 20-хъ годовъ.

и русскою народною словесностью являлось однимъ изъ первыхъ двигательныхъ началъ возрожденія русской народности. Оно сообщалось отчасти извнѣ и находило весьма воспріимчивую почву въ молодежи, бросавшейся съ энтузіазмомъ на встрѣчу свѣжему вѣянію обновленія. Начали появляться въ печати народныя русскія пѣсни [1]), которыя были и помимо того въ уваженіи въ образованныхъ русскихъ и польскихъ семействахъ [2]). Пылкіе и болѣе даровитые юноши выносили изъ родныхъ деревень горячую любовь къ народной пѣснѣ. Объ этомъ сохранился цѣлый рядъ весьма интересныхъ свидѣтельствъ. Не останавливаясь на данныхъ этого рода въ біографіи Качковскаго [3]), на котораго повліялъ въ этомъ отношеніи и сборникъ Максимовича [4]), мы приведемъ воспоминанія другихъ выдающихся дѣятелей галицко-русскаго возрожденія. Іосифъ Лозинскій, «пріѣзжая изъ школъ до дому на праздникъ пасхи и приглядаясь забавамъ сельской молодежи на гаилкахъ, полюбилъ игры и пѣсни людовыи, а по уконченыхъ студіяхъ пребывая при родичахъ, началъ ихъ списывати, которыи потомъ въ книзѣ «Зоря Галицкая, яко Альбумъ на г. 1860» печатаны были». «Пѣсни рускіи о *Грицю*, о *Козаку и Дзюбѣ*, печатаныи въ мѣсяцословѣ: Pielgrzym lwowski г. 1831, а позднѣйшіи Pieśnie polskie i ruskie Wacława z Oleska изъ г. 1833 разбудили во мнѣ охоту собирати пѣсни руско-народныи...» «Я собиралъ дома отъ невѣстъ, которыи гдѣ-якіи чины весѣльныи въ селѣ часто занимали, обряды и пѣсни весѣльныи, а корыстаючи до того изъ нѣкоторыхъ дѣлъ польскихъ, списалъ я *Русское весѣлье* и подалъ оное разомъ и съ моею грамматикою до цензуры.... Тогда по русски еще никто ничого не написалъ, и лишь Іос. Левицкій нѣкоторыи стихи началъ складати. А понеже русскіи пѣсни, въ польскихъ книгахъ и часописохъ печатаныи (Pielgrzym lwowski, Rozmaitosci, Lud polski 1830, Pieśni polskie i ruskie), дуже Русинамъ подобались и любовь своего языка розбудили; понеже Вацлавъ изъ Олеска въ реченныхъ пѣсняхъ а Копитаръ въ журналѣ «Oesterreichischer Beobachter» совѣтовали, дабы Русины буквами латинскими писали: то началъ я надъ

---

[1]) О нихъ см. ниже и въ слѣдующей главѣ.

[2]) Руска библ., т. III, стр. XVII. Ср. въ автобіографіи Я. О. Головацкаго: «Въ то время и поляки говорили иногда по русски и не чуждались пѣти русскіи пѣсни, даже московскіи». Лит. сборн. 1885, 132.

[3]) Дѣдицкій, Михаилъ Качковскій и современная галицко-русская литература. Ч. 1, Львъ. 1876, стр. 28, 30, 58; см. еще на стр. 57 объ Ильницкомъ.

[4]) Ib., 59.

гѣмъ застановлятися, чи бы не корыстнѣйше для насъ было того совѣта послухати?» Статья Лозинскаго, доказывавшая необходимость введенія латинскаго алфавита въ галицко-русскую письменность, возбудила полемику «и по той статьи Русины якъ-бы изъ сна обудились и до своего самосознанія приходили... И я видя, что критики не опровергли достаточно моихъ доказательствъ, напечаталъ «Русское весѣлье» буквами латинскими въ Перемышли 1834 г. которого то года и Іос. Левицкій свою граматику выдалъ» [1]).

Вагилевичъ писалъ въ 1843 г. къ Погодину: «быть можетъ, что величественная, древняя поэзія колядъ со своимъ особеннымъ чудеснымъ міромъ, разцвѣтивъ мое изображеніе, пробудила мою душу изъ просонковъ. Даже быть можетъ, что она мнѣ дала перо въ руки. Прежде всѣхъ я собралъ для своей любопытности въ Ясенѣ (стрыйск. окр.), мѣстѣ моего рожденія, 15 колядныхъ пѣсень, которыя мнѣ пѣлъ поселянинъ Гаврило Флёка. Было это 1834 г.— мои друзья приняли пѣсни эти колядныя съ наибольшимъ восторгомъ. Нѣсколько изъ нихъ печатано въ Русалцѣ днѣстровой, въ Будимѣ 1837 г... 1838 г. я имѣлъ счастіе возбудить моихъ знакомцевъ, большей частью сполуучевниковъ, до собранія колядныхъ пѣсень... Я послалъ нѣсколько десятковъ колядныхъ пѣсень гг. П. І. Шафарику, П. В. Кирѣевскому и П. А. Лукашевичу; а отъ мене г. Я. О. Головацкій г. В. А. Мацѣёвскому. И всѣ эти ученые согласились, что колядныя пѣсни неоцѣненны. Тогда также я имѣлъ счастіе, какъ послушатель послѣдняго года с. богословія, назвать г. И. Н. Бѣрецкаго своимъ другомъ, ибо онъ пламенной душой объялъ все, что есть славянское, особенно страну поэтическую, гордился изъ имени быть южноруссомъ, и самъ имѣлъ значительный сборникъ народныхъ пѣсень». Приведенное сообщеніе Вагилевича о собираніи имъ колядокъ показываетъ, какъ увлекался народною поэзіею и этотъ видный дѣятель галицко-русскаго возрожденія, одинъ изъ «русской тройцы», положившей начало новѣйшей галицко-русской литературѣ.

Наиболѣе увлеченія народною галицко-русскою поэзіею выказалъ и наиболѣе потрудился въ собираніи произведеній ея второй членъ этой тройцы Я. О. Головацкій. Составленныя имъ воспоминанія о первыхъ годахъ его дѣятельности представляютъ весьма цѣнный и интересный матеріалъ для исторіи галицко-русскаго возрожденія. Мы извлечемъ здѣсь изъ записокъ г. Головацкаго то,

---

[1]) Литер. сборн. 1885, стр. 114, 116—117.

что относится къ увлеченію и занятіямъ народною поэзіею въ Галичинѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія.— Г. Головацкій съ самаго дѣтства знакомился съ колыбельными и другими пѣснями, со сказками и байками. «Въ навечеріе Богоявленія дѣвки пѣли подъ окнами щедрôвки, говоритъ онъ. То было для мене чѣмъ-то очаровательнымъ, когда по очереди начали щедровку для мене. На радости я требовалъ, чтобы мнѣ еще повторили: *Нашъ паниченько перебôрниченько, коники перебирае, Ой дзвôнъ дзвонитъ, мѣсяцъ сходитъ, Нашъ паниченько на конику играе*, и пр. [1]). «Пѣсни приходилось слушать и въ гостяхъ. Г. Головацкій вспоминаетъ о поѣздкѣ съ отцомъ «на крестины къ лѣсничему Лабенцкому, также Русину. Собраніе гостей было большое, были всѣ ляхи (помѣщичьи управляющіи, писари, экономы), знакомыи и незнакомыи. Подчивали гостей порядочно. Послѣ всѣ начали пѣти хоромъ; между польскими пѣснями: «Pojedziemy na łów» etc., пѣли и по русски: «*Дай намъ, Боже, добрый часъ; Поспьявъ человѣкъ ячменъ, Сьмь день молотила.* Въ то время и поляки говорили иногда по русски и не чуждались пѣти русскіи пѣсни, даже московскіи. Я запамяталъ всѣ пѣсни и повторялъ ихъ наизустъ» [2]). Во Львовѣ г. Головацкій, когда ему не было еще 10 лѣтъ (до 1825 г.), заслушивался, какъ пѣли народныя пѣсни жившіе съ нимъ въ одной квартирѣ «сыны священника, четыре братья Децыкевичи, и селянскій сынъ Боницкій. Они имѣли хорошіе голосы и любили пѣти хоромъ.... Большею частью пѣли народныя пѣсни: *Дай намъ, Боже, добрый часъ; Станьмо, братья въ коло; Не ходи, Грицю; Ой погнала дѣвчинонька янятонька въ поле* и др. Я запамяталъ текстъ и мотивъ и записалъ себѣ десятокъ пѣсень въ тетрадку, конечно, польскими буквами. То былъ мой *первый сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ*» [3]). Поступивъ въ высшіе классы гимназіи, Головацкій заинтересовался разсказами мазуровъ, *гораловъ* изъ-подъ Татровъ объ ихъ родинѣ, а также о славянскихъ народностяхъ Венгріи. Эти разсказы возбудили въ юношѣ «желаніе познакомитись съ славянскими нарѣчіями и бытомъ Славянъ. Ученики и студенты того времени любили пѣть пѣсни. И такъ между Мазурами я узналъ мелодіи и пѣсни: Мазуровъ, Гораловъ, даже словацкіи и чешскіи пѣсни, а съ своими Русинами мы составили подобранный пѣвческій хоръ....

---

[1]) Литер. сборн. 1885, 131.
[2]) Ib., 132.
[3]) Ib., 134—135.

У себе дома и на загородныхъ гуляньяхъ мы пѣли исключительно галицко-русскія пѣсни, иногда московскія, такъ якъ мы чувствовали себе Русинами, которымъ не слѣдуетъ пѣти ляцкія или нѣмецкія пѣсни» [1]). Интересно также что уже въ этотъ періодъ своей жизни Головацкій, если только память не измѣнила ему, началъ чувствовать инстинктивную любовь ко всей русской землѣ. «Изъ-подъ Зборовскаго лѣса, говоритъ онъ, открывался великолѣпный видъ на волнующіяся житомъ или бѣлѣющія гречкою поля, а далѣе виднѣлись вершины Подкаменецкой горы, а за нею дальше макушка Почаевской лавры. То граница Галицкой Руси, а тамъ неизмѣримыя пространства за-кордонной Руси. Съ раннихъ лѣтъ стремились туда мои завѣтныя думы, и духъ располагался къ мечтательности, душа стремилась куда-то въ дальнюю даль, можетъ быти, предчувствуя свою судьбу» [2]). Учась въ гимназіи, Головацкій началъ знакомиться съ нѣкоторыми русскими книгами и произведеніями украинской литературы: на деньги, которыя онъ получалъ въ подарокъ отъ *дѣдуня*, онъ «покупалъ себѣ книжки, съ начала польскія и нѣмецкія, а потомъ Котляревскаго, Державина, Основяненка и др. У дѣда Якимовича, говоритъ онъ, я найшолъ *Пановонъ* Карамзина, который кто-то изъ квартировавшихъ въ 1809 г. русскихъ офицеровъ оставилъ ему на память. Онъ подарилъ мнѣ тую книгу; я читалъ ею прилѣжно, хотя не все могъ поняти.—Первая русская книга досталась мнѣ еще раньше отъ дьяка Домбровскаго, *рускій букварь* (безъ заглавія и безъ конца), въ которомъ находились молитвы и короткая ариѳметика» [3]). Окончивъ курсъ гимназіи въ 1831—2 году и поступивъ въ Львовскій университетъ, Головацкій «читалъ книги, посѣщалъ библіотеки, но читалъ уже съ большимъ разборомъ книги, касающіяся исторіи и языкознанія, преимущественно русскаго и славянскаго. Не легко, говоритъ г. Головацкій, давалась мнѣ та наука русского языка, безъ руководителя. По собственному влеченію я дѣлалъ себѣ выписки и извлеченія изъ всякихъ книгъ и изучалъ единственную находящуюся въ университетской библіотецѣ нѣмецко-русскую грамматику Гейма и переписалъ весь «Сборникъ Малороссійскихъ пѣсень» Максимовича (съ 1827 г.), нѣкоторыя пѣсни Кирши Даниловича (изд. 1818 г.) изъ имѣвшихся въ

---

[1]) Ib., 138—139.

[2]) Ibid., 128—129.

[3]) Ibid., 137. Упоминаніе объ Основьяненкѣ возбуждаетъ сомнѣніе въ виду того, что до 30-хъ годовъ повѣсти Квитки не появлялись. Ср. стр. 11 Литер. Сборн. того-же года.

библіотецѣ Оссолинскихъ ексемпляровъ, прежде въ черновую тетрадку, а потомъ дома переписывалъ на чисто. Между тѣмъ мой сборникъ русско-народныхъ пѣсень постоянно увеличивался» [1]).

Въ Львовскомъ университетѣ въ началѣ 30-хъ годовъ познакомились другъ съ другомъ и сблизились начинатели галицко-русскаго литературнаго возрожденія, «осмѣлившіяся сдѣлати проломъ въ Метерниховской системѣ правленія, подавляющей и самое святѣйшее, но новое и небывалое движеніе въ «подданствѣ изъ Божей воли», а вмѣстѣ проломъ въ извѣстномъ консерватизмѣ Галичанъ русскихъ, находящихся на стокахъ въ направленіи прямомъ до народной погибели» [2]). Эти начинатели составили знаменитую «русскую тройцу». Два члена ея—Вагилевичъ и г. Головацкій—уже названы. Остается сказать о третьемъ — Маркіанѣ Шашкевичѣ, котораго г. Головацкій называетъ «зорничкою розсвѣту» и о которомъ восторженно отзываются всѣ близко знавшіе его. Современные галичане вспоминаютъ имя его съ глубокою благодарностью [3]). По всему видно, своими трудами, обаяніемъ своей личности и своимъ воодушевленіемъ, онъ выдавался изъ ряда молодежи, проникшейся горячею любовью къ родному народу и стремившейся поднять просвѣщеніе его и самосознаніе. Вотъ какъ г. Головацкій вспоминаетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Шашкевичемъ. «Слушатель II года философіи (физики) Маркіанъ Шашкевичъ, который въ свою очередь занимался языкомъ и исторіею Руси, замѣтилъ, въ якомъ направленіи я читаю книги и дѣлаю эксцерпты; онъ сблизился со мною, прямодушно открылъ свои думы, сказавъ, что онъ Русинъ, и заявилъ рѣшительно, что намъ молодымъ Русинамъ нужно соединитись въ кружокъ, упражнятись въ славянскомъ и русскомъ языкахъ, вводити въ русскихъ кругахъ разговорный русскій языкъ, поднятн духъ народный, образовати народъ и, противуборствуя полонизму, воскресити русскую письменность въ Галичинѣ. Я пришолъ въ восторгъ отъ такого предложенія, о которомъ я позволялъ себѣ только грустно желати» [4]).

---

[1]) Литерат. Сборн. 1885, стр. 10—11.

[2]) Ibid. 43.

[3]) О Маркіанѣ Шашкевичѣ см. брошюры: В. Коцовскаго — Жите и значене Маркіана Шашкевича и въ додатку матеріалы и замѣтки до генезы русско-народнаго ѳдрожденя въ Галичинѣ, Льв. 1886; О. Огоновскаго — Маркіянъ Шашкевичъ. Про его жите и письма. Читанка для селянъ и мѣщанъ. У Львовѣ. Накладомъ Товариства Просвѣты. 1886.

[4]) Литер. Сборн. 1885, стр. 11.

Справедливо замѣтилъ г. Пыпинъ, что «въ изученіи и реставраціи народнаго типа заключается главнѣйшее основаніе для галицко-русскаго возрожденія, и этимъ объясняются достигнутые доселѣ успѣхи» [1]). Девизомъ молодежи, во главѣ которой стоялъ М. Шашкевичъ, было какъ бы изреченіе: «познай себе, полюби свое» [2]). Глубокимъ откликомъ въ сердцахъ долженъ былъ быть встрѣченъ призывъ Шашкевича:

Руська мати насъ родила,
Руська мати насъ повила,
Руська мати насъ любила:
Чомужь мова сѣй не мила?
Чомъ ся невъ стыдати маемъ?
Чомъ чужую полюбляемъ?

М. Шашкевичъ былъ душою кружка молодежи, обратившейся къ изученію родной рѣчи, родной словесности и исторіи. Онъ не только внушалъ патріотическій энтузіазмъ, но и подавалъ примѣръ. Онъ достигъ основательнаго образованія, хорошо ознакомился со славянскими литературами и исполнился широкаго интереса ко всему славянству. Онъ слѣдилъ со вниманіемъ за развитіемъ украинской литературы, съ восторгомъ привѣтствовалъ альманахъ Гребенки *Листовку* [3]) и восхищался произведеніями Квитки [4]). Подобно другимъ дѣятелямъ галицко-русскаго возрожденія и Шашкевичъ увлекался украинскими и галицко-русскими пѣснями [5]). Въ старинѣ онъ

---

[1]) Вѣстн. Европы 1886, № 2, «Малорусско-польскія отношенія», стр. 712.

[2]) Дѣдицкій, Мих. Качковскій, стр. 57. Девизомъ подъ которымъ Я. О. Головацкій вписалъ свое имя въ «Русскую Зорю», было изреченіе: Γνῶθι σεαυτόν, пôзнай себе, буде зъ тебе».

[3]) Руска библіотека III, 61.

[4]) Ib. 62. Шашкевичъ ознакомился также съ грамматикой Павловскаго, пѣснями Максимовича и Энеидой Котляревскаго.

[5]) Дума «Побратимови — посылаючи ему пѣсни украински» начинается словами:

Отъ такъ, Николаю, вкраински брята
И веселятъ душу и серце загрѣваютъ;
Отъ такъ, Николаю, руски соколята
То въ голосъ, то съ тиха матери спѣваютъ.
Ажъ мило згадати, якъ то серце вьетъ ся,
Коли зъ Украины руская пѣсенька
Такъ мило, солодко вколо серца вьетъ ся....

видѣлъ «незвядаему красоту передвѣчну». Для невыданнаго альманаха «Зоря» Шашкевичъ приготовлялъ біографію Богдана Хмельницкаго и, повидимому, интересовался исторіею козачества.

Свою дѣятельность въ сферѣ поэзіи Шашкевичъ началъ стихотвореніями на польскомъ языкѣ [1]), но вскорѣ началъ писать на языкѣ своего народа. Въ 1835 г. онъ напечаталъ стихотвореніе на этомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Голосъ Галичанъ», которое произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на читателей красотою и народностью рѣчи; по словамъ Устіяновича, этотъ стишокъ «здѣлавъ совершенну перемѣну на земли Галича, онъ-казавъ-бымъ збудивъ Русь ôдъ глубокого сну». Стихотворенія Шашкевича обнаруживаютъ вліяніе Могилы [2]), Падурры [3]), искусственныхъ украинскихъ пѣсенъ [4]) и народныхъ мотивовъ [5]). Шашкевичъ перевелъ также отрывокъ изъ «Каневскаго замка» и изъ Краледворской рукописи.

Не будемъ останавливаться на дѣятельности кружка Шашкевича, Головацкаго и Вагилевича, на ихъ желаніи «имѣти національный сборникъ въ родѣ Максимовича», на ихъ мысли «издати русскій альманахъ подъ названіемъ «Зоря», въ которомъ были бы помѣщены народныя пѣсни, сочиненія стихами и прозою, памятники прежней народной поэзіи и переводы» [6]). Не станемъ касаться выполненія рѣшенія «идти между народъ, изслѣдовати на мѣстѣ, собирати изъ его собственныхъ устъ пѣсни, которыхъ народъ хранитъ въ памяти тысячи, записывати его пословицы и поговорки,

---

Русск. Библіот. III, 3. Ср. въ стихотв. «Moje niebo» (ib., 31—32) и въ письмѣ къ Васильевскому: «czasem mimowolnie zahomonity usta moje nutę dziko—płaczącą, najczęściej strojem dumki ruskiej, bo ja ją tak lubię, jak ziélka rosę» (ib. 63)

[1]) Русск. Библ. III, 180.

[2]) Оно замѣтно въ особенности въ «Думѣ» (ib. стр. 3; ср. стр. 61):

. . . . . буйный вѣтеръ повыне,
Гостинець иже нинѣй, отъ иже думку несе.
Несе й каже: сю нôчь степами гуливъ я,
Нагулявшись до воли, по могилахъ лягавъ я,
Бунѣмъ то спочити — а то пôдслухати,
Якъ то стара бунальщина буде размовляти....

[3]) Подражаніе Падуррѣ находимъ въ «Болеславѣ Криноустомъ» (ib. 26).

[4]) Ср. стихотв. «До милою» (ib. 21) съ пѣсней: «Новій, вітре, на Вкраину».

[5]) См. напр., стихотв. «Погоня» (ib. 11—14) или «Думка» (ib. 17—18), ср. посл. съ народной пѣсней «Ой ты, місяць—місяченьку, и ты, зоря ясна».

[6]) Литер. сборн. 1885, стр. 12.

его повѣсти и преданія»[1]). Не будемъ говорить также и о значеніи разработки родной исторіи въ Галичинѣ для развитія русскаго самосознанія[2]), а также о сношеніяхъ галицко-русскихъ ученыхъ съ нашими[3]).

Перейдемъ прямо къ выводу изъ только что изложенныхъ фактовъ, къ общему указанію главныхъ двигательныхъ началъ галицко-русскаго возрожденія и галицко-русской литературы. Несмотря на то утѣсненіе, какому подпалъ русскій народъ въ Галичинѣ подъ австрійскимъ владычествомъ, эта литература была вызвана: 1) пробужденіемъ идеи народности, увлеченіемъ народною поэзіею и обращеніемъ къ этнографическому изученію народности; 2) знакомствомъ съ украинскою литературою, развившеюся также подъ вліяніемъ любви къ народности; 3) знакомствомъ съ общерусскою литературою, преимущественно научною; 4) распространеніемъ идей славянскаго возрожденія[4]) и 5) воздѣйствіемъ польско-украинской поэзіи. И въ Галичинѣ умственное движеніе, породившее литературу на народномъ языкѣ, находилось въ связи съ народничествомъ[5]). Полнаго развитія достигло національное чувство галицкихъ русскихъ съ 1848 г. — подъ вліяніемъ политическихъ событій.

Если сопоставимъ генезисъ галицко-русской литературы съ начальными моментами исторіи новѣйшей украинской, то найдемъ значительное совпаденіе въ ходѣ развитія той и другой. Таже, что въ Украинѣ, жизненная сила народности въ соединеніи съ животворными общеевропейскими и русскими воздѣйствіями привела и въ Галичинѣ въ настоящемъ столѣтіи къ созданію народной рус-

---

[1]) Ibid. 22.

[2]) Вагилевичъ и Головацкій, открывая старые документы Галицкой Руси, «въ своемъ воображеніи представляли себѣ могущественную державу на всемъ погоріи Карпатовъ, простирающуюся отъ источниковъ Вѣмна до устья Дуная и Чорнаго моря». Ib, 19.—Качковскій достигъ полнаго сознанія народности по прочтеніи «Kronika miasta Lwowa» Зубрицкаго. Дѣдицкій, 88.

[3]) О трудностяхъ выписки книгъ изъ Россіи въ то время см. Литер. Сборн., 1885, стр. 23. Вагилевичъ сносился съ Погодинымъ и просилъ о высылкѣ русскихъ книгъ по филологіи и этнографіи, а также южно-русскихъ книгъ. Онъ состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ сношеніяхъ съ Шафарикомъ и Мацѣевскимъ, не говоря о другихъ польскихъ литераторахъ.

[4]) Коцовскій, Жите и значене Маркіяна Шашкевича, 2 и 5; Русск. Библ. III, XVI—XVII.

[5]) Коцовскій, 20.

ской литературы. Исторія этой литературы можетъ представить интересныя данныя и для историка украинской литературы и разъяснять многое въ основныхъ направленіяхъ послѣдней.

Потому-то не были неправы тѣ изъ рецензентовъ, разбиравшихъ книгу г. Петрова, которые поставили въ вину автору «Очерковъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія» невниманіе къ литературному движенію, начавшемуся въ средѣ русскихъ галичанъ съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

Разсмотрѣніе новѣйшей украинской литературы въ связи съ галицко-русскою разъяснило бы многое въ судьбахъ той и другой и въ послѣднія десятилѣтія. Украинская литература не только дѣйствовала животворно на возникновеніе галицко-русской въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; она питала послѣднюю и потомъ: произведенія украинскихъ литераторовъ перепечатывались въ Галичинѣ, и сверхъ того въ Галичинѣ появлялись въ печати тѣ произведенія украинской словесности, которыя не могли выйти въ свѣтъ на родинѣ; таковы нѣкоторыя изъ повѣстей Левицкаго (Нечуя) и др. Связь украинской литературы съ галицко-русскою получила особое значеніе съ 60-хъ годовъ, когда у насъ начали обращать болѣе тщательное вниманіе на Галицкую Русь и когда вопросъ объ украинской литературѣ начали рѣшать, принимая во вниманіе малорусскую народность въ полномъ ея составѣ.

Должно, впрочемъ, сказать, что безъ непосредственнаго знакомства съ галицкимъ литературнымъ движеніемъ и изученія его на мѣстѣ невозможно прослѣдить во всей полнотѣ связи новѣйшей украинской литературы съ галицко-русскою, и въ виду того пробѣлъ въ монографіи г. Петрова, обусловленный невниманіемъ къ этимъ связямъ, можетъ быть извиняемъ автору. Менѣе извинительно въ книгѣ г. Петрова отсутствіе отчетливаго выясненія тѣхъ началъ, которыя явственно обозначились съ выходомъ въ 1818 и 1819 гг. грамматики Павловскаго, «Опыта собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней» кн. Цертелева, «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чарівника» Котляревскаго, и которыя являлись съ того времени главными двигательными силами украинской литературы. Этими началами оказались: болѣе или менѣе сознанная идея народности и романтическое увлеченіе народностью.

Къ исторіи этого важнаго движенія въ Украинѣ съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія мы и обратимся теперь. Мы разсмотримъ взглядъ г. Петрова на это движеніе и попытаемся воспол-

нить тѣ существенные недосмотры, какіе допущены г. Петровымъ въ выясненіи романтическаго разукрашенія и идеализаціи украинской старины.

IV. Идея народности, романтическое увлеченіе народностью и идеализація старины въ украинской литературѣ; польско-украинскіе поэты и ихъ вліяніе на украинскую поэзію.

Романтика въ поэзіи тѣхъ странъ, изъ которыхъ проникала къ намъ, поддерживала связь съ народнымъ творчествомъ и обращала къ народной старинѣ. На стр. 171 своего труда г. Петровъ привелъ мнѣніе Шевырева, по которому «возрожденіе нѣмецкаго *романтизма*» содѣйствовало «развитію у насъ народнаго самосознанія». Тѣмъ не менѣе, г. Петровъ разсматриваетъ почему-то раздѣльно «романтико-художественную литературу», «украинскій націонализмъ» и «украинское славянофильство». На стр. 11 г. Петровъ отожествляетъ націонализмъ со славянофильствомъ, а въ началѣ главы о націонализмѣ опредѣляетъ послѣдній какъ руссофильство, отличаетъ славянофильство, какъ особую стадію его (стр. 173), и сводитъ къ этому руссофильству «цѣлый рядъ изданій памятниковъ письменной и устной народной словесности украинской, имѣвшихъ важное значеніе и для литературы», а также изученіе украинской исторіи.

Остановимся обстоятельнѣе на разсужденіяхъ г. Петрова объ украинскомъ націонализмѣ въ виду того, что этотъ націонализмъ имѣлъ важное значеніе въ исторіи украинской литературы.

По словамъ г. Петрова, «націонализмомъ въ русской литературѣ обыкновенно называютъ то направленіе ея, которое, опираясь на историческое и этнографическое изученіе народа, идеализируетъ прошлую или современную жизнь его, удовлетворяется и услаждается ею и свысока, пренебрежительно смотритъ на чуждыя вліянія, отражавшіяся на русской жизни. Это направленіе обязано своимъ происхожденіемъ многоразличнымъ причинамъ и источникамъ, и въ томъ числѣ чужеземнымъ вліяніямъ, отъ которыхъ оно открещивается. Сюда, прежде всего, принадлежитъ возбужденіе интереса къ устной народной словесности». Затѣмъ г. Петровъ говоритъ неполно и поверхностно о развитіи изученія народности. Онъ приводитъ изъ предисловія къ сборнику: «Народни украінскі пісні

зъ голосомъ» запутанное разсужденіе А. Гулака-Артемовскаго о томъ, что на важное значеніе произведеній народнаго творчества обратили вниманіе подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII в., а затѣмъ говоритъ словами того-же Гулака-Артемовскаго о «болѣе сильномъ вліяніи» нѣмцевъ «на возбужденіе у славянъ народнаго сознанія». «Отъ чеховъ эта sui generis манія перешла и на другіе славянскіе народы. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка ученые чехи посѣтили Москву и, безъ сомнѣнія, содѣйствовали возбужденію среди русскихъ ученыхъ любви къ изученію старинныхъ письменныхъ памятниковъ и устной народной поэзіи». Вслѣдъ за нѣмцами и русскіе начали искать самобытныхъ началъ народной жизни. Такими началами были признаны: самодержавіе, православіе и народность, составившія оффиціальную основу общественнаго образованія. «Правительственныя мѣропріятія и взгляды налагали свою казенную печать и на науку и литературу и сообщили имъ общій колоритъ и тонъ такъ называемаго руссофильства». Подъ вліяніемъ націонализма «украинскіе ученые и писатели 30-хъ годовъ и послѣдующаго времени избирали для себя мѣстное, удѣльное содержаніе, но разсматривали его, какъ необходимую часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и часто писали даже на общемъ литературномъ языкѣ русскомъ. Называя русскаго царя роднымъ своимъ батькомъ, они ставили рядомъ съ нимъ свою родную мать — Украину и идеализировали ея прошедшую исторію и современную жизнь». Въ научной области украинскій націонализмъ вызвалъ рядъ изданій памятниковъ народной словесности, а въ области литературы — «цѣлый рядъ историческихъ романовъ и драматическихъ сочиненій изъ жизни Малороссіи, преимущественно на русскомъ языкѣ».

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ г. Петрова выяснены не совсѣмъ точно побужденія, которыми были создаваемы труды по украинской этнографіи: украинскій націонализмъ, собираніе памятниковъ украинской словесности и идеализація Украины въ ея прошломъ и настоящемъ должны быть выводимы не отъ одного руссофильства съ его оффиціальной программой, окончательно выработанной въ Николаевское время.

Правда, нѣкоторые изъ украинскихъ литераторовъ ссылались на эту оффиціальную программу. Метлинскій не разъ печатно пріурочивалъ свою дѣятельность къ «общему стремленію просвѣщенныхъ писателей, повременныхъ изданій и покровительствуемыхъ правительствомъ ученыхъ обществъ къ познанію отечествен-

ной русской народности и распространенію объ ней свѣдѣній»[1]). Метлинскій, на котораго г. Петровъ не указываетъ въ разсматриваемой главѣ, повторялъ даже въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ нѣкоторыя изъ идей оффиціальной программы русской народности. Срезневскій также говорилъ о русской народности согласно съ оффиціальнымъ опредѣленіемъ ея. Но такія указанія на оффиціальную теорію народности не исчерпываютъ сущности украинскаго націонализма и не объясняютъ признаваемыхъ г. Петровымъ «нѣкоторыхъ отличій его отъ сѣверно-русскаго руссофильства». Что это послѣднее не совпадало съ украинскимъ націонализмомъ, доказываютъ хотя бы взгляды Н. В. Гоголя, котораго г. Петровъ называетъ (стр. 175) «лучшимъ выразителемъ національнаго направленія украинской литературы въ обще-русскомъ духѣ». Гоголь относился не вполнѣ одобрительно къ поэзіи Шевченка. Онъ находилъ въ ней «дегтю много» и говорилъ Бодянскому: «Намъ надо писать по русски, надо стремиться къ поддержкѣ и упроченію одного, владычнаго языка для всѣхъ, родныхъ намъ, племенъ. Доминантой для русскихъ, чеховъ, украинцевъ и сербовъ должна быть единая святыня — языкъ Пушкина, какою является евангеліе для всѣхъ христіанъ, католиковъ, лютеранъ и гернгутеровъ. А вы хотите провансальскаго поэта Жасмена поставить въ уровень съ Мольеромъ и Шатобріаномъ!... Намъ, малороссамъ и русскимъ, нужна одна поэзія, спокойная и сильная, нетлѣнная поэзія правды, добра и красоты»... Не признавая, такимъ образомъ умѣстности отдѣльной украинской литературы, Гоголь не могъ раздѣлять съ другой стороны и высокомѣрнаго отношенія къ малороссамъ, которое столь часто слышалось въ его время[2]). Вслѣдъ

---

[1]) Южный русскій зборникъ, Харьк. 1848, предисловіе. Упомянувъ, что много статей, замѣчательныхъ въ отношеніи къ изученію русской народности, явилось въ журналахъ, много сдѣлано для этого изученія Археографическою Коммиссіею, Академіею Наукъ, Императорскимъ Обществомъ Исторіи и древностей россійскихъ, Метлинскій приводитъ выдержку изъ разосланнаго по Россіи циркуляра Географическаго Общества, «учрежденнаго *по Высочайшей Воли* подъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Государя В. Кн. Константина Николаевича». Затѣмъ Метлинскій говоритъ: «Послѣ этого стало понятно всѣмъ, что ничтожны толки о самобытности и народности безъ изученія ея частностей и подробностей» (стр. 5—7).

[2]) Ср. выше—во введеніи. Можно бы указать еще и на другія свидѣтельства кромѣ приведенныхъ тамъ. Такъ, въ письмѣ Квитки къ издателю Харьковскаго альманаха «Утренняя Звѣзда» 1833 г. читаемъ: «...я чуть, буцимъ-то хочешъ ты тутъ-же прытулыты де-що и *по нашому* пысаного. За сюю вы-

за приведенными только что словами Гоголь сказалъ: «Русскій и малороссъ — это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и *одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно*» [1]). Изъ этихъ словъ видно, что и Гоголь горячо любилъ и высоко цѣнилъ свою народность, уравнивая ее въ достоинствахъ и значеніи съ великорусской, находя въ первой то, чего недостаетъ другой. Понять такъ народный характеръ украинцевъ онъ могъ только потому, что съ дѣтства живо воспринималъ впечатлѣнія отъ украинской природы и жизни и проникался любовью къ украинской старинѣ, съ дѣтства поддавался идеализаціи этой старины и вдыхалъ въ себя ароматъ ея чудной поэзіи, которую очень любилъ до конца жизни.

Таково же было и вообще происхожденіе существенныхъ отмѣнъ украинскаго національизма по сравненію съ сѣверорусскимъ.

Остановимся на общемъ выясненіи этихъ отмѣнъ: оно важно не только для уразумѣнія дѣятельности тѣхъ писателей, которыхъ г. Петровъ выдѣлилъ въ особую группу украинскихъ націоналистовъ, но также для пониманія общаго направленія многихъ другихъ произведеній украинской литературы. Что до частныхъ очерковъ дѣятельности писателей «національной школы въ украинской литературѣ», то мы не станемъ вдаваться въ провѣрку этихъ очерковъ, потому что тогда размѣры нашего разбора значительно увеличились бы; скажемъ только, что и въ этой части своего труда г. Петровъ не избѣжалъ ошибокъ [2]).

годку ажъ трычи тоби дякую. Нехай-же знають и нашыхъ! Бо е таки люде на свити, що зъ насъ кепкують и говорють, та й пишуть буцимъ-то зъ нашыхъ нихто невтиé, щобъ було, якъ воны кажуть, и звычайне, и нижеиьке, и розумне, и полезне; и що, стало-быть, по нашому, опричъ лайкы та глузованьня надъ дурнемъ, биличъ ничого неможно й напысаты».

[1]) Историч. Вѣстн. 1886, № 12, стр. 479. Ср. слова Гоголя въ извѣстномъ письмѣ его къ А. О. Смирновой, на которое указываетъ и г. Петровъ на стр. 175: «никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой». Такимъ взглядомъ на характеръ обѣихъ великихъ русскихъ народностей Гоголь возвышался надъ узкими племенными пристрастіями, которыя были присущи какъ нѣкоторымъ великоруссамъ, такъ и нѣкоторымъ украинцамъ.

[2]) Такъ, г. Петровъ утверждаетъ, что Спидницкій «писалъ исключительно на русскомъ языкѣ»; между тѣмъ отъ Спидницкаго осталась большая «семейна хроніка» на украинскомъ нарѣчіи подъ заглавіемъ: «Любораджка». Львовъ. Накладомъ Евгенія Олесницкаго. 1885 (Передрукъ зъ «Зорѣ»). Эта

Украинскій національизмъ слагается не только изъ общерусской народной идеи, но и изъ чувства народности, любви къ южнорусской народности и признанія достоинствъ ея духовной организаціи, переходившаго по временамъ въ идеализацію прошлой исторіи этой народности.

Эти черты украинскаго національизма обозначились задолго до развитія новѣйшей украинской литературы и, слѣдовательно, выяснились ранѣе опредѣленнаго ученія о народности, къ которому г. Петровъ возводитъ украинскій національизмъ, выражаясь, впрочемъ, по своему обыкновенію, довольно неопредѣленно [1]).

Нельзя не видѣть и безъ особаго разъясненія, какъ старо тяготѣніе южной Руси къ единенію съ великой Русью. Идеализація минувшей исторіи Украины также началась весьма давно — еще въ народной словесности, которая, какъ извѣстно, любитъ окружать ореоломъ поэтичности воспѣваемыхъ ею героевъ родной исторіи. Въ Украинѣ существовало богатое историческое преданіе о козацкомъ періодѣ ея жизни; нѣкоторыя изъ историческихъ пѣсенъ того періода были въ ходу даже на окраинахъ юго-западной Руси, напр. пѣсни о Саввѣ Чаломъ. Это вѣковое преданіе въ пѣсенной и прозаической формѣ, постоянно внушавшее украинцамъ самый живой интересъ, должно было рано или поздно вызвать откликъ и въ мѣстной литературѣ, и мы видѣли, что исходнымъ пунктомъ развитія этой литературы была исконная любовь украинцевъ къ народности, неразлучная съ любовью къ родному слову и поэзіи.

Съ момента, до котораго мы довели очеркъ исторіи украинской литературы, съ конца 20-хъ и съ 30-хъ годовъ настоящаго вѣка

книжка составила 15—17 вып. «Руско-украинской библіотеки». По словамъ издателя, изъ произведеній Свидницкаго на украинскомъ нарѣчіи «дойшли до насъ ще три поезіѣ, зъ котрыхъ двѣ мовь ироніею долѣ—стали майже народными пѣснями. Се звѣстни у насъ въ Галичинѣ: «Вже больше лѣтъ двѣстѣ» и «Въ полѣ доли стояла». Ср. «Зоря» 1886, № 6 и др. — На стр. 219 по поводу поэмы А. П. Стороженка «Марко проклятий» г. Петровъ замѣчаетъ, что «малорусская пословица «товчецци якъ Марко по пеклу», по сознанію многихъ панистовъ, принесена была въ Польшу съ флорентинскаго собора и составлена для осмѣянія Марка Ефесскаго... Если же такъ, то едва ли не напрасны были тридцатилѣтніе поиски А. П. Стороженка за народными сказаніями о похожденіяхъ Марка проклятаго». См. однако брошюру *G. Paris* Le Juif Errant, Paris 1880; Romania X (1881), pp. 212—216 и ст. А. Н. Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1880, № 7, 85—90; ср. Ж. М. Н. П. 1886, № 8, стр. 63—69.

[1]) Стр. 173: «Этотъ-то національизмъ или руссофильство отразились *отчасти* и на украинской литературѣ....».

помимо живаго воздѣйствія естественнаго чувства народности и богатой народной поэзіи, на возбужденіе любви къ южнорусской народности, усиленіе изученія ея и расширеніе самовыраженія чувства народности въ украинской литературѣ начало вліять опредѣленно выработанное ученіе о народности вообще[1]) и выдвинутая наукой программа изученія народности, но ученіе о народности и стремленіе къ болѣе или менѣе научному уясненію ея прошлаго и настоящаго проникали въ Украину и ея литературу не только изъ того общеевропейскаго умственнаго движенія, къ которому примкнулъ и общерусскій націонализмъ. Въ частности на украинскій націонализмъ, на собираніе памятниковъ южнорусскаго народнаго творчества и на своеобразныя представленія объ украинской старинѣ не осталось безъ значительнаго вліянія умственное и литературное движеніе въ средѣ поляковъ, какъ входившихъ въ предѣлы русскаго государства, такъ и оставшихся за этими предѣлами. Сверхъ того дѣйствовали на выработку украинскаго націонализма и чисто мѣстныя начала. Оттуда *значительная* самобытность въ этомъ націонализмѣ.

Разсмотримъ обстоятельнѣе происхожденіе перечисленныхъ элементовъ новѣйшаго украинскаго націонализма, т. е. 1) новѣйшаго ученія о народности, какъ оно выражалось въ украинской литературѣ, 2) изученія украинской народной словесности и 3) идеализаціи украинской старины и народности. Четвертый изъ элементовъ украинскаго націонализма, общерусскій патріотизмъ, мы оставимъ

---

[1]) Укажемъ на слова Бодянскаго въ его критической оцѣнкѣ Малороссійскихъ повѣстей Основъяненка: «*При теперешнемъ всеобщемъ направленіи и стремленіи къ народности*, Малороссіяне съ похвальною ревностію принялись за собраніе и приведеніе въ извѣстность своихъ сказаній». Уч. Зап. И. Моск. Унив. 1834, № V, стр. 289. На значеніе идеи народности въ созданіи новѣйшей украинской литературы отчетливо указалъ въ 40-хъ годахъ Костомаровъ. Въ его «Обзорѣ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языкѣ», читаемъ (Молодикъ на 1844 годъ, Харьк. 1843, стр. 161): «И такъ, идея народности, подвинувшая впередъ русскую литературу, произвела въ ней особенный отдѣлъ — литературу малороссійскую, которая, по направленію своему, есть чисто русская, своенародная. Многіе изъ современныхъ рецензентовъ называютъ это стремленіе писать по малороссійски непонятною прихотью, но думаютъ неосновательно: оно есть потребность времени, потому что исходитъ изъ того начала, которое оживляетъ настоящее общество». Къ той же идеѣ возвелъ украинскую литературу Костомаровъ и въ своемъ позднѣйшемъ обзорѣ ея: Поэзія славянъ, 158.

въ сторонѣ, какъ фактъ совершенно ясный и не требующій особаго разъясненія.

Г. Петровъ считаетъ «возбужденіе интереса къ устной народной словесности» однимъ изъ первоисточниковъ націонализма и говоритъ объ «изданіяхъ памятниковъ письменной и устной народной словесности украинской» въ главѣ о націонализмѣ, отдѣливъ, такимъ образомъ, исторію ученія о народности и вліянія его на литературу отъ исторіи романтическаго движенія, которое разсматриваетъ ранѣе. Ученіе о народности и интересъ къ народной словесности на Руси г. Петровъ выводитъ изъ «просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка» и вліянія нѣмцевъ (Гердера) чрезъ чеховъ и непосредственнаго.

На нашъ взглядъ, г. Петровъ допустилъ немало неточностей въ этомъ общемъ выясненіи происхожденія ученія о народности и интереса къ народной поэзіи.

Замѣтимъ прежде всего, что собираніе и записываніе произведеній народной словесности началось на Руси (въ частности и въ Украинѣ) помимо западноевропейскаго вліянія. Таковы старинныя записи былинъ, привлекавшихъ вниманіе вслѣдствіе немногочисленности свѣтскихъ произведеній, обращавшихся въ нашей старинной литературѣ [1]). Равнымъ образомъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду доставить интересный матеріалъ любителямъ поучительнаго чтенія издатель «Стихотвореній, распѣваемыхъ на торжищахъ» [2]). Со второй половины прошлаго вѣка неоднократно печатались сборники пѣсенъ, въ которые входили и малорусскія пѣсни, но и эти изданія не были вызываемы научными побужденіями и принадлежали къ разряду пѣсенниковъ, какіе часто печатаются и теперь въ числѣ народныхъ книгъ. Не вполнѣ сознательную любовь къ народной пѣснѣ обнаружилъ даже Мерзляковъ въ своихъ пѣсняхъ.

Серьезный научный интересъ къ произведеніямъ народной словесности проявился у насъ лишь въ концѣ первой четверти настоящаго столѣтія, но тогда дѣйствовали уже не «просвѣтительныя идеи XVIII в.», а идеи XIX в. Ученіе о народности и примѣръ изученія народной словесности проникали къ намъ не отъ нѣмцевъ только и чеховъ, но и отъ сербовъ и отъ другихъ народовъ и вообще благодаря общеевропейскому воздѣйствію. Изданія народныхъ

---

[1]) См. ст. Л. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1881, «Богатырское слово», изданное Е. Барсовымъ, и сборникъ Кирши Данилова.

[2]) Напечатаны они въ Москвѣ въ концѣ прошлаго вѣка.

пѣсенъ у чеховъ, моравань и словаковъ появились не ранѣе 1822 г., а *Мала простонародна славено-сербска пјесмарица* Вука Стефановича вышла уже въ 1814 и 1815 гг.[1]). Мы видѣли, что П. А. Цертелевъ, говоря о нашей отсталости въ изученіи народной словесности и указывая на собираніе произведеній ея у другихъ славянъ, ссылался не только на сборникъ Челяковскаго, но и на пѣсни Караджича[2]). Караджичъ же обратилъ вниманіе на народныя пѣсни по предложенію Копитара и подъ вліяніемъ «одного большого русского пѣсенника». «Читая изъ него различныя пѣсни, говоритъ Вукъ, я хотѣлъ узнать: одни лишь Русскіе имѣютъ такую и при томъ столь большую книгу пѣсенъ? Или и другіе народы также имѣютъ, и лишь мы Сербы не имѣемъ? А когда я нашелъ нѣмецкіе пѣсенники, тогда я убѣдился, что и другіе народы имѣютъ пѣсни»[3]). Ясно, какъ скрещивались различныя вліянія въ началѣ изданія народныхъ пѣсенъ; первенство принадлежало не исключительно нѣмцамъ. Гердеръ содѣйствовалъ въ значительной степени развитію интереса къ народнымъ пѣснямъ, но справедливость требуетъ указывать также на вліяніе юго-славянской народной пѣсни съ одной стороны и на громадное впечатлѣніе, произведенное на весь читающій европейскій міръ съ другой стороны изданіями и передѣлками англійскихъ и шотландскихъ народныхъ пѣсенъ. Съ юго-славянскими народными пѣснями, на которыя въ настоящемъ столѣтіи обратили вниманіе Я. Гриммъ и Гете, уже въ прошломъ вѣкѣ читающая западно-европейская публика нѣсколько

---

[1]) См. хотя бы ст. Шафарика «Библіографическое обозрѣніе сборниковъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ» въ «Денницѣ» 1842, № 23, а также въ книжкѣ В. Иванцевича: Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ, Спб. 1883; Singer, Beiträge zur Literatur der kroatischen Volkspoesie, Agram. 1882.

[2]) См. предыдущую главу.

[3]) Ранѣе, въ 1807 г., архимандритъ Лукіанъ Мушицкій говорилъ своимъ ученикамъ въ Карловцахъ, въ томъ числѣ и Вуку, чтобы они записали для него извѣстныя имъ пѣсни. Вукъ счелъ тогда это предложеніе насмѣшкой. Но, нашедши потомъ случайно въ Сербіи собраніе пѣсенъ Качича, Вукъ началъ иначе думать о предложеніи Мушицкаго, заинтересовался народными пѣснями и добылъ русскій пѣсенникъ. П. А. Кулаковскій, Вукъ Караджичъ, М. 1882, стр. 55—56; ср. стр. 180. Говоря о посѣщеніи «учеными чехами» Москвы въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, г. Петровъ долженъ былъ упомянуть и о поѣздкѣ Вука въ Россію въ 1819 г., о знакомствѣ Вука съ Карамзинымъ, Румянцевымъ и мн. др., объ избраніи Караджича въ члены «Московскаго общества любителей русской словесности» и о присужденіи медали Вуку Россійскою Академіею Наукъ.

ознакомилась отчасти благодаря Качичу Міошичу [1]), но въ особенности благодаря книгѣ итальянскаго аббата и естествоиѣда Fortis-a: Viaggio in Dalmazia, Ven. 1774 г. [2]). Эта послѣдняя была переведена на языки нѣмецкій и французскій, и помѣщенный въ ней переводъ «морлакской пѣсни» «Žalostna pjesanca plemenite Asanaginice» привлекъ вниманіе Гете, переданнаго трогательную пѣсню въ прекрасной нѣмецкой передѣлкѣ. Переводъ Гете вошелъ затѣмъ въ собраніе пѣсенъ Гердера 1777 г. [3]). Весьма вѣроятно предположеніе Миклошича, что Фортисъ заинтересовался славянскою пѣснею подъ вліяніемъ Оссіана. Это послѣднее приводитъ насъ къ настоящему источнику того интереса къ народной поэзіи, который началъ проявляться на западѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка передался отъ англичанъ къ нѣмцамъ и посредственно и непосредственно — къ славянамъ, въ томъ числѣ и къ намъ.

Переходя къ исторіи этого общаго западноевропейскаго движенія, превратившагося мало по малу въ широкое требованіе народности отъ литературы, мы, согласно сказанному, считаемъ невѣрнымъ представленіе г. Петрова о генезисѣ ученія о народности и полагаемъ, что источники этого движенія и пути его распространенія были не тѣ, какіе указаны г. Петровымъ, а иные.

Не «просвѣтительныя идеи XVIII в.» [4]) положили начало сознательному обращенію къ народности, а идеи, выдвинутыя въ противовѣсъ просвѣщенію XVIII в., и не исключительно Германіи должно усвоять первоисточникъ движенія къ народности, но также Англіи и отчасти Франціи, хотя послѣдняя позже другихъ передовыхъ странъ запада занялась изученіемъ народной поэзіи [5]). Гердеръ, собиравшій матеріалы для изданія пѣсенъ уже въ

---

[1]) *Razgovor ugodni naroda slovinskoga.* 1-е изд. вышло въ Пештѣ, 2-е въ Венеціи въ 1756 г.; латинскій переводъ Павича — въ Пештѣ въ 1764 г.

[2]) См. ст. А. Н. Пыпина въ Вѣстн. Евр. 1876 г., № 12.

[3]) Miklosich, Ueber Goethe's «Klaggesang von der edlen Frauen des Asan Aga», Wien 1883. — Goethe-Jahrbuch, zw. Band, 1881, 125 fgde.

[4]) Изъ нихъ въ развитіи понятія о народности нѣкоторое значеніе имѣла лишь идея о правахъ человѣка.

[5]) «Франція можетъ быть послѣдняя страна, обратившаяся къ изученію и обнародованію произведеній народной поэзіи, говоритъ G. Paris (Revue critique 1866, 22 мая. Mélusine 1877, № 1). Долгое время мы увлекались народно-поэтическими произведеніями другихъ странъ, греческими и бретанскими пѣснями въ изданіяхъ Фориоля и Вильмарке, и говорили съ презрѣніемъ о томъ, что въ томъ же родѣ находилось у насъ самихъ». Ср. Scheffler, Die französische Volksdichtung.

1764 г. [1]), подпалъ вліянію произведеній тогда огромное впечатлѣніе на весь западъ произведеній народной англійской поэзіи.

Уже во 2-й половинѣ XVII в., въ годы крайней распущенности знатнаго общества въ Англіи, одна изъ романистокъ этого общества, позволявшихъ себѣ наиболѣе вольностей въ своихъ произведеніяхъ, Mrs. Behn, задолго до Руссо и Бернардена де Сенъ-Пьеръ, въ романѣ *Oroonoko* восторженно говорила о состояніи первобытной невинности въ дикихъ странахъ, о томъ, что простая природа — самый лучшій, самый мудрый и самый добродѣтельный изъ всѣхъ наставниковъ [2]). Въ 1724 и 1725 гг. Allan Ramsay въ своихъ *Featable Miscellany* и *Evergreen* сдѣлалъ первыя робкія попытки привлечь вкусъ образованнаго англійскаго общества къ произведеніямъ народнаго творчества [3]). Въ половинѣ XVIII в. въ Англіи началъ падать авторитетъ классической школы поэзіи, и изъ Англіи это движеніе начало распространяться въ другихъ странахъ. Извѣстны недостатки поэзіи классической школы, процвѣтавшей во Франціи и Англіи. Классичность часто переносила читателя въ особый міръ дѣйствительности не живой, но условной. Поэзія дошла до крайней искусственности и отощанія. Въ ней господствовали напыщенныя поэмы, представлявшія странную смѣсь античнаго съ новымъ, — эклоги, въ которыхъ выступали въ сущности лица знатныхъ круговъ, — изящное, но пустое стихотворство въ шуточной формѣ, — холодныя и угрюмыя сатиры, — иногда личныя, наконецъ дидактическія поэмы, въ которыхъ было много модной философіи, но совсѣмъ не было поэзіи. Литература классическаго направленія окончила матеріализмомъ, ироническою разсудочностью и подавленіемъ свободы и сердечности творчества. Въ противовѣсъ этой литературѣ были выдвинуты романы сердца и чувства, которымъ доставилъ огромный успѣхъ Ричардсонъ, и произведенія старой англійской поэзіи въ сборникѣ балладъ Перси, также обратившія на себя общее вниманіе [4]); въ то же самое время Макферсонъ изданіемъ

---

[1]) Zeitschrift für deutsche Philologie, III Bd., S. 466. Обширною монографіею Наум-а о Гердерѣ мы не могли, къ сожалѣнію, воспользоваться.

[2]) Jusserand, Le roman anglais, Par. 1886, p. 31.

[3]) См. Jahrbuch für romanische und englische Sprache und Literatur, VI Bd., ст. Лемке, 1—2.

[4]) О громадномъ значеніи сборника Percy см. ib. 3—4 и у Геттнера, въ исторіи англійской литературы XVIII в. (стр. 376 русскаго перевода).

Оссіана пробудилъ нѣжную любовь къ чистой природѣ. Въ наукѣ возникъ интересъ къ широкому изученію старины; стали восходить къ началамъ обществъ. Началось исканіе новыхъ началъ и во Франціи; и тамъ былъ провозглашенъ возвратъ къ природѣ и повседневнымъ человѣческимъ чувствованіямъ. Извѣстно, какъ краснорѣчиво призывалъ къ тому Руссо, читавшій въ дѣтствѣ d'Urfé, подпавшій вліянію Ричардсона и выступившій противъ просвѣщенія XVIII в.

Въ Германіи интересъ къ родной старинѣ проявляли уже гуманисты. Въ XVII столѣтіи изрѣдка раздавались голоса, напоминавшіе о средневѣковой народной поэзіи. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ обществахъ XVII в. засѣдали предшественники если не Гриммовъ, то почтенныхъ Zeune. Въ XVIII в. Готтшедъ, хотя былъ чтителемъ ложноклассической поэзіи, обратилъ вниманіе на забытыя народныя книги и издавалъ первый журналъ, посвященный нѣмецкой филологіи. Противникъ его Бодмеръ, расходившійся съ Готтшедомъ въ общемъ взглядѣ на поэзію, также разыскивалъ старинныя произведенія и издалъ въ 1756 г. *Месть Кримгильды и Плачъ*; Бодмеръ, будучи врагомъ французско-классическаго направленія поэзіи и поборникомъ поэзіи болѣе живой, былъ проводникомъ англійскаго вліянія [1]). Вслѣдъ за Бодмеромъ и Брейтингеръ приблизился къ болѣе свободному, по сравненію со взглядами Готтшеда, пониманію поэзіи, и такимъ образомъ и это пониманіе, которое какъ бы предуказывало уже дальнѣйшее развитіе историческаго пониманія поэзіи у Гердера, было обязано своимъ происхожденіемъ англійскому вліянію. Къ тому же вліянію слѣдуетъ возводить и дѣятельность Гердера [2]), во взглядахъ котораго были зародыши новѣйшихъ взглядовъ на народную поэзію и многихъ отраслей современной этнографіи и сравнительно-историческаго изученія литературъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка на умственное и литературное движеніе въ Германіи начали вліять

---

[1]) Raumer, Geschichte der germanischen Philologie, München 1870.—Beilage zur Allgemein. Zeitung 1880, № 304: «Wege und Ziele der deutschen Literaturgeschichte». Статья эта появилась теперь въ отдѣльномъ изданіи этюдовъ автора: Er. Schmidt, Charakteristiken, Berl. 1887. — Русск. Вѣстникъ 1874, № 7, ст. А. И. Кирпичникова: «Готшедъ и Бодмеръ». Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, ст. И. П. Хрущова: «Изученіе отечественной литературы въ Германіи.

[2]) Впрочемъ, Гердеръ указалъ также и на заслугу Бодмера и говоритъ, что нѣмцы «обязаны вѣчною благодарностью» Бодмеру за обнародованіе памятниковъ старины.

въ сильной степени произведенія Шекспира, баллады, изданныя Перси, и Оссіанъ въ передачѣ Макферсона. Сборникомъ Перси вдохновлялся и Гете. Въ первой обработкѣ «Klaudine von Villa Bella» говорится, что составленіе и распѣваніе пѣсенъ, подобныхъ изданнымъ Перси, составляютъ самоновѣйшую моду. «Теперь ревностно разыскиваются и переводятся со всѣхъ языковъ баллады, романсы и площадныя пѣсни». Въ такихъ произведеніяхъ видѣли возвращеніе къ природѣ. Сборникъ Перси вдохновлялъ геттингенскій Hainbund и доставилъ матеріалъ для лучшихъ балладъ Бюргера. Вліяніе Оссіана было не столь продолжительно и глубоко въ Германіи, какъ вліяніе балладъ Перси, но все же было значительно. Переводъ Оссіана, сдѣланный Мих. Денисомъ, былъ въ большомъ ходу въ Германіи. Знакомство съ пѣснями стараго барда, котораго считали германскимъ, возбудило въ Германіи интересъ къ собственной древности, и изъ этого неяснаго вначалѣ восхищенія поэзіей Оссіана возникло постепенно движеніе, приведшее къ созданію германской филологіи. Бардическая поэзія, навѣянная Оссіаномъ, держалась недолго, но отголоски воздѣйствія Оссіана замѣчаются у большинства поэтовъ Sturm- und Drangperiode. Гердеръ также увлекался Оссіаномъ и рекомендовалъ переводчикамъ свободный размѣръ вмѣсто однообразнаго гекзаметра. Онъ уже въ Ригѣ началъ переводить Оссіана такимъ размѣромъ. Любовь свою къ Оссіану Гердеръ передалъ и Гете, заслуги котораго въ оцѣнкѣ народной пѣсни велики [1]).

Такимъ образомъ, въ самой Германіи уже на первыхъ порахъ не одинъ Гердеръ содѣйствовалъ обращенію къ народной поэзіи и введенію ея освѣжительныхъ струй въ область искусственнаго творчества. Возвращеніе къ правдѣ, естественности, простотѣ и народности творчества было обусловлено многими теченіями и въ большей или меньшей степени имѣло мѣсто повсюду во второй половинѣ XVIII в.; Гердеръ былъ лишь однимъ изъ лучшихъ теоретиковъ этого движенія. Дальнѣйшее развитіе послѣдняго создало новѣйшую романтику. О заслугахъ ея въ изученіи родной старины и народной словесности нечего много распространяться: онѣ извѣстны [2]) и станутъ сразу понятны при воспоминаніи о братьяхъ

[1]) M. Koch, Ueber die Beziehungen der englischen Literatur zur deutschen im achtzehnten Jahrhundert, Leipz. 1883, S. 37—38; Minor und Sauer, Studien zur Goethe-Philologie, Wien 1880, S. 89—91. Von Biedermann, Goethe-Forschungen, Neue Folge, Leipz. 1886, S. 303—357.

[2]) Romantik und Germanische Philologie, Vortr. von Fr. Pfaff. Heidelberg 1886.

Гриммахъ, которые вначалѣ были вполнѣ романтиками, пока не пошли своею собственной дорогой — чисто научною. Одинъ изъ нихъ, Яковъ, продолжилъ дѣло Гердера и создалъ науку о народности. Нѣтъ надобности много говорить и о томъ благотворномъ воздѣйствіи, какое принадлежало романтикѣ въ утвержденіи идеи о народности въ литературѣ. Совершенно справедливо было замѣчено, что отличительная черта романтики — смѣшеніе универсализма съ національнымъ ограниченіемъ [1]). Романтика, дававшая просторъ всѣмъ стремленіямъ индивидуальнаго духа, возстановляла права индивидуализма въ литературѣ, а вмѣстѣ и реальности въ этомъ смыслѣ. Она пролагала дорогу полному и живому выраженію всей индивидуальности и старалась услѣдить выраженіе индивидуальности народа въ его прошломъ. Романтики начали выдвигать мысли и чувства, которыя жили вѣка въ народѣ, и воспроизводить индивидуальность народа и его быта. Романтика соединялась, такимъ образомъ, съ народностью въ литературѣ и явилась первою *внѣшнею* формою народной литературы [2]). Каждая изъ оживавшихъ народностей стремилась къ созданію собственной поэзіи, какъ лучшаго выраженія индивидуальности, и старалась выискать черты этой индивидуальности и постигнуть ихъ въ жизни народа и его поэзіи.

Это стремленіе, возбуждаемое романтикою, было усилено событіями политической исторіи начала XIX вѣка, преимущественно потрясеніями, какія производилъ Наполеонъ I. Съ начала настоящаго столѣтія почти повсюду въ Европѣ началось пробужденіе чувства народности и идеи національности. Литература явилась однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій стремленія къ народности; въ литературныхъ произведеніяхъ начали цѣнить выраженіе народности, и народность стала теперь однимъ изъ главныхъ источниковъ вдохновенія. Извѣстный польскій историкъ, беллетристъ и критикъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, Михаилъ Грабовскій (сотрудникъ *Tygodnika Petersburskiego*), выясняя особенности поэзіи XIX в., заявилъ, что «zadaniem literatury naszego wieku jest utworzenie Poezyi narodowéj, albo raczéj poezyi narodowych» [3]). Главною чертою новѣйшей поэзіи онъ призналъ повсемѣстную наклонность къ усвоенію

---

[1]) Herbst, Das class. Alterthum., 1852, S. 96.

[2]) Справедливо указано на то въ Literatura i krytika, t. I, Wilno 1837, str. 106.

[3]) Ib., 9 и 80.

возможно болѣе выразительныхъ чертъ племенныхъ совмѣстно съ чертами дѣйствительной исторіи и вникаціе въ историческое прошлое.

Вотъ изъ какихъ разнородныхъ началъ слагалось на западѣ то великое движеніе XIX стол., которое выдвинуло повсюду идею народности и въ частности у насъ сообщило полное осмысленіе и развитіе предрасположеніямъ въ этомъ направленіи, проявлявшимся издавна (въ особенности во второй половинѣ XVIII в.) независимо отъ западно-европейскаго вліянія.

Тѣ различныя начала, которыя вызвали на западѣ культъ народности, вліяли въ полномъ своемъ составѣ на развитіе этого культа и у насъ, и дѣйствіе этихъ началъ увеличивалось по мѣрѣ расширенія нашего знакомства съ главными западно-европейскими литературами и съ литературами славянскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала сила началъ чисто мѣстныхъ, постоянно поддерживавшихъ интересъ и любовь къ родной старинѣ и народности.

Изъ западно-европейскихъ воздѣйствій, вводившихъ народность въ нашу литературу, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего то, которое восходило не къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в., а къ старому псевдо-классицизму; мы разумѣемъ кромѣ комедій [1]) шутливыя поэмы, изображавшія въ комическомъ видѣ бытъ низшаго народа [2]). Въ нашей литературѣ извѣстна такая поэма В. И. Майкова: «Елисей или Раздраженный Вакхъ» [3]). Даже законодатель псевдо-классицизма Боало написалъ комическую поэму («Lutrin»). Равнымъ образомъ псевдо-классицизмъ положилъ начало и «народнымъ» операмъ, въ которыхъ современникамъ бросалась въ глаза прежде всего забавность содержанія [4]).

---

[1]) Уже Лукинъ чувствовалъ необходимость обращенія къ народности. См. ст. А. Н. Пыпина о немъ въ Отеч. Зап. 1853, № 9, стр. 15 и слѣд.

[2]) Не перечисляя шутливыхъ поэмъ французской и англійской литературъ, укажемъ лишь на то, что въ нѣмецкихъ ироп-комическихъ поэмахъ прошлаго вѣка, по словамъ M. Koch-a (S. 30), — «vollendete Kulturbilder, den Genrebildern holländischer Maler zu vergleichen, sind geschaffen».

[3]) Новѣйшее изданіе — въ коллекціи Глазунова: «Русскіе писатели: Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Со статьею о Майковѣ и примѣчаніями Л. Н. Майкова. Спб. 1867». Богдановичъ въ своей «Душенькѣ» воспользовался нѣкоторыми чертами русскихъ сказокъ.

[4]) Въ «Разсужденіи о лирической поэзіи» Державина читаемъ: «Комическій оперистъ заимствуетъ содержанія свои изъ романовъ, изъ общежитія, шутитъ благородно, болѣе мыслями нежели словами, избѣгая площадныхъ, а паче перековеркиванія ихъ по выговору иностранцевъ. Италіанцы обильны и тѣми и

Но, на ряду съ мало серьезнымъ вниманіемъ къ быту народа и его поэзіи, находившимъ мѣсто въ произведеніяхъ людей, примыкавшихъ къ направленію, господствовавшему въ легкой литературѣ, т. е. къ псевдо-классическому, въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка началъ пробиваться въ нашей литературѣ и болѣе значительный интересъ къ народной словесности, и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенія этой словесности доставляли матеріалъ для литературныхъ переработокъ, цѣнившихся въ силу народности содержанія ихъ и стиля. Нѣкоторые изъ литературныхъ дѣятелей этого направленія руководились одновременно и чувствомъ народности, и непосредственною любовью къ поэзіи и старинѣ своего народа, и внушеніями полу-научнаго и полу-литературнаго интереса, развивавшагося подъ вліяніемъ *нѣкотораго* знакомства съ научно-литературнымъ движеніемъ запада. Въ предисловіи къ своимъ «Русскимъ сказкамъ, содержащимъ древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія» (1780) Чулковъ ссылался на то, что на западѣ уже начали издавать подобныя произведенія: «въ новѣйшія времена, у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, почтили оныхъ собраніемъ и изданіемъ въ печать» [1]). Изъ русскихъ литераторовъ Екатерининскаго времени, предчувствовавшихъ серьезное значеніе народной поэзіи, особаго вниманія заслуживаетъ другъ Державина Н. А. Львовъ (1751 — 1803) [2]).

другими (т. е. и важными, и комическими операми), а Французы болѣе комическими операми, особливо маленькими, называемыми у нихъ оперетками. У насъ важныхъ оперъ, сколько я знаю, только двѣ, сочиненныя Сумароковымъ: *Цефалъ и Прокрисъ, Пирамъ и Тизбе*. Есть переведенныя изъ Метастазія и другихъ иностранныхъ; но онѣ играны на тѣхъ языкахъ, а не на русскомъ. Находится нѣсколько *забавныхъ* сочиненія гг. двухъ Княжниныхъ, Хераскова, князя Горчакова, князя Шаховскаго, Попова и прочихъ; но всѣмъ предпочитается г. Аблесимова *Мельникъ*, по естественному его плану, завязкѣ и языку простому». Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота, изд. Имп. Ак. Н., Т. VII, стр. 604. — Уже въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ пастушескихъ драмъ находимъ яркія очертанія простонародья. См. напр., испанскія и португальскія пьесы Хуана де ля Энцина и Хиля Виценте (нач. XVI в.).

[1]) Подробности см. въ ст. Пыпина въ «Вѣстн. Евр.» 1881, № 11, стр. 311—342. Статьи А. Н. Пыпина «Изученія русской народности» (Вѣстн. Евр. 1881, №№ 8, 9, 11 и 1882, № 4) представляютъ обстоятельный очеркъ этихъ изученій.

[2]) О Львовѣ см. въ примѣчаніяхъ Я. К. Грота къ I-му и II-му тт. академическаго изданія сочиненій Державина и въ т. VIII, стр. 279—281.

Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ выдѣлялся изъ ряда современниковъ стремленіемъ къ народности. По словамъ Державина [1]), Львовъ «любилъ русское природное стихотворство, самъ писалъ стихи, а особенно въ простонародномъ вкусѣ былъ неподражаемъ». Онъ написалъ старинымъ размѣромъ 1-ю главу богатырской поэмы «Добрыня», напечатанную въ 1804 г. Въ особенности важно было изданіе Львовымъ въ 1790 г. собранныхъ *имъ же* народныхъ пѣсенъ, которыя были положены на ноты придворнымъ капельмейстеромъ Прачемъ [2]). Въ предисловіи, предпосланномъ этому собранію, Львовъ говорилъ «о характерѣ, мелодіи и сходствѣ русскихъ пѣсенъ съ древними греческими» [3]) и о томъ, что изученіе нашихъ пѣсенъ можетъ быть полезно въ отношеніяхъ музыкальномъ и философскомъ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и г. Пыпинъ [4]), приписываютъ собраніе пѣсенъ 1790 г. Прачу, но, по словамъ Державина, Прачъ «совсѣмъ не зналъ русскаго языка, и не могъ разумѣть ни характера, ни красотъ тѣхъ пѣсенъ, а клалъ только слова на ноты по объявленію Львова» [5]). Львовъ проявилъ такое вниманіе къ народной словесности подъ вліяніемъ чувства народности, любви къ народу [6]) и родной старинѣ [7]). Къ легкой поэзіи напра-

---

[1]) Соч. Державина, II, 462.

[2]) «Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ, Спб. 1790».

[3]) Львовъ не былъ знакомъ съ греческими произведеніями въ подлинникѣ. Мнѣніе Львова о томъ, что «народныя наши пѣсни подражательны древнимъ греческимъ», повторилъ и Державинъ (соч. VII, 596).

[4]) В. Евр. 1881, № 11, стр. 345.

[5]) Соч. Державина VII, 605, примѣч.

[6]) Въ отвѣтѣ на одно стихотвореніе Державина Львовъ такъ говорилъ о своемъ житьѣ въ деревнѣ:

Въ совѣтѣ съ правыми душами
Жить
Пришлося какъ-то мнѣ по праву...
...здѣсь межъ мужиками,
Не знаю, отъ чего, я какъ-то сталъ уменъ,
Спокоенъ мыслями и нравомъ сталъ равенъ.

Соч. Державина I, 519—520.

[7]) Въ стихотвореніи «Память другу» (Соч. II, 461—462) Державинъ писалъ:

Встань духъ поэзіи русской древней,
Съ кѣмъ, вторя, онъ Добрыню пѣлъ....
Вѣщай, твердя: тутъ Львова прахъ.

вліяніе Львова и французскіе образцы; возможно также, что до него доносились и отзвуки возникавшаго въ то время на западѣ увлеченія народною поэзіею. Львовъ былъ человѣкъ образованный, былъ знакомъ съ западными литературами и посѣщалъ нѣсколько разъ западную Европу. Подъ вліяніемъ Львова и Державинъ проникался благосклонностью къ народнымъ пѣснямъ [1]), отзываясь въ то же время неблагопріятно о былинахъ [2]).

Мало по малу съ конца прошлаго вѣка вліяніе западныхъ литературъ на пробужденіе въ нашихъ литераторахъ любви къ родной старинѣ и народности усиливалось. Уже не второстепенные, но передовые дѣятели нашей литературы, увлекавшіеся и Гердеромъ [3]), и Оссіаномъ [4]), занимались поэтическою переработкою народныхъ

---

[1]) Въ статьѣ о пѣснѣ Державинъ говоритъ о пѣсняхъ, изданныхъ Львовымъ: «Нельзя сказать, чтобъ въ нихъ и поэзіи не было, хотя не во всѣхъ. Находятся такія, въ которыхъ видно не только живое воображеніе дикой природы, точное означеніе времени, трогательныя нѣжныя чувства, но и философическое познаніе сердца человѣческаго.... не недостаетъ и такихъ, въ которыхъ показывается сравненіями нѣжнѣйшая въ своемъ родѣ высокость мыслей, проницающая душу; также и такихъ, которыя мрачными картинами и мужествомъ во вкусѣ Оссіана возбуждаютъ къ героизму» (Соч Держ., VII, 605—606.

[2]) Въ «Разсужденіи о лирической поэзіи» (1811) Державинъ (Соч VII, 548 и 551) въ числѣ выдержекъ приводитъ и отрывки изъ «Древнихъ русскихъ стихотвореній», изданныхъ въ 1804 г. Якубовичемъ, но говоритъ, что въ этихъ древнихъ пѣсняхъ «нѣтъ почти поэзіи, ни разнообразія въ картинахъ, ни въ стопосложеніи, кромѣ весьма немногихъ. Онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурманонъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющая» (ib., 607).

[3]) Въ письмѣ изъ Веймара, отъ 21 іюля, Карамзинъ говоритъ о Гердерѣ: «Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или пообразить старались».—О вліяніи Гердера на Радищева см. въ книгѣ г. Алексѣя Веселовскаго «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ», М. 1883, стр. 91.—Державинъ въ «Разсужденіи о лирической поэзіи» (соч. VII, 596), говоритъ, *ссылаясь на* Гердера, что «славяно-россійскій языкъ, по свидѣтельству самихъ иностранныхъ эстетиковъ, не уступаетъ ни въ мужествѣ латинскому, ни въ плавности греческому, превосходя всѣ европейскіе»...

[4]) О вліяніи Оссіана, которому подпали весьма многіе наши писатели, нечего много говорить: оно извѣстно. Первый русскій переводъ пѣсенъ Оссіана

сказаній о старинѣ, но на первыхъ порахъ не чужды были подкрашиванія въ духѣ западныхъ образцовъ. Такъ, Карамзинъ, который въ занятіяхъ русскою стариною представлялъ уже параллель дѣятельности нѣмецкихъ романтиковъ, въ своемъ «Ильѣ Муромцѣ» (1794) обращается къ читателямъ, находившимъ удовольствіе

Въ русскихъ басняхъ, въ русскихъ повѣстяхъ,
Въ смѣси былей съ небылицами,
Въ сихъ *игрушкахъ* мирной *праздности*,
Въ сихъ мечтахъ воображенія.
Ахъ! не все намъ горькой истиной
Мучить *томныя сердца* свои!
Ахъ! не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту *позабудемся*
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ.

Соотвѣтственно этому призыву и другому подобному [1]) Карамзинъ дѣйствительно допустилъ не мало вымысловъ въ напечатанномъ имъ началѣ «богатырской сказки». Илья называется у него рыцаремъ и совершенно напоминаетъ западнаго рыцаря «душею чувствительною», тонкимъ вниманіемъ къ красотамъ природы [2]), рѣшимостью слѣдовать «богатырскимъ предписаніямъ», которыя соотвѣтствуютъ какъ бы требованіямъ рыцарскаго ко-

---

былъ сдѣланъ съ французскаго въ 1788 г. («Поэмы древнихъ бардовъ»). Извѣстныя слова Карамзина въ письмѣ съ «Рѣки Соны»: «Оссіанъ! ты живо чувствовалъ... плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!»

[1]) *Ложь, неправда,* призракъ истины!
Будь теперь моей богинею,
И цвѣтами луга Русскаго
Убери героя древности...

[2]) Витязь Геснера не читывалъ;
Но имѣя сердце нѣжное,
Любовался красотою дня...

декса, наконецъ преклоненіемъ предъ женскою красотою [1]). Этотъ отрывокъ былъ какъ бы предвѣстіемъ «Руслана и Людмилы» [2]).

О вліяніи романтики на расширеніе у насъ изученія народности и на обогащеніе нашей поэзіи народнымъ содержаніемъ мы не станемъ распространяться, а равно считаемъ излишнимъ долго останавливаться на оживленіи нашего національнаго чувства въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Скажемъ только, что послѣ Наполеоновскихъ войнъ толки о народности въ литературѣ стали общими и у насъ. Нѣкоторые доходили даже до предпочтенія размѣровъ старинныхъ нашихъ пѣсенъ гекзаметру въ переводѣ Гомеровскаго эпоса. Такъ, Капнистъ пытался «вводить въ высокую поэзію простонародныхъ русскихъ пѣсенъ метры». Онъ печатно заявлялъ въ письмѣ къ С. С. Уварову, что ободренный примѣромъ творцовъ Бахаріины (Хераскова) и Ильи Муромца, онъ «желалъ бы побудить любителей словесности нашей къ изысканію въ размѣрѣ народныхъ нашихъ пѣсней, метрическаго, свойственнаго языку нашему стихосложенія.... Весьма давно—*ревнуя поревновахъ*—по славѣ природнаго слова и рѣшился сдѣлать помѣрный силамъ опытъ русскихъ стиховъ, переложа отчасти размѣромъ простонародныхъ пѣсней, одну небольшую поэму Оссіана.... Мы открываемъ въ народныхъ пѣсняхъ нашихъ множество различныхъ, пріятныхъ и къ изображенію всякаго рода чувствъ и картинъ способныхъ стихослагательныхъ мѣръ... стоитъ только раскрыть презираемый поднесь

---

[1]) Илья Муромецъ просидѣлъ цѣлую недѣлю надъ спящею красавицей, забывъ пищу и сонъ. Авторъ предвидѣлъ возраженіе и говоритъ:

Здѣсь, любезные читатели,
должно будетъ изъясниться намъ,
уничтожить возраженія
строгихъ, блѣднолицыхъ критиковъ:
«Какъ Илья, хоть и Муромецъ,
Хоть и витязь Руси древнія,
могъ сидѣть недѣлю цѣлую,
не вставая на одномъ мѣстѣ;
могъ ни маковыя росинки
въ ротъ не брать, дремы не чувствовать»?..
О друзья мои любезные!
естьлибъ знали вы, что женщины
могутъ дѣлать съ нами бѣдными!...

[2]) Уже въ сказкѣ Карамзина встрѣчаемъ Черномора. — Къ сожалѣнію мы не могли ознакомиться съ содержаніемъ поэмы «Бова» Радищева, напечатанной въ 1806 г., а равно съ поэмою его сына, Николая Радищева: «Альоша Поповичъ и Чурила Пленковичъ, богатырское пѣснотвореніе», 2 части, М. 1801. Какъ извѣстно, и Пушкинъ началъ-было переложеніе въ стихахъ сказки о Бовѣ. Батюшковъ также затѣвалъ поэму съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ русскихъ сказокъ. Л. Н. Майковъ, Батюшковъ, его жизнь и сочиненія, Спб. 1887, стр. 240 и 258.

ковчегъ отечественнаго сокровища, и мы найдемъ въ немъ множество образцовъ, красотою греческимъ не уступающихъ. Я надѣюсь, что наконецъ почувствуемъ мы достоинство собственности нашей и... постараемся искать стихослагательныхъ драгоцѣнностей въ отечественной словесности; и сравнивая оныя съ чужеземными, предпочтемъ тѣ, которыя нашему языку болѣе свойственны» [1]). Одновременно съ Капнистомъ разсужденіями о стихосложеніи и «русскомъ складѣ» занимались Радищевъ и А. Х. Востоковъ. Они же представили и образцы поэмъ, написанныхъ «русскимъ складомъ». Гнѣдичъ переводилъ тѣмъ же размѣромъ Оссіана, полагая вслѣдъ за Капнистомъ, что «къ пѣснямъ Оссіана никакая гармонія такъ не подходитъ, какъ гармонія стиховъ русскихъ». Увлекся этой модою и Батюшковъ [2]).

Въ концѣ втораго десятилѣтія настоящаго вѣка у насъ начинаетъ подготовляться научный взглядъ на произведенія народной словесности и достигаетъ бо́льшаго развитія мысль о чисто литературномъ значеніи ихъ. Въ 1818 г. Калайдовичъ перепечаталъ сборникъ Кирши Данилова, опустивъ лишь восемь пѣсенъ, признанныхъ имъ неблагопристойными, и стихъ о Голубиной книгѣ, «неприличный по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разсказомъ». Въ пѣсняхъ, вошедшихъ въ изданіе Калайдовича, были означены точками мѣста, показывающія, «что тутъ Пѣвецъ нашъ, пресыщенный дарами Бахуса и мечтаніями о сладострастныхъ Вакханкахъ, терялъ совершенно уваженіе къ стыдливости».. [3]) Но рядомъ съ этимъ Калайдовичъ заявилъ, что хотя въ его изданіи исправлена орѳографія и раздѣлены стихи, сдѣланы «небольшія поправки при явныхъ ошибкахъ писца», но «сверхъ означенныхъ выше поправокъ, ничего нами не прибавлено и не опущено, какъ у перваго издателя, дѣлавшаго произвольныя въ стихахъ прибавленія и сокращенія» [4]). Калайдовичъ не выяснилъ себѣ, какъ слѣдуетъ, происхожденія изданныхъ имъ «стихотвореній», не имѣлъ вѣрнаго понятія о народномъ эпосѣ, относился къ былинамъ съ

---

[1]) См. сочиненія Капниста, изд. А. Смирдина, 1849, стр. 612 и 614; ср. ib. 596—599 и соч. Державина VI, 279.

[2]) Майковъ, Батюшковъ, его жизнь и соч., стр. 40—42.

[3]) Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. 3, М. 1878, стр. XVI.

[4]) Ib., XX.

точки зрѣнія старинной эстетики [1]), но все-таки признавъ «древнія, или лучше сказать старинныя, Россійскія стихотворенія» принадлежащими къ числу любопытныхъ произведеній нашей словесности [2]): «начало сихъ стихотвореній скрывается во временахъ отдаленныхъ» [3]). «Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Кирпею Даниловымъ», были изданы Калайдовичемъ по «приказанію» «знаменитаго саномъ, а еще болѣе любовію своею къ Русскимъ Древностямъ, Государственнаго Канцлера графа Николая Петровича Румянцева». Тому же Румянцеву посвятилъ въ 1823 г. Караджичъ вторую книгу второго своего изданія сербскихъ народныхъ пѣсенъ, «у којој су пјесме јуначке најстарије». Мы уже говорили, что ранѣе Караджичъ посѣтилъ Россію и свелъ знакомство съ русскими учеными и литераторами. Своими изданіями онъ первый обратилъ серьезное вниманіе нашей науки и литературы на народныя пѣсни родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, и по его же примѣру занялись собираніемъ своихъ пѣсенъ чехи и словаки. Въ первомъ томѣ сборника Челяковскаго «Slovanské národní písne», вышедшемъ въ 1822 г., были помѣщены между прочимъ русскія пѣсни (25) и малорусскія думки (5). Въ 1823 г. вышелъ 1-й выпускъ сборника словацкихъ пѣсенъ Коллара: «Písne světské lidu slovenského v Uhřích». Изданные незадолго до того «Краледворская рукопись» и «Судъ Любуши» также привлекли вниманіе нашихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ 1825 г. вышли «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ, съ подлинникомъ, изд. и переведъ въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣч. Н. Гнѣдичемъ». По поводу этихъ пѣсенъ А. С. Пушкинъ писалъ Гнѣдичу: «Пѣсни греческія прелесть и tour de force. Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать? Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно — но причины?» [4]). Все это расширяло научный интересъ къ произведеніямъ народной словесности. Съ другой стороны, талантливая обработка народныхъ сказаній, каковою была, напр., поэма Пушкина

---

[1]) Стр. XV: «Права Данилова на красоты слога самыя ограниченныя»; стр. XVI: «Даниловъ писалъ болѣе для людей необразованныхъ — потому у него много фарсовъ; пѣлъ не для безсмертія, а для удовольствія своихъ слишкомъ веселыхъ слушателей»...

[2]) Стр. I.

[3]) Стр. V.

[4]) Соврем. Обозрѣніе 1868, № 1, стр. 144.

«Руслань и Людмила», доставляла авторитетъ произведеніямъ, содержаніе которыхъ было заимствуемо изъ родной словесности.

Но время полнаго признанія за произведеніями народной поэзіи значенія «лучшихъ, чистѣйшихъ, вѣрнѣйшихъ источниковъ для нашей словесности» [1]) еще не настало въ 20-хъ годахъ. Это доказываютъ, между прочимъ, тѣ критическія сужденія, какія были вызваны «Русланомъ и Людмилой» [2]). «Житель Бутырской слободы» въ «Письмѣ къ Редактору» «Вѣстника Европы» [3]) заявлялъ: «Если мы бережемъ старинныя монеты даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ воспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинной забавой и составляла все богатство познаній? Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія Русскихъ сказокъ и пѣсенъ [4]); но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ, такъ влюбились въ *сказки* и *пѣсни*, что въ стихотвореніяхъ XIX-го вѣка заблистали *Еруслановы* и *Бовы* на новый манеръ; то я вамъ слуга покорный! Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ нежели смѣшныхъ лепетаній?... чего ждать, когда наши поэты начинаютъ народировать Киршу Данилова?... Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна». Критикъ, столь негодовавшій «на новое явленіе въ нашей литературѣ, на явленіе, которое угрожаетъ намъ громадою сочиненій по вкусѣ Еруслана Лазаревича», принадлежалъ, очевидно, къ противникамъ романтики, обильно черпавшей изъ народныхъ вымысловъ; онъ прямо заявилъ въ своемъ отвѣтѣ автору письма въ *Сынѣ Отечества*, осмѣивавшему Бутырскаго старца, что онъ «не однѣ баллады имѣлъ въ виду, но вообще уклоненіе многихъ поэтовъ отъ истиннаго пути, ведущаго къ совершенству; безмѣр-

---

[1]) Такъ смотрѣли на «вѣру праотцевъ, нравы отечественные, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя» ярые поборники народности въ нашей поэзіи.

[2]) Эти критическія статьи собраны теперь въ книгѣ В. Зелинскаго: Русская критическая литература о Пушкинѣ, ч. I, М. 1887.

[3]) Вѣстн. Европы 1820, № 11; въ сборникѣ Зелинскаго стр. 1—5.

[4]) Эти слова критика заслуживаютъ вниманія.

стремленія къ народности, потому что не уступало послѣднему въ силѣ, а напротивъ еще само подкрѣпляло общерусскія изданія, содѣйствовавшія поддержанію не вполнѣ сознательной любви къ народной поэзіи[1]), и выразилось въ украинской литературѣ превосходными, по своей народности, произведеніями Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго.

Съ 20-хъ годовъ настоящаго вѣка украинская литература и этнографія начали развиваться быстрѣе, по сравненію съ предшествовавшимъ временемъ. Это объясняется не только особымъ развитіемъ изученій народности и стремленія къ ея выраженію въ общерусской литературѣ съ 20-хъ годовъ, но также и непосредственнымъ сильнѣйшимъ вліяніемъ общеевропейскаго и въ частности общеславянскаго умственнаго и литературнаго движенія, ознаменовавшаго собою первыя десятилѣтія нашего вѣка. Украинское научное и литературное движеніе 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, совпадая съ общерусскимъ въ основномъ стремленіи къ изученію и художественному воспроизведенію народности, тѣмъ не менѣе во многомъ отличалось отъ соотвѣтственнаго общерусскаго теченія. Оно не только примыкало къ общеевропейскому и въ частности къ общерусскому движенію по направленію къ народности [2]), не только находилось въ связи съ обще-

---

что сборникъ Цертелева посвященъ Трощинскому, который «отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ», былъ «въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ» съ В. А. Гоголемъ и устроилъ домашній театръ для малороссійскихъ пьесъ. Собственная ли это его была затѣя, говоритъ г. Кулишъ, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву — не знаемъ, только старикъ-Гоголь былъ дирижеромъ такого театра и главнымъ его актёромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія, на малороссійскомъ языкѣ». Гимназія высшихъ наукъ и книжки Безбородко, изд. 2-е, Спб. 1881, стр. 361. Цертелевъ возымѣлъ первую мысль о занятіяхъ украинскою и вообще русскою народною поэзіею, пращаясь въ кружкѣ Трощинскаго и благодаря «случаю», о чемъ самъ заявляетъ; вѣроятно, въ домѣ Трощинскаго или же въ Обуховкѣ, у Капниста (См. Я. К. Грота соч. Державина, т. VIII, 952), Цертелевъ слышалъ того слѣпца, о которомъ см. выше.

[1]) Разумѣемъ малороссійскія пѣсни въ общерусскихъ пѣсенникахъ.

[2]) Шевыревъ провозгашалъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» то же, чего ранѣе требовалъ кн. Цертелевъ: «Пусть поэты своимъ искусствомъ освѣтятъ для насъ преданія родной старины, пусть въ ихъ звукахъ услышимъ мы наконецъ звуки родные, еще въ дѣтствѣ плѣнившіе насъ и позабытые нами». Объ отношеніи Пушкина къ вопросу о народности см. въ рѣчи И. И. Жданова, помѣщенной въ сборникѣ рѣчей «Въ память А. С. Пушкина», изданномъ Имп. Александровскимъ лицеемъ, Спб. 1887. Цертелевъ былъ сотруд-

ное подражаніе не безсмертнымъ красотамъ классиковъ, которыя у насъ вовсе забыты, но блестящимъ, нерѣдко ложнымъ прелестямъ *романтизма*, если не ошибаюсь, *Германическаго*» [1]). Одинъ изъ критиковъ назвалъ даже нѣкоторыя риѳмы поэмы Пушкина «мужицкими».

Мы довели нашъ очеркъ развитія въ русской наукѣ и литературѣ интереса къ родной старинѣ и народной поэзіи и вліянія этого интереса на оживленіе русской поэзіи народнымъ содержаніемъ до начала 20-хъ годовъ настоящаго вѣка, до времени, когда изученіе народности у насъ быстро расширилось, и начало слагаться опредѣленное ученіе о народности. Мы дошли, слѣдовательно, до конца того періода, въ который украинская этнографія, руководившаяся дотолѣ преимущественно чувствомъ народности, была лишена еще надлежащей научной сознательности и представляла себѣ болѣе или менѣе смутно свои научныя и литературныя задачи. Указанные нами факты достаточно, думаемъ, показали неполноту и невѣрность тѣхъ общихъ соображеній, которыми открывается у г. Петрова глава объ украинскомъ націонализмѣ; мы видѣли, сколько разнообразныхъ теченій сливалось въ общемъ направленіи русской науки и литературы къ изученію и воспроизведенію народности, и какое видное значеніе въ этомъ движеніи принадлежало чисто мѣстнымъ, русскимъ началамъ и обстоятельствамъ русской жизни на ряду съ западноевропейскими воздѣйствіями. Сопоставляя собранные нами факты движенія къ народности въ общерусской литературѣ съ разсмотрѣннымъ ранѣе аналогическимъ движеніемъ въ Украинѣ, нельзя не признать нѣкоторыхъ совпаденій, но эти совпаденія объясняются лишь отчасти вліяніемъ общерусскаго литературнаго движенія на украинскихъ этнографовъ [2]); главное же начало, сближающее оба движенія, любовь къ своей народности, не могло быть привнесено въ украинскую литературу изъ общерусской, потому что издавна было присуще украинцамъ; равнымъ образомъ не нуждалось оно и въ особенномъ просвѣтленіи со стороны общерусскаго

---

[1]) В. Евр. 1820, № 16; Зелинскій, стр 10.

[2]) Кн. Цертелевъ въ своемъ разсужденіи «о старинныхъ Малороссійскихъ пѣсняхъ» ссылается на «романсы трубадуровъ и пѣсни древнихъ скальдовъ» и сопоставляетъ частности изданныхъ имъ пѣсенъ съ картинами у Оссіана и Гомера; въ этомъ, а также и въ занятіяхъ Цертелева старинною русскою поэзіею слѣдуетъ, быть можетъ, усматривать вліяніе указанныхъ нами начинаній въ общерусской литературѣ. Но обратимъ вниманіе съ другой стороны на то,

европейской романтикою [1]), но имѣло и свои собственные исходные пункты.

Не касаясь старинныхъ рукописныхъ сборниковъ пѣсенъ, — сборниковъ, которые существовали въ южной Руси, какъ и въ сѣверной, еще съ XVII вѣка [2]), укажемъ на то, что въ Украинѣ сильное воздѣйствіе на романтическое обращеніе къ старинѣ оказали опыты этнографическаго изученія южнорусской народности, появлявшіеся въ польской и галицко-русской литературѣ.

Говоря о появленіи въ печати записей произведеній малорусской народной словесности, г. Петровъ не упомянулъ объ интересѣ къ малорусскимъ народнымъ повѣстямъ, преданіямъ, пѣснямъ и обычаямъ, какой проявлялся въ польской литературѣ уже съ начала XIX в., по почину Коллонтая. Въ «Pamiętnik Warszawski» 1805 г. была помѣщена статья: «Swactwa, wesela i urodziny u ludu ruskiego na Rusi Czerwonej». Въ 1811 г. вышла книга Игнатія Червинскаго, содержащая описаніе обычаевъ люда «okolicy za-Dniestrskiéj między Stryjem i Lomnica» [3]). Во второмъ десятилѣтіи

никомъ «Сына Отечества», ратовавшаго за романтизмъ; Максимовичъ помѣщалъ свои статьи въ «Московскомъ Телеграфѣ». Предисловіе къ сборнику Малороссійскихъ пѣсенъ, изданному Максимовичемъ въ 1827 г., открывается словами: «Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе, да создастся поэзія истинно русская!»

[1]) Въ украинской литературѣ отзывалась романтика нѣмецкая и англійская. Польско-украинскіе поэты были страстными почитателями поэзіи Байрона; то же можно сказать и о нѣкоторыхъ малорусскихъ поэтахъ. Такъ, въ стихотвореніи Л. Боровиковскаго «Козакъ (подражаніе *народной пѣсни*)» находимъ Байроновскій мотивъ на ряду съ отзвуками изъ пѣсни «За Неманъ иду»:

Чужый мини край свій, чужый мини свитъ,
За мною симья не заные —
Хиба тилько песъ мій, оставшись въ воритъ,
Голодный, якъ ридный, заные.

Украинскій альманахъ, Харьк. 1831, стр. 63.

[2]) См. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1886, № 11, ст. Я. О. Головацкаго «Замѣтки и дополненія къ статьѣ г. Пыпина «Обзоръ малорусской этнографіи», стр. 338 и 345—347, гдѣ сообщены свѣдѣнія о нѣсколькихъ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII вв. и высказано предположеніе, что въ *кантичкахъ* можно «напасть на слѣдъ важныхъ историческихъ пѣсенъ и думъ, которыя вытѣснены изъ памяти народа».

[3]) Czerwiński, Okolica Zadniestrska, Lw. 1811.

настоящаго вѣка въ польскихъ журналахъ явилось нѣсколько статей, заключающихъ описаніе народныхъ бѣлорусскихъ и червонорусскихъ обычаевъ и нѣкоторыя пѣсни. Тогда же началъ пріобрѣтать широкую извѣстность Ходаковскій, котораго А. Н. Пыпинъ называетъ «однимъ изъ первыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ изученія народности для цѣлей исторіи и народнаго достоинства». Ходаковскій началъ страстно заниматься народною археологіею около 1814 г., какъ предполагаетъ г. Пыпинъ. Въ 1818 или въ 1819 г. Lach Szyrma напечаталъ въ одномъ повременномъ изданіи двѣ украинскія думы съ польскимъ переводомъ. Въ 1821 г. профессоръ Львовскаго университета Hüttner напечаталъ въ альманахѣ съ календаремъ, вышедшемъ подъ заглавіемъ «Pielgrzym lwowski», статью: «Volkslieder. Mit Bemerkungen begleitet vom Herausgeber». Въ этой статьѣ говорилось о значеніи пѣсенъ народа для характеристики его мышленія и чувствованій о возникновеніи народныхъ пѣсенъ и историческомъ значеніи ихъ, было высказано желаніе, чтобы было обращено вниманіе на эти пѣсни, а затѣмъ были приведены нѣсколько краковяковъ, одна мазурская пѣсня, одна «русняцкая» («Не ходи, Грицю, на вечерницї») и одна «Казацкая» (украинская: «Козакъ коня напувавъ»), съ весьма удачнымъ нѣмецкимъ переводомъ. Неизвѣстно, какое участіе принималъ въ напечатаніи этихъ пѣсенъ будущій историкъ Галичины, Зубрицкій, но несомнѣнно, что онъ былъ сотрудникомъ Hüttner-а по изданію альманаха. Въ томъ же первомъ выпускѣ «Pielgrzym lwowski» были напечатаны пересказы двухъ галицкихъ сагъ. Со смертію Гиттнера въ Мартѣ 1822 г. редакцію Pielgrzym-а принялъ на себя другой професоръ Львовскаго университета Mauss. Въ изданномъ имъ выпускѣ альманаха была помѣщена замѣтка Зубрицкаго «О галицкихъ народныхъ пѣсняхъ», которая была написана, вѣроятно, на польскомъ языкѣ. Авторъ статьи, не будучи знакомъ съ первыми польскими этнографическими этюдами, ссылался лишь на статью о народныхъ пѣсняхъ въ предшествующемъ выпускѣ альманаха, которая была съ удовольствіемъ встрѣчена людьми, любящими свою родину. По словамъ автора, въ Галичинѣ, да, вѣроятно, и въ Польшѣ никто ранѣе покойнаго редактора Львовскаго альманаха не обращалъ вниманія на данныя, заключающіяся въ народныхъ пѣсняхъ [1]), между тѣмъ какъ въ

[1]) «...die Ehre, diese Sache bei uns zuerst zur Sprache gebracht zu haben, gebührt *einzig* dem verstorbenen Redakteur des Pilgers von Lemberg...»

Германіи изданы цѣлыя собранія народныхъ пѣсенъ учеными перваго ранга, каковы: Гердеръ, Görres, Büsching, Bothe, Ziska, Schottky, да и сербскія пѣсни изданы въ двухъ томахъ Вукомъ Стефановичемъ. Зубрицкій говорилъ затѣмъ объ обиліи польскихъ и въ особенности русскихъ (малорусскихъ) пѣсенъ и о томъ, что любящій отчизну не будетъ чуждаться пѣсенъ простаго народа [1]).

Вліяли ли непосредственно эти этюды и статьи, явившіеся на польскомъ языкѣ, на украинскихъ этнографовъ на ряду съ новѣйшимъ всеобщимъ пѣсенникомъ Калатилина (1810) [2]), собраніемъ россійскихъ пѣсенъ съ музыкою Прача и т. п., мы не можемъ сказать, но весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ, а также изъ непазванныхъ еще нами работъ на польскомъ языкѣ могли быть извѣстны украинскимъ этнографамъ, если не въ подлинникахъ, то въ переводахъ [3]). Русскіе почитатели Ходаковскаго предполагали издать, по сообщенію Лелевеля, малорусскія пѣсни, собранныя Ходаковскимъ. Максимовичу, продолжавшему дѣло кн. Цертелева и издавшему первыя значительныя собранія малороссійскихъ пѣсенъ, были извѣстны не только предшествовавшія изданія этихъ пѣсенъ [4]), но и матеріалы, находившіеся въ рукопи-

---

[1]) Подробнѣе объ указанныхъ выпускахъ Pielgrzym-а можно прочесть у Коцовскаго: Житє и значенє Маркіяна Шашкевича, стр. 78—85.

[2]) Въ этомъ сборникѣ, какъ и въ сборникѣ Львова, были помѣщены нѣкоторыя малороссійскія пѣсни.

[3]) Въ «Вѣстникѣ Европы» 1827, № 11, былъ помѣщенъ переводъ статьи Зубрицкаго «Изъ календаря Львовскаго (Pielgrzym) на 1823 г.» «О простонародныхъ пѣсняхъ» (стр. 191—198), и была приведена переводчикомъ К. (не Каченовскимъ, который присоединилъ свои примѣчанія, подписанъ: Редакторъ) выдержка изъ статьи Львовскаго календаря на 1822 г. (стр. 198—201). Въ концѣ книжки была приложена музыка пѣсни «Не ходи Грицю». Въ Моск. Вѣстникѣ 1828, ч. 2, сказано по поводу помѣщенной тамъ Снегиревымъ програмы труда о русскихъ народныхъ праздникахъ, порученнаго ему «Обществомъ Исторіи и Древностей»: «Варшавское историческое общество предложило также подобную задачу: описать народные праздники и суевѣрія въ Польшѣ и опредѣлило сочинителя наградить золотою медалью. Вѣроятно, такой подвигъ заслужитъ и у насъ всеобщее вниманіе».

[4]) Въ предисловіи къ изданію «Малороссійскихъ пѣсенъ» 1827 г. Максимовичъ говоритъ: «Изъ великаго множества въ народѣ обращающихся пѣсенъ, нѣкоторыя были помѣщаемы болѣе или менѣе исправно въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; въ пѣсенникахъ весьма нерѣдко искаженныя, наиболѣе же противъ языка». Каченовскій также писалъ въ Вѣстн. Европы 1827, № 6, стр. 120: «вошло въ сборники наши нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ, по обыкновенію весьма неисправно печатаемыхъ издателями — торгов-

сяхъ Цертелева[1]) и Ходаковскаго (Адама Черноцкаго) [2]), а также статья Бродзинскаго о народныхъ пѣсняхъ славянъ, на русскій переводъ которой [3]) Максимовичъ указываетъ въ предисловіи къ пѣснямъ, изданнымъ имъ въ 1827 г. Здѣсь онъ упоминаетъ, что можетъ сравнивать Малороссійскія пѣсни «въ особенности только съ русскими, ибо пѣсни прочихъ племенъ славянскихъ мнѣ не столько извѣстны», говоритъ онъ, но, тѣмъ не менѣе, сопоставляетъ по мѣстамъ малороссійскія пѣсни съ польскими. Многими замѣчаніями о русскихъ народныхъ пѣсняхъ Максимовичъ, по его собственнымъ словамъ (предисл. 1834 г.), былъ обязанъ П. В. Кирѣевскому, но несомнѣнно, что особенно глубокое впечатлѣніе на русскихъ современниковъ произвелъ своимъ страстнымъ влеченіемъ къ изученію народности, а также своими статьями, помѣщенными въ русскихъ журналахъ, Ходаковскій, звавшій ученыхъ изслѣдователей «подъ сельскую кровлю», «въ черныя хижины», гдѣ можно найти много откровеній.

Пѣсни, изданныя Максимовичемъ въ 1827 г., произвели глубокое впечатлѣніе на читателей [4]). Г. Петровъ говоритъ объ этомъ

цами, между тѣмъ какъ большая часть оныхъ остается въ неизвѣстности, а южные Русины вообще отмѣнно богаты пѣснями». Нѣкоторыя пѣсни были напечатаны въ журналахъ И. И. Котляревскимъ, но въ какихъ именно, еще не указано.

[1]) Цертелевъ сообщилъ Максимовичу 32 пѣсни. В. Евр. 1827, № 12, стр. 270. См. также предисловія къ изданію пѣсенъ 1827 и 1834 гг., перепечатанныя въ Собр. соч. М. А. Максимовича, т. II, К. 1877.

[2]) О Ходаковскомъ см. обстоятельную ст. А. Н. Пыпина: «Зоріанъ Доленга-Ходаковскій» въ «Вѣстн. Евр.» 1886, № 11. Въ предисловіи къ своему изданію пѣсенъ 1827 г. Максимовичъ говоритъ, что «покойный Зоріанъ Ходаковскій, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія «Малороссійскихъ пѣсенъ», показывалъ ему образцы пѣсенъ заклинательныхъ. Потомъ Максимовичъ «пріобрѣлъ Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго З. Я. Ходаковскаго, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными» (Предисл. къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ» 1834 г.). Въ предисловіи къ «Сборнику Украинскихъ пѣсенъ» 1849 г. Максимовичъ также сообщаетъ «о собраніи Русскихъ пѣсенъ, преимущественно Волынскихъ, оставшемся послѣ покойнаго З. Я. Ходаковскаго». «Оно куплено мною у его вдовы, и понынѣ находится у меня, какъ въ собственноручномъ подлинникѣ, такъ и въ копіи, переписанной въ Москвѣ, вскорѣ послѣ смерти собирателя». Въ сборникѣ Ходаковскаго были также, вѣроятно, галицкія и полтавскія пѣсни. См. ниже.

[3]) В. Евр. 1826, № 13.

[4]) Въ предисловіи къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ» 1834 г. самъ Максимовичъ говоритъ о «полномъ успѣхѣ» изданія 1827 г.

впечатлѣній, но — неполно. Со времени выхода въ свѣтъ сборника Максимовича началось воздѣйствіе украинской этнографіи на галицко-русскую, при чемъ имѣло мѣсто и обратное вліяніе.

То значеніе, какое у насъ принадлежало сборнику Максимовича, въ Галичинѣ утвердилось надолго за сборникомъ Вацлава изъ Олеска (Залескаго). Первая идея собиранія народныхъ пѣсенъ явилась у Залескаго самостоятельно. Родившись въ галицко-русской деревнѣ и проводя смолоду немало времени среди сельскаго люда, онъ полюбилъ пѣсни, которыя убаюкивали его въ годы дѣтства. Онѣ рано запечатлѣлись въ его памяти, какъ pierwsze pobudki rozwijającego się ucznia. Онъ просилъ уже школьныхъ своихъ пріятелей пособлять ему въ собираніи пѣсенъ [1]). Въ «Pielgrzym lwowski» 1823 г. Залескій (Zalewski) помѣстилъ свою запись разсказа одного умершаго священника о пещерѣ въ Яновѣ Львовскаго округа. Залескій тщательно слѣдилъ съ того времени за трудами по этнографіи, являвшимися въ различныхъ славянскихъ литературахъ и въ особенности въ польской литературѣ [2]), и, повиди-

---

[1]) Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego, Zebrał i wydał Wacław z Oleska, we Lwowie 1833, IV.

[2]) Въ своей «Rozprawa wstępna» Залескій цитуетъ изъ польскихъ поэтовъ, перерабатывавшихъ произведенія народной словесности: Бродзиньскаго, Мицкевича, Богдана Залескаго (стр. VII, ср. XI). Изъ польскихъ трудовъ по этнографіи Залескій называетъ прежде всего письмо Бродзиньскаго 1820 г. въ «Dziennik Warsawski», изъ котораго Залескій выбралъ и эпиграфъ къ своей книгѣ. Онъ говоритъ о Бродзиньскомъ (стр. VIII): «gdy się Brodziński — szanowny Brodziński, którego już sama powaga powinna była zasłonić od wszelkiego zarzutu-ośmielił wydać w dzienniku Warszawskim niektóre pieśni gminne Sławiańskich ludów, z jakąż to czynił nieśmiałością?... a jednak dał on wtedy tylko niektóre pieśni żeńskie, bardzo gładko obrobione, i do tak zwanego wyższego smaku zastosowane». Кромѣ письма Бродзиньскаго въ статьѣ Залескаго упоминуты: ст. Hüttner-a въ «Pielgrzym Lwowski na rok 1821» и статьи въ слѣдующемъ выпускѣ Львовскаго альманаха. Въ особенности произвели впечатлѣніе на Залескаго слухи о дѣятельности Ходаковскаго: «Zorian Chodakowski, говоритъ Залескій (X—XI), znany mi tylko z ćwiczeń naukowych w Krzemieńcu drukowanych, prawdziwą czcią mię ku sobie napełnił... Słyszałem o sposobie jego zbiérania pieśni go ludu... To jest jedyny i prawdziwy sposób zbierania pieśni ludu... Na takę wiadomość radośnie zbiór mój znowu zamknąłem...» Но потомъ пришла вѣсть о смерти Ходаковскаго; между тѣмъ народныя пѣсни, напечатанныя Бродзиньскимъ, встрѣтили благосклонный пріемъ; въ журналахъ польскихъ и заграничныхъ начали говорить о необходимости собиранія народныхъ польскихъ пѣсенъ. «Tém wszystkiém zachęcony zacząłem się porządnie krzątać około zbioru mego, gdy tym czasem pojawił się we Lwowie *pątnik narodowy*, który podług prospektu miał wyjść we 12. tomikach.

мому, немало повліяли на него труды русскихъ (южно-русскихъ, въ частности галицкихъ) этнографовъ [1]). Быть можетъ, русскіе пѣсенники навели и Залескаго на мысль о собраніи и изданіи малорусскихъ пѣсенъ [2]), какъ они же могли внушить подобную мысль Ходаковскому [3]). Въ предисловіи къ своему сборнику Залескій по-

---

Tomik piérwszy wyszedł w saméj rzeczy z druku w roku 1827. Umieszczona w nim rozprawa *o pieśniach ludu polskiego i ruskiego* jest jakoby przedmowa do już gotowego zbioru pieśni...» Залескому опять оставалось прекратить свою работу, но послѣ I-го т. «Pątnik-a» слѣдующіе не появлялись, и Залескій принялся въ третій разъ за редактированіе своего сборника. Тѣмъ временемъ вышли въ свѣтъ: статья Жуковскаго «w Melineli na rok 1830» (о народныхъ пѣсняхъ), трудъ Gołębiowskiego: Lud polski, jego zwyczaje, zabobony etc., Warsz. 1830; замѣтки «w *Haliczaninie* wydanym we Lwowie 1830. roku staraniem Walentego Chłedowskiego». Сверхъ того, Залескій упомянулъ еще въ своемъ предисловіи о статьѣ *Woronicza o pieśniach narodowych*» (въ «*Roczniki* towar. warsz. przyj. nauk». t. 6).

[1]) Залескій говоритъ (стр. IX): «U pobratymczych Slawian pokazały się zbiory pieśni ludu. *Najliczniejsze* u *Rossian*» (слѣдуетъ перечень). Не совсѣмъ точно то, что говоритъ г. Головацкій въ *Р. Вѣстн.* 1886, № 11, стр. 331: «Мы можемъ удостовѣрить, что до присылки книгъ Погодинымъ, Бодянскимъ, Срезневскимъ и др. во всемъ Львовѣ не было ни одной книги по русской этнографіи за исключеніемъ Древнихъ Стихотвореній, изд. Калайдовича 1818 г., и двухъ томовъ Прача, находившихся въ библіотекѣ Оссолинскихъ. Это случилось намъ слышать отъ самого В. Залескаго, которому мы одолжали и *Narodnie Zpiewanky* Колларя. Мы обратили его вниманіе на *Сборникъ* Максимовича (Москва 1827 г.), о которомъ онъ вовсе не зналъ, а то навѣрно упомянулъ бы въ предисловіи о томъ, что Максимовичъ въ прибавленіи напечаталъ нѣсколько пѣсенъ, которыя «поются около Теребовля въ Галиціи». Онъ не замѣтилъ, что и у Прача напечатано нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ. Заглавія остальныхъ сборниковъ русскихъ пѣсенъ В. Залескій выписалъ изъ Шафарика (Geschichte der slawischen Literatur) 1826 г. и Челаковскаго (Slovánské národné písne 1822 г.)» Залескій упоминаетъ только, что въ моментъ написанія введенія къ пѣснямъ не имѣлъ подъ руками сборника Прача (sic), но ранѣе Залескій, повидимому, былъ знакомъ съ этимъ сборникомъ, а равно и съ пѣсенникомъ Калатилина (см. стр. XXX). Касательно пѣсенъ Максимовича ср. стр. 332 ст. г. Головацкаго въ Р. Вѣстн.», а также стр. 10—11 его воспоминаній въ «Литер. Сборн., изд. гал.-р. матицею», 1885 г., вып. I., гдѣ читаемъ, что въ бытность свою во Львовскомъ университетѣ Головацкій переписалъ весь «Сборникъ Малороссійскихъ пѣсенъ» Максимовича (1827), нѣкоторыя пѣсни Кирши Данилова (изд. 1818) *изъ имѣвшихся въ библіотекѣ Оссолинскихъ экземпляровъ*, прежде въ черновую тетрадку, а потомъ переписывалъ дома начисто».

[2]) Перечисляя славянскіе сборники народныхъ пѣсенъ, Залескій показываетъ первыми въ ряду ихъ русскіе.

[3]) Въ своей статьѣ 1818 г., помѣщенной во II-мъ т. «Ćwiczenia naukowe», выходившихъ въ Кременцѣ, Ходаковскій упоминаетъ о томъ, что въ рус-

вторилъ нѣкоторыя мысли, высказанныя Зубрицкимъ въ Pielgrzym 1823 г. и Максимовичемъ въ 1827 г. Южнорусскія пѣсни онъ ставилъ выше польскихъ. Въ статьѣ своей «O pieśniach ludu Galicyjskiego», которая была помѣщена первоначально въ Львовскихъ Rozmaitości 1833 г., Залескій, по словамъ Я. О. Головацкаго [1]), «первый и единственный изъ поляковъ оцѣнилъ народныя пѣсни русскихъ галичанъ и призналъ ихъ въ поэтическомъ отношеніи выше пѣсенъ польскаго народа» [2]). Статья эта была перепечатана въ пѣсняхъ Вацлава изъ Олеска, «однако же съ нѣкоторыми пропусками».

Галицкія изданія становились вскорѣ извѣстными украинскимъ этнографамъ. Максимовичъ въ предисловіи къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ», изд. 1834 г., упоминаетъ, что «въ № 3 Журнала минист. нар. просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ грамматикъ гг. Левицкимъ и Лозинскимъ, 1833. Въ Лембергѣ издано Вацлавомъ зъ Олеска собраніе Галицкихъ пѣсенъ» [3]).

Въ томъ же предисловіи къ пѣснямъ, изданнымъ въ 1834 г., Максимовичъ называетъ цѣлый рядъ лицъ, отъ которыхъ достались ему матеріалы; въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ Цертелева и Ходаковскаго, находимъ Н. В. Гоголя, И. И. Срезневскаго, А. Г. Шпигоцкаго, И. В. Крамаренка, О. М. Бодянскаго «и нѣкоторыхъ

скихъ мѣстностяхъ сохранилось больше старыхъ пѣсенъ, чѣмъ въ польскихъ, — что въ первыхъ издавна имѣло мѣсто болѣе любовное отношеніе къ пѣснямъ и продолжаетъ (передаемъ словами перевода г. Пыпина — см. стр. 346 названной его статьи о Ходаковскомъ): «Въ сѣверной Россіи въ концѣ восемнадцатаго вѣка, собирали и печатали пѣсни; издатель хвалитъ ихъ широкое однообразіе по всѣмъ областямъ, но отдаетъ поэтическое превосходство пѣснямъ малороссійскимъ, т. е. южной Руси. Я соглашаюсь съ этимъ, по собственному убѣжденію, когда заглянулъ отчасти за Днѣпръ, въ полтавскій край. Надо сказать, однако, правду, что *въ томъ сборникѣ въ двѣнадцать книгъ* не видать ясной цѣли». Когда Ходаковскій собиралъ малороссійскія пѣсни, ему, по его собственнымъ словамъ, еще не были извѣстны пѣсни «силезскія, чешскія, моравскія и венгерско-славянскія». — Замѣтимъ, что статья Ходаковскаго «О Славянщинѣ передъ христіанствомъ», напечатанная въ 1818 г., была извѣстна В. Залескому (стр. X его вступ. статьи).

[1]) Р. Вѣстн. 1886, № 11, стр. 325.

[2]) К. Туровскій въ своей брошюрѣ «Uwagi nad niektóremi pieśniami poetów ludu», Lwów 1835, приглашая просвѣщенныхъ поэтовъ учиться у поэтовъ народныхъ и характеризуя пріемы послѣднихъ, приводитъ примѣры преимущественно изъ малорусскихъ пѣсенъ.

[3]) Труды Вацлава изъ Олеска, Лозинскаго и Левицкаго цитуются и въ статьѣ Мастака (Бодянскаго) 1834 г. (стр. 289).

другихъ». Очевидно, выраженное Максимовичемъ въ 1827 г. желаніе, «чтобы кто-нибудь изъ земляковъ его», «въ Полтавской губерніи или близъ Кіева живущихъ, поспѣшилъ сохранить для словесности» народныя пѣсни, исполнилось. Въ 30-хъ годахъ южно-русская этнографія подвинулась значительно впередъ. Въ 1833 г. начала выходить «Запорожская Старина» И. И. Срезневскаго. Издатель собиралъ преданія частію «самъ отъ бандуристовъ и простаго народа, также отъ оставшихся въ живыхъ запорожцевъ; частію получалъ отъ другихъ» [1]). Срезневскій занялся собираніемъ козацкихъ пѣсенъ и преданій, повидимому, съ 1826 г. [2]). Онъ напечаталъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ уже въ «Украинскомъ альманахѣ» 1831 г. Теперь въ Украинѣ возникъ энтузіазмъ къ ея старинной поэзіи. Срезневскій чрезвычайно увлекался и малорусскимъ нарѣчіемъ, которое назвалъ въ письмѣ къ Снегиреву «поэтическимъ, музыкальнымъ и живописнымъ», и народною поэзіею Украины. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: «Едва ли ошибемся если скажемъ, что мало народовъ, кои были бы богаче украинцевъ пѣснопѣніями, и чтобы сіи пѣснопѣнія были столь изящны въ отношеніи поэтическомъ, столь разнообразны по содержанію, и имѣетъ столь музыкальны» [3]). Такого же увлеченія исполнились вскорѣ Костомаровъ и Кулишъ [4]) Украинскія пѣсни производили весьма сильное впечатлѣніе даже на польскихъ литераторовъ. Пѣсни, изданныя Максимовичемъ въ 1834 г., вызвали статью Михаила Грабовскаго, въ которомъ онѣ «najżywsze i najgruntowniejsze zostawiły wrażenie» [5]). Въ Украинѣ повторилось то же, что имѣло мѣсто и въ другихъ странахъ Европы около того времени, между прочимъ,

---

[1]) Запорожская старина, ч. I, II, 11. Ср. въ ст. г. Пыпина о малорусской этнографіи въ Вѣстн. Евр. 1885, № 12, стр. 815—817. — Свѣдѣнія о дѣятельности Срезневскаго въ Харьковѣ см. въ предисловіи Сокальскаго къ изданному имъ въ Харьковѣ въ 1883 г. «Историческому обозрѣнію гражданскаго устроенія Слободской Украйны».

[2]) Въ предисловіи къ 1-й части «Запорожской Старины», подписанномъ 2 апрѣля 1833 г., Срезневскій упоминаетъ, что онъ 7 лѣтъ собиралъ думы, къ печатанію которыхъ приступилъ (стр. 17).

[3]) Стр. 137.

[4]) Въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ г. Кулишемъ въ «Ниве» (май 1885), разсказывается, что Костомаровъ полюбилъ украинскую словесность, познакомившись съ пѣснями, изданными Максимовичемъ въ 1827 г., а Кулишъ — со сборникомъ 1834 г. Извѣстіе касательно Костомарова подтверждается словами его автобіографіи: Р. Мысль 1885, май, 202.

[5]) Lit. i kryt. I, 118.

въ Литвѣ [1]),—поддѣлка народныхъ пѣсенъ. Уже названный польскій критикъ Грабовскій, знакомя читателей съ пѣснями, изданными Максимовичемъ въ 1834 г., заподозрилъ народное происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, именно пѣсенъ о разбитіи Наливайкомъ Жолкѣвскаго въ 1596 г., о Самкѣ Мушкетѣ и Полтора-Кожухѣ [2]). Новѣйшая критика также признала подложность нѣкоторыхъ изъ напечатанныхъ въ 30-хъ годахъ украинскихъ пѣсенъ. Позже была поддѣлана «Сказка про Бога Посвыстача», напечатанная Шишацкимъ-Илличемъ въ № 16 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1855 г. Авторъ этой поддѣлки хотѣлъ, очевидно, дать пѣсню, которая указывала бы «на происшествія, случившіяся съ кіевскими князьями въ періодъ ихъ язычества» [3]).

Общерусская литература относилась двояко къ развитію украинской этнографіи. Съ одной стороны, въ этой литературѣ начали все чаще и чаще толковать объ Украинѣ и ея поэзіи. Съ другой стороны, украинскимъ изслѣдователямъ приходилось иногда выслушивать осужденіе за особое вниманіе къ народной поэзіи. Извѣстно, что Бѣлинскій, расхваливший въ Отеч. Запискахъ 1839 г. (кн. II) драматическія сцены Костомарова подъ заглавіемъ: *Савва Чалый* и не одобривший лишь тяжелаго языка въ этомъ произведеніи, съ презрѣніемъ отозвался о диссертаціи того же писателя, написанной на тему: *Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи* [4]). Не хотѣлъ признать этой диссертаціи и ученый ареопагъ харьковскихъ профессоровъ, и въ числѣ ихъ Артемовскій-Гулакъ, «хорошо знавшій по-малорусски» и долженствовавшій, казалось бы, по предшествовавшей его литературной дѣятельности, быть народникомъ [5]).

---

[1]) Въ 30-хъ годахъ Нарбуттъ поддѣлалъ нѣкоторыя литовскія пѣсенки. Arch. f. slav. Philol., IX, 14.

[2]) Liter. i krytika, t. I, część dr. 42—43, 47—48.

[3]) О поддѣлкѣ думы о Посвистачѣ см. въ Отеч. Зап. 1857, № 6, и въ рецензіи А. А. Котляревскаго на 1-й т. соч. Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу (Отчетъ о десятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1868, 80). О Шишацкомъ-Ильичѣ см. краткую замѣтку Кониссскаго въ альманахѣ «Ватра», Стрый 1887, стр. 112. Рецензентъ пѣсенъ, изданныхъ Метлинскимъ, въ Отеч. Зап. 1855, № 1, отд. IV, выразилъ сомнѣніе въ подлинности нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, и его сомнѣнія не лишены основанія.

[4]) Отзывъ Бѣлинскаго см. въ IX-мъ т. его сочиненій. Объ отношеніи Бѣлинскаго къ народной поэзіи имѣется этюдъ С. Бураковскаго: Русская народная поэзія и Бѣлинскій, Спб. 1871. См. еще ст. О. О. Миллера: «Западники и славянофилы въ ихъ отношеніяхъ къ малорусской народности» въ № 10 «Извѣстій С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества» 1881 г.

[5]) «Послѣ защищенія (диссертаціи: *Объ историческомъ значеніи русской на-*

Такъ ново было въ русской литературѣ и наукѣ занятіе народною поэзіею!

Въ украинской литературѣ развитіе этнографіи ознаменовалось весьма важными послѣдствіями. Если общерусская литература обращалась повременамъ съ начала настоящаго вѣка къ украинскимъ сюжетамъ [1]), то тѣмъ болѣе должна была почерпать содержанія изъ родныхъ сказаній и пѣсенъ украинская литература. Развитіе этой послѣдней постоянно шло обокъ съ расширеніемъ этнографическаго изученія Украины и вниманія къ народу, его быту и словесности. Большинство украинскихъ поэтовъ и повѣствователей, начиная съ перваго по времени И. П. Котляревскаго [2]), а также съ автора первой грамматики украинскаго нарѣчія — Павловскаго [3]),

---

родной поэзіи), состоявшагося 12 января 1844 г., нѣкоторые изъ членовъ университета желали дать Костомарову каѳедру, но другіе воспротивились этому: Костомарову повредило здѣсь его увлеченіе этнографіей. Въ видахъ ближайшаго изученія народа, онъ бродилъ по слободамъ и шинкамъ, а въ то время это казалось до того необычнымъ и страннымъ, что нѣкоторые ученые и степенные люди считали его какимъ-то «блаженненькимъ». Это побудило его оставить Харьковъ и перебраться въ Кіевъ». Автобіографическая записка Костомарова въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. унив. св. Владиміра, Кіевъ 1884, стр. 285.

[1]) Мы уже упоминали о комической оперѣ *Днѣпровская русалка*, о *Казакѣ-стихотворцѣ* кн. Шаховскаго; къ этимъ произведеніямъ можно бы прибавить романъ Нарѣжнаго *Бурсакъ*, повѣсти Байскаго и др.

[2]) Однимъ изъ первыхъ украинскихъ этнографовъ считалъ И. П. Котляревскаго Стеблинъ-Каминскій уже въ 1839 г. (Сѣв. Пчела, № 146). 7 лѣтъ ранѣе почти тѣми же словами отозвался о Котляревскомъ И. И. Срезневскій, указавшій на то, что Наталка Полтавка имѣла сильное вліяніе на изученіе украинской народности.

[3]) Стихотвореніе Павловскаго «Вакýла Чмырь» написано подъ вліяніемъ народной пѣсни:

Струже вітеръ дуже,
Козакъ на морози...
Скажи, пане брате,
Чи не бачивъ люльки на дорози? *и проч.*

Мы слышали эту пѣсню на Волыни. Есть даже прямые слѣды этой пѣсни въ стихотвореніи Павловскаго, именно въ стихахъ (на стр. 95):

И зла заверýха
Въ вічы струже
Прытьмомъ дуже,

и далѣе (на стр. 99):

Пытáть Чмырь ставъ:
«Чы не пыдáвъ
«Люльки на дорóзі»?

и оканчивая мизерными стихотворцами новѣйшаго времени, были хорошо знакомы съ народною поэзіею, благодаря непосредственному соприкосновенію съ народомъ, а иногда и собирали произведенія ея. До 60-хъ годовъ включительно украинскіе этнографы руководились мыслью, вдохновлявшею нѣкогда Ходаковскаго, мыслью о великомъ значеніи этнографическаго изученія. По ихъ мнѣнію, это изученіе раскрываетъ духъ народа и разъясняетъ многое въ его исторической судьбѣ [1])».

Г. Петровъ, не остановившійся на дѣятельности Ходаковскаго [2]) и лишь слегка очертившій послѣдующее развитіе украинской этнографіи [3]), сказалъ объ этомъ развитіи не въ надлежащемъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ, устанавливая общій взглядъ на украинскую литературу, г. Петровъ не принялъ во вниманіе этого вліянія на нее народной словесности, не выдѣлилъ въ цѣльномъ очеркѣ заимствованій украинской литературы изъ народной поэзіи и только по частямъ, при обзорѣ дѣятельности отдѣльныхъ писателей, отмѣтилъ такія заимствованія. Указанія г. Петрова на источники нѣкоторыхъ произведеній украинской литературы, заключающіеся въ народной словесности, составляютъ одну изъ главныхъ заслугъ его книги, но, къ сожалѣнію, не всегда точны, не полны и не сведены въ общую характеристику.

Не имѣя притязанія на таковую, мы укажемъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ на значеніе народной поэзіи въ дѣятельности украинскихъ литераторовъ послѣ Котляревскаго.

Извѣстно, какъ страстно любилъ Н. В. Гоголь украинскія пѣсни и какой матеріалъ доставили ему украинскія преданія и сюжеты для первыхъ его произведеній [4]). Квитка переработывалъ нѣко-

---

[1]) Это читаемъ, между прочимъ, въ «Słowo wstępne» къ «Siołо, pismo zbiorowe, poświęcone rzeczom ludowym ukraińsko-ruskim», — журналу, который издавался во Львовѣ въ 1866 г.: «Wielu nie wie o skarbach, które lud nagromadził, nie znają pięknych stron jego duszy»... и т. п.

[2]) Между прочимъ, онъ не упоминулъ о статьяхъ Ходаковскаго въ Украинскомъ Вѣстникѣ, о которыхъ не говоритъ и г. Пыпинъ.

[3]) Мы не разъ уже въ настоящемъ трудѣ упоминали о статьяхъ г. Пыпина, представившаго обстоятельный очеркъ украинской этнографіи.

[4]) Кромѣ воспоминаній Г. П. Данилевскаго, напечатанныхъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1886 г., см. еще предисловіе того же Данилевскаго къ его «Степнымъ сказкамъ», Спб. 1852, стр. 12—13: «Покойный Гоголь до конца своей жизни глубоко цѣнилъ Малороссійскія пѣсни. Онъ собралъ подъ Кіевомъ и подъ Полтавой около тридцати степныхъ пѣсенъ съ музыкою, кое-какъ записанною, и приходилъ въ восторгъ, слушая какъ его ученицы распѣ-

торые народные анекдоты и повѣрья и вставилъ народныя пѣсни въ повѣсть «Маруся». Бодянскій издалъ въ 1835 г. «Паськи Украиськы казкы» и посвятилъ ихъ «Матери ридненькій, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ» [1]). Главные дѣятели украинской литературы конца 30-хъ и 40-хъ годовъ чрезвычайно увлекались народною украинскою словесностью, которая снискала даже пламенную любовь такихъ великороссовъ, какъ И. И. Срезневскій и Н. И. Костомаровъ. А. Метлинскій былъ, какъ извѣстно, собирателемъ и издателемъ народныхъ пѣсенъ [2]) и въ своихъ стихотвореніяхъ воспроизводилъ нѣкоторые мотивы этихъ пѣсенъ и народныхъ преданій [3]). Заслуги Кулиша въ украинской этнографіи хорошо извѣстны. Шевченко, котораго называютъ послѣднимъ кобзаремъ, былъ страстнымъ любителемъ и превосходнымъ пѣвцомъ украинскихъ пѣсенъ и записывалъ ихъ во время своихъ странствованій [4]). Его баллады [5]), поэмы и лирическія произведенія

вали пѣсни черноброваыхъ казачекъ. Автору этой книги суждено было, за три мѣсяца до кончины Гоголя, въ Москвѣ, въ семействѣ, которое видѣло Гоголя въ своей средѣ почти ежедневно, быть свидѣтелемъ одного изъ такихъ, устраиваемыхъ Гоголемъ музыкальныхъ вечеровъ».

[1]) Это были первыя украинскія сказки, напечатанныя въ печати. Почти одновременно Максимовичъ напечаталъ двѣ сказки въ литературномъ переложеніи (въ «Денницѣ» 1834 г). Бодянскій, какъ видно изъ словъ его въ сочиненіи: «О народной поэзіи Славянскихъ племенъ», началъ собирать пѣсни въ Полтавской губерніи уже около 1830 г., и въ 1837 г. въ этомъ собраніи было «уже слишкомъ за 8,000 пѣсенъ!»

[2]) Лучшая рецензія его сборника принадлежитъ В. И. Ламанскому; она помѣщена въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества 1854 г., кн. V, отд. IV, стр. 13—40.

[3]) Таково, напримѣръ, стихотвореніе, основанное на народномъ повѣрьи о «перекотиполе». Объ этомъ повѣрьи см. замѣтку Липинка въ «Филологическихъ Запискахъ» 1885 г.

[4]) Кіевская Старина 1886, февраль, 405—406.

[5]) По мнѣнію г. Петрова, «Тополи» Шевченка, какъ и другія баллады послѣдняго, относящіяся къ первому періоду его поэтической дѣятельности, написана «въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго» (стр. 333; ср. стр. 126). На слѣдующей страницѣ г. Петровъ говоритъ, что «Тополи», представляющая «прекрасный образъ малорусскихъ повѣрій», «основана на народной сказкѣ», а затѣмъ усматриваетъ въ этой балладѣ откликъ тоски самаго Шевченка «по родинѣ и черноброваыхъ украинскихъ дивчатахъ». По всей вѣроятности, «Тополя» есть передѣлка какой-нибудь пѣсенной баллады въ родѣ слѣдующей, записанной нами въ Волынской губерніи:

Оженила мати сына по неволі,
А взяла невістку а не до любови,
А не до любовы, а не до розмовы,

блещутъ одновременно и красотами искусственной художественной техники, и простою красой народной поэзіи. Вообще повѣствовательныя произведенія украинской литературы, со времени Квитки,

---

А ни біле личко, а ни чорны бровы:
Послала сына въ велику дорогу,
А свою невістку братьи въ поле лёну:
«Не выберешь лёну, то не йды до дому,
Стань, перекинься въ полі тополею».
Брала лёнъ, брала, да не добрала,
Въ чистому полі тополею стала.
Пріиздже сынъ съ великой дороги,
Пытаеция: «що то, маты, за тополя
Коло нашего поля?
Вітеръ не віе, еѣ голле гнеция,
Сонце не гріе, вона червоніе,
А дощикъ не йде, зъ еѣ роса ллетця,
За білее личко голлемъ хватаеция».
— Возьми, сынку, нагострыи сокирку,
Да зрубай тополю при своему полю.
— «Цюкнувъ я разъ, кора облетіла;
Цюкнувъ я вдруге, ажъ кровь выступыла;
Цюкнувъ и втрете, вона промовыла:
«Не рубай же мене, бо я твои мила,
Такъ мыні твоя маты вчинила».
Бодай тобі, маты,
Такъ важко сконаты,
Ой якъ мині важко тополю рубаты».

Другія малорусскія пѣсни о превращеніи въ дерево указаны, между прочимъ, въ примѣчаніи къ «Степнымъ сказкамъ» г. Даниленскаго на стр. 126. Польскую пѣсню о превращеніи несчастной жены въ тополь см. у Gloger-a Starodawne dumy i pieśni, Warsz. 1877, № 7.

Вообще, иногда могутъ быть подысканы въ народной поэзіи болѣе подходящія параллели украинскихъ литературныхъ произведеній, чѣмъ тѣ, которыя отмѣтилъ г. Петровъ. Укажемъ на параллель къ стихотворенію Шевченка: «Ой не пьютця пыва — меды» (стр. 357—358). Кромѣ приведенной г. Петровымъ чумацкой пѣсни со стихотвореніемъ Шевченка можетъ быть сближенъ еще слѣдующій варіантъ, который такъ записанъ нами:

Ходивъ чумакъ сѣмъ літъ по Дону,
Та не було пригодоньки николи ёму.
Стала пригодá — восьмого годá:
Та заслабъ чумакъ, пôдъ воломъ лежыть,
Нихто ёго не спытае, що ёму болыть.
Прыйшовъ до ёгó — отаманъ ёгó,

надолго получили характеръ этнографическо-описательныхъ очерковъ или же пересказовъ народныхъ повѣстей и преданій, а въ украинской лирикѣ прорвалось съ большою силою то стремленіе къ сближенію съ народною пѣснью, которое оказалось столь плодотворнымъ въ новѣйшей нѣмецкой поэзіи [1]).

Итакъ, съ двадцатыхъ и до начала шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія украинская поэзія являлась дѣтищемъ того новѣйшаго направленія литературъ, которое искало самой живой и непосредственной связи съ народностью. Лишь слабый успѣхъ «Основы» въ высшемъ обществѣ Малороссіи указалъ, по словамъ Костомарова [2]), на то, «что для малорусской письменности нуженъ иной путь. Изобразительно-этнографическое направленіе исчерпывалось; въ эпоху, когда все мыслящее думало о прогрессѣ, о движеніи впередъ, о расширеніи просвѣщенія, свободы и благосостоянія, оно оказывалось слишкомъ узкимъ, простонародная жизнь, представлявшаяся прежде обладающею несмѣтнымъ богатствомъ для литературы, съ этой точки зрѣнія, являлась, напротивъ, очень скудною.. »

Мы видѣли, что увлеченіе народностью и казацкою стариною, культъ этой старины и ревностное собираніе отголосковъ ея въ народной словесности развивались въ Украинѣ самостоятельно, а затѣмъ были усилены романтическо-народническимъ движеніемъ.

Бере его за рученьку, жалуе ёго.
Отамане мôй, рôдный батьку мôй,
Не жалуй мене, поховай мене.
Продай волы половыи,
Да возьмы гроши на половыну,
Та выкопай дôлъ глибокій
За часъ — годыну».
Зôйшлись чумаки
На ту долыну,
Та выкопалы дôлъ глибокій
За часъ — годыну.
Волы йдуть, ярмамы трасуть
Що свого хазяина до гробу везуть...

[1]) Лучшія пѣсни новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ: Гёте, Уланда, Гейне и др., отличаются прелестью народной поэзіи. См. Kleinpaul, Ueb. d. Volkspoesie; цитов. выше статью v. Biedermann-a: «Goethe und das Volkslied»; Otto, Das deutsche Volkslied und seine Bedeutung für die neuhochdeutsche Kunstdichtung; Goerth, Einführung in das Studium der Dichtkunst. I. Leipzig u. Wien. 1883.

[2]) Поэзія славянъ, 162.

Въ періодъ съ 20-хъ годовъ до начала 60-хъ включительно сама народная украинская словесность доставляла богатый своеобразный матеріалъ украинскимъ поэтамъ. Въ старыхъ сказаніяхъ и историческихъ преданіяхъ было много романтическаго, да и новѣйшія преданія получали романтическій колоритъ [1]). При общей наклонности къ романтикѣ и народности, украинскія пѣсни и преданія не могли не повліять и на польскихъ поэтовъ, родившихся въ Украинѣ, а эти въ свою очередь должны были воздѣйствовать на чисто украинскихъ поэтовъ. Такимъ образомъ, кромѣ увлеченія народными историческими пѣснями, значительное вліяніе на романтическую идеализацію козацкой старины оказала еще и одна вѣтвь польской романтической школы. На ряду съ другими чисто мѣстными причинами поэтическое воспроизведеніе старины и народности въ Украинѣ подготовляла польско-украинская литература 20-хъ, 30-хъ и отчасти 40-хъ годовъ. Направленіе этой литературы, непосредственно соприкасавшееся съ историческими воспоминаніями украинцевъ, не могло не отражаться въ литературѣ послѣднихъ. До конца 50-хъ годовъ польская интеллигенція пользовалась весьма виднымъ значеніемъ въ западной Украинѣ и вообще въ Юго-Западномъ краѣ. Даже духовенство должно было считаться съ польскою культурою не только въ Галичинѣ, но и во всемъ юго-западномъ краѣ до Днѣпра и вынуждено было считать языкомъ интеллигенціи польскую рѣчь почти наравнѣ съ русскою. Вообще польское вліяніе было сильно на правомъ берегу Днѣпра. Въ первыя десятилѣтія настоящаго вѣка оно проникало даже въ Слободскую Украину чрезъ Харьковскій университетъ, который долго оставался единственнымъ южнорусскимъ университетомъ. Отголоски польской литературы замѣчались даже въ общерусской литературѣ 20-хъ годовъ [2]). Въ новѣйшей русской

[1]) Таково преданіе о Гаркушѣ.

[2]) Какъ извѣстно, Julian Ursyn Niemcewicz въ своихъ «Śpiewach historycznych» старался поэтически увѣковѣчить память знаменитыхъ своихъ соотечественниковъ. Первыя изъ «Śpiewow historycznych» относятся къ 1794 г., когда Нѣмцевичъ напечаталъ «Dumy Polskie» о Жолкѣвскомъ и Стефанѣ Потоцкомъ. Въ этихъ пѣсняхъ прославлены отчасти герои той же борьбы, какую приходилось вести и южнорусскому козачеству. Дума о Жолкѣвскомъ начиналась словами: «Za szumnym Dniestrem, na Cecorskiém bloniu». К. О. Рылѣевъ, изучившій польскій языкъ, повидимому, уже во время пребыванія въ корпусѣ (Сочиненія и переписка Кондратія Ѳедоровича Рылѣева, изд. второе, подъ ред. П. А. Ефремова, Спб. 1874, стр. IX), подражалъ въ своихъ «думахъ» «Историческимъ пѣснямъ» Нѣмцевича и былъ знакомъ, кажется, съ нѣкоторыми польскими народными пѣснями; такъ, баллада Рылѣева объ убіеніи женою мужа (стр. 186—188), сохранившаяся въ черновомъ наброскѣ, на-

литературѣ явное знакомство съ польской началось съ прибытія Мицкевича въ Москву и Петербургъ, гдѣ польскій поэтъ встрѣтилъ пріемъ въ высшихъ кругахъ общества, какого не находилъ даже

поминаетъ подобную польскую пѣсню: «A w Kijowie nowina ?, Pani pana zabiła»... переработанную Мицкевичемъ. Но еще въ большей степени повліяли на Рылѣева историческія украинскія пѣсни. Въ предисловіи къ своимъ «Думамъ» 1825 г., Рылѣевъ писалъ: «Дума — старинное *наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ нашихъ*, наше русское, родное изобрѣтеніе. Поляки заняли ее отъ насъ. Еще до сихъ поръ украинцы поютъ думы о герояхъ своихъ...» Рылѣевъ любилъ украинскія степи, въ которыя рвалась его душа (стр. 211; ср. однако стр. 163). Тамъ доводилось ему встрѣчаться съ людьми, передававшими воспоминанія «о прошлой старинѣ, | о сѣчи своевольной; | о мирѣ, о войнѣ...» (стр. 174). Тамъ же, вѣроятно, Рылѣевъ слышалъ пѣсни кобзарей и вообще украинскія пѣсни. Прямую выдержку изъ думы находимъ на стран. 138; пользованіе картинами думъ находимъ въ стихахъ (стр. 150):

И волкъ уже во мракѣ ночи
Терзаетъ трупъ среди травы,
И изъ казацкой головы
Орелъ выклевываетъ очи...

Въ стихахъ же (стр. 110):

Все было тихо... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила,

находимъ пользованіе стихами малорусской пѣсни: «Ой у поли могила | зъ вітромъ говорила». Въ сыновьяхъ Украины Рылѣевъ прославлялъ тоже, что выдвигалъ въ другихъ герояхъ русской исторіи. Наливайко говоритъ въ своей исповѣди (стр. 145):

Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?

Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!»

Въ послѣдніе годы своей жизни Рылѣевъ обратилъ, повидимому, особое вниманіе на украинскіе сюжеты. Въ Войнаровскомъ онъ воспѣлъ героя, который «былъ готовъ всѣ жертвы принести странѣ родной» (стр. 112), и предъ нимъ нѣкогда открылъ свой замыселъ Мазепа, сказавъ Войнаровскому:

«Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямаго гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ...» (стр. 113).

Вмѣстѣ съ Мазепой онъ погребъ «свободу родины своей» (стр. 122), былъ схваченъ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири, гдѣ

...объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.» (стр. 129).

среди поляковъ, а также со статьи кн. Вяземскаго въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. [1]). Тѣмъ болѣе романтическое движеніе польской литературы долженствовало воздѣйствовать на возрожденіе малорусской литературы въ Галичинѣ и въ Украинѣ.

Г. Петровъ говоритъ о польскомъ вліяніи на украинскую литературу лишь вскользь и мимоходомъ [2]), хотя самъ же заявилъ въ началѣ своей книги, что «точка зрѣнія на новѣйшую украинскую литературу должна обнимать двоякія *отношенія* ея *къ Польшѣ* и Россіи, и притомъ *какъ положительныя, такъ и отрицательныя*, но подъ преобладающимъ вліяніемъ россійской литературы». Намъ кажется, что г. Петрову слѣдовало бы обстоятельнѣе остановиться на связяхъ украинской литературы съ польскою и вообще на малорусско-польскихъ отношеніяхъ въ юго-западномъ краѣ. Не намѣреваясь вдаваться въ полное изслѣдованіе этихъ связей и отношеній, мы ограничимся указаніемъ лишь нѣкоторыхъ пробѣловъ, до-

---

Войнаровскому не уступала въ томъ его жена, о которой онъ говоритъ:

Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!
Съ какою живостью объ немъ
Въ своемъ изгнаньи рокономъ
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ москаль;
Она ни разу, и случайно,
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ взоромъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть...
(стр. 127).

Въ томъ же родѣ Рылѣевъ началъ-было Наливайку и составлялъ планъ для Хмѣльницкаго (стр. 206), интересовался исторіею Малороссіи и находился въ перепискѣ съ извѣстнымъ О. М. Сомовымъ (стр. 309). Незадолго до 14-го декабря 1825 г. поэма «Наливайко» много подвинулась впередъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что и эти произведенія Рылѣева, какъ и другія стихотворенія его, также нѣсколько подходятъ подъ отзывъ Пушкина, находившаго, что стихотворенія Рылѣева «слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ; всѣ на одинъ покрой... Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего кромѣ именъ». Точно также и Śpiewy historyczne Нѣмцевича лишены чертъ народныхъ и историческихъ. Мы остановились на стихотвореніяхъ Рылѣева потому, что они не остались безъ вліянія на романтическое разукрашеніе украинской старины и представляли въ этомъ отношеніи характерное явленіе въ общерусской литературѣ.

[1]) Ранѣе Гулакъ-Артемовскій напечаталъ въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1819 г. вступительную лекцію о польскомъ языкѣ.

[2]) Стр. 108; 127—128; ср. 14—15. Къ указаніямъ г. Петрова на мелкія вліянія слѣдуетъ, можетъ быть, прибавить нѣкоторое отраженіе *Мышенди* Красицкаго.

пущенныхъ г. Петровымъ при выясненіи генезиса новѣйшей украинской поэзіи. Для большей ясности мы начнемъ съ очерка польской романтической поэзіи настоящаго вѣка и въ частности польско-украинской поэзіи.

Лже-классицизмъ на французскій ладъ держался въ польской литературѣ почти до той же поры, до которой царилъ и во французской литературѣ, — до втораго десятилѣтія настоящаго вѣка. Пьесы Шекспира, Лессинга, Шиллера ставились на польской сценѣ уже съ конца прошлаго вѣка, а съ начала настоящаго столѣтія на ней давались и пьесы нѣмецкихъ романтиковъ, но расширеніе театральнаго репертуара не могло имѣть вліянія на измѣненіе литературнаго вкуса. Вообще до 1815 года въ польской литературѣ было мало свѣдѣній о романтическомъ движеніи, имѣвшемъ мѣсто на Западѣ [1]).

Великія политическія потрясенія, произведенныя войной 1812 г., вызвали поворотъ въ направленіи умовъ въ Польшѣ, какъ и на Руси, содѣйствовали новому размѣщенію понятій, пробудили новыя чувства и сообщили новую жизнь воображенію. Начался новый разцвѣтъ польской поэзіи, бывшій результатомъ подъема общаго воодушевленія. Онъ происходилъ одновременно съ возникновеніемъ новыхъ литературныхъ идей.

Въ произведеніяхъ Сталь, обратившихъ на себя вниманіе всей Европы, было указано на предъ усвоенія народомъ чужеземной культуры безъ выработки собственнаго и прирожденнаго характера; здѣсь же было высказано порицаніе различнымъ народностямъ Европы, за исключеніемъ нѣмецкой, подражавшимъ французамъ. Во второмъ десятилѣтіи настоящаго вѣка даже въ польской литературѣ, отставшей отъ другихъ литературъ Запада и все еще тяготѣвшей къ французскимъ классическимъ образцамъ, а изъ другихъ литературныхъ направленій новаго времени усвоившей только сентиментальность, начали появляться нападки на французскую классическую литературу. Въ 20-хъ годахъ стало не рѣдкимъ порицаніе всего предшествовавшаго развитія польской литературы. Въ этомъ развитіи не находили теперь подъема творческихъ талантовъ на высоту, которой они достигали у другихъ народовъ (Боровскій).

[1]) Bełcikowski, Ze studyów nad literaturą polską, Warsz. 1886, Romantyczność przed Mickiewiczem, 410—411. Впервые въ «Pamiętnik Warszawski» 1816 и 1817 гг. появились переводныя статьи объ англійскихъ и нѣмецкихъ романтическихъ поэтахъ и стихотвореніе романтической формы (tryotet). Ibid. 411—412.

О необходимости народности въ литературѣ говорили въ концѣ второго десятилѣтія XIX в. и въ 20-хъ годахъ не только литераторы, рѣшительно склонявшіеся къ романтикѣ, но и тѣ, которые хотѣли занять нейтральное положеніе между романтикою и классицизмомъ [1]); требовали выраженія въ литературѣ народнаго духа и способа мышленія. Крупнымъ недостаткомъ прежнихъ польскихъ поэтовъ признали отсутствіе чертъ народности. Польская поэзія, говорили поборники новаго направленія, развилась не изъ народнаго духа и не могла быть усвоена народнымъ духомъ; она была чужда народной массѣ. Только слова въ ней были польскія, а мысли и чувства были римскія, французскія и иныя, только не польскія [2]).

Одновременно съ новыми теоретическими воззрѣніями являлись образцы новой поэзіи. Въ арміи княжества Варшавскаго и въ легіонахъ Наполеона служили нѣкоторое время Бродзинскій и Мальчевскій, которые первые сознательно примкнули къ новому литературному движенію. Въ тѣхъ же войскахъ рядомъ съ ними служили другіе поэты, отличавшіеся отъ рутины классическаго направленія естественностью, правдивостью и горячностью вдохновенія. Произведенія этихъ поэтовъ не остались, вѣроятно, безъ вліянія на Бродзинскаго.

Бродзинскій [3]), родившійся подъ Карпатами, получилъ образованіе въ школахъ Галиціи, въ которыхъ господствовалъ въ то время нѣмецкій языкъ. Благодаря тому, Бродзинскій рано познакомился съ произведеніями нѣмецкой литературы. Онъ читалъ съ особымъ вниманіемъ Шиллера и нѣмецкихъ философовъ, положившихъ начало новой эстетикѣ. Онъ первый изъ польскихъ литераторовъ почуялъ близость предстоявшей перемѣны въ направленіи родной литературы и усмотрѣлъ неизбѣжность вторженія романтики въ польскую литературу изъ литературы нѣмецкой. Въ «Pamiętnik Warszawski» 1818 г. Бродзинскій помѣстилъ статью «O klasycznosci i romantyczności, tudzież uwagi nad duchem poezyi polskiéj», въ которой употребилъ названіе «romantyczność» для обозначенія

---

[1]) Такъ, подобно Бродзинскому, мнѣніе котораго изложимъ ниже, два другихъ автора въ «Pamiętnik Warszawski» 1819 г. провозгласили необходимость narodowośc-i въ литературѣ.

[2]) См., напр., Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego, изд. Вацлава зъ Олеска, стр. V—VII. Нѣсколько ранѣе тоже говорилъ Мицкевичъ.

[3]) О Бродзинскомъ см. Chmielowski, Studya i szkice z dziejów literatury polskiej, serya II-ga, Krak. 1886; Bełcikowski, 427—445; Duchińska, Kazimierz Brodziński, Par. 1885.

средневѣковой поэзіи романскихъ и германскихъ народностей и новѣйшей нѣмецкой. Бродзинскій задался въ этой статьѣ рѣшеніемъ вопроса о томъ, къ какому изъ двухъ направленій должна примкнуть польская поэзія, къ классическому ли, или же къ романтическому. Скромно и несмѣло онъ выступилъ противъ французскаго классицизма по имя *правдиваго* классицизма и удѣлялъ также мѣсто романтикѣ, но только желалъ, чтобы въ польской литературѣ получила мѣсто своя собственная, *народная* романтика. По мнѣнію Бродзинскаго, поляки, подобно нѣмцамъ, должны были выискать *у себя* эту романтику, обратившись къ собственной природѣ, жизни и исторіи. Нѣмецкому идеализму и мистицизму можетъ соотвѣтствовать у поляковъ скорбь, не лишенная надежды, «tęsknota», какую долженъ испытывать польскій поэтъ, созерцая прошлое съ точки зрѣнія современности, въ виду утраты отчизны и независимости. Польская литература должна соединять духъ классицизма съ народностью; иностранные классицизмъ и романтика неумѣстны въ ней. Такимъ образомъ, Бродзинскій не могъ удовлетворить ни классиковъ, ни рьяныхъ романтиковъ, и занялъ одинокое положеніе въ польской литературѣ.

За классицизмъ противъ Бродзинскаго выступилъ въ «Pamiętnik Wileński» въ началѣ 1819 г. Jan Śniadecki, математикъ и натуралистъ, врагъ философіи Канта и Шеллинга, а противъ Снядецкаго ополчился въ томъ же году анонимный авторъ въ «Pamiętnik Warszawski». Такъ началась борьба классиковъ съ романтиками въ польской литературѣ, длившаяся 12 лѣтъ.

Свои теоретическія мысли Бродзинскій примѣнилъ на практикѣ въ поэмѣ «Wiesław», написанной подъ вліяніемъ «Германа и Доротеи» Гёте и напечатанной въ 1820 г. Это было первое въ польской литературѣ изображеніе крестьянъ, выполненное не по шаблону идиллій, а согласно съ дѣйствительными понятіями и обычаями простонародья [1]), хотя и Бродзинскій не избѣжалъ нѣкоторой идеализаціи. Бродзинскій былъ способенъ къ правдивой обрисовкѣ народнаго быта, потому что родился и провелъ дѣтство среди сельскаго люда. Оттуда постоянная любовь Бродзинскаго къ простотѣ и естественности.

---

[1]) Предшественникомъ Бродзинскаго въ такомъ изображеніи былъ Богуславскій, написавшій комедію-оперу «Cud czyli Krakowiaki i Górale». Эта опера была предвѣстіемъ сердечнаго отношенія къ народу. Ее играли уже въ 1794 г. Съ большою правдивостью изобразилъ карпатскихъ горцевъ Коржеиёвскій въ настоящемъ столѣтіи.

До 1815 г. движеніе польской литературы сосредоточивалось въ Варшавѣ, и если въ немъ принимали участіе другія мѣстности, то все-таки тяготѣли къ Варшавѣ. Теперь выдвинулся новый литературный центръ — Вильна, въ которой въ періодъ отъ 1815 до 1823 г. сосредоточилось оживленное умственное и литературное движеніе. Сверхъ того, получилъ видное значеніе Кременецъ.

Въ Вильнѣ воспитывалось поколѣніе, исполненное «сентиментальной романтичности» [1]), какъ бы въ соотвѣтствіи съ поворотомъ къ поэзіи, обнаруживавшимся въ тѣ годы повсюду въ польскомъ обществѣ [2]). Въ средѣ университетской молодежи особымъ авторитетомъ пользовались Занъ и Чечотъ. Въ нихъ, въ особенности въ Занѣ возникъ первоисточникъ того направленія, которое развилъ потомъ въ польской поэзіи Адамъ Мицкевичъ, и которое получило названіе *Romantyczności* [3]). Въ Вильнѣ же вышло и 1-е изданіе стихотвореній Мицкевича, составившихъ эпоху въ польской поэзіи и рѣшительно направившихъ ее на новую дорогу [4]). Изъ Кременецкаго лицея вышли Мальчевскій, Францишекъ Ковальскій, Маврицій Гославскій [5]), Józef Korzeniowski [6]) и Tymon Zaborowski, авторъ «Dum Podolskich». Органомъ Кременецкихъ воспитанниковъ было изданіе «Ćwiczenia naukowe», въ которомъ была напечатана и монографія Ходаковскаго [7]).

Въ польской литературѣ начались толки о классицизмѣ, романтикѣ, нѣмецкой литературѣ и народности. Она начала выходить изъ отсталости и оживилась на нѣкоторое время, пока шумъ не затихла послѣ 1830 г.

Бродзинскій, Боровскій, Мицкевичъ выступили противъ французской литературы и ея вліянія. Это послѣднее смѣнилось инымъ: Мицкевичъ и другіе молодые польскіе романтики подняли

---

[1]) Odyniec, Wspomnienia z przeszłości, Warsz. 1884, str. 102; ср. 82.

[2]) Ibid., 126—127.

[3]) Ibid., 105.

[4]) 1-й томъ вышелъ въ 1822 г., а 2-й — въ 1823 г.

[5]) О немъ см. этюдъ d-ra Antoni J. въ сборникѣ статей послѣдняго подъ заглавіемъ: Opowiadania, serya IV, t. II.

[6]) Библіографическія указанія о немъ см. въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. университ. св. Владиміра, стр. 279—282. См. еще Bełcikowski, 566—586.

[7]) Здѣсь печаталъ свои эстетическіе этюды и Корженевскій. Уже въ 1819 г. Корженевскій помѣстилъ въ «Pamiętnik naukowy» статью объ идеѣ и чувствѣ безконечнаго.

вліянію англійской и нѣмецкой поэзіи, преимущественно Байрона, Шиллера и Гёте [1]). Англійскую поэзію начиная съ Шекспира сочли вполнѣ народною и англичанъ признали народомъ, упредившимъ другихъ во вниманіи къ народнымъ пѣснямъ. Вслѣдъ за ними обратились къ народной поэзіи. Народность литературы начали усматривать прежде всего въ сближеніи ея съ простонародною поэзіею. На народныя пѣсни начали указывать какъ на средство оживленія народнымъ духомъ. Къ собиранію ихъ обратились вскорѣ и литераторы и изслѣдователи старины. Мицкевичъ и Чечотъ «искали въ народныхъ пѣсняхъ указаній на народныя чувства, идеи и обычаи; тогдашняя книжная поэзія совершенно устраняла все это» [2]). Бродзинскій, который, какъ мы видѣли, былъ одинъ изъ первыхъ представителей стремленія къ народности въ польской литературѣ, въ предисловіи къ переводу славянскихъ пѣсенъ возсталъ противъ байронизма вслѣдъ за Шафарикомъ, собравшимъ и изданнымъ пѣсни словаковъ, и совѣтовалъ вникать въ пѣсни славянскихъ народовъ, отличающіяся простотою, глубокимъ чувствомъ и въ то же время изящнымъ, не бурнымъ изложеніемъ. Потомъ Вацлавъ изъ Олеска указывалъ на пользу, какую могло принести поэзіи знакомство съ народными пѣснями, наилучше характеризующими народность [3]). Вкусъ къ народной поэзіи распространялся болѣе и болѣе, хотя продолжали раздаваться и порицанія.

Съ 20-хъ годовъ передовое движеніе польской литературы сосредоточилось въ двухъ группахъ поэтовъ: литовской и украинской.

Главный поэтъ эпохи польской романтики и времени перелива послѣдней въ поэзію вполнѣ національную, Мицкевичъ [4]) выдвинулъ въ своей поэзіи противъ лже-классицизма права духа и сердца. Въ стихотвореніи Romantyczność Мицкевичъ далъ такой завѣтъ какъ лучшее средство проникновенія въ тайны жизни:

Miéj serce i patrzaj w serce.

Отъ историческихъ данныхъ, которыми пользовался Нѣмцевичъ, Мицкевичъ смѣло перешагнулъ къ народнымъ преданіямъ

---

[1]) Въ своей корреспонденціи Мицкевичъ прямо указываетъ на это двоякое вліяніе на его поэзію.

[2]) Odyniec, Wspomnienia, 108.

[3]) Str. VIII.

[4]) О немъ лучшую монографію представилъ P. Chmielowski: Adam Mickiewicz. Zarys biograficzno-literacki. 2 t. Krak. i Warsz. 1886.

и пѣснямъ. Баллады и романсы Мицкевича вводили въ міръ вѣрованій, который не можетъ быть постигнутъ однимъ разумомъ. Въ порывѣ своего патріотизма Мицкевичъ идеализовалъ также старую Литву, въ центрѣ русскихъ земель которой онъ родился (около Новгородка).

Но рядомъ съ этими должны были выступить въ польской поэзіи и иные сюжеты въ пору процвѣтанія историческихъ «думокъ» и романтики, когда направились въ среду народности, полюбили народныя пѣсни, усиленно занялись собираніемъ и переработкою ихъ и постоянно вели рѣчь объ обращеніи къ прошлому. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ стихотвореній Бродзинскій такъ приглашалъ польскихъ поэтовъ изображать родную землю и родной народъ:

Na jakiéj ziemi, z jakim ludem żyjesz razem,
Takiego twoje pienia niech będą obrazem....
Ty, ceniąc wszędzie piękność, własną śpiewaj ziemię,
Wspólne w czuciu, w przygodach i zwyczajach plemię;
Zagrodę, gdzie młodości przekwitły ci lata....
Ruiny, smutne świadki dawnéj duchów chwały,
Mogiły, co z ojczyzną synów pogrzebały.
Śledź zgasłych ojców czyny; łańcuchem niezłomnym
Sprzęż dawną miłość kraju z plemieniem potomném,
W ziomkach ucz się znać ludzi, z nich czerpaj natchnienie
Ich uczuciem wzbudzone im poświecaj pienie.

Въ статьѣ своей «O klasyczności i romantyczności», вышедшей въ одномъ году со статьей Ходаковскаго, помѣщенной въ «Cwiczenia naukowe», Бродзинскій писалъ: «Romantycznością naszą są nasze niegdyś miasta, których obwody już czarna rola przykryła; smutne grody, w których nasi królowie przemieszkiwali, a do których murów teraz wiesniacy strzechy swoje przytykają... mogiły przodków, które po niwach naszych wszędzie napotykamy» [1]). Этотъ призывъ былъ выполненъ преимущественно учениками Бродзинскаго, молодыми поэтами, родившимися въ Украинѣ.

---

[1]) Мицкевичъ въ Валленродѣ также писалъ о пѣснѣ:

Ucieka w stepy, *do mogił* przylega
I ztamtąd dawne opowiada czasy.

До 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія Украина почти не привлекала вниманія польскихъ поэтовъ [1]). Романтика, озарявшая поэтичностью вѣка рыцарства, должна была направить польскихъ поэтовъ, уроженцевъ Украины, къ возвеличенію послѣдней и къ малорусской старинѣ и поэзіи, потому что въ той, другой и третьей было много пищи, пригодной для романтики.

Богатая природа Украины [2]), и въ старое время наравнѣ съ Подольемъ казавшейся полякамъ обѣтованною землею, внушала полякамъ, какъ и коренным обитателямъ, любовь къ родной землѣ, которую ничто не могло изгладить. Земля эта облекалась чудною прелестью въ представленіи ея сыновъ, и самаго живаго энтузіазма при воспоминаніи о ней не могли ослабить даже чарующія мѣстности европейскаго юга. Какимъ восторгомъ дышатъ постоянно обращенія къ Украинѣ тѣхъ родившихся въ ней поляковъ, которымъ довелось проводить на чужбинѣ остатокъ своихъ дней [3])! Равнымъ

---

[1]) Только въ Zołjówka Трембецкаго находимъ звучную тираду объ Украинѣ; Karpiński воспользовался украинскою пѣсней: «У сусѣда хата бѣла»...

[2]) Одинъ нѣмецкій писатель говоритъ, что поэзія степи «unheimlich ist und doch wieder von ergreifender Romantik. Auch der Dniepr ist ein Strom für Poeten, so gut wie Rhein und Donau, und wer aus dem weichen Rhythmus melancholischer Kosakenlieder die Sprache menschlichen Urempfindens herauszuhören vermag, der spürt auch in dem seltsam grandiosen Einerlei der Steppe den Flügelschlag erlösender Poesie. Aber die Stimmung der Landschaft, welche die Wellen des Dniepr benetzen, ist weltverschieden von jener, welche der Anblick des Rheins in der Seele weckt. Denn nicht das rastlos drängende Gewirr thaten froher Lebenslust, noch die ehrwürdigen Spuren einer ereignissreichen Vergangenheit sind es, welche das schilfreiche Bett des Dniepr umsäumen». W. Goldbaum, Entlegene Culturen, Berlin 1877, 29.

[3]) Но говоря о Залескомъ и Яворскомъ (о послѣднемъ см. въ ст. г. Пыпина «Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ» въ Вѣстн. Евр. 1886, № 3, стр. 304—316), укажемъ на иные примѣры патетическаго отношенія польскихъ эмигрантовъ къ Украинѣ. Неизвѣстный намъ по имени авторъ, полякъ изъ Украины, живя въ Римѣ, издалъ въ 1861 г. «Dwa sceniczne obrazy na tle zycia w Ukrainie. Hapka w utrapieniu. Napisał** Serja obrazów I-sza. Rzym 1861». Здѣсь находимъ двуязычную пьесу (на малорусскомъ нарѣчіи, но по мѣстамъ вставлена и польская рѣчь), напечатанную латинскимъ шрифтомъ съ примѣчаніями (между проч.—на латинскомъ языкѣ), въ которыхъ авторъ хотѣлъ выказать свою ученость. Дѣйствіе происходитъ на Украинѣ, между проч. въ Кіевѣ; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находимъ двухъ студентовъ университета и одного профессора. Интересно предисловіе, въ которомъ читаемъ: «Słysząc lud mówiący na Ukrajnie swojem pięknem, bogatem narzeczem, patrząc z dzieciństwa na jego twarz codzień, my Polacy większe może pół zycia swojego, od najpierwszej młodości spędzamy wiek wśród brzmień

образомъ и въ галицко-русской литературѣ находимъ поэтическое возвеличеніе Украины [1]).

Украина казалась полякамъ, жившимъ въ ней, второю родиною, которой они не отличали отъ коренной Польши. Въ племени, съ которымъ полякамъ пришлось совмѣстно прожить на южно-русской территоріи почти три вѣка безъ искренняго единенія, польскіе поэты желали видѣть теперь ближайшаго родича и пріятеля поляковъ. Польскіе историки и публицисты отрозняли малороссовъ отъ остальныхъ русскихъ и даже готовы были лишить великоруссовъ права на названіе славянъ [2]). Польскіе поэты, напрашиваясь вслѣдъ за публицистами на ближайшее родство съ Днѣпровскими «Полянами», братались съ послѣдними въ поэзіи.

Оттуда же стремленіе польско-украинскихъ писателей къ выясненію польско-украинскихъ отношеній въ прошломъ и настоящемъ и особое вниманіе къ исторіи южно-русской народности, ея быту и поэзіи.

Когда польскіе романтики начали увлекаться народностью въ поэзіи, они могли найти у своего народа лишь нѣсколько поэтическихъ преданій и почти совсѣмъ не имѣли передъ собой историческихъ пѣсенъ. Бродзинскій объяснилъ отсутствіе этихъ пѣсенъ у поляковъ угнетеніемъ сельскаго населенія шляхтою, и съ его объясненіемъ согласились позднѣйшіе собиратели народныхъ поль-

---

Ukraińskiej mowy, a około codziennych zabiegów życia w domowem starciu się i sami najczęściej dobywamy z piersi naszych także Ukrainskie dzwięki, wśród poczciwych nianiek piastunek, opowiadających nam cuda, baśnie, lub spiewających u kolebki przeciągła, smętną nutą długotonne... cienkie ... czarowne jakieś a od razu usypiające pieśnie». — Разсказъ «Na Wkrainu», написанный, какъ видно изъ помѣтки, въ 1866 г. въ Лондонѣ, начинается словами: «Czàriwnyj kraj tetà Podniprìàńszczyna»! и т. п. Sioło. Pismo zbiorowe, poświęcone rzeczom ludowym ukraińsko-ruskim. Zesz. I. Lwów 1866. Стр. 37 и слѣд. Чайковскій и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній писалъ: «Piękna to kraina, ta Boża Ukraina» и проч. Ср. въ началѣ повѣсти о Вернигорѣ: «Wszystko tu czarowne» и проч. Находясь въ Римѣ, Чайковскій «изъ всего Рима понималъ лишь прелесть луговъ Кампаньи, какъ родственную степи», вспоминалъ событія козацкой исторіи, мечталъ о торжественномъ въѣздѣ польскаго короля въ Кіевъ.

[1]) Такъ, шлетъ привѣтъ Украинѣ Федьковичъ. Его «Украина» переведена Гербелемъ. Стихотв. Гербеля, II, 248—250.

[2]) Извѣстна теорія Духинскаго. О ней—Baudoin *de* Courtenay, Z powodu jubileuszu profesora Duchińskiego. 1886.

скихъ пѣсенъ [1]). Поляки были лишены собственной *національно*-народной поэзіи, какъ не имѣли и *общенародной* исторіи. Теперь, въ пору преобладающаго значенія народности въ политикѣ и литературѣ, обнаружились послѣдствія исключительнаго господства шляхты въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Ища въ народной поэзіи выраженія духовной сущности своей народности и стараясь сблизиться съ этою словесностью, польскіе поэты должны были обратиться за подмогою къ той народности, которую причисляли къ своей; имъ оставалось устремить особое вниманіе на поэзію бѣлорусскаго и малорусскаго племени. И польскіе романтики пошли по этому пути съ самаго начала своей дѣятельности.

Въ Вильнѣ Янъ Чечотъ былъ ревностнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ и писалъ подлаженныя подъ ихъ тонъ собственныя пѣсни [2]). Уже въ 1819 г. онъ пѣлъ въ Виленскомъ кружкѣ «Филаретовъ и Филоматовъ» пѣсенку, составленную на бѣлорусскомъ нарѣчіи въ подражаніе бѣлорусскимъ пѣснямъ. Въ 1824 г. на вечеринкѣ передъ разлукою съ пріятелями по случаю выѣзда въ Оренбургъ онъ пропѣлъ такую же пѣсню.

Но въ особенности богатымъ источникомъ вдохновенія должна была стать для польскихъ поэтовъ малорусская поэзія. Поэтическія натуры, проведшія дѣтство и юность на Украинѣ, Волыни и Подольи, вдохновлявшіяся украинскою природою, наслушавшіяся чарующихъ пѣсенъ, не могли не полюбить ихъ со всею страстью и пыломъ молодости. Къ чисто поэтическимъ порывамъ присоединялся энтузіазмъ польскаго патріотизма. Польская шляхта, оправившись, собравшись съ силами и шавши окончательно въ праздность, гордо подняла голову и мечтала о прежнемъ блескѣ панства, о старинѣ. Увлекаясь этими думами, польско-украинскіе поэты сливали воспоминанія Украины о козацкой славѣ съ польскимъ патріотизмомъ. Фантазія панства останавливалась не столько на многочисленныхъ историческихъ фактахъ вѣковой борьбы съ южно-русскимъ народомъ, вызванной насиліемъ со стороны поляковъ, сколько

---

[1]) См. предисловіе Вацлава изъ Олеска, стр. XXXIV—XXXV; ср. XXXVIII. Изложеніе взгляда Козловскаго на польскую народную поэзію можно прочесть въ книжкѣ г. Ивацевича.

[2]) Odyniec, Wspomn., 108, называетъ Чечота «gorliwym zbieraczem i naśladowcą piosnek gminnych». Чечотъ «trudnił się przedewszystkiém zbieraniem i tłómaczeniem rusińskich piosnek ludowych, sam oryginalnie pisał tylko piosnki.— Naśladowcą jego, jako zbieracz i tłómacz piosnek litewsko-żmudzkich, był Emeryk Staniewicz». Ib. 151—152. О пѣсняхъ мужа Марыли — ib., 257.

на эффектныхъ моментахъ совмѣстныхъ предпріятій съ козачествомъ. Время заживило раны въ сердцѣ польско-украинскаго панства, причиненныя козачествомъ, и нѣкоторые изъ польско-украинскихъ поэтовъ любовно вспоминали о тѣхъ козакахъ, которые, какъ братья поляковъ, будто бы дѣлили нѣкогда съ послѣдними и радость и горе. Глядя на покорность и мнимую приверженность дворовыхъ козаковъ, строили фантастическіе политическіе планы.

Такъ выдвинулся цѣлый рядъ польско украинскихъ и польско-волынскихъ поэтовъ, которыхъ сводятъ въ особую группу подъ названіемъ польско-украинской школы.

Остановимся на важнѣйшихъ представителяхъ этой школы и общемъ направленіи ихъ произведеній.

Наше вниманіе должны привлечь прежде всего поэты, собравшіеся въ началѣ 20-хъ годовъ въ Варшавѣ и бывшіе начинателями украинской школы. — Уже въ 1820 г., когда въ этомъ центрѣ классицизма была еще въ силѣ старая поэзія и еще не думали о литературной революціи, нѣсколько юныхъ поэтовъ, пока не пріобрѣвшихъ извѣстности, но полныхъ юношескаго пыла и мечтательности, грезили уже объ иной поэзіи. Они смутно жаждали чего-то новаго взамѣнъ классицизма. По словамъ Мих. Грабовскаго [1]), ихъ школьнаго товарища, они дошли до мысли о реформѣ не путемъ теоріи, не вслѣдствіе знакомства съ литературною реформою, совершавшеюся за границей; нѣтъ, они руководились только впечатлѣніями дѣтскихъ лѣтъ. Въ стѣнахъ Варшавы, среди столичной тѣсноты они мечтали о просторныхъ поляхъ Украины, которая была ихъ родиной и которую они недавно покинули. Потомъ въ пору бо́льшей зрѣлости они убѣдились, что ихъ мнѣнія и вкусъ согласовались съ направленіемъ молодаго поколѣнія на западѣ. Этотъ-то небольшой кружокъ юныхъ поэтовъ первый въ Варшавѣ откликнулся съ сочувствіемъ на призывъ, раздавшійся въ 1821 г. изъ Литвы и встрѣченный съ насмѣшкою Варшавскими классиками и беллетристами. Выдающимися поэтами этого молодаго кружка были Богданъ Залескій и Северинъ Гощинскій. — Это были не мѣстные уроженцы. Они прибыли въ Варшаву, какъ и ихъ товарищъ — Мих. Грабовскій, въ 1820 г. Всѣ трое родились на Украинѣ, были прежде товарищами по Уманской базиліанской школѣ, а теперь — по Варшавскому Университету. Базильянская школа содѣйствовала, вѣроятно, укорененію въ питомцахъ-поля-

[1]) Liter. i krytyka, t. I., cz. dr., 103—105.

кахъ горячей любви къ родинѣ и симпатіи къ землякамъ-украинцамъ, въ силу которой Б. Залескій и назвалъ свое сердце «польско-русскимъ». Залескій началъ печатать свои произведенія уже въ 1819 г., когда былъ еще на школьной скамьѣ [1]). Подъ думкой «Nieszczęśliwa rodzina», напечатанной въ 1822 г. и переработанной потомъ въ «Wzgórek pożegnania», поставленъ 1820 г. Въ 1822 г. въ «Pamiętnik Warszawski», однимъ изъ редакторовъ котораго былъ Бродзинскій, явились еще стихотворенія Залескаго: «Ludmiła' *duma z piesni ukraińskiéj*», «Lubor, *ballada z powieści ludu*», «Arab u mogiły konia», «Pieśń staroczeska z rękopisu Królodworskiego» и «Triolety do Malwiny». Такимъ образомъ, Залескій выступилъ на литературное поприще одновременно съ Мицкевичемъ и независимо отъ него [2]). Характерно также, что и онъ, подобно другимъ реформаторамъ польской литературы, Бродзинскому и Мицкевичу, провелъ дѣтство въ деревнѣ. Все это подтверждаетъ сообщеніе Грабовскаго, что романтика польско-*украинскихъ* поэтовъ развилась, въ отличіе отъ романтики Мицкевича, не подъ вліяніемъ нѣмецкой и англійской поэзіи [3]), но болѣе или менѣе самостоятельно [4]), почерпнула жизнь изъ живаго источника народной

---

[1]) Ateneum 1886, № 5, ст.: «Józef Bohdan Zaleski (Wspomnienie pośmiertne)», str. 198.

[2]) Г. Петровъ ошибочно утверждаетъ (стр. 125), будто Мицкевичъ «*образовалъ* цѣлую школу польско-украинскихъ поэтовъ, къ которой, между прочимъ, принадлежали Мальченскій, Богданъ Залѣскій, Одынецъ, Северинъ Гощинскій, Занъ и др.».

[3]) Одынецъ утверждаетъ (Wspomn., 108), что и виленская романтика развилась самостоятельно.

[4]) Само собою разумѣется, что о *полной* оригинальности и независимости польско-украинскихъ поэтовъ не можетъ быть рѣчи, потому что она вообще немыслима ни для какого поэта. Стихотворенія Залескаго, помѣщенныя въ «Dziennik Wileński», написаны въ духѣ господствовавшей тогда поэзіи. Въ первыхъ Варшавскихъ произведеніяхъ Залескаго отмѣчаютъ нѣкоторое вліяніе западной романтики и сходство съ произведеніями старшей генераціи польскихъ поэтовъ (Bełcikowski, 426—427; Ateneum, 199; Zathey, Młodość Bohdana Zaleskiego (Sprawozdanie trzecie dyrekcyi C. K. III Gimnazyum w Krakowie za rok szkolny 1886), 17—18). Стихотвореніе «Śpiew poety» (1823) напоминаетъ стихотвореніе Гёте: Ich singe, wie der Vogel singt». Дума о Стефанѣ Чернецкомъ, напечатанная прежде всего Гощинскимъ, написана по образцу историческихъ пѣсенъ Нѣмцевича и Горецкаго. Сверхъ того юные поэты, прибывшіе въ Варшаву изъ Украины, встрѣтили поощреніе и расположеніе со стороны двухъ авторитетныхъ профессоровъ университета, именно Лелевеля, который былъ въ своихъ лекціяхъ «вдохновеннымъ поэтомъ», и Бродзинскаго. Бродзинскій производилъ глубокое впечатлѣніе на небольшой,

поэзіи; вмѣстѣ съ тѣмъ она была порожденіемъ общаго вѣянія, носившагося надъ всей Европой и заносившаго во всѣ уголки сѣмена новой поэзіи, иной разъ — Богъ вѣсть какимъ путемъ. Потомъ романтики украинской школы сознательно примкнули къ модному поэту запада — Байрону — и стали пламенными почитателями его.

Уже въ силу такой самобытности польско-украинскихъ поэтовъ послѣдніе заслуживаютъ особаго вниманія въ исторіи украинской литературы. Если польскіе поэты могли извлечь много питательныхъ соковъ изъ той почвы, на которой выросла чисто-украинская поэзія, то тѣмъ болѣе понятно появленіе и расцвѣтъ послѣдней.

Но есть въ исторіи польско-украинской группы поэтовъ и другія стороны, весьма интересныя и важныя для историка украинской литературы, но оставленныя безъ вниманія г. Петровымъ. Таково поэтическое возсозданіе старой Украины. Въ польской литературѣ, какъ и въ другихъ, романтика способствовала болѣе или менѣе правдивому представленію прошлаго. Впервые у польскихъ поэтовъ украинской группы выдвинулось болѣе или менѣе вѣрное изображеніе старой Украины, при чемъ у каждаго изъ первыхъ трехъ поэтовъ польско-украинской школы (Мальчевскаго, Залескаго, Гощинскаго) это изображеніе отличалось сосредоточеніемъ вниманія на одной какой нибудь сторонѣ жизни старой Украины. Впервые также у польско-украинскихъ поэтовъ находимъ литературно-романтическое возвеличеніе украинскаго козачества.

Наименѣе интереса представляетъ для насъ, старшій лѣтами изъ этихъ поэтовъ, который былъ мало извѣстенъ при жизни — Мальчевскій, другъ Залескаго. Проведши дѣтство и позднѣйшіе годы своей жизни на Волыни, въ области, въ которой издавна было осо-

---

по избранный кружокъ даровитой молодежи, полюбившей его. Мы видѣли, что Бродзинскій, выросши подъ сельской стрѣхой и засыпая въ дѣтствѣ подъ звуки пѣсенъ жницъ, любилъ народныя пѣсни и обратилъ вниманіе на нихъ. Въ своихъ университетскихъ лекціяхъ (съ 1822 г.) Бродзинскій проводилъ новый взглядъ на поэзію и, вѣроятно, укрѣпилъ юныхъ поэтовъ-украинцевъ въ намѣреніи слѣдовать по особому пути. Онъ началъ относиться неодобрительно къ новой поэзіи гораздо позже. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ эти вліянія нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Белицкаго, сошедшагося въ этомъ случаѣ съ Грабовскимъ, что уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Залескаго «otworzył się nowy świat poetyczny dla czytelników.... Przedewszystkiém zaś musiał zwracać uwagę ich charakter ludowy, narodowy i pochwycony z natury. Ze wspomnień miejsc rodzinnych, z pieśni i opowiadań, które zasłyszał w ukraińskich chatach, dokąd w swéj młodości tak często zaglądał, utworzył je poeta».

бенно много знатныхъ пановъ, Мальчевскій лишь мимоходомъ нарисовалъ образъ вольнолюбиваго украинца [1]). Украина Мальчевскаго — страна шляхетская, въ которой козаки являются лишь сподвижниками польскихъ магнатовъ въ борьбѣ съ татарами. Обширныя степи этого малолюднаго края подвиговъ составляютъ фонъ картины, наводящей грусть. Тишину нарушаетъ лишь стукъ копытъ, и въ меланхолію погружаютъ *могилы*, въ которыхъ сокрыта слава старой Украины:

Ani wesołej szlachty, ni rycerstwa głosy,
Tylko wiatr szumi smutne uginaiąc kłosy,
Tylko z mogił wetchnienia, i tych jęk z pod trawy,
Co spią na zwiędłych wieńcach swojej starej sławy.
Dzika muzyka—dziksze jeszcze do niej słowa,
Które duch dawnej Polski potomności chowa—
A gdy cały ich zaszczyt krzaczek polnej róży,
Ach! czyjeż serce, czyje, w żalu się nie nuży?

Поэма Мальчевскаго проникнута грустью отъ начала до конца. Пѣсня о печальной участи Маріи сливается въ гармоніи съ размышленіями о томъ:

.....na co dobroć się tu przyda
Gdzię co czułe, szlachetne, tylko chwilę świeci,
Gdzie zgon starych rodziców korzyścia ich dzieci,
Gdzie chlubna miłość bliźnich w udanej tkliwości
Cieszy się ich niedolą lub szczęścia zazdrosci...

Болѣе полно, но не менѣе романтично изображеніе Украины и у того изъ польско-украинскихъ поэтовъ, котораго называли отцомъ

---

[1]) Prosty jego był ukłon, krótkie pozdrowienie;
Jednak różnym się zdaje od służalców grona,
Poddany—lecz swobodę z ojca powziął łona,
I gdy dumnie pojrzawszy do pana iść żąda,
Środ wiodącej go zgrai, jak władca wygląda;
Zwinne jego obroty, kroki jego letsze,
Bo swoje członki wędził na stepowym wietrze...

Ср. обращеніе къ козаку въ самомъ началѣ поэмы:

Ei ty na szybkim koniu gdzie pędzisz kozacze?
Czyś zaoczył zająca, co na stepie skacze?
Czy rozigrawszy myśli, chcesz użyć svobody
I z wiatrem ukraińskim puścić się w zawody?

польско-украинской школы, «Украинскимъ Бояномъ», «Słowiczk-омъ», Казацкимъ поэтомъ», а иногда просто «Казакомъ» [1]), и который самъ себя также называлъ сыномъ «Matki» Украины [2]), похожимъ на нее, «какъ двѣ капли воды». По словамъ Богдана Залескаго, украинскія русалки вспоили его «mlekiem dum i mleczem kwiecia». Слѣдовательно, Залескій былъ какъ будто однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые всосали съ молокомъ матери любовь къ Украинѣ, ея природѣ, ея пѣснямъ и историческимъ преданіямъ и которые, казалось бы, должны были вполнѣ понимать ея прошлую жизнь и настоящую. Онъ былъ съ дѣтства взлелѣянъ мелодіями украинскихъ пѣсенъ, наслушался старцевъ-бандуристовъ и сохранилъ любовь къ этимъ пѣснямъ до конца своей жизни. И въ позднѣйшіе годы онъ отдавалъ предпочтеніе украинскимъ пѣснямъ передъ пѣснями другихъ славянскихъ народовъ. Въ старости еще Залескому слышались звуки пѣсенъ, которыя онъ пѣлъ съ товарищами на Украинѣ во дни своей юности [3]), живо вставали предъ нимъ видѣнные имъ образы, и онъ не переставалъ тосковать по Украинѣ, перенося читателя въ украинскія степи, въ Днѣпровскіе пороги, во времена подвиговъ стараго казачества и борьбы его съ поляками. Но Залескій оставилъ Украину въ ранней молодости:

Z torbanem i taki młodziutki
Żegnałem się z tobą na wieki,

говоритъ онъ въ одномъ стихотворномъ обращеніи къ ней. Простившись съ родиной и отправившись въ далекія страны, поэтъ не могъ освѣжать и провѣрять своихъ юношескихъ впечатлѣній, виталъ въ области поэтическихъ грезъ, къ которымъ прибавились еще грезы политическія. Онъ увлекалъ своихъ читателей въ годы своей молодости музыкальностью стиха, чуднымъ колоритомъ, а главное — мужественностью лиризма, почерпнутаго изъ украинскихъ

---

[1]) Такъ называлъ Залескаго въ Парижѣ Мицкевичъ. Ранѣе Мальчевскій въ Варшавѣ, когда замѣчалъ слезы на глазахъ Залескаго, говорилъ ему: «Ej tyś tu tabun przypędził, kozacze, i tęsknisz nazad w step zasumowany»! — Новѣйшее изданіе стихотвореній Залескаго: Pisma Józefa Bohdana Zaleskiego. Wydanie zbiorowe przejrzane przez autora w 4 tomach. Lwów. Nakładem księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1877.

[2]) См. письмо Залескаго въ «Sioło», zesz. 1, str. 178—179.

[3]) Такъ онъ вспоминаетъ пѣсню: Сойка, сойка гей летила, | Тай звинула крила...

думъ, рыцарскимъ пыломъ молодости и стремительностью своихъ героевъ, столь приходившеюся по вкусу поколѣнію, произведшему возстаніе 1831 г.[1]). Но сами же польскіе критики вынуждены были признать нѣкоторую фантастичность и поэтическую мглу, а иногда подкрашенность въ очертаніяхъ и изображеніяхъ Украины у Залескаго. Русскіе критики относятся еще строже къ Залескому[2]), и нельзя не признать, что они правы. Залескій перерабатывалъ иногда украинскія пѣсни, но при этомъ сообщалъ ложное освѣщеніе. Образы гетмановъ, казаковъ и дивчатъ украинскихъ лишены правды, выполнены безъ тонкаго вникания. Поэту нравилась Украина призрачная, а не дѣйствительная, нравилась та Украина (XVI в. и начала XVII-го), которая не смѣла порывать связи съ Польшей. Того же хотѣлъ Залескій отъ Украины и въ будущемъ и первый выдвинулъ въ польской поэзіи козакофильство, какъ средство возстановленія Польши. Пробнымъ камнемъ отношенія Залескаго къ Украинѣ является время Хмельницкаго. Залескій называетъ Хмельницкаго łotr-омъ:

Bracio moja, jeżeli łotra imię wziałem,
To dla tego, ażebym przed cnotą bił czołem[3]).

Мазепа уже при дворѣ польскаго короля обуреваемъ ненавистью къ польской знати и замышляетъ дать себя знать ей «ogniem i mieczem»; онъ характеризуетъ собою гордость казацкихъ вождей, ихъ необузданное честолюбіе, эгоизмъ и наклонность къ анархіи. Даже исходъ возстанія 1863 г. не образумилъ Залескаго, и онъ готовъ былъ считать Украину польскою страною, а ея пѣвцовъ дѣйствующими

---

[1]) Думка Залескаго о Косинскомъ доставила имъ началѣ 1821 г. много утѣхи Виленскимъ поэтамъ, сидѣвшимъ въ заключеніи: «Wpływ jéj na mnie, говоритъ Odyniec (Wspomn. 191), był czarodziejski. Zapomniałem o celi i o klauzurze, i jakbym wskoczył na koń po za siodłem Hetmana, cwałowałem z nim zda się po stepie. Nauczywszy się więc dumki na pamięć, posłałem ją wnet Adamowi, a potém i do innych konwentów, gdzie wszędzie również ożywcze wywołała wrażenie».

[2]) См. ст. Ив. Франка: «Иосифъ Богданъ Залескій» въ №№ 7 и 8 львовской «Зори» 1886. Ср. ст. Филенича: «І. Б. Залескій» въ № 1 «Извѣстій С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества».

[3]) Шевченко относилъ начало разрыва украинцевъ съ поляками ко времени Уніи, а Залескій — къ 1648 г.:

Bodaj ziemia raz polknęła te Żółte tam Wody,
Co *dwóch braci* wyuczyły pogańskiéj niezgody!

въ руку польской справѣ. Залескій утверждалъ, что «pieśni ukraińskie obok nuty przeciągłéj, maią tło i nastrój czysto polańskie i polskie, a nawet wyrażenia i wyrazy biorą żywcem z polszczyzny. Od końca XVII wieku wszystko naokoło i dobrowolnie polszczało na Rusi». Еще въ позднѣйшіе годы своей жизни Залескій вспоминалъ о вѣщемъ запорожцѣ Наумѣ, о которомъ слышалъ отъ лирниковъ и запорожскихъ старцевъ, и который, по мнѣнію поэта, «jako Bojan polański, stanie się kiedyś mitycznym piewcą Ukrainy». Залескій такъ воспроизводитъ пѣсню этого сѣдаго старца, склонявшаго къ единенію съ поляками:

Leci orzeł — ponad morzem-ku niebu on krzyczy
Biadać, biada kozakowi bez maci-bez Siczy!
Szlocha mać-step ojciec laje-a śmieją się ługi,
Poszedł wolny Zaporożec carzycy w posługi!...
Bieda jeździ na dwóch koniach, Panowie hromada!
Iak się jeden już wyhasa, wtórego dosiada,
Iak i wtóry się potyka, piezwszego kulbaczy;
Owoż koni—jeden laszy, a drugi kozaczy.

И себя и Шевченка Залескій зачисляетъ въ преемники Наума [1]):

Piastunką nam była jego duma,
Nim serca zabrzmiały w swojej nucie.
Czem ziemia nasiąkła lat koleją,—
Rodzimych powieści woń i krasa,
Zarówno zwierciedłą się i wieją
Wskróś dumy mojej i Tarasa.

Такъ мало зналъ Залескій старую и новѣйшую Украину. Не ему слѣдовало ставить себя рядомъ съ Шевченкомъ. Болѣе права имѣлъ на то третій изъ первыхъ польско-украинскихъ поэтовъ, авторъ «Каневскаго замка» — Гощинскій, хорошо замѣтившій недостатки, которыми страдало изображеніе козачества у Залескаго. Уже первыя произведенія Гощинскаго показываютъ, что авторъ стоялъ въ сторонѣ отъ господствовавшей поэзіи, выросъ въ средѣ, въ которой имиоинровали ея собственныя историческія воспомина-

---

[1]) См. стихотвореніе «Mogiła Tarasa». Тарасъ, по словамъ Залескаго — «naśledni wnuk Nauma» и вмѣстѣ «współpiewca kozaczy» Залескаго. Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію Залескій высказывается неодобрительно объ образѣ жизни Шевченка и гайдамацкихъ заблужденіяхъ его.

нія. Гощинскій поддался этимъ воспоминаніямъ въ ихъ чистой, неискаженной правдѣ. Поэма «Каневскій замокъ» навѣяна, по собственному признанію Гощинскаго, «Дѣвой озера» Вальтеръ-Скотта, но, не смотря на то, Гощинскій соблюлъ удивительную вѣрность колорита и явился довольно безпристрастнымъ живописцемъ времени польскаго утѣсненія Украины. Въ поэмѣ его слышится живое народное преданіе о гайдамацкой рѣзнѣ, сохранявшее еще всю свою свѣжесть въ 20-хъ годахъ. Ужасная дѣйствительность предстаетъ передъ читателемъ почти безъ искаженія въ ту или другую сторону, и понятно, что эта печальная картина не могла быть пріятна полякамъ [1]). Но постороннему читателю поэма Гощинскаго кажется привлекательной благодаря талантливому и проникнутому глубокимъ чувствомъ изображенію того, что́ испытывало «burzliwe serce syna Ukrainy», благодаря высокому подъему вдохновенія и драматизма, богатству фантазіи и тонкому чувству природы [2]).

Мы видѣли, что въ пѣснѣ Мальчевскаго и Гощинскаго о старой Украинѣ господствуютъ грустныя ноты, но нѣтъ умышленнаго искаженія правды. Стихотворенія Залескаго, написанныя до возстанія 1830 и 1831 г., были фантастичны и романтичны, но еще не были столь тенденціозны, какъ позднѣйшія.

Вторую группу польско-украинскихъ поэтовъ составляютъ тѣ, у которыхъ рѣзко выдвигается тенденціозность, стремленіе представить Украину захваченною вопреки горячей приверженности лучшихъ козаковъ къ Польшѣ и вопреки крайней антипатіи козачества къ «москалямъ». Къ этой группѣ относятся Падурра и Чайковскій.

Падурра [3]) писалъ на малорусскомъ нарѣчіи. Г. Петровъ на-

---

[1]) «Cała powieść, pomimo wielkich piękności, staje się dziwnie niemiła. Z drugiéj jednak strony trzeba wyznać, że jakkolwiek to malowidło jest szorstkie, jest to malowidło wierne. W szeregu obrazów mających przedstawiać Ukrainę trzeba pomieścić *Zamek Kaniowski*; bez niego nie będzie to jeszcze Ukraina prawdziwa». Grabowski, Liter. i Kryt., 106—107.

[2]) Это достоинство признаютъ за Гощинскимъ и иностранные читатели. *Goldbaum*, Entleg. Culturen, 246, говоритъ: Ich weiss mir nur wenige Poeten hinter welche Goszczynski an Natursinn und Intuition zurückzutreten braucht; in seinem «Schloss von Kaniow» rauschen die Wipfel und flüstern die Halme eine wundersame Sprache. Bäche und Hügel sind von geheimnissvoller Beredsamkeit, und das Gemüth des Volkes liegt offen wie ein Spiegel.

[3]) Мы пользовались новѣйшимъ львовскимъ изданіемъ его стихотвореній: Pyśma Tymka Padurry, Wydanie posmertne z awtografiw. Lwiw. Nakładom kuiharni K. Wylda. 1874. См. еще Prawdziwy. Życiorys T. Padurry. Poznań u Żu-

красно оставить этого поэта безъ вниманія, удѣливъ въ то же время мѣсто въ своей книгѣ писателямъ менѣе значительнымъ. Г. Петровъ привелъ лишь презрительный отзывъ о Падуррѣ (стр. 380). Отзывъ этотъ не лишенъ основанія. Совершенно справедливо обвиняли Падурру въ ненадлежащемъ умѣніи владѣть малорусскою рѣчью, которая нерѣдко страждетъ у него искусственностью, темными или же вычурными оборотами, а иногда и грубыми ошибками. Падурра создавалъ небывалыя слова (напр., «несуци», «понесуци»), вводилъ полонизмы, иной разъ смѣшные при употребленіи въ малорусской рѣчи [1]). Вообще, въ ряду произведеній Падурры есть немного такихъ, которыя могли бы быть признаны удовлетворительными по языку. Но все-таки отзывы нѣкоторыхъ критиковъ 40-хъ годовъ, утверждавшихъ, что Падурра не зналъ украинскаго нарѣчія и не могъ назваться поэтомъ, слишкомъ строги: Падурра рисовалъ небывалое козачество, но не безъ всякаго таланта, и поэзія его не прошла безслѣдно; ею увлекались на Украинѣ и въ Галичинѣ [2]). Личность Падурры представляетъ оригинальный типъ поляка-украинца, страстнаго почитателя старины, грезившаго о возстановленіи шляхетско-козацкой Украины. Это былъ одинъ изъ первыхъ украинскихъ шляхтичей-козаколюбовъ, старавшихся мирить польскій патріотизмъ съ преданіями страны, въ которой они родились, и вѣрившихъ въ возможность такого примиренія. Біографія Падурры показываетъ также, какъ самобытно и естественно зарождалась на богатой историческими преданіями почвѣ Украины литературная поэзія на ея нарѣчіи [3]).

---

paiskiego 1875. Недавно явился въ русской литературѣ этюдъ о Падуррѣ — въ ст. г. Пыпина въ «Вѣстн. Евр.» 1886, № 2.

[1]) Напр., на стр. 73: «Де мій птаху *душный*».

[2]) Ее цѣнили и такіе польско-украинскіе писатели, какъ Б. Залескій и Чайковскій. Богданъ Залескій восхищался, по словамъ Мих. Грабовскаго, украинкою, которая начинается словами: «*Zakotywsia misiac w chmary*». Liter. i kryt. I. cz. dr., 116. Въ новѣйшей польской критикѣ существовало разногласіе относительно Падурры: нѣкоторые превозносили его, а другіе называютъ вполнѣ бездарнымъ рифмоплетомъ.

[3]) Можетъ быть, впрочемъ, на Падурру нѣсколько повліялъ Б. Залескій. Такъ, повидимому, Падурра былъ знакомъ со стихотвореніемъ Залескаго *Czajki*, въ которомъ читаемъ полную воодушевленія пѣсню въ честь гетмана Конашевича; ее поютъ запорожцы, плывущіе въ чайкахъ по лиману. Здѣсь находимъ возгласъ: «Urra-ho, urra-ho, urra!», который повторяется и у Падурры.

Происходившій изъ ходачковой шляхты Падурра уже во время пребыванія въ Винницкой школѣ распѣвалъ украинскія мелодіи, говорилъ только по-украински и увлекался думами, которыя слышалъ отъ лирниковъ. Въ Кременцѣ продолжались встрѣчи съ народными пѣвцами [1]); кромѣ того, Падурра получалъ записи преданій и думъ отъ Ходаковскаго и самъ прислушивался къ преданіямъ. Глубоко запали въ душу молодаго Падурры слова одного лирника, выразившагося о мальчикѣ: «се буде душа запорозьска», и Падурра никогда не могъ забыть этого лирника [2]). Падурра сохранилъ на всю жизнь любовь къ Запорожскому козачеству, которое отрознялъ отъ Низоваго, и вмѣстѣ къ *польской* Украинѣ.

Первое свое стихотвореніе «Лирникъ» (1824 г. [3]) Падурра посвятилъ тѣни Мазепы, котораго считалъ величайшимъ, хотя и несчастнымъ героемъ Украины. Отъ великаго прошлаго остались «piśni, mohyły i prach». Вѣтеръ, который «колыхалъ нѣкогда наши бунчуки», поднимаетъ прахъ съ могилъ свободныхъ дѣдовъ и прадѣдовъ и ту пыль, которая летѣла изъ-подъ копытъ ихъ коней; этотъ вѣтеръ будитъ внуковъ, по словамъ Падурры [4]). У Падурры почти въ одно время съ Рылѣевымъ возникла мысль воспѣть героевъ украинской исторіи [5]). Падурра идеализовалъ эту исторію съ польской точки зрѣнія. Онъ думалъ, что козачество въ единеніи съ поляками наслаждалось наибольшею славою и благоденствіемъ:

Jidna maty, jidny chaty,
Razom w poli stawaw kisz:

---

[1]) Лирники, «проходя по Кременцу съ пѣснями о дѣяніяхъ праотцевъ, szczepili w sercach słuchaczów miłość narodowości i chwały».

[2]) Падурра вспоминалъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «czarodziejską nutą umilałeś sny mojego dzieciństwa, napełnił życie urokiem tęsknoty i przelał w duszę młodą tę lubą rzewność za ubiegłą przeszłością, jaką było przepełnione twojo stygnące już prawie lecz szlachetne serce».

[3]) Въ 1825 г. Падурра написалъ стихотвореніе «Ruchawka», а въ 1828 г. еще нѣсколько.

[4]) См. стр. 47 изд. 1874 г. Ср. въ украинкѣ «Czajka» (стр. 79):

Szcze czas ni pył nё ster z mohył
Wёlykich diiw kolyś!...
Szcze z tuhy dum w lubyj chwyl szum
Hlań czy pustyś!...

[5]) Падурра затѣялъ это во время пребыванія въ Кременцѣ. Можетъ быть, и Рылѣевъ позаимствовалъ идею своихъ думъ при ближайшемъ соприкосновеніи съ поляками. Русскіе заговорщики, къ которымъ принадлежалъ Рылѣевъ, сношались съ польскими, въ число которыхъ вошелъ Падурра.

Z Lachom byłoś, z Lachom żyłoś,
W jidnym horszku priw kulisz» [1]).

Падурра страстно тосковалъ по прошломъ времени козачества и Украины, когда козакъ «z wieków nie znał pana», когда

Z wika wilny i swawilni
Nё puskały szabel z ruki...
Myżto carstwa, hospodarstwa
Roskydaly z pid kopyt [2]).

Въ стихотвореніяхъ Падурры пробивалась какъ бы антигосударственная тенденція и отрицаніе власти [3]). Демагогически настроенный поэтъ питалъ вражду къ русскому господству въ Украинѣ и помышлялъ о возрожденіи украинскаго козачества. Въ молодые годы онъ мечталъ о томъ, что ему суждено быть миссіонеромъ этой идеи. Какъ славянскій Чайльдъ-Гарольдъ, какимъ мнилъ себя [4]), Падурра обошелъ въ одеждѣ лирника много малорусскихъ областей, проникъ даже къ черноморскимъ козакамъ — на берега далекой Кубани, старался повсюду возбудить энтузіазмъ, которымъ пылалъ самъ, вѣря въ воскресеніе прошлаго, и пытался склонить къ совмѣстному дѣйствованію съ поляками противъ русскаго правительства. Мечтатель вѣрилъ въ осуществленіе такихъ химерныхъ плановъ и заключилъ свою украинку «Чорноморець» стихами:

Wolnych wnuki złuczim ruky,
A syła wse zmoże!
I werne włast, i sławu dašt'
Wilne Zaporože [5]).
. . . . . .
Czas ożyty! czas zbudyty
Naszych diiw twerdyj son! [6])

---

[1]) Стр. 53. [2]) Стр. 55.

[3]) Такою тенденціею отличается стихотвореніе на польскомъ яз. «Czapka» и нѣкоторыя малорусскія, напр., начинающееся стихами:

Bez chmar zora wschodyt z mora,
A ty spysz Siczl... (стр. 77).

[4]) «Byron zerwał Grekom kajdany, ja stworze Słowianom pieśnią hetmany» писалъ Падурра.:

Wieszcze dobyli z kajdan pół Europy —
Drugą mnie zdali połowę!

[5]) Стр. 67. [6]) Стр. 57.

Ясно изъ всего изложеннаго, что Падурра, при всемъ своемъ козакофильствѣ, оставался также вполнѣ польскимъ необузданнымъ патріотомъ и не могъ подняться на чисто народную украинскую или — что́ тоже — общерусскую точку зрѣнія; старое козачество рисовалось ему въ превратномъ видѣ, да и вообще въ стихотвореніяхъ Падурры мало народнаго колорита.

Фантазированіе, образецъ котораго находимъ у Падурры, было немало повинно во взрывѣ 1830 и 1831 гг. [1]).

Послѣ неудачнаго исхода этого взрыва корифеи польской литературы, пріобрѣвшіе извѣстность къ тому времени, въ томъ числѣ и польско-украинскіе поэты, Залескій, Гощинскій, Гославскій, эмигрировали за границу. Неудача возстанія не образумила бѣглецовъ и лишь тяжело отозвалась на ихъ вдохновеніи. Творчество отправлялось теперь отъ печальныхъ для поляковъ событій ближайшаго прошлаго и создавало различныя теоріи возстановленія независимости отчизны. Созерцаніе прошлаго пользовалось прежнимъ значеніемъ, но стало нѣсколько трезвѣе у нѣкоторыхъ изъ писателей, оставшихся въ Россіи; у эмигрантовъ же оно оставалось въ большей степени апотеозой старой Польши. Соотвѣтственно тому козакофильство и поэтическое изображеніе украинской старины, которое мы встрѣтили въ произведеніяхъ польско-украинскихъ поэтовъ до 1831 г., не исчезло въ польской литературѣ, но продолжалось и получило двоякое направленіе. Приспособленіе къ новымъ условіямъ, бывшимъ послѣдствіями событій 1831 г., отсутствіе центральнаго и общенароднаго единенія и ограниченіе поэзіи болѣе тѣсными провинціальными кругами могли благопріятствовать развитію мѣстныхъ школъ. У Богдана Залескаго сразу оказались послѣдователи; изъ его сверстниковъ явилось немало дилетантовъ украинской поэзіи, и уже въ 1829 г. Мохнацкій жаловался на этихъ подражателей [2]). Мицкевичъ, столь любившій и превозносившій Залескаго, писалъ въ 1838 г. одному изъ своихъ пріятелей слѣдующее о подражателяхъ Залескаго: «Czytałem różne wyjątki nowych poetów w *Tygodniku Petersburskim*, nie zachwyciły mnie. Ukraińcy jak wsiedli na Bohdana, tak też jadą, pokrzykując: hop, hop, cup, cup, aż mnie w końcu rozgniewali. Coż u djabła, żeby im też nic nowego do głowy nie przyszło? Przyszła mi na myśł mania ballad niegdyś panująca... Warto, żeby ktoś

[1]) Чайковскій говоритъ о польскихъ повстанцахъ 1831 г.: «Była to młodzież rozpoetyzowana poezją i czytaniem spisów rewolucyjnych».

[2]) Къ числу этихъ подражателей, не отличавшихся особою оригинальностью въ украинской школѣ, относится Гославскій.

napisał coś o hop, hop, żeby tych pysarków z konia ukraińskiego zsadzić». Мицкевичъ былъ не совсѣмъ правъ въ этомъ отношеніи: писатели польско-украинской группы послѣ 1830 г. не повторяли только Залескаго, но проявляли своеобразіе и распадались на нѣсколько категорій.

Политическое польское козакофильство, представителями котораго въ поэзіи были до 1830 г. Б. Залескій и Падурра, послѣ 1831 г. получило новаго представителя въ польской литературѣ, но уже не въ русскихъ предѣлахъ, а за границей — Михаила Чайковскаго; Падурра же, слывшій «козацкимъ поэтомъ» [1]), замолкъ послѣ 1831 г.

Въ Чайковскомъ [2]) польское козакофильство дошло до своего апогея и одновременно до крайности и абсурда. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе своей продолжительной и полной приключеній жизни Чайковскій узналъ на практикѣ неосуществимость грезъ о возстановленіи Польши и украинскаго козачества.

Мысль о единеніи поляковъ съ козаками Чайковскій унаслѣдовалъ отъ своей матери и дѣда по матери, маршалка Овручскаго, Михала Глэмбоцкаго. По идеѣ Глэмбоцкаго, козачество должно было возстановить Польшу и возвратить ей мѣсто въ ряду великихъ, первостепенныхъ державъ; само оно должно было «ополячиваться» всѣмъ, что есть хорошаго у поляковъ, за исключеніемъ анархіи и іезуитизма [3]). Съ дѣтства Чайковскій мечталъ о томъ, чтобы «рыцарскимъ молодечествомъ козаковъ поставить на ноги Польшу и братскимъ отношеніемъ поляковъ ополячить козаковъ» [4]).

---

[1]) Такъ называлъ его Чайковскій.

[2]) Новѣйшее изданіе сочиненій Чайковскаго вышло въ Лейпцигѣ у Брокгауза. Pisma Michała Czajkowskiego, t. I—XII, Lipsk 1868—1885 (Biblioteka pisarzy polskich, tt. 13—20, 32, 64—65, 79). Этюдъ на русскомъ языкѣ о Чайковскомъ см. въ Изв. С.-Петерб. слав. благотв. общ. 1886, № 11.

[3]) Pisma Mich. Czajkowskiego, I, Wernyhora, 1868, стр. V—VI, VIII. Чайковскій въ «Вернигорѣ» (стр. 96) такъ изображаетъ отношеніе своего дѣда къ «хлопамъ». «Chłopi Pana Wojskiego o buncie nic myślą, bo Pan Wojski z gromadą po ludzku się obchodzi; choć połaje a czasem każe nawet ukarać, to sprawiedliwie, żałującego wysłucha, potrzebnym zapomogi nie odmawia. Żydów z karczmy powypędzał a propinację dworskę ustanowił; raz na zawsze oczkowe szarwarki i połowe danin darował; z popami żył w dobrem zachowaniu; choć Rzymski Katolik, co niedziela do cerkwi chodził... ztąd i kozacy jego byli wierni, gotowi skoczyć wogień na rozkaz Pana, a nawet uderzyć na samego djabła» Предковъ этого Глэмбоцкаго Чайковскій выводитъ въ «козацкихъ повѣстяхъ» въ роли предводителей дружины «Kozackiego Polesia, z po nad brzegów Teterowa».

[4]) Pisma, I, V.

Становясь въ маѣ 1831 г. въ ряды повстанцевъ, Чайковскій воображалъ, что мечты эти осуществились. Себя и товарищей своихъ онъ представлялъ рыцарями, возобновившими подвиги стараго козачества: «Карлъ Ружицкій былъ мой Конашевичъ-Сагайдачный; въ товарищахъ я видѣлъ новыхъ Мазепъ, Выговскихъ, Бруховецкихъ, Печаевъ, Могилъ и всю давнюю старинну славной козаччины». Но вскорѣ «надежда и вѣра были подавлены; остались только козацкое молодечество и козацкій строй». Пришлось отправиться въ чужіе края. «Досадно и тяжело мнѣ было на чужбинѣ, говоритъ Чайковскій. Я вложилъ въ ножны саблю праотцевъ и началъ снова мечтать о предметѣ моихъ думъ-козачествѣ; я началъ писать козацкія повѣсти и Верныгору». Это было въ то самое время, когда другіе «козацкіе писатели измѣнились какъ хамелеоны, какъ будто стыдясь своихъ прежнихъ великихъ твореній», когда «этимъ офранцуженнымъ и онѣмеченнымъ писателямъ казалось смертнымъ грѣхомъ и политическимъ сумбуромъ думать о будущности козачества». «Моя мечта преображалась въ теорію, въ систему»... [1]) Уже въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, въ «Козацкихъ повѣстяхъ», Чайковскій излагаетъ опредѣленную литературную теорію, которой придерживался и впредь. Онъ принялъ тотъ взглядъ на польскую литературу, который былъ высказанъ незадолго до выхода «Козацкихъ повѣстей« Вацлавомъ изъ Олеска и другими поборниками народности въ литературѣ и который изложенъ нами выше. По словамъ Чайковскаго, польская литература до вѣка Станислава-Августа включительно не была литературою народною. Нѣмцевичъ направилъ польскую литературу на путь народности и указалъ молодымъ талантамъ, гдѣ надлежало искать сокровищъ для родной литературы. Послѣ того въ польской землѣ появились наконецъ, три могучіе мыслители, Мицкевичъ, Бродзинскій и Богданъ Залескій. Они обратились къ народнымъ преданіямъ и пѣснямъ, и за ними пошли Мальченскій, Гощинскій и др. Польша пріобрѣла народную литературу. Польская литература обязана своею народностью преданіямъ и пѣснямъ люда; они доставили ей мѣсто рядомъ съ литературами нѣмецкою, англійскою и итальянскою [2]). Имѣя въ виду такое значеніе народной поэзіи въ литературѣ, Чайковскій черпалъ матеріалъ для своихъ повѣстей изъ народныхъ

---

[1]) Ibid., VI—VII

[2]) Powieści kozackie, примѣч. 1-е къ пов. «Mogiła». Цитуемъ эти повѣсти по 1-му изданію (Wydanie A. Jełowickiego i spółki, Par. 1837).

преданій [1]), пѣсенъ [2]), поговорокъ [3]), народныхъ обычаевъ [4]), воспоминаній стариковъ [5]); сверхъ того онъ заимствовалъ нѣкоторыя подробности изъ разсказовъ дѣдовъ [6]), старинныхъ рукописей [7]) и записокъ очевидцевъ [8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Чайковскій пользовался печатною литературою о козачествѣ, между прочимъ статьями въ русскихъ журналахъ и сочиненіемъ Бантышъ-Каменскаго [9]).

Знакомство съ народными пѣснями и преданіями и изученіе исторіи козачества не предохранило Чайковскаго отъ измышленія небывалыхъ отношеній козачества къ полякамъ и одностороннаго представленія о козакахъ. Чайковскій воображалъ козачество постоянно братавшимся со шляхтою, совмѣстно сражавшимся съ нею и заботившимся о поддержаніи Речи Посполитой. Во времена Баторія король совѣтовался съ атаманомъ, «какъ братъ съ братомъ бесѣдовалъ, а Ляхи съ козаками пребывали въ такой любви, какъ будто выросли подъ одной крышей, питались грудью одной матери» [10]). Гетману Скалозубу, попавшему въ турецкую неволю, мерещились «военные клики и музыка по селамъ, бесѣды ляховъ съ козаками за столомъ, сватовство молодца къ красной ляпкѣ

---

[1]) Pow. koz., 26, 105.

[2]) Чайковскій ссылается на сборникъ Максимовича и Запорожскую Старину (Pow. koz. 326, 230; ср. Wernyh. IX).

[3]) Pow. koz., 286.

[4]) Колдовство цыганки описано по личному наблюденію и разсказамъ «starych ludzi i bab» (Pow. koz., 324).

[5]) См. въ Pow. koz., 49, ссылку на священника Павла Немолонскаго, который, сначала уніатъ, былъ въ 1774 г. священникомъ у запорожцевъ, а по разрушеніи Запорожья принялъ православіе и получилъ мѣсто въ с. Гальчинцѣ (вблизи Бердичева). «Była to kronika chodząca dziejów Kozackich, podań i pieśni ludu Ukraińskiego. Miał pamiętniki własną ręką pisane ogromnego szacunku — i xiążkę cerkiewnym charakterem wydrukowaną pod tytułem *Czorne More* — tam były wszelkie wyprawy Kozaków Zaporozkich i życia Atamanów Koszowych. Cnoty tego starca i wiadomoście zostały głęboko wyryty w méj pamięci». Этотъ-то Немоловскій будто бы благословилъ въ 1831 г. Чайковскаго и его козаковъ, когда они выходили изъ Гальчинца въ Коровницы для соединенія съ остальною шляхтою околицъ Бердичева (Wernyh., V). Въ Pow. koz. (стр. 193) находимъ еще слѣдующую ссылку на «Czorne More»: «Budowa czajek, żegluga Dnieprem i przerwanie łańcuchów tamujących wynijście na morze czarne, osnowałem podług podania znachodzącego się w Xiążce małorusskiéj pod tytułem: «*Czorne More*».

[6]) Pow. koz., 26.

[7]) Pow. koz., 194.

[8]) Wernyh., 258.

[9]) Pow. koz. 229.

[10]) Ibid., 16—17.

въ одномъ мѣстѣ и бракосочетаніе столбоваго шляхтича съ чернобровой украинкой въ другомъ; въ костелахъ и въ церквахъ совершаются литургіи попеременно; митрополитъ Кіевскій и архіерей Каневскій занимаютъ сенаторскія кресла рядомъ съ ляшскими епископами; король Сигизмундъ совѣщается о войсковыхъ дѣлахъ съ атаманомъ и гетманами польскимъ и литовскимъ; всюду возглашаютъ: Niech żyje Polska»!...[1]) При Конашевичѣ-Сагайдачномъ, котораго Чайковскій называетъ величайшимъ мужемъ козачества [2]) и имя котораго является лозунгомъ запорожцевъ [3]), «Польша была цѣла и велика, козачество достигло широкой славы, и къ прежнимъ связямъ побратимства съ ляхами прибавилась новая». Девизомъ Конашевича — иноки были слова: «будемъ молиться, держаться съ ляхами, убивать измѣнниковъ и бить враговъ нашей земли» [4]). Замыселъ и вѣроломство Хмельницкаго нанесли смертельные удары одновременно Польшѣ и козачеству [5]), но не разрушили ихъ связей. И во времена Хмельницкаго козацкій полковникъ (Богунъ) желаетъ породниться съ однимъ панскимъ семействомъ и говоритъ: «панове ляхи, мы желаемъ не ссориться съ вами, но жить по братски. Да здравствуютъ Польша и козачество!» [6]) «Разнузданное своеволіе привилегированныхъ пановъ и замыселъ нѣсколькихъ атамановъ не успѣли разорвать окончательно побратимство козаковъ съ Польшей; хотя оно на время расторгалось, но козачество возвращалось тотчасъ къ матери отчизнѣ подобно дочери, которая по наущенію обольстителя оставляетъ родительскій домъ, но вскорѣ приходитъ въ себя, сознаетъ заблужденіе и возвращается къ сердцамъ, всегда для нея открытымъ. Когда произошло раздѣленіе козачества, лѣвобережные козаки «насупили брови. При воспоминаніи о братьяхъ ляхахъ сердце обливалось болѣзненно кровью»...[7]) Даже въ моментъ гайдамацкаго возстанія 1768 г., запорожцы бросали въ воздухъ шапки и кричали: «Niech żyje Polska! niech żyją Lachy»!

---

[1]) Ibid., 222.

[2]) Ib., 143, 192. На стр. 126 Конашевичъ представленъ однако слишкомъ стремительнымъ человѣкомъ.

[3]) Wernyh., 230.

[4]) Pow. koz., 140—141.

[5]) Pow. koz., 74. Ср. Wernyh., 184: «Kiedyś pomiotą ludzie pamięcią *obłudnika* Atamana, ślady twierdzy zapłyną ziemią, zielem i murawą się pokryją, a dumkę o wolności marzyć i nucić będą najpóźniejsze wnuki Zaporozkiego plemienia».

[6]) Pow. koz., 71. [7]) Ib., 232—233.

Непривлекательными на нашъ взглядъ чертами обрисовывается козачество у Чайковскаго, какъ и у Е. Залескаго. «Нѣтъ на свѣтѣ преграды козацкой силѣ и мужеству» [1]). «Нѣтъ конца козацкимъ подвигамъ, какъ нѣтъ предѣла облакамъ; поле козацкихъ прогулокъ — весь свѣтъ» [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ козачество неугомонно: «кто разъ пенилъ изъ чаши военной славы, тому надо пить изъ нея постоянно, иначе онъ умеръ бы отъ тоски и кручины» [3]). «Вольный сынъ степи» [4]), при случаѣ не щадящій даже отцовской крови, тѣмъ болѣе не пощадитъ крови враговъ. Онъ любитъ войну ради нея самой и добычи [5]). Брызги днѣпровскихъ пороговъ нашептываютъ козаку: «крови! добычи!» [6]) и что-то адское слышится въ крикѣ козаковъ [7]). Въ мирное время казаки буйствуютъ, пьянствуютъ, занимаются амурными похожденіями, между прочимъ — и съ прекрасными ляшками. И тѣмъ не менѣе Чайковскій любитъ такое козачество подъ условіемъ, чтобы оно браталось со шляхтой и совмѣстно дралось. Понятно, что въ излюбленное имъ козачество могли войти и лисовчики [8]), которые также назывались въ свое время козаками.

Такое же козачество восхвалялъ и Падурра, котораго высоко ставилъ Чайковскій [9]) и котораго пѣсни были въ ходу у повстанцевъ 1831 г. [10]). Единомышленники Чайковскаго ставили его произведенія рядомъ со стихотвореніями Падурры [11]).

Чайковскаго сближаетъ съ Падуррою введеніе политической тенденціи въ литературныя произведенія, разукрашеніе отношеній историческаго козачества къ Польшѣ [12]), ненависть къ русскому государству и «москалямъ» [13]), постоянное настаиваніе на мысли, что и Польша и козачество были счастливы, пока пребывали въ союзѣ, и что единеніе ихъ необходимо для ихъ взаимной пользы, при чемъ козачество должно поддерживать старую Польшу [14]). Чайков-

---

[1]) Ib., 163. [2]) Ib., 242—243. [3]) Ib., 188.
[4]) Ib., 160, 223. [5]) Ib., 319—320. [6]) Ib., 159.
[7]) Ib., 241. [8]) Ib., 145. [9]) Ib., 47.
[10]) Wernyh., VI. [11]) Wernyh. IX.

[12]) Чайковскій доходилъ даже до того, что считалъ запорожцевъ поляками: «....Zaporożce nie byli czem innem tylko Polakami». Wernyh., 261.

[13]) Этою ненавистью пылаютъ излюбленные герои-козаки Чайковскаго, а также запорожское духовенство. Такъ, священникъ Чорба «zawsze radził starszyznie: wiążmy się z bracią Lachami, a kiedy nie można, to stokroć lepiej szukać opieki Sułtana, Hana krymskiego, jak Carów moskiewskich». Wernyh, 171.

[14]) Эту мысль постоянно высказываетъ Вернигора, — воплощеніе идей и надеждъ самого Чайковскаго. Вернигора любилъ козацкую свободу, но братался съ ляшскою шляхтою и говорилъ: «Nieraz ja mówiłem: Panowie

скій склонялся къ демагогіи подобно Падуррѣ: онъ не раздѣлялъ шляхетскихъ воззрѣній на родовитость [1]), не долюбливалъ шляхетскаго своеволія [2]), видѣлъ спасеніе Польши въ побратимствѣ шляхты и хлоповъ [3]).

Ясно изъ сказаннаго, что Чайковскій питалъ не украинскія, но козацкія симпатіи, или — правильнѣе сказать — козацко-польскія. Конечную цѣль союза козаковъ съ поляками Чайковскій полагалъ въ возстановленіи старой Польши съ устраненіемъ изъ нея анархіи [4]) и іезуитовъ, которыхъ онъ не любилъ также какъ и монаховъ вообще [5]), не отказываясь въ то же время отъ іезуитской политики [6]). Чайковскій оставался въ душѣ полякомъ. Онъ

Lachy i Panowie Molodce, kochajmy się, bośmy dzieci jednei matki» (стр. 27). «Daleki ten czas, ale przyjdzie kiedyś, że synowie i wnukowie naczych synow podadzą sobie bratnie dłonie, a silni jednością, silni zapałem, na wieki wieków wyprą z swoich ziem i moskiewskie i niemieckie zajazdy!» (стр. 220). На смертномъ одрѣ Вернигора пророчествовалъ, что полякамъ придется долго страдать подъ гнетомъ чужеземцевъ, возстаніе окончится неудачею, но наконецъ «Dniepr całkiem krwią się zfarbuje, potaszczy o porohy roztrącać trupy wrogowi a od Czarnego morza do Baltickiego, od Karpatów po Nizowe stepy, nie będzie ani Niemca ani Moskala na polskiej ziemi: i Polska będzie wielka, potężna po wiek, wieków!» (стр. 254). Тѣ же надежды высказаны отъ лица самого автора на стр. 134 и 184.

[1]) Pow. koz, 105: «Szlachta Polska.... spodziewam się niewezmie za satyrę przeciwko niéj wymierzoną, kilku słów o smiésznościach hérbów, genealogii i rodowltości».

[2]) Къ разсказу о панѣ Чесникѣ, что онъ имѣлъ обыкновеніе «schłostać łozami chłopa, zagrabić ostatni dobytek» и проч., находимъ слѣд. примѣчаніе: «Są to nieładne figle uprzywilejowanych Panów nietylko Polski ale całego świata. Nie leżą one w sercu Szlachty, ale snują początek z zastarzałego nałogu; wszystko się przeistacza, wiele złych rzeczy usunięto, a trzeba mieć nadzieję że uderzywszy się w piersi poprawimy się całkowicie». Pow. koz., 106.

[3]) Wernyh., 81: «po długich latach znajdą się ludzie, co chłopa i szlachcica zwiążą węzłem nierozerwanego pobratymstwa; poruszą do broni wszystkich synów polskiej ziemi. A wtenczas Polska będzie wielką, i możną jak jeszcze nigdy nie była».

[4]) Ibid., 45, 232.

[5]) Wernyh., 136, 152, 252; Pow. koz. 147, 267. Жида и іезуита Чайковскій ставилъ рядомъ (Pow. koz., 298).

[6]) Вернигора говоритъ своему питому (стр. 70): «Stara przypowiastka mówi: gdzie nie można przeskoczyć, tam trzeba przeleźć». У Б. Залескаго таже пословица влагается въ уста Мазепѣ (Dumka Mazepy). Въ другой разъ Вернигора помыслилъ: «bieda to, że człowiek co chce robić, nie zawsze powinien być poczciwym, nieskazitelnym; często należy mu stłumić głos serca, cnotę sumienia na ofiarę rzeczy której służy». И это говорилъ и думалъ тотъ человѣкъ, который былъ окруженъ особымъ ореоломъ (см. напр., 220: «Wernyhory oko

не скрывалъ утѣсненія панами крестьянъ [1]), зналъ, что «козацкій людъ не любитъ ярма», признавалъ украинскій народъ «гордымъ и богатырскимъ» [2]), но въ то же время усматривалъ главную причину возстаній украинцевъ противъ поляковъ лишь въ опасеніяхъ навязыванія католичества [3]) и въ подстрекательствахъ со стороны москалей и православнаго духовенства, которые были до крайности ненавистны польскому козакофилу [4]). Въ описаніи столкновенія 1768 г. Чайковскій становится вполнѣ на сторонѣ поляковъ [5]) и не щадитъ эпитетовъ, когда идетъ рѣчь о жестокостяхъ хлоповъ [6]).

До поздней старости Чайковскій бредилъ на яву [7]). Фантазія этого Донъ-Кихота козачества совершала удивительные скачки, когда заходила рѣчь объ его любимыхъ герояхъ [8]).

Мечты Чайковскаго были, казалось, близки къ осуществленію, когда во время восточной войны 1853—55 годовъ онъ сталъ благодаря султанскому фирману козацкимъ атаманомъ Чайкой, но вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что теперь не вѣкъ казацкаго рыцарства [9]). Мало по малу Чайковскій замѣтилъ наконецъ, что, въ то

---

zabłyszczało, twarz się rozjaśniła jakby na nią spadł odblask słonecznej korony»; стр. 253: «Nad jego głową wystrzeliła jasność podobna do korony błogosławionych nieba») и который сравнивается (стр. 57) съ пророкомъ Даниломъ!

[1]) Pow. koz., 147; Wernyh., 24; ср. ib. 3, 55.

[2]) Pow. koz., 73, 109.

[3]) Wernyh., I, 257.

[4]) Москалей Чайковскій изображаетъ грубыми, лживыми, вѣроломными, продажными, лишенными самолюбія и преклоняющимися лишь предъ силой: «Moskal od kolebky nauczony płaszczyć się przed siłą; wtenczas tylko hardy, kiedy ma do czynienia ze słabszym; obelgę zniesie z pokorą, a zdradą się zemści. Tak podły robak wtenczas z jadem się ciska na szlachetnego zwierza, kiedy ten śpi albo się go nie spodziewa». Православное духовенство изображено въ «Верныгорѣ» въ комическомъ или отвратительномъ видѣ.

[5]) Wernyh., 43: lednej matki dzieci, jednego Boga chwalą a obłuda i podstęp szalbierząc imieniem Boga, imieniem wolności, dłonie braci przeciw braciom uzbroiły, i w ich serca wlały napoi nienawiści i zemsty».

[6]) Wernyh., 40: «...miedzy ludem taka wrzawa, taki krzyk, jak między psami wypuszczonemi z psiarni przy odgłosie trąb myśliwskich i klaskaniu z harapów»; 55: «jak rozjuszeni wilcy, kiedy śród zimowej nocy dostaną w szpony ciało podróżnego» и. т. п.

[7]) См. напр., Wernyh. I, XIII—XIV.

[8]) Ibid., XIV: «...i kto wie, może Wernyhora mógł wieść ród od Macedończyków z Edessy» и. т. п.

[9]) Pisma Mich. Czajkowskiego, t. XII, Legendy, Lipsk 1885, str. 300: «...A był to czas jarmarkowy: pełno szlachty na ulicach, a gwarna rozmowa... Co tam gadać

время какъ іезуиты или цивилизація запада толкали шляхту польской Речи посполитой въ авангардъ противъ славянства и православія и эта шляхта мирилась съ такимъ назначеніемъ, Малая Русь со своимъ козацкимъ рыцарствомъ оставалась при славянствѣ, при православіи, при Бѣломъ Царѣ, Славянскомъ Божьемъ Помазанникѣ [1]). Уже въ годы молодости Чайковскій хорошо понялъ причину упадка Польши [2]), заключающуюся, между прочимъ, въ отсутствіи крѣпкой центральной власти. Подъ конецъ своей жизни онъ признаетъ, что русскій царь — христіанскій и славянскій государь, правду сказать — нашъ законный и единственный монархъ; онъ по совѣсти употребляетъ власть, данную ему отъ Бога, въ его государствѣ порядокъ, есть и право Божье и право царское, онъ правитъ и людъ у него управляется — но это не по вкусу ни панамъ шляхамъ, ни панамъ молодцамъ.... [3]) Такая перемѣна въ воззрѣніяхъ Чайковскаго столь же интересна и поучительна, какъ и переломъ въ убѣжденіяхъ бывшаго рьянаго украинскаго козакофила — г. Кулиша.

Въ то время, какъ за-границей одни изъ польско-украинскихъ поэтовъ проникались все болѣе и болѣе общими стремленіями и настроеніемъ польской эмиграціи, а Чайковскій доводилъ до крайнихъ предѣловъ польское козакофильство въ своихъ повѣстяхъ, польско-украинскіе писатели, пребывавшіе въ границахъ русскаго государства, вступили на путь, могшій принести къ болѣе прочнымъ результатамъ и къ большей трезвости въ силу объективности, къ которой направлялъ.

Теоретическія воззрѣнія этой группы писателей были отчетливо выражены М. Грабовскимъ, который пробовалъ свои силы также и на поприщѣ беллетристики, и въ своихъ повѣстяхъ изображалъ ближайшее *польское* прошлое Украины, — время Коліивщины, привлекшее вниманіе и нѣкоторыхъ другихъ польско-украинскихъ писателей.

Грабовскій не считалъ маловажною дѣятельность польско-украинской «школы». Изображаемую сю «козаччину» Грабовскій

---

o rycerstwie, o sławie o poświęceniu się; to czcze dymy, a dym ulatuje i nic po sobie nie zostawia»...

[1]) Leg., 64.

[2]) Wernyh, 237: Tak to bywa, kiedy są ludzie w narodzie, a nie masz człowieka: naród zmitrężeje się, zaprzepadnie i przeminie. Polska wielką i groźną była pod Batorym, po jego śmierci byli ludzie szabli, ludzie rozumu, ale nie było człowieka, któryby u steru stanął i nadał wszystkiemu kierunek.

[3]) Legendy, 281.

считать общественнымъ строемъ, въ которомъ пребывала Украина въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Этотъ строй сохранялъ постоянно черты дикости. Всѣ козаки начиная съ простыхъ и оканчивая гетманомъ отличались сельскими нравами, простотою и грубостью: то была козацкая *народность*. Козачество было новымъ видоизмѣненіемъ военнаго и наѣздническаго быта, какой господствовалъ нѣкогда въ полчищахъ Аттилы. И доселѣ украинцы удерживаютъ черты народности, завѣщанныя весьма отдаленнымъ временемъ и поэтичныя, потому что онѣ возникли у народа богатой фантазіи и глубокаго чувства [1]). «Когда дѣло идетъ о поэзіи,—искусствѣ, зависящемъ гораздо болѣе отъ фантазіи и чувства, нежели отъ критическаго разума, то эпохи, въ которыя господствуютъ фантазія и чувство, получаютъ особое значеніе», а слѣдовательно и народная поэзія, которая является «сокровищницею такихъ эпохъ и никогда не угасающимъ очагомъ ихъ жизни». Украинская народная поэзія занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду народныхъ литературъ всего міра [2]). Въ виду того Грабовскій одобрялъ, что цѣлая школа въ польской литературѣ черпала матеріалъ изъ украинской поэзіи, изъ духа роднаго и понятнаго всѣмъ славянскимъ племенамъ и, можетъ быть, наиболѣе изобилующаго готовою поэзіею и самыми свѣжими эпическими образами. Еще болѣе одобрялъ Грабовскій то, что *новѣйшіе* поэты этой школы приняли на себя изображеніе поэтичности и обычаевъ этого люда не отдаленныхъ, но современныхъ и тѣмъ не менѣе восходящихъ къ отдаленной древности. Поэты украинской школы подаютъ въ этомъ случаѣ руку дѣятелямъ великой работы, начатой во всей славянщинѣ, работы выясненія славянскихъ древностей, сокрытыхъ мглою [3]). Такъ заохочивалъ Грабовскій польскихъ поэтовъ къ вычерпыванію украинской поэтичности. Онъ думалъ, что Украина могла доставить весьма обильный поэтическій матеріалъ, что ея поэтичность не можетъ быть скоро истощена, что въ ней есть много сторонъ, не тронутыхъ и послѣ произведеній Залескаго, Мальчевскаго, Гощинскаго. — И такъ, Грабовскій расширялъ козачество въ бытъ всей массы

---

[1]) Liter i kryt., t. II, cz. 1, str. 53—57.

[2]) Lit. i kryt. t 1, cz. dr., 100. — Въ другихъ мѣстахъ того же этюда читаемъ: «poezya gminna ukraińska, jedno z najżywszych źródlisk poezyi całego świata...» (стр. 112); «spiéwy te, tak ważne dla historyi tego kraju, są niemniéj zajmujące, jako jedna z najważniejszych latorośli wielkiego szczepu poezyi gminnych» (стр. 33—34).

[3]) Ibid., t. II, cz. I, str. 57—58.

украинскаго народа и находилъ въ немъ интересъ для польской поэзіи не съ политической точки зрѣнія, а съ болѣе объективной-научной и эстетической, съ точки зрѣнія поэтичности вообще, утверждая, напр., что и «предразсудки нашего люда прекрасны, потому что они созданія нашей богатой славянской фантазіи» [1]). Грабовскій отчасти приближался такимъ образомъ къ воззрѣніямъ Ходаковскаго, какъ они выразились въ статьѣ 1818 г. и послѣдующихъ трудахъ этого энтузіаста народности. — Такое представленіе о козачествѣ и изображеніе его рѣзко отличалось отъ козакофильства Чайковскаго, и послѣдній отозвался о немъ не сочувственно [2]).

Мы не станемъ подробно останавливаться на произведеніяхъ польской поэзіи, воспроизводившихъ современный бытъ малороссовъ. Мы упомянемъ здѣсь лишь о произведеніяхъ Олизаровскаго и Крашевскаго. Олизаровскаго Грабовскій призналъ талантливымъ представителемъ польско-украинской школы, подвинувшимъ ее впередъ [3]) благодаря тому, что онъ искалъ поэтичности въ современной жизни и обратился къ изображенію современнаго украинскаго народа въ его различныхъ представителяхъ, къ воспроизведенію его духа, моральныхъ наклонностей и обычаевъ простыхъ,

---

[1]) Ibid., 98. На поэтичность малорусской народности указывали и позднѣйшіе польскіе писатели, напр. Спенцицкій, а равно украинскіе, какъ Н. Маркевичъ.

[2]) Legendy, 63. По поводу замѣчаній одной Варшавской газеты, что «cały repertoar teatralny maloruski składa się ze scen ludowych, czyli chłopskich, z karczmy, z szynku, z targu i z ulicy, jednem słowem z obyczajów i poczuć czerni» и что въ «w całej przeszłości kozaczej Małorusi czyli Rusi, niemasz innych tematów do sztuk dramatycznych, czyli jej utworów», Чайковскій говоритъ: «jest to dawno, systematycznie ułożone omowienie przez Michała Grabowskiego, Henryku Rzewuskiego i ich naśladowców, którzy nie przez gorący polonizm bo tego nigdy, ani w myśli, ani w czynie, nie żywili, ale przez przesadzony i źle zrozumiany katolicyzm. W swoich, wyznać trzeba, mistrzowskich pismach stroili to biedne kozactwo maloruskie, czyli ruskie, jako prawosławne, w dziegieć, w smołę, w sadło, w lój i rozmaite robactwo, a oblewali wódką, niedogonem i brahą, na wstręt, na poniewierkę. Ieden tylko Bohdan Zaleski w swoich dumkach o Lachu Serdecznym, o Kosińskim Hetmanie i innych, podniósł kozactwo maloruskie do prawdy historycznej, a otrząsał z chlewoty.... Zapomnieli o tem, że Ruś, ta kozaczyzna małoruska, miała Wiszniowieckich, Różyńskich, Ostrogskich, Zbarażskich, Koreckich, Sanguszków, Czartoryskich, Konaszewiczów, Wyhowskich i innych, którzy po połączeniu Polski z Litwą i Rusią, szablami swojemi wykuli sławę i potęgę wojenną Polski, a ładem litowskim potęgę państwową tejże Polski. Nie byli to ludzie karczmy i szynku, ale ludzie pańskich zamków i dworów, a nawet monarszych pałaców».

[3]) Lit. i kryt., t. II, cz. 1, str. 85.

по поэтическихъ. Дѣйствительно, у Олизаровскаго есть не мало мѣстнаго колорита, но съ другой стороны и у него весьма значителенъ элементъ фантастики и романтической эксцентричности. Ковакъ, по желанію владычицы его сердца, предпринимаетъ безуспѣшную погоню за тучей, чтобы добыть кусокъ этой тучи; вся утварь и всѣ части дома Руцины ведутъ между собою разговоръ въ предчувствіи бѣды, которая должна обрушиться на мужа Руцины и на нее самоё. Интересно также, что въ началѣ поэмы Олизаровскаго есть лирическое сѣтованіе объ угасаніи пѣсни и даннаго поэтическаго быта Украины. — Крашевскій возставалъ противъ украиноманіи въ польской поэзіи [1]), но, живя въ деревнѣ отъ 1810 до 1860 г., онъ присматривался къ народному житью на Волыни и Полѣсьѣ и прислушивался къ народнымъ разсказамъ. Въ результатѣ этого наблюденія и изученія явился рядъ повѣстей изъ народнаго быта [2]), авторъ которыхъ былъ свободенъ отъ прикрашиванія этого быта и выказалъ гуманное отношеніе къ крестьянству.

Оставляя въ сторонѣ другихъ менѣе значительныхъ польско-украинскихъ писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ, мы не будемъ также распространяться о позднѣйшей формаціи польскаго козакофильства и украинофильства, или т. наз. хлопоманіи. Совершенно справедливо замѣтилъ г. Пыпинъ [3]), что начала хлопоманіи относятся еще ко времени до 60-хъ годовъ, когда она рѣзко выступила въ Кіевѣ, а также во Львовѣ [4]). Хлопоманія возникала среди польской шляхты уже въ 30-хъ годахъ [5]). Затѣмъ это движеніе было усилено демократическими доктринами, выдвинувшимися во Франціи [6]). Оно отозвалось въ польской литературѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ рядомъ переводовъ произведеній Шевченка, изданіемъ

---

[1]) «Ukrainomania» — въ «Tygodnik petersburski» 1839.

[2]) Онѣ собраны въ изданіи: «J. I. Kraszewski, Wybór pism, oddział I. Powieści sielskie poprzedzone wstępem krytycznym Kaz. Kaszewskiego, Warsz. 1884». — О повѣстяхъ Крашевскаго, и равно Чайковскаго и Генр. Ржевускаго см. въ моногр. Хмѣлевскаго: «Nasi powieściopisarze, Krak. 1887». Перечень и краткую характеристику произведеній Крашевскаго, относящихся къ южной Руси, см. въ замѣткѣ, помѣщенной въ апр. кн. «Кіевской Старины» 1887.

[3]) В. Евр. 1886, № 3, ст.: «Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ».

[4]) О Свенцицкомъ, издававшемъ журналъ Siolo во Львовѣ, см. въ той же статьѣ.

[5]) Legendy 121. Еще ранѣе провозвѣстникомъ этого направленія былъ какъ бы Ходаковскій, ходившій въ народъ.

[6]) Czajkowski, Legendy, 135.

журнала «Sioło» и т. п., но не оказало существеннаго положительнаго вліянія на украинскую литературу, такъ какъ украинофилы не имѣли ничего общаго съ польскими патріотическими тенденціями хлопомановъ.

Мы прослѣдили исторію зарожденія польской романтики и одного изъ самыхъ видныхъ развѣтвленій ея — польско-украинской поэзіи, и теперь будетъ яснѣе воздѣйствіе польской романтики на развитіе украинской литературы.

Разсмотрѣніе этого воздѣйствія начнемъ съ выясненія вліянія Мицкевича.

Этотъ поэтъ создалъ въ польской литературѣ направленіе, во многомъ подобное тому, какое у насъ было основано Пушкинымъ. Во время пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ Мицкевичъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе тамошнихъ литераторовъ и образованныхъ кружковъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ [1] и встрѣтилъ сочувственные отзывы въ русской журналистикѣ. Тѣмъ не менѣе вліяніе его на общерусскую литературу было незначительно [2]). Гораздо значительнѣе сказалось оно въ украинской литературѣ [3]). Мицкевичъ почти вовсе не коснулся украинскихъ сюжетовъ [4]), но все-таки въ немъ нашлось не мало родственнаго украинскимъ поэтамъ, и они не только прямо переводили его произведенія, но и творчески вдохновлялись ими къ болѣе или менѣе оригинальнымъ произведеніямъ. Г. Петровъ почти не говоритъ объ этомъ послѣднемъ воздѣйствіи Мицкевича [5]), и мы попытаемся восполнить нѣсколько этотъ пробѣлъ, не имѣя притязанія въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, на полноту изслѣдованія, обязательную лишь для спеціалиста.

Мицкевичъ оказывался близкимъ украинскимъ поэтамъ между прочимъ потому, что почерпалъ сюжеты своихъ балладъ и романсовъ изъ народныхъ пѣсенъ и преданій. Уже у Мицкевича вид-

---

[1]) О взаимныхъ отношеніяхъ ихъ см. въ ст. г. Спасовича, помѣщенной въ «Вѣстн. Евр.» 1887, апр.: «Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Вел.»

[2]) Объ этомъ вліяніи см. въ ст. г. Полонскаго: «Mickiewicz w literaturze Rosyjskiej» въ газетѣ «Kraj» 1884, № 46.

[3]) См. въ той же газетѣ ст. Франка: «Adam Mickiewicz w rusińskiej literaturze». Замѣтку объ этой статьѣ можно прочесть въ дек. кн. «Кіевской Старины» 1886 г., гдѣ статья г. Франка раскритикована.

[4]) Исключеніе составляетъ «Czaty-ballada ukraińska».

[5]) Лишь на стр. 277—278 г. Петровъ приводитъ выдержку изъ Кулиша, свидѣтельствующую о такомъ воздѣйствіи.

нымъ дѣйствующимъ лицомъ одной изъ балладъ (Dudarz) является старецъ, играющій на лирѣ [1]).

Во 2-й балладѣ о «Тукаѣ», гдѣ умирающій старецъ входитъ въ договоръ съ дьяволомъ, Мицкевичъ впадаетъ въ легкій и даже забавный тонъ и «тѣмъ открываетъ, по замѣчанію г. Хмѣлёвскаго, новый способъ обработки народныхъ преданій» [2]). Такое же отношеніе къ этимъ преданіямъ находимъ и въ балладѣ «Pani Twardowska» [3]), и потому-то, вѣроятно, пришлась она по вкусу Гулаку-Артемовскому. Г. Франко справедливо замѣчаетъ, что баллада Гулака Артемовскаго — весьма свободная переработка; авторъ заботился о томъ, чтобы по возможности придать польской балладѣ украинскій колоритъ, оживить ее украинскимъ юморомъ, что удалось ему вполнѣ». Въ чемъ г. Петровъ усматриваетъ «нѣкотораго рода балагурство(?) и пародію, хотя послѣдняя и является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма», мы не понимаемъ.

Прямые слѣды воздѣйствія Мицкевича на А. Метлинскаго [4]) можно признать въ употребленіи Метлинскимъ звукоподражательныхъ словъ [5]). Въ балладѣ Мицкевича «Lilie» употреблены выраженія *traf*, *traf*, *skrzyp*, *skrzyp*, причемъ Мицкевичъ подражалъ Бюргеру [6]). У Метлинскаго эта особенность доводится иногда до

---

[1]) Въ балладахъ Шевченка подобная роль усвоенъ кобзарямъ. Въ общерусской литературѣ Шевченко не могъ найти подобный образецъ.

[2]) Chmielowski, Adam Mickiewicz, I, 244.

[3]) Г. Петровъ на стр. 67 вслѣдъ за Костомаровымъ ошибочно именуетъ балладу Мицкевича «Панъ Твардовскій».

[4]) Метлинскій перевелъ изъ Мицкевича всего одну пьесу: «Морякъ въ Венеціи» (Думки и пѣсни та шче де-шчо, стр. 155—157), которую помѣстилъ въ числѣ переводовъ съ польскаго, не поясняя, изъ какого автора она взята.

[5]) Затѣтимъ, впрочемъ, что одинъ изъ харьковскихъ профессоровъ, Гонорскій, за 24 года до выхода «Думокъ» Метлинскаго напечаталъ «опытъ» «О подражательной гармоніи слова» (Харьк. 1815). Затѣмъ Гонорскій помѣщалъ статьи о томъ же въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 и 1817 г.г.

[6]) Chmielowski, Ad. Mickiewicz, I, 242. Равнымъ образомъ и Одынецъ въ переводѣ «Охотника» Бюргера, напечатанный въ «Dziennik Wileński» 1822 г., ввелъ стихи:

I hop, hop, hop! rumak skory
Leci, hasa wsród trąb wrzawy.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ стиховъ Залескій, какъ самъ разсказалъ Одынцу, написалъ думку о Косинскомъ, которая начинается восклицаніемъ:

Hop, hop, cwałem koniu wrony!

«Но — hop» находимъ и въ «Zamek Kaniowski».

смѣннаго, какъ, напр., въ стихахъ:

И ручницй и лукъ — пукъ, пукъ, пукъ, пукъ!
И то ворогъ, то кнпь — гепъ, гупъ, гепъ, гупъ! [1]).

Въ значительной степени повліялъ Мицкевичъ на величайшаго изъ украинскихъ поэтовъ — Шевченка. Г. Петровъ говоритъ (стр. 303), что Шевченко «читалъ въ подлинникѣ Мицкевича», а въ другомъ мѣстѣ (стр. 366) онъ замѣчаетъ о неудачныхъ переводахъ Шевченка изъ Мицкевича: «во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ переводчика съ поэзіей Мицкевича, который могъ поэтому раздѣлить съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ извѣстную долю вліянія на украинскаго поэта». Точнѣе г. Петровъ не опредѣляетъ, въ чемъ Шевченко послѣдовалъ за Мицкевичемъ. Намъ кажется, что Шевченко рано ознакомился съ произведеніями Мицкевича. Вспомнимъ, что онъ изучилъ польскій языкъ уже во время пребыванія въ Варшавѣ, когда нашему поэту было 16 лѣтъ [2]). Чисто народная западно-русская фантастика балладъ Мицкевича могла сразу остановить вниманіе Шевченка, и аналогію этой фантастикѣ можно признать въ балладахъ Шевченка: «Прычынна», «Утоплена», «Русалка», «Лилея». Между тѣмъ, по мнѣнію анонимнаго критика и г. Петрова, повторяющаго его сужденіе, баллады Шевченка написаны «въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго». Далѣе, въ произведеніяхъ Мицкевича были фабулы, которыя могли въ особенности прійтись по сердцу поэту, вышедшему изъ крестьянства и испытавшему на собственномъ опытѣ тягости крѣпостнаго права. Въ балладѣ «Ryьka» изображена бѣдная сельская дѣвушка Крыся, обольщенная паномъ; она оставила дитя въ лѣсу, а сама утопилась и обратилась въ Свитезянку; потомъ она отомстила пану и его женѣ, и съ той поры уже не кормила своего дитяти, а рѣка вытекла. Въ «Dziady» Мицкевича въ образѣ упыря представленъ жестокій панъ, морившій голодомъ своихъ слугъ и велѣвшій въ сочельникъ вытолкать на морозъ бѣдную умиравшую крестьянку съ дитятею. Интересно здѣсь отношеніе Мицкевича къ панству. Вслѣдъ за Мицкевичемъ и Шевченко выступилъ противъ жестокосердія крѣпостниковъ [3]). Политическія стихотворенія Мицке-

---

[1]) Думки, стр. 92.

[2]) Чалый, Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, К. 1882, 20—21.

[3]) Передовые писатели и послѣ Мицкевича затрогивали иногда несправедливости, какія претерпѣвала крестьянка отъ произвола пана. Въ 1842 г.

вича также повліяли на Шевченка. Въ «Ustępie» Мицкевича слышенъ отголосокъ впечатлѣнія, произведеннаго на него огромнымъ Петербургомъ, который напоминалъ поэту Вавилонъ. Это стихотвореніе, а равно стихотвореніе «Petersburg» представляютъ сходство съ стихотвореніямъ Шевченка «Сонъ».

Для краткости ограничивая этимъ замѣчанія о значеніи поэзіи Мицкевича въ исторіи украинской литературы, переходимъ къ тѣмъ польскимъ поэтамъ, которые обращали читателей къ украинской старинѣ въ то время, какъ Мицкевичъ писалъ Гражину и Валленрода. Польско-украинская поэзія достигла въ свое время значительнаго распространенія. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ не было мѣстности въ Украинѣ, гдѣ бы кто-либо изъ польской шляхты или изъ обитателей польскихъ панскихъ дворовъ не писалъ пѣсенъ и думъ и не пускалъ ихъ въ обращеніе [1]). «Думки» Богдана Залескаго пользовались огромнымъ успѣхомъ и были распѣваемы

была написана, а въ началѣ 1843 г. явилась въ печати «Полѣсская повѣсть» Крашевскаго «Ulana», въ которой изложена весьма трогательная исторія молодой замужней крестьянки, увлеченной паномъ и полюбившей его со всѣмъ пыломъ дѣвственной души, предавшейся ему до самозабвенія и покинувшей ради него свою семью. Мужъ Уляны пытался отомстить пану поджогомъ, былъ схваченъ, судимъ и отравился въ тюрьмѣ. Вскорѣ послѣ того, по совѣту своего пріятеля, панъ женился на барышнѣ, а несчастная Улина повѣсилась. Эта повѣсть производитъ глубокое впечатлѣніе на читателя и внушаетъ презрѣніе къ черствости пана, для котораго любовь крестьянки была забавой. Въ этой повѣсти была разсказана дѣйствительная судьба одной несчастной деревенской красавицы. Самъ Крашевскій заявилъ въ позднѣйшемъ предисловіи къ этой повѣсти: «historya Ulany jest prawdziwą, i ów pasek nawet czerwony, który ją kończy. Bohaterem był pan B., młody człowiek, podobny do pana Tadeusza, którego historyę opowiadano mi głuchą nocą na noclegu wśród lasów poleskich». О томъ, что подобныя происшествія случались нерѣдко въ жизни, замѣтилъ по поводу «Уляны» и ксендзъ Холоневскій, находившійся въ перепискѣ съ Крашевскимъ. См. брошюру Józef Ignacy Kraszewski i ksiądz Stanisław Chołoniewski przez Dr. Antoniego I., Lwów, 1878, Przedruk z «Przewodnika naukowego i literackiego», стр. 37. Ясно, что обличительнымъ произведеніямъ Шевченка предшествовали подобныя произведенія въ польской литературѣ. Шевченко выступилъ лишь со всею силою свойственнаго ему мощнаго лиризма и производилъ поразительное впечатлѣніе, какъ поэтъ, глубоко чувствовавшій скорби украинскаго народа, человѣческія права котораго были попираемы. Изъ болѣе раннихъ польскихъ повѣстей, касавшихся сельскаго быта, отмѣтимъ повѣсть Ходзька «Poddany», помѣщенную въ альманахѣ Одынца *Melitele* 1829 г.

[1]) Grabowski, Liter. i kryt., I, cz. dr. 102 — 103.

благодаря ихъ ритмичности [1]). Стихотворенія Падурры были разносимы по шляхетскимъ дворамъ и проникали въ простой народъ [2]).

Спрашивается, насколько повліяли польско-украинскіе поэты на чисто украинскихъ поэтовъ?

Польскіе писатели приписываютъ весьма важное значеніе польско-украинскимъ поэтамъ, полагая, что эти поэты произвели умиротвореніе и скрѣпили духовную связь Польши съ Украиной [3]). Мы не можемъ согласиться съ такою оцѣнкою дѣятельности польско-украинскихъ поэтовъ. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ старались сблизить украинцевъ съ поляками, но задача, взятая ими на себя, была уже анахронизмомъ: они пытались оживить старую козаччину и фантастическимъ разукрашеніемъ ея воспламенить почитателей козаччины къ возстановленію Речи Посполитой. Самые видные изъ польско-украинскихъ поэтовъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и бойцами польской справы [4]). Понятно, что такая поэзія не

---

[1]) См. предисл. Рачинскаго къ изд. стихотвореній Залескаго въ 1841 г.

[2]) См. напр., Pyśma T. Padurry, Lw. 1874, str. XXIV, XLVIII. Ср. однако Lit. i Kryt., t. II, cz. 1, str. 86, гдѣ читаемъ, что собственно украинскій народъ вовсе не знаетъ стихотвореній Падурры. Потому надо думать, что преувеличилъ извѣстность Падурры Олизаровскій, вложившій слѣдующее упоминаніе о немъ въ уста козака Верныгоры:

Ta to cała Ukraina
Dziś dumkami brzmi Padurry,
Na podolskie już tam góry
Po pod same liżą chmury
Dumki nasze.

[3]) Dębicki написалъ въ «Czas» о Богданѣ Залескомъ: «Bohdan na dnieprowych porohach i kurhanach stepowych naznaczał granice. Obok Litwy najpoetyczniejszą stała się nam Ukraina, a ten czar, co nas tam wabi, to przeważnie zaklęci a bajanowéj lutni pod ręką Bohdana... Był to odwet duchowy za Chmielnickiego i hajdamaczyznę estetyczna aneksya, która zatwierdziła literacką i poetyczną integralność krainy, stepów i limanów. Bohdan Zaleski jest ryczerzem w tym sporze granicznym, poetycznym Mohortem na kresach. Może być pokonany przez poezyą małoruską, nigdy przez rosyjską». — Въ «Ateneum» 1886, № 5, говорится о Залескомъ: «Żeniąc nutę ukraińską z polskiem uczuciem, dokonał tego, czego rzeczywistość dziejowa dokonać nie zdołała.... Choćbyśmy wpływ poezyi najniżéj nawet ocenili, zawsze jeszcze - wierzmy - dosyć go pozostanie, by serca zwaśnione i rozjątrzone ułagodzić i spokojniejszemi natchnąć uczuciami».

[4]) Б. Залескій принималъ участіе въ возстаніи и эмиграціи 1831 г. и оплакалъ неудачу возстанія 1863 г. Стихотвореніе Падурры: «Ruchawka, pieśń kozacza» было распѣваемо польскими повстанцами на Украинѣ въ 1831 г. О

могла имѣть авторитета у южноруссовъ, замѣчавшихъ всю лживость польскихъ представленій о козачествѣ, помнившихъ уроки исторіи и дорожившихъ возсоединеніемъ Руси. Она не примиряла украинцевъ съ поляками, а лишь внушала польско-украинскимъ панамъ болѣе человѣчности въ отношеніи къ хлопамъ и доставляла нѣкоторый выходъ изъ труднаго положенія полякамъ, чувствовавшимъ себя пришельцами на землѣ чужой: она скрашивала прошлое фантастическими картинами и облекала поэтичностью козачество. Козачество стало модным въ польскихъ салонахъ и домахъ провинціальной шляхты [1]). Такъ польско-украинскіе поэты положили начало своеобразному явленію въ польскомъ обществѣ и создали группу личностей, представлявшихъ удивительную амальгаму шляхетскихъ тенденцій и любви къ той русской землѣ, въ которой эти люди родились. Вообще разсмотрѣніе произведеній польско-украинской «школы» можетъ объяснить многое въ новѣйшихъ отношеніяхъ поляковъ къ малороссамъ.

Но, умѣряя такъ польскую оцѣнку значенія украинской «школы» поэтовъ, невозможно съ другой стороны согласиться и со взглядами тѣхъ украинскихъ критиковъ, которые сводятъ къ совершенному минимуму дѣятельность этихъ поэтовъ, видятъ въ ней пустую панскую забаву [2]) и ограничиваютъ ея воздѣйствіе отрицательнымъ вліяніемъ [3]). Украинскимъ критикамъ и вождямъ украинскаго литературнаго движенія издавна и до послѣдняго времени не нравились произведенія польско-украинской школы вслѣдствіе невѣрности представленій ея о козачествѣ и задней мысли, проникающей

Чайковскомъ см. выше. Даже Мицкевичъ увлекся бредними о козачествѣ во время войны 1853 — 55 гг. и вѣрилъ въ осуществленіе этихъ бредней.

[1]) Grabowski, Lit. i kryt., t. II, cz. 1, str. 86 — 87: «nasza znamienita szkoła ukraińska stworzyła w publiczności pewną massę osób które w niéj wyłącznie sobie upodobają i zachwycają się stepami i kozakami. Powiadam że to ukraińska szkoła stworzyła tę publiczność, bo istotnie nigdy jéj przed rozpowszechnieniem dzieł Zaleskiego, Malczeskiego, Goszczyńskiego nie było».

[2]) Мнѣніе г. Кулиша. Нѣкоторые польскіе критики также относились пренебрежительно къ козакофильству и признавали его безцѣльнымъ.

[3]) Мнѣніе г. Франка («Зоря» 1886, № 8): «украиньска школа въ польской литературѣ по своимъ провôднымъ думкамъ була и осталась бôльше чужою украиньскому народови, нѣжь и пр. школа литовска. Литературный, посредный вплывъ еи на интелигенцію въ деякихъ зглядахъ бувъ значнѣйшій, але й то бôльш негативно, нѣжь позитивно: примѣръ поетôвъ польскихъ тои школы бôльше показувавъ на те, якъ не треба писати для украиньского народа, нѣжь якъ треба».

эти произведенія. Однако при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи самой украинской литературы романтическаго періода въ ней оказываются совпаденія съ польско-украинскою романтическою литературою, указывающія на родство той и другой, другими словами — на прямое — положительное — воздѣйствіе польско-украинской поэзіи на украинскую. Это сходство и соприкосновеніе украинской романтики съ польскою составляетъ одно изъ отличій романтической украинской литературы отъ общерусской [1]).

Мы видѣли, что польско-украинская школа была довольно численна и впервые у ея поэтовъ выступили *въ литературѣ* образы старцевъ-бандуристовъ; начался культъ могилъ [2]), скрывшихъ въ нѣдрахъ своихъ, по представленію того времени, героевъ козачества; впервые польско-украинскіе поэты одновременно съ Рылѣевымъ окружили вслѣдъ за народными пѣвцами прошлое Украины ореоломъ славы и вносили много чувства въ изображеніе его. Энтузіазмъ польско-украинскихъ поэтовъ и романтическое увлеченіе козацкою стариною не могли не передаться природнымъ украинцамъ — тѣмъ болѣе, что тѣ и другіе сближались въ любви къ народнымъ пѣснямъ, въ которыхъ сохранены, между прочимъ, живыя воспоминанія о козачествѣ. И украинскихъ поляковъ и украинцевъ почти въ равной мѣрѣ увлекалъ общій процессъ идеализаціи прошлаго Украины. Полная гибель стараго строя закрывала его недостатки, и, благодаря отдаленности, многое въ немъ, какъ то часто бываетъ, представлялось въ привлекательномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи, романтика польско-украинская и украинская напоминаетъ нѣмецкую. Чрезмѣрною экзальтаціею, доходившею иногда до слезливаго и болѣзненнаго отношенія къ старинѣ, погрѣшали въ особенности украинскіе поэты, между тѣмъ какъ польскіе козакофилы, не понимая вполнѣ задушевнѣйшихъ стремленій козачества, были

---

[1]) Въ этой послѣдней вовсе не находимъ слѣдовъ знакомства съ польско-украинскими поэтами въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

[2]) Винцентъ Поль въ рѣчи, произнесенной во Львовѣ 12 октября 1863 г., опредѣляя «te żywioły, które naród pracą ducha i bez przykładnych poświęceń z siebie wydobył» въ литературѣ XIX в., сказалъ: «Czwartym żywiołem literatury polskiej XIX wieku jest łaska grobów. W natchnieniu poetycznem sformułował Seweryn Goszczyński to pojęcie i od owego to czasu staje się łaska grobów pojęciem utartym dla tych, co żyli w sferach ducha polskiego.... Jest to ukochanie przeszłości tak wielkie, że na zaklęcie tej miłości muszą powstać żywo z grobów postacie umarłych i przemówić żywem słowem i żywym czynem do umarłych w duchu». Biblioteka Ossolińskich, poczet nowy, t. VII, Lwów 1865, str. 382.

не прочь представлять козаковъ по одному шаблону-людьми, любившими лишь разгуливать по степямъ и по морю, жечь, рубить, грабить, а въ мирное время выпивать и думать о прекрасныхъ ляпкахъ [1]).

Въ первыхъ романтическихъ пѣсняхъ объ украинской старинѣ, явившихся на русскомъ языкѣ, именно въ «Украинскихъ мелодіяхъ» И. Маркевича [2]), еще не замѣтно прямаго польскаго вліянія и слѣдовъ знакомства съ польско-украинскими поэтами [3]). Форма ду-

---

[1]) Въ стихотвореніи Падурры «Козакъ» (напечатано на стр. 41—47 послѣдняго Львовскаго изданія, а въ первоначальной редакціи на стр. 347—350) находимъ характеристику отваги и удальства, не совсѣмъ лестную для козаковъ. Такъ, на стр. 348 читаемъ:

Joho śloza në spëniaje,
Win në lubyt lestnych słow;
Szczo tam w nebi.... te në znaje,
A na zëmli znaje — krow.
Sam, jak dykyj syn pryrody,
De pokaże mstywy twar,
Krasiat zëmlu, krasiat wody
Krowi riczki i pożar.

Заключается это стихотвореніе прославленіемъ украинской дівчины и ея чудной пѣсни:

O! szczasływyj chto zrodywsia
Na pustyni kozakom,
Najszczasływszyj chto wlubyw sia
W diwczynońci nad Dniprom!

И это стихотвореніе — еще одно изъ самыхъ удачныхъ по легкости стиха и сравнительно небольшому количеству погрѣшностей въ языкѣ. Оно проникло даже въ восточную Галичину, гдѣ и теперь распѣваетъ его молодежь (str. X). — О козакахъ у Б. Залескаго см. въ цит. ст. г. Филевича стр. 39—40. О характерѣ козаковъ у Чайковскаго см. выше.

[2]) Разрѣшеніе цензора помѣчено 27 іюня 1830 г. Ранѣе нѣкоторыя изъ мелодій были напечатаны въ журналахъ.

[3]) Изъ польскихъ поэтовъ Маркевичъ упоминаетъ объ одномъ — Мицкевичѣ (см. стр. 123 «Украинскихъ Мелодій»). Авторъ «Укр. Мел.» возымѣлъ «первую мысль приложить слова Русскія къ прелестной музыкѣ пѣсенъ Малороссійскихъ» подъ вліяніемъ Ирландскихъ и Еврейскихъ мелодій Томаса Мура и лорда Байрона (предисл. I), которыхъ онъ переводилъ ранѣе. Затѣмъ мысль эту довели до вполнѣ ясной выработки: Утопленникъ, Ал. Пушкина; Дзиды, Мицкевича; Erlkonig и. Fischer, Гёте; Свѣтлана, Жуковскаго; Иллирическія пѣсни, Ипполита Мигдановича» (стр. IV). *). Матеріалъ для

---

*) Эту послѣднюю ссылку г. Петровъ опустилъ на стр. 126.

мокъ, въ которую отливаются нѣкоторыя историческія воспоминанія у Маркевича[1]), могла быть заимствована имъ у Рылѣева.

описанія «преданій, обычаевъ, обрядовъ, историческихъ произшествій, повѣрій и красотъ видовъ Малороссіи въ мелкихъ отрывочныхъ пьесахъ» доставило автору непосредственное знакомство съ Украиной и ея народомъ: «любя невинныя занятія нашихъ украинскихъ поселянъ, говоритъ Маркевичъ (стр. 125), я часто слушаю черезъ рѣку ихъ пѣсни, а иногда и раздѣляю ихъ увеселенія incognito; такимъ-то образомъ успѣлъ узнать я обычаи, сельскій бытъ, преданія и повѣрья малороссійскія; тамъ я выучилъ и напѣвы, столь стройные, столь необыкновенно мелодическіе». «Малороссійскую пѣсню, и сто, а можетъ быть и болѣе, напѣвовъ народныхъ» Маркевичъ обѣщалъ приложить къ 4-й книгѣ Мелодій. Маркевичъ ссылается еще на малор. пѣсни, изд. Максимовичемъ въ 1827 г., на «Русалку» Байскаго, помѣщенную въ альманахѣ «Поденѣжникъ» 1829 г., на И. П. Котляревскаго, Подолинскаго. Изъ историческихъ пособій цитуются: псевдо-Конисскій, Шереръ (Annales de la Pet. Rus.), бантышъ-Каменскій. Нѣкоторыя мѣста Мелодій составляютъ буквальное переложеніе народныхъ пѣсенъ (см. стр. 118—119). Усматривается нѣкоторое вліяніе Пушкина и Рылѣева (см. XXVII и 119—120). Въ Мелодіяхъ Маркевича мы находимъ элегическія воспоминанія о козачествѣ въ родѣ слѣдующихъ:

Въ Украйнѣ святой Войнаровскій рожденъ,
Украйной Палій, Наливайко вскормленъ....
Тамъ Гетьманы съ козаками
Издѣвались надъ врагами,
Грабили Стамбулъ.
Кто козаковъ не боялся?...
Не уже-ли намъ остался
Только славы гулъ! — (стр. 40).

Стихотв. «Гетьманство» начинается строфою (стр. 41):

Булава, бунчуки
Не воскреснутъ для насъ!
Лишь поютъ старики,
Какъ Хмельницкій погасъ:
Ужъ не будетъ, не будетъ въ Украйнѣ Гетьмана!
По лѣсамъ бунчуковъ, на конѣ, съ булавой,
Не скакать ужъ ему предъ козачей толпой:
Схоронили Украйну мы въ гробѣ Богдана! *И т. п.*

Шевченко въ стихотвореніи И. Маркевичу назвалъ этого поэта «бандурыстомъ, орломъ сизымъ», и такимъ образомъ Маркевичъ, надѣявшійся «получить одобреніе за цѣль свою отъ своихъ соотечественниковъ» (стр. 137), достигъ того.

[1]) Таковы стихотв. «Осдоръ Богданъ» и «Мѣдный Быкъ». — Маркевичъ намѣревался современемъ «написать еще нѣсколько мелодій въ честь нашихъ героевъ, прославить праотцовъ и мѣста ихъ присутствіемъ освященныя» (стр. 137).

Вліяніе польско-украинской школы на ряду съ «Украинскими мелодіями» Маркевича[1]) сказалось замѣтно, по нашему мнѣнію, впервые въ стихотвореніяхъ Амвросія Л. Метлинскаго, представлявшихъ весьма замѣтное явленіе въ свое время и бывшихъ видимымъ продуктомъ украинской романтики до выхода въ свѣтъ стихотвореній Шевченка. Г. Петровъ, давъ характеристику взглядовъ и поэтическихъ произведеній Метлинскаго, упомянулъ о заимствованіи изъ народной поэзіи темъ нѣкоторыхъ стихотвореній его и о переводахъ изъ польскихъ поэтовъ, но не сказалъ ни слова о литературныхъ образцахъ и направленіяхъ, къ которымъ примыкалъ Метлинскій, и не упомянулъ даже о томъ русскомъ стихотвореніи, съ которымъ можетъ быть сближаемъ «Старець» Метлинскаго. Мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ поэтѣ, потому что произведенія его могутъ прекрасно охарактеризовать украинскую романтику и отношеніе ея къ польской. Мы увидимъ, что Метлинскій приближался къ польскимъ романтикамъ украинской школы въ общемъ элегическомъ созерцаніи Украины, но вмѣстѣ съ тѣмъ трезво признавалъ новыя условія жизни Украины и воодушевлялся общерусскимъ патріотизмомъ, подобно Максимовичу и другимъ писателямъ, сведеннымъ г. Петровымъ въ группу націоналистовъ. Онъ пришелъ безъ блужданій къ тому же, къ чему въ наше время пришли послѣ многихъ лѣтъ шатаній Кулишъ и Чайковскій.

Мы упоминали уже о томъ, что Бродзинскій, Мицкевичъ, Мальчевскій, Залескій, Гроза указывали на степи, могилы и на старую славу, сокрытую въ нихъ. Въ сборникѣ пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ въ 1834 г., была уже напечатана пѣсня, начинающаяся стихами о могилѣ, составляющей характерную особенность украинскаго ландшафта[2]), но до 1839 г. въ украинской литературѣ еще не прорывалось грустное созерцаніе степей и могилъ Украины въ такой мѣрѣ, въ какой находимъ его у Метлинскаго[3]). Въ думкѣ Метлинскаго «Степь» отецъ плачетъ при видѣ

---

[1]) Ср., напр., стихотв. Метлинскаго «Кладовище» съ стихотв. Маркевича «Платки на козачьихъ крестахъ».

[2]) Извѣстная пѣсня: «Ой въ полі могила» и пр. Изъ нея взятъ Метлинскимъ эпиграфъ къ его «Думкамъ и пѣснямъ», и сверхъ того она упоминается еще у него на стр. 70. Мы видѣли, что начальные стихи ея повторилъ и Рылѣевъ въ одномъ изъ своихъ произведеній.

[3]) Ранѣе вовсе не упоминались могилы. Такъ, въ статьѣ о Хмельницкомъ, которою открывается Украинскій Вѣстникъ, просто говорилось: «Поля, на которыхъ подвизались древніе обитатели сихъ мѣстъ, суть нѣмые свидѣтели ихъ побѣдъ и обилія» (стр. 10).

могилъ, возлѣ которыхъ выли волки, и вспоминаетъ такъ о прошломъ Украины:

Колись, мій сынку, мы тіи могилы
Трупомъ та трупомъ начиняли;
Колись, мій сынку, мы въ тіи могилы
Злыхъ ворогивъ, було, спати клали....

И нѣкоторыя другія «думки» Метлинскаго навѣяны стихотвореніями польско-украинскихъ поэтовъ, хотя Метлинскій не напечаталъ ни одного перевода изъ нихъ, между тѣмъ какъ перевелъ по одному стихотворенію изъ другихъ польскихъ романтиковъ. Нѣкоторыя изъ стихотвореній Метлинскаго напоминаютъ произведенія Б. Залескаго [1]), но въ особенности близокъ Могила къ Падуррѣ.

Совпаденія въ поэзіи того и другого могутъ быть объясняемы непосредственнымъ знакомствомъ Метлинскаго съ произведеніями Падурры. Эти послѣднія обращались въ рукописяхъ на Волыни, Подольѣ и въ Украинѣ уже съ 1824 г., въ особенности — стихотвореніе «Козакъ», написанное въ Кременцѣ въ 1825 г. Самъ Падурра распространилъ свои пѣсни по малорусскимъ землямъ, странствуя въ одеждѣ кобзаря. Напечатана была прежде всего украинка «Złota Broda», помѣщенная въ «Dziennik Warszawski» 1829 г., а затѣмъ все чаще и чаще являлись въ польской литературѣ и произведенія Падурры, и упоминанія о нихъ. Нѣкоторые изъ читателей и слушателей готовы были считать произведенія Падурры чисто народными стихотвореніями [2]). Ихъ цѣнили и въ Галичинѣ и въ Украинѣ [3]).

Исходнымъ пунктомъ вдохновенія Метлинскаго были какъ бы скорбныя пѣсни бандуристовъ. Мы видѣли, съ какимъ почтеніемъ говоритъ о старыхъ кобзаряхъ — своихъ первыхъ наставникахъ въ

---

[1]) Б. Залескій передаетъ въ одномъ стихотвореніи воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, проведенномъ на Украинѣ, среди пѣсенъ; у Метлинскаго находимъ подобное воспоминаніе въ прозаической статьѣ «Бабусенька».

[2]) Личность его могли считать миѳомъ: Zathey, 10—11.

[3]) Вагилевичъ писалъ: «Т. Падурра знакомитый поэта. Поэзіи его выйшли подъ написомъ Украинки (Варш. 1844). Суть то очаровательны воспоминанья изъ старого быту Украины, съ гомономъ всѣхъ чутій молодецтва и дѣвоцтва; досыть будетъ набыляти: Вѣсляръ и Гандзя зъ Самарды». Р. библ. III, 151. Срезневскій предполагалъ помѣстить въ своемъ Украинскомъ Сборникѣ, между прочимъ, избранныя стихотворенія Падурры.

поэтическомъ искусствѣ — Залескій [1]) и Падурра [2]). Первое изъ стихотвореній Могилы, озаглавленное «Бандура» и посвященное Іереміи Галцѣ (Костомарову), заключаетъ воспоминаніе о «старомъ козакѣ-спѣвакѣ», грустныя и мрачныя пѣсни котораго «про гетьмана, чи про гайдамаку» подъ аккомпаниманъ бандуры обладали удивительною силою, внушали жалость «дитинѣ и бурлаку», вызывали слезы и нытье въ сердцѣ; заканчивается стихотвореніе припѣвомъ:

Де-жъ ты дѣвався, та старый спѣваче?
Ой, заспѣвай намъ про житьтя козаче!

И у Метлинскаго преобладающій тонъ поэзіи — тоска по козацкой старинѣ, при чемъ его пѣсня особенно грустна. Украина Могилы внушаетъ скорбь, подобно Украинѣ Мальченскаго, который заключилъ свою поэму словами:

I pusto, smutno, tęskno — w bujnej Ukrainie [3]).

И у Метлинскаго вѣтеръ, проносящійся со свистомъ по украинскимъ степямъ,

Плаче, оплакуе козакивъ — своихъ бративъ!...
Кости по степахъ въ пискахъ ховае,
Пѣсню поминальную спѣвае ... [4])
Одже-й не весело, якъ-то й не шумно....
Слухайте, братцы, якъ тихо и сумно [5]).

Особенно много грустныхъ воспоминаній сопряжено съ Кіевомъ и Днѣпромъ:

У Кіевѣ всёму, всёму зачало:
Та и старый, старый же вивъ козакъ!
Того инче-й не було, те пидростало, —
Давно, давно вже Кіевъ панувавъ:
Ёго церкви ажъ хмары зачипали,

---

[1]) См. выше о знахарѣ Наумѣ, котораго Залескій изображаетъ такъ:

Na mogile bielusieńki dziad stoi samiutki —
A jak wiatry mszystym dębem, szamocą nim smutki.

[2]) У Маркевича также есть стихотвореніе «Бандуристъ».

[3]) 1-я пѣснь Маріи также оканчивается стихомъ:

I pusto, smutno, tęskno, jak gdy szczęście minie.

[4]) Стр. 89 «Думокъ и пѣсенъ».

[5]) Стр. 93.

И шапку хочъ бы хто ёму здійманъ, —
Такъ далѣ славы вже ёму не стало!
Та на Днѣпрѣ-жъ таки була и Сѣчъ....
Такъ зпоминать не дуже-бъ-то пристало [1]).

Поэту чудились люди далекаго прошлаго, которые не сочувствуютъ настоящему. Онъ выводитъ козаковъ изъ могилъ на кладбищѣ въ «великодную» (пасхальную) ночь, и дивятся они онѣмеченію края и отреченію своихъ потомковъ отъ старинной чуприны, которою «колись зъ Украины нечисть змітали, тільки ничо изъ головою ін віддавали» [2]). Въ думкѣ «Гетьманъ» изображенъ гетманъ, стоящій высоко на замкѣ въ темную ночь, когда мѣсяцъ скрылся за тучи, падалъ дождь и Днѣпръ шумѣлъ:

Вінъ голову сиву схиливъ якъ былину,
И пилно орломъ позиравъ на Вкраину!

Напрасно онъ прислушивался: было тихо *отъ моря до моря* [3]).

Чи орелъ безъ крылъ, безъ перъ?
Чи козакъ и кінь умеръ?

спрашиваетъ себя гетманъ.

Прислухався, глянувъ ще разъ на Вкраину,
Схилився якъ былина и самъ въ домовину....

Потомъ гетманъ уже не выходилъ изъ могилы, и слезы его не капали въ рѣченьку; только «Днѣпръ гомонѣвъ якъ гетьманъ» [4]).

О старинѣ напоминали поэту и «гострый синсъ», который уже «не сне», и чарка, уцѣлѣвшая отъ козацкаго времени. Поэтъ присматривался къ этимъ остаткамъ старины, разспрашивалъ о ней и хотѣлъ

.....на бандурѣ розіграться,
Въ старинѣ-бувалщинѣ покохаться.

---

[1]) Ср. слова Чайковскаго о Кіевѣ, которыя будутъ приведены въ слѣдующей главѣ.

[2]) Ср. Вернигору Чайковскаго.

[3]) Ср. извѣстное польское выраженіе о томъ, что Рѣчь Посполитая простиралась отъ «morza do morza».

[4]) Ср. прологъ къ поэмѣ Гребенки «Богданъ» (сочин. Е. П. Гребенки, т. V, Спб. 1862, стр. 14 и слѣд.), гдѣ также тѣни гетмановъ говорятъ надъ Днѣпромъ.

Но при такой любви къ старинѣ у Метлинскаго уже не было вѣры въ возрожденіе стараго козачества, которая вдохновляла Падурру (до возстанія 1831 г.) и Чайковскаго: у Метлинскаго историческое пониманіе и пониманіе современности было шире, чѣмъ у польскихъ козакофиловъ. Онъ хорошо зналъ, что̀ претерпѣла Украина отъ ляховъ, и то, что навсегда миновали прежнія времена:

Намъ, братця, намъ, братця, вже намъ не ходити
Та до панивъ, до панивъ-тыхъ великихъ у гости [1]).

Старый гетманъ недаромъ не выходилъ изъ могилы: окинувъ взоромъ пространство отъ моря до моря, онъ сказалъ:

Вже край втихомирився....
Все, чую, вже тихо одъ моря до моря..... [2])

Предъ козаками явилась отличная отъ прежней, новая задача — служба царю [3]), отыскиваніе славы въ губленіи враговъ русскаго царства.

Царство Бѣлого Царя широко розлеглося,
Одъ восходу до заходу сонця простяглося:
Е тамъ чимало мѣсця для силы,
Мѣсця чимало и для могилы (*разумѣется* — вражьей).... [4])

Принимая новыя условія жизни ю. Руси, Метлинскій сравнивалъ «самотнихъ спѣвцовъ», т. е. пѣвцовъ, пребывающихъ въ обособленіи, удалившихся изъ общаго отечества [5]), съ одинокимъ вязомъ, выросшимъ на камнѣ среди моря, и съ рыбалкою, помѣстившею своихъ дѣточекъ на этомъ вязѣ: буря расшатываетъ камень, и вязъ опускается вмѣстѣ съ нимъ на дно; не находящая пристанища и утомленная рыбалочка также погружается въ воду и не возвращается оттуда:

Хай же я вамъ нагадаю [6]),
Гей, вы самотни спѣвци!

---

[1]) Стр. 42. [2]) Стр. 82. [3]) Стр. 43. [4]) Стр. 101.

[5]) По мнѣнію г. Петрова, это стихотвореніе обращено къ поэтамъ отдѣльныхъ отъ Россіи славянскихъ народностей (стр. 133); но изъ всѣхъ подробностей стихотворенія, въ которомъ рѣчь идетъ о русскомъ царствѣ, о вѣрѣ этого царства, явствуетъ, что имѣются въ виду лишь поэты русскаго царства, удалившіеся на чужбину буквально или въ переносномъ смыслѣ. Не разумѣлъ ли авторъ въ данномъ случаѣ польскихъ поэтовъ-эмигрантовъ?

[6]) Г. Петровъ опускаетъ этотъ стихъ и приводитъ лишь три слѣдующіе, вслѣдствіе чего смыслъ не совсѣмъ ясенъ.

Шчо нікчемніи для краю
Всѣ самотніи пѣсні!...
Е въ насъ Вѣра, Царь и Мова,
И чимало насъ Словенъ,
Все свое въ насъ.... ну, чого вамъ
Шче шукати въ бусурменъ?

Поэтъ приглашаетъ пѣвцовъ возвратиться, чтобы громче была пѣсня:

Край не малый въ насъ, великій въ насъ Царь:
Шчобъ була-жъ и пѣсня голосная!

Пусть пѣвцы составятъ крѣпкій оплотъ, уйдутъ корнями въ родную землю, какъ лѣсъ, какъ стѣна изъ скалъ, и тогда русская пѣсня заглушитъ чужую ложь, и оплотъ изъ пѣвцовъ не пропуститъ въ нашъ край «нечисти», раждающейся въ чужой землѣ.

Такъ Метлинскій, при страстной любви къ Украинѣ, оставался вѣренъ и общерусскому патріотизму и былъ свободенъ отъ увлеченія польскими бреднями и отъ вражды къ русскому государству, которою дышали нѣкоторые изъ польско-украинскихъ писателей. Безъ малѣйшей злобы и лишь съ грустью опасался онъ за судьбу «дѣдивськой мовы», которой уже «не чувати въ паньськихъ хоромахъ» [1]). Интересно въ этомъ отношеніи, что собраніе оригинальныхъ стихотвореній Метлинскаго, открывающееся воспоминаніемъ о старомъ бандуристѣ, заканчивается описаніемъ смерти стараго козака-бандуриста въ волнахъ Днѣпра во время бури. Передъ смертью бандуристъ, сознавшій, что настали иныя времена, поетъ:

«Грім̃ъ напусти на насъ Боже̇, знали насъ въ пожарѣ:
Бо и въ менѣ, и въ бандурѣ вже гласъ замірає!
Вже не гремѣтиме, вже не горѣтиме якъ въ хмарѣ
Пѣсня въ народѣ, бо вже пана мова копає!»

Въ концѣ однако бандуристъ выразилъ такую надежду:

«Може и пѣсня зъ вѣтромъ ходитиме,
Дійде до сердця, сердце палитиме;
Може й бандуру шче хто учує,
Й сердце заные и затоскує....

---

[1]) Ср. сѣтованіе Олизаровскаго, о которомъ выше.

И бандуру и мене,
Козаченько зномьяне».

Стихотвореніе это должно быть признано знаменательнымъ. Скорбная поэзія бандуристовъ, дѣйствительно, должна была вскорѣ навсегда замолкнуть въ украинской литературѣ, прозвучавъ въ послѣдній разъ въ чудныхъ пѣсняхъ Шевченка. Метлинскій и Шевченко исчерпали всю романтику украинскихъ бандуристовъ. Съ другой стороны историкъ украинской литературы долженъ «вспоминать» А. Метлинскаго и отвести ему видное мѣсто, какъ поэту-бандуристу, прямому предшественнику Шевченка. Г. Петровъ говоритъ лишь въ общихъ выраженіяхъ объ этомъ значеніи А. Метлинскаго въ исторіи украинской литературы, замѣчая, что Метлинскій «былъ въ нѣкоторомъ родѣ предтечею» Шевченка и «однимъ изъ первыхъ представителей украинскаго славянофильства». Г. Петровъ касается «народнаго украинскаго элемента» стихотвореній Метлинскаго, но обращаетъ при этомъ вниманіе преимущественно на содержаніе ихъ и не отмѣчаетъ близости пѣсенъ М. къ пѣснямъ кобзарей даже въ стилистическомъ отношеніи. Далѣе, Метлинскій намѣтилъ какъ бы и другой путь, по которому направился Шевченко — въ нѣкоторыхъ изъ стихотвореній онъ подошелъ въ балладной формѣ къ изображенію современнаго народнаго быта въ тонѣ Квитки, которому посвятилъ одну пьесу, и современныхъ стремленій украинской народности. Шевченко попытался затѣмъ глубже вникнуть въ исторію, современное положеніе, идеалы и стремленія народа [1]). Что до «славянофильства» Метлинскаго, то его нельзя считать «украинскимъ», потому что оно не шло далѣе оффиціальной программы, начертанной правительствомъ, и отличалось отъ чисто украинскаго славянофильства, о которомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Мы проанализировали романтическую идеализацію украинской старины у Метлинскаго и отношеніе ея къ польско-украинской романтикѣ и полагаемъ, что этого очерка достаточно для того,

---

[1]) Г. Петровъ (стр. 362), говоря объ отношеніи Шевченка къ предшествовавшимъ украинскимъ поэтамъ, не касается соприкосновенія стихотвореній Шевченка съ поэзіей Метлинскаго, между тѣмъ какъ связь эта несомнѣнна и обнаруживается даже повтореніемъ у Шевченка выраженій, употребленныхъ Метлинскимъ. См., напр., Думки Могилы, стр. 47 и стихотв. Шевченка «Бувае, въ неволи» . . .

чтобы видѣть весь интересъ, какой могутъ представить подобныя разысканія. Сколь ни важна дальнѣйшая исторія этого процесса идеализаціи по воздѣйствію его на украинскую литературу, мы не станемъ вдаваться въ нее. Мы замѣтимъ только, что этотъ процессъ не окончился съ водвореніемъ вновь реализма въ украинской литературѣ. Долго еще слышались отголоски романтическаго возвеличенія украинской старины: по мнѣнію «украинца», еще въ «Основѣ» происходило оплакиваніе малорусской старины, которую такъ часто вспоминалъ Шевченко [1]). Прошлое Украины и ея поэзія давали богатую пищу романтическому настроенію.

Такимъ образомъ, украинскіе романтики имѣли возможность достигнуть сразу значительной оригинальности, черпая матеріалъ изъ своего народнаго прошлаго. Въ этомъ состояло отличіе украинской романтики отъ той, которая господствовала въ общерусской литературѣ. Г. Петровъ въ общемъ очеркѣ украинской романтики (стр. 126—128) не выдвинулъ указаннаго отличія на подобающее мѣсто, какъ не выдѣлилъ опредѣленно и воздѣйствія украинско-польской романтики на украинскую. Обращеніемъ къ весьма тщательному изученію старины преимущественно по памятникамъ народнаго творчества и постояннымъ воспроизведеніемъ мотивовъ послѣдняго украинскаго романтика сближается съ польско-украинскою школою.

Мы видѣли, что малорусскіе романтики обращались къ украинской старинѣ, народной поэзіи и быту одновременно съ поляками и иногда *вслѣдъ* за ними. Литературы южнорусская и польская шли параллельно въ этомъ направленіи и не перестаютъ доселѣ соприкасаться въ воспроизведеніи народнаго быта. Наблюденіе этого параллелизма и взаимодѣйствій можетъ доставить много интерес-

---

[1]) И теперь еще находятся отдѣльныя личности, мечтающія о козачинѣ (см., напр., стихотвор. «Пана надія» въ галицкомъ журналѣ «Правда» 1867, № 2), но элементы романтической идеализаціи теперь уже отжили свой вѣкъ, о чемъ заявляетъ и авторъ брошюры «По вопросу о малорусской литературѣ», стр. IX: «Совершенно естественная и весьма интереснымъ образомъ проявившаяся лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ идеализація козачества и гетманщины и стремленіе дать «державно-правный», историческій характеръ естественному малорусскому патріотизму, — памятникомъ чего служатъ Исторія Руссовъ Псевдоконисскаго и нѣкоторыя, хотя вовсе неосновныя, пьесы Шевченка, — теперь есть, окончательно пережитая всѣми образованными малороссами. Возвращеніе ея сдѣлано невозможнымъ научною критикою и анализомъ, направленнымъ на прошлое, именно со стороны малорусскихъ дѣятелей». Извѣстно, какъ развѣнчалъ въ послѣднее время южнорусское козачество г. Кулишъ.

ныхъ данныхъ для исторіи всего южнорусскаго края и должно составить весьма интересную главу въ будущей исторіи украинской литературы.

Кромѣ разсмотрѣннаго общаго вліянія польско-украинской литературы на украинскую поэзію первая сообщала иногда и отдѣльные сюжеты украинскимъ поэтамъ, другими словами, побуждала ихъ творческую мысль къ самостоятельной обработкѣ тѣхъ же самыхъ темъ, какія были затронуты ранѣе въ польской литературѣ.

Представимъ примѣръ.

Нѣкоторыя пьесы Шевченка изъ козацкой исторіи были, повидимому, вызваны чтеніемъ повѣстей Чайковскаго [1]). Особенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи поэма «Гайдамаки». О связи ея съ «Верныгорой» Чайковскаго имѣется прямое свидѣтельство, но, не взирая на него, г. Петровъ (стр. 345) ссылается на предисловіе Шевченка къ «Гайдамакамъ» въ подтвержденіе того, что Шевченко основалъ свое произведеніе лишь на разсказахъ стариковъ объ уманской рѣзнѣ 1768 г. Что на Украинѣ еще существовали въ 30-хъ годахъ живыя преданія о гайдамацкомъ возстаніи 1768 г. [2]) и что они были извѣстны Шевченку, не подлежитъ сомнѣнію, но, тѣмъ не менѣе, слова Шевченка, что онъ «ничего не читалъ напечатаннаго и критикованнаго про то, что дѣлалось на Украинѣ», надо истолковывать лишь въ томъ смыслѣ, что поэтъ не видѣлъ чисто историческихъ монографій объ этой эпохѣ [3]). Что до польскихъ поэтическихъ произведеній, изображавшихъ бунтъ 1768 г., то Шевченко былъ несомнѣнно знакомъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, если не со всѣми [4]).

---

[1]) Ср., напр., стихотв. Шевченка «Хустына» съ повѣстью Чайковскаго «Swatanie Zaporożca»; стихотв. «Гамалія» напоминаетъ общимъ колоритомъ повѣсти Чайковскаго «Wyprawa na Carogród» и «Skałozub w zamku siedmiu wież»; само собою разумѣется, что есть въ этомъ стихотвореніи и отклики козацкихъ «думъ», а также историческихъ произведеній, которыя были извѣстны Шевченку.

[2]) Grabowski, Lit i kryt., t. II, cz. 1, str. 130.

[3]) Съ «Исторіей Малороссіи» Н. Маркевича онъ, однако, долженъ былъ быть знакомъ; здѣсь объ Уманской рѣзнѣ говорится во II-мъ т. (М. 1842).

[4]) Кромѣ Чайковскаго и Гощинскаго событія 1768 г. избралъ сюжетомъ поэмы Грóза (*Pan Starosta;* здѣсь разсказана печальная исторія несчастной дѣвушки, понравившейся развратному старостѣ Каневскому, о которомъ доселѣ поется пѣсни въ народѣ; см. «Степъ», 27—32), а Грабовскій затронулъ ихъ въ пов. «Коліевщина и степи» (См. Москвитянинъ 1842, № 4). У Олизаровскаго также есть воспоминаніе о томъ времени, и выступаетъ Верныгора.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ «Гайдамакамъ» Шевченко ссылается на записки Младановича въ подтвержденіе разсказа объ убіеніи Гонтою дѣтей, но самъ же замѣчаетъ, что эти воспоминанія не напечатаны. Онъ могъ узнать о нихъ лишь изъ «Вернигоры» Чайковскаго [1]). Кромѣ этого весьма вѣскаго доказательства знакомства Шевченка съ повѣстью польскаго писателя, имѣются еще и другія, именно совпаденія въ подробностяхъ разсказа [2]) и — что особенно важно — въ томъ общемъ разсужденіи о событіяхъ 1768 г., которое Шевченко ввелъ и въ самое поэму, и въ предисловіе къ ней [3]). Такимъ образомъ, первую мысль описать гайдамацкое возстаніе 1768 г. Шевченко почерпнулъ изъ польской литературы; оттуда же онъ заимствовалъ нѣкоторыя подробности и общій выводъ касательно этого событія, и лишь въ изображеніи гайдамаковъ и оцѣнкѣ ихъ дѣянія разошелся существенно съ Чайковскимъ. Намъ уже извѣстно отношеніе Чайковскаго къ гайдамакамъ. Шевченко, повидимому, хотѣлъ выставить въ иномъ — болѣе благопріятномъ и правдивомъ, чисто народномъ — освѣщеніи героевъ возстанія 1768 г. и указать на настоящихъ виновниковъ бунта — польскихъ пановъ, утѣснявшихъ народъ [4]). Должно сказать, впрочемъ, что и эта послѣдняя идея была художественно выражена ранѣе Шевченка въ другой знаменитой польской поэмѣ о

---

[1]) См. Wernyh., 117, 258. Въ примѣчаніи на послѣдней страницѣ находимъ заявленіе, повторенное Шевченкомъ, о томъ, что «historja tej rzezi nie była przez nikogo wydrukowana ze szszegółami». Рукопись Младановича, «syna gubernatora Humańskiego, a syna chrzestnego Gonty», Чайковскій читалъ, когда находился въ «Midzyrzeczu Koreckim w szkolach księży Pyarów», гдѣ пребывалъ и Младановичъ. Записки Младановича были изданы въ Познани въ 1842 г. въ сборникѣ Эдв. Рачиньскаго (Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku, t. XV). Если бы г. Петровъ прочелъ «Вернигору», то не выставилъ бы разбираемаго нами утвержденія.

[2]) И у Шевченка, какъ у Чайковскаго, благочинный Чигиринскій игралъ важную роль въ возбужденіи возстанія. Подробность о «свяченыхъ» ножахъ встрѣчается и у Гощинскаго и у Чайковскаго, но Шевченку она могла быть извѣстна и изъ преданія «старыхъ людей» (см. его 10-е примѣчаніе).

[3]) Ср. съ напечатанной выше выдержкою изъ Чайковскаго о розни между братьями одной матери слова Шевченка въ предисловіи къ «Гайдамакамъ»: «нее-таки скажешъ: «слава Богу, що мынуло!» А надто якъ загадаешъ, що мы одной матери диты, що вси мы славяне».

[4]) Потому-то онъ относится къ конфедератамъ совершенно иначе, чѣмъ Чайковскій. Взглядъ Шевченка на гайдамаковъ см. въ концѣ стихотв. «Холодный яръ» — въ Пражскомъ изд. Кобзаря — т. II, стр. 63.

времени гайдамачества, именно въ «Замкѣ Каневскомъ», а Шевченко несомнѣнно былъ знакомъ и съ этимъ произведеніемъ. Оно было въ особенности близко къ замыслу украинскаго поэта, потому что авторъ его, по справедливому замѣчанію польскаго критика, сумѣлъ перенестись въ тотъ вѣкъ, который изображалъ, и въ думы и чувства украинскаго люда [1]). И у Гощинскаго, какъ у Шевченка, слышимъ вопль угнетеннаго народа, проникающій до глубины нашего сердца [2]). Не смотря на то, что романтическая манера творчества наложила сильный отпечатокъ на польскую поэму [3]), въ ней выступаетъ съ значительною силою драматизмъ изображаемаго поэтомъ времени, предстаетъ также и народная правда, хотя не съ такою яркостію, какъ у Шевченка. Потому-то «Замокъ Каневскій» могъ нравиться такому русскому патріоту, какъ М. Шашкевичъ [4]). Глубокое впечатлѣніе должна была произвести эта поэма и на Шевченка. Отзвуки этого впечатлѣнія находимъ не только въ томъ, что и украинскій поэтъ изобразилъ подобно Гощинскому на ряду съ общенародною личную месть изъ-за жестокой обиды, нанесенной панскою распущенностію любящему сердцу украинца, но и въ совпаденіи элегическихъ картинъ, которыми заканчиваются поэмы Гощинскаго и Шевченка [5]).

---

[1]) Grabowski, Lit. i. kryt., II, cz. I, str. 133.

[2]) Вспомнимъ рѣчь Небабы въ 9-й главѣ II-й части «Замка Каневскаго».

[3]) См. «Гайдамаки. Поэма Тараса Шевченка. Студіумъ д-ра Омеляна *Огоновського*, Льв. 1879». Здѣсь на стр. 5, 11—12, 31—33 и 39 находимъ сопоставленіе «Гайдамаковъ» съ поэмою Гощинскаго, причемъ отдается постоянно предпочтеніе поэмѣ украинскаго кобзаря. Замѣчанія г. Огоновскаго, относящіяся къ этому сравненію, не лишены справедливости, но нельзя также не сказать, что г. Огоновскій слишкомъ принижаетъ «Zamek Kaniowski», находя вообще, что Гощинскій изобразилъ гайдамаччину «въ найогиднійшимъ виду».

[4]) Шашкевичъ перевелъ отрывокъ изъ поэмы Гощинскаго («Р. библ. III, 27—30). Онъ писалъ объ этомъ переводѣ: «jąłem się nagle powstałej we mnie myśli — *ducha ruskiego, wionącego w tem dziele,* ująć w naczynie ruskie (ib. 63).

[5]) Ср. стихи Шевченка:

Съ того часу въ Украини
Жыто зеленіє;
Не чуть плачу, ни гарматы,
Тилько витеръ віє.

Нагынае вербы въ гаи,
А тырсу на поли.
Все замолкло. Цехай мовчыть:
Така Божа воля,

Поэма Шевченка «Гайдамаки» можетъ послужить промѣромъ отношенія украинской литературы къ польскимъ извращеніямъ украинской старины и характеризуетъ ту службу, какую могла сослужить украинская поэзія русскому самосознанію въ югозападномъ краѣ. Украинскіе поэты и литераторы могли откликаться безъ злобы на призывы польско-украинскихъ поэтовъ къ примиренію, могли даже протягивать дружески руку полякамъ, какъ Шевченко[1]), но,

---

съ заключительной строфой «Замка Каневскаго»:

Mijają lata, z latami zdarzenia....
Swietnie przejrzały nieba Ukrainy,
Zabrzmiała śmiało cicha pieśń dziewczyny,
Czas lasem okrył ostatki ruiny.
Gdzie bojowiska czaszkami bielały,
Ulewna burza brózdy tam zorywa,
W skwarny dzień lata złocą się tam źniwa,
Kwiat się tam z wiosną wykluwa nieśmały.
Złomki szubienic świecą próchnem z ziemi.
Nad zwycięzcami, nad zwyciężonemi,
Trawą usłana mogiła zapada:
Tam błędny żebrak do snu pacierz gada.
Piekła za wojną zatrzaśnięto bramę.
Znów ten że pokój, i zbrodnie też same!

Ср. еще въ главѣ «Трети пишни»: «Гомонила Украина, Довго гомонила» и проч.

[1]) Въ «передмовѣ» къ «Гайдамакамъ» Шевченко писалъ: «Сердце болыть, а росказувать треба: нехай бачять сыны и внукы, що батькы ихъ помылялысь, нехай братаються знову зъ своимы ворогамы, нехай жытомъ-пшеныцею, якъ золотомъ покрыта, нерозмижованою останеться на викы одъ мори и до моря славянская земля». Изъ этихъ словъ видно, что Шевченко былъ противъ шляхетской польской идеи о возстановленіи Польши и стоялъ за братство на иныхъ основаніяхъ. Ср. приведенные выше стихи Могилы: «Все, чую, яко тихо одъ моря до моря....» Объ отношеніи Шевченка къ полякамъ см. замѣчаніе въ цит. брошюрѣ Огоновскаго (стр. 8 и 38), направленное противъ книжки: «Taras Szewczenko, studium przez Leonarda Sowińskiego z dołączeniem przekładu Hajdamaków. Wilno 1861». Въ стихотвореніи «Ляхамъ» (1858), посвященномъ Брониславу Залескому, повторена та же идея о веселомъ житьѣ козаковъ съ поляками до уніи и о разрушеніи ихъ мира ксендзами, какая была высказана въ примѣчаніи 13-мъ къ «Гайдамакамъ» и въ стихотв. «Не знаю, якъ теперъ ляхы жыв'ють» (1848). Ср. въ «Исповѣди Наливайки» Рылѣева (стр. 144):

Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,

тѣмъ не менѣе, не жертвовали историческою правдой, требовали чтобы поляки отреклись отъ своей неправды, и отстаивали самобытность своей народности отъ польскихъ покушеній. Даже и въ томъ случаѣ, когда они сходились съ поляками въ неодобреніи суроваго отношенія къ южнорусской литературѣ, они, оставаясь все-таки южноруссами, не могли работать въ пользу польской интриги, потому что никогда не могли отказаться отъ своей народности и искренно сойтись съ поляками [1]), и въ концѣ концовъ не могли

Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.

Несостоятельность этого взгляда выясняется при изученіи русско-польскихъ столкновеній съ древнѣйшаго времени и въ особенности съ XIV в. — Теперь найдены въ Краковѣ въ бумагахъ Крашевскаго подлинники писемъ Шевченка къ Брониславу Залескому. — Г. Петровъ коснулся лишь вскользь отношенія Шевченка къ полякамъ (стр. 331), хотя это отношеніе имѣло существенное значеніе въ поэтической дѣятельности Шевченка.

[1]) См. ст. г. Кулиша: «Полякамъ объ украинцахъ (отвѣтъ на безымянное письмо)» въ февр. кн. «Основы» 1862 г., стр. 75: «Просвѣщенные представители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это дѣло исторіи того и другого народа». Какъ извѣстно, въ послѣднее время г. Кулишъ началъ-было призывать южноруссовъ къ единенію съ поляками, но этотъ призывъ прозвучалъ втуне и не встрѣтилъ общаго сочувственнаго отклика ни въ Украинѣ, ни въ Галичинѣ. Случаи эфемернаго и неискренняго примиренія поляковъ и южноруссовъ оставляемъ въ сторонѣ) по тѣмъ самымъ причинамъ, какія были указаны г. Кулишемъ въ 1862 г. Поляки не желаютъ и теперь еще отказываться отъ завѣтовъ своей исторіи, отъ «системы хитраго, а часто и насильственнаго соединенія разнородныхъ религій и противоположныхъ народностей» (слова Кулиша ib., 73); въ Галичинѣ русскіе хорошо знаютъ то на основаніи ближайшаго опыта и потому остались глухи къ увѣщаніямъ г. Кулиша (Ср. «За крашанку — писанка П. Ол. Кулішеви. Написавъ Д. Слівченко-Мордовець», Спб. 1882, стр. 37, гдѣ повторены факты, указанные самимъ Кулишемъ). Такимъ образомъ, г. Кулишъ извѣдалъ какъ нельзя лучше неосуществимость союза, который проповѣдывалъ въ 1882 г., и подтвердилъ собственнымъ опытомъ то, что пи-

не признавать, что въ крѣпкомъ единеніи всей Руси заключается лучшій залогъ преуспѣянія ея частей, лучшее средство охраненія южнорусской народности въ предѣлахъ развитія общерусскаго просвѣщенія, не переступающихъ интересовъ всего великаго русскаго народа[1]).

Мы разсмотрѣли отношеніе украинской литературы къ польской въ настоящемъ столѣтіи и вправѣ, кажется, на основаніи приведенныхъ фактовъ выставить положеніе, что вліяніе послѣдней на первую было не только отрицательное, но и положительное. Польско-украинскіе писатели участвовали наравнѣ съ чисто украинскими въ возрожденіи любви къ украинской старинѣ и поэзіи и имѣли долю участія въ развитіи романтическаго культа Украины. Нѣкоторые изъ польскихъ писателей могли пробуждать въ иныхъ украинскихъ анти-«московское» настроеніе, но, тѣмъ не менѣе, совершенно неосновательно нѣкоторые публицисты ставили украинофиловъ рядомъ съ поляками, бредившими о возстановленіи Речи-Посполитой. Напротивъ, писатели, стоявшіе во главѣ украинофильства, каковы Костомаровъ и Кулишъ (въ періодъ до 70-хъ годовъ), разрушали иллюзіи, внушаемыя поляками, и представляли спасительное противодѣйствіе польской интригѣ въ юго-западномъ краѣ. Въ статьяхъ «Основы» польскіе читатели усматривали «желаніе вооружить противъ шляхты украинское простонародье», а равно шляхта юго-западнаго края въ началѣ 60-хъ годовъ относилась враждебно къ распространенію въ народѣ воспитательныхъ книгъ на украинскомъ нарѣчіи.

Если бы даже значительно ограничить прямое воздѣйствіе польско-украинскихъ писателей на развитіе украинской литера-

---

сать въ 1862 г. — Объ отсутствіи связи между литературною самостоятельностью малорусскаго нарѣчія и польскимъ вопросомъ см. еще въ ст. Костомарова: «Украинофильство» въ «Р. Старинѣ» 1881 г. № 2. Въ послѣднее время въ Галичинѣ устроился союзъ малорусской партіи съ поляками, но прочность его сомнительна.

[1]) Г. Кулишъ (Хуторна поезія, 40) высказываетъ предположеніе, что не будь печальнаго перерыва въ дѣятельности Шевченка, поэтъ, «дорогою науки, зъєднався бъ исъ Пушкинымъ (бо правда одна, нема двохъ правдъ), и те руське единство, котрого доневиняюцця и такі розумні люде, якъ Петро съ Катериною, — *се спасеніе для нашої будущини руське единство* покрепілось бы Шевченкомъ ище більшъ, ніжъ самимъ Пушкинымъ». Къ этому замѣчанію г. Петровъ прибавилъ (стр. 349), что «для тенденціозныя нецензурныя произведенія Шевченка можно смотрѣть такъ же, какъ и на нецензурныя стихотворенія Пушкина, котораго однако нельзя назвать сепаратистомъ въ какомъ либо смыслѣ».

туры, или даже свести его вслѣдъ за г. Кулишемъ [1]) къ нулю, все-таки нельзя не сказать, что польско-украинская «школа» представляетъ значительный интересъ для исторіи украинской поэзіи въ силу аналогіи, открывающейся при сопоставленіи этой школы съ украинскимъ литературнымъ движеніемъ. Вполнѣ незаинтересованное

---

[1]) Основа, 1862, № 2, стр. 14: «Ни Мальченскій, ни Богданъ Залѣскій, ни Гроза и никто изъ поляковъ, писавшихъ поэмы и думы въ мнимо-украинскомъ духѣ, не пользуются никакою популярностію не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и между людьми, хорошо знакомыми съ польской литературою.... Пѣсни Надурры распространены по Днѣстру и Бугу между надворными панскими козаками и чиншовою шляхтою, посредствомъ раутовъ въ жидовскихъ корчмахъ и подъ вліяніемъ разгульныхъ пановъ-холостяковъ.... Все-таки и этотъ родъ сочувствія нашей народности не встрѣтилъ въ украинцахъ дружескаго привѣта. Пожимая плечами, они сторонятся отъ шляхетскихъ забавъ, выражающихъ готовность поляковъ быть съ ними за панибрата». Въ то время, когда писалъ эти строки г. Кулишъ, онъ еще не отрѣшился отъ того представленія, которое господствовало въ его дѣятельности въ первый ея періодъ: онъ отожествлялъ козачество съ націею и сходился въ этомъ случаѣ съ Грабовскимъ, не оставшимся безъ вліянія на выработку историческихъ воззрѣній г. Кулиша (г. Петровъ не выясняетъ этого вліянія; см. стр. 265). — Въ послѣднее время самъ г. Кулишъ доказалъ, что фикціи польско-украинской школы не прошли безслѣдно и для него. Какъ извѣстно, г. Кулишъ, не раздѣляя козако-фильства польско-украинской школы, повторяетъ все таки мнѣнія ея о томъ, что украинцамъ хорошо жилось подъ польскимъ владычествомъ, что польскіе магнаты были «культурники и колонизаторы Украіни», что лучшіе герои Украины, какъ Конашевичъ и Сагайдачный жили въ мирѣ съ поляками, но «дві гарні, найгарнійші и світі славянські народності» были «нацьковані одна противъ однієї лукавими або сліпими вождями» (православными попами и католическими ксендзами), «украіньске гультайство знюхалось из Запорозцями». Кулишъ склонился также ко взгляду польско-украинскихъ поэтовъ на гайдамачество и Уманскую рѣзню, и признаетъ эти событія позоромъ для украинскаго народа, а равно считаетъ постыднымъ то, что украинская муза (Шевченко) воспѣла ихъ. См. Кулиша «Крашанка русинам и полякам на велик день 1882 року, видана типом другим з додаткомъ послісловъя. У ві Львові 1882». Г. Петровъ говоритъ объ этой перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ Кулиша на стр. 292—296. Г. Петровъ выражается не совсѣмъ точно, говоря, что Кулишъ «въ цѣломъ рядѣ историческихъ, публицистическихъ и поэтическихъ произведеній сталъ проповѣдывать взгляды и идеи *прямо противоположные* прежнимъ своимъ убѣжденіямъ». Намъ кажется, что такое категорическое утвержденіе не совсѣмъ справедливо. Исходный пунктъ дѣятельности Кулиша, горячая любовь къ родному племени и слову, къ «неслічениимъ піснямъ, що дивують этнографа своєю красою и силою» (Хут. поезіи, 118) остался тотъ-же; уцѣлѣло въ Кулишѣ и прежнее народничество, а равно остался неизмѣннымъ взглядъ на задачи украинской литературы (ср. напр. «Основа» 1862, № 2, стр. 70—71, 78 и Хуторна поезія,

происхожденіе и развитіе польско-украинской поэзіи дѣлаетъ эту аналогію особенно замѣчательною. Въ чемъ состоитъ отмѣчаемая нами аналогія, можно видѣть изъ предыдущаго изложенія. Во 1-хъ, основа произведеній какъ польско-украинскихъ поэтовъ, такъ и украинскихъ романтиковъ одна и таже: народная поэзія и исторія Украины козацкаго періода [1]); поляки, родившіеся и жившіе въ Украинѣ, не остались глухи къ славѣ ея козачества и увлекались ея поэзіею. Далѣе, у польско-украинскихъ писателей, какъ и у чисто украинскихъ, литературное творчество шло обокъ съ изученіемъ этнографическимъ и историческимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ литературное движеніе связывалось съ углубленіемъ общественнаго самосознанія и общественнымъ движеніемъ: польская хлопоманія, начавшаяся въ 30-хъ годахъ [2]), представляла параллель украинскому народничеству. Совпаденіе усматривается даже во второстепенныхъ чертахъ: польско-украинскіе поэты были такими же чтителями Байрона [3]), какъ и чисто украинскіе; и тѣ и другіе подвергались обвиненіямъ въ провинціализмѣ. Возникновеніе польско-украинской школы дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ развитіе параллельной ей поэзіи украинской.

132—137); измѣнился взглядъ на отношенія племенъ польскаго и южнорусскаго, на казачество и на его пѣсни и лѣтописи. Стремленія, неизмѣнно одушевлявшія Кулиша во всю его жизнь, хорошо характеризуются однимъ изъ послѣднихъ его стихотвореній («Чумаки-почлѣжане» въ альман. «Ватра», стр. 60—61):

Скôлько разъ пôчлѣгувавъ я
Зъ чумаками въ полѣ!
Було въ насъ пѣсень веселыхъ
И сумныхъ доволѣ.
И отвышалось мое серце
Словомъ благодатнимъ,
Що спаслось водъ зрады панство
Заповѣтомъ хатнимъ.
Не сполячилось насуще,
Анъ змосковьло;
Натхнене давнезнымъ предкамъ,
До насъ долетѣло.

О полонизаціи Украины см. ст. М. Ф. Владимирскаго-Буданова въ предисловіи къ Арх. Юго-Западной Россіи, ч. VIII, т. I, Кіевъ 1886, и рецензію на эту статью въ Ж. М. Н. Пр. 1887.

[1]) Объ отношеніи Б. Залескаго къ народной поэзіи мы говорили выше. Падурра прислушивался къ народнымъ пѣснямъ и *преданіямъ* и воспроизводилъ эти послѣдніи, употребляя кое-гдѣ обороты народныхъ пѣсенъ. Срвн. обращеніе Падурры «До Zëmlakiw», написанное въ 1851 г.: «*Ż* diiw, kazok. pisoń słuwałaś struna. . . .» (str. 91).

[2]) Г. Петровъ (стр. 368) возводитъ ее неосновательно лишь къ воздѣйствію поэзіи Шевченка.

[3]) Между проч., Падурра перевелъ на украинское нарѣчіе прощальную пѣснь Чайльдъ-Гарольда.

V.

Украинофильскій панславизмъ въ соединеніи съ народничествомъ.

Съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія во главѣ украинской литературы становятся дѣятели, какихъ она еще не имѣла до того времени, — люди широкихъ воззрѣній и побужденій, страстно отдавшіеся великой по ихъ мнѣнію задачѣ просвѣтленія самосознанія украинцевъ какъ народности, посвятившіе тому всю свою жизнь, соединявшіе увлеченіе поэзіей народномъ нарѣчіи съ вниманіемъ къ общерусскимъ и общеславянскимъ отношеніямъ и успѣвшіе достигнуть значительнаго авторитета въ общерусской литературѣ и значительной извѣстности въ польской. Эти люди были долго соединены узами тѣсной дружбы, сходились въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, и потому г. Петровъ справедливо соединилъ ихъ въ одну группу.

Г. Петровъ наименовалъ ихъ представителями «украинскаго славянофильства». Названіе это не вполнѣ удачно, такъ какъ славянофильство не исчерпываетъ преобладающаго содержанія произведеній Костомарова, Кулиша и Шевченка. Самъ г. Петровъ, опредѣляя «основное міровоззрѣніе Шевченка», говоритъ (стр. 333), что оно «было панславистское; но въ этомъ міросозерцаніи замѣтна была значительная примѣсь соціальнаго оттѣнка» [1]). Намъ кажется, что украинофильское народничество было главнымъ элементомъ поэзіи Шевченка [2]). Точно также и въ *произведеніяхъ* Костомарова и Кулиша элементы славянофильства не занимаютъ первенствующаго положенія за исключеніемъ усиленнаго отстаиванія народности, за которую стояли и другіе украинскіе писатели, не принадлежавшіе къ славянофиламъ.

Костомарова, Кулиша и Шевченка можно сближать со славянофилами въ двухъ отношеніяхъ.

Во 1-хъ, они являлись славянофилами, или — правильнѣе — панславистами, въ тѣ годы, когда принадлежали прямо или косвенно къ

---

[1]) Ср. стр. 367: «Въ русской литературѣ Шевченко былъ однимъ изъ передовыхъ борцовъ за человѣческія права порабощеннаго крѣпостничествомъ простаго народа»...

[2]) Ср. ниже мнѣніе Коначенича о существенномъ содержаніи произведеній Шевченка.

небольшому кружку молодежи въ Кіевѣ, мечтавшей о расширеніи общеславянскаго единенія и объ улучшеніи положенія украинскаго народа путемъ просвѣщенія [1]). Идеи этого кружка получили литературное выраженіе лишь въ немногихъ произведеніяхъ Шевченка средины 40-хъ годовъ [2]) и въ нѣкоторыхъ научныхъ произведеніяхъ Костомарова [3]); прорываются онѣ, какъ замѣтилъ г. Пет-

---

[1]) Самъ Костомаровъ въ нѣсколькихъ статьяхъ ознакомилъ насъ съ задачами того кружка, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ. Кружокъ этотъ желалъ образованія ученаго общества, которое содѣйствовало бы осуществленію цѣлей политическихъ (освобожденія угнетенныхъ славянъ и соединенія славянскихъ самобытныхъ политическихъ организмовъ въ федерацію) и соціально-общественной реформы (упраздненія сословныхъ привилегій, водворенія религіозной свободы и нѣротерпимости, свободы мысли и печати). Культурная связь между славянами должна была поддерживаться употребленіемъ единаго славянскаго языка въ церковномъ богослуженіи всѣхъ славянъ и преподаваніемъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянъ. Г. Петровъ употребляетъ названіе «Кирилло-Меѳодіевское общество» вопреки заявленію Костомарова въ Кіевской Старинѣ 1883, № 2, стр. 226 и 230. Ср. одіако воспоминаніе В. Г. Шевченко, приведенное г. Петровымъ на стр. 313, и Хут. поэзія 27—29. Въ виду этихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ, кажется, признать, что Костомаровъ въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ старался нѣсколько сгладить рѣзкій соціально-политическій характеръ этого кружка.

[2]) Эти идеи отзывались, повидимому, еще въ бесѣдахъ того кружка литераторовъ и художниковъ, въ которомъ бывалъ Шевченко въ Петербургѣ по возвращеніи изъ ссылки (въ 1859 и 1860 гг.). Въ воспоминаніяхъ Костомарова читаемъ, что въ ноябрѣ 1857 г. онъ въ Петербургѣ у Бѣлозерскаго познакомился съ кружкомъ издателей польской газеты *Слово*. Это были большей частью люди очень образованные и порядочные, въ особенности Желиговскій». Русская Мысль 1885, № 6, стр. 32. Малецкій такъ передаетъ воспоминаніе о бесѣдахъ, которыя велись въ этомъ кружкѣ. «Шевченко часто любилъ говорить про кривды, якй мужикъ поносить вôдъ пляхты польскои, котру ненавидѣвъ, а бючись при тôмъ рукою въ груди повторявъ заєдно: «отсе на менѣ жывый прикладъ масте». Члены того кружка перенялись были идеями ліберального федеративного панславізму, а передовсѣмъ федерализму Русиновъ, Поликôвъ и Москалѣвъ». *Ватра*, 207. Ср. приведенныя выше слова въ «Передмовѣ» къ «Гайдамакамъ» («... скажемъ: «слава Богу, що мынуло»! А надто якъ загадаешъ, що мы одной матери диты, що *вси мы славяне*») и въ самомъ текстѣ поэмы:

Болыть сердце, якъ згадаешъ:
Старыхъ славянъ диты
Вылысь кровью, а хто выпенъ?
Ксёндзы, ієзуиты.

[3]) Костомаровъ еще въ 1860 г. оцѣнивалъ Люблинскую унію съ точки зрѣнія панславизма: Р. Слово 1860, № 5, 7—8. И дѣйствительно, въ XV и XVI вв.

ровъ (стр. 261) еще въ стихотвореніи, которымъ Навроцкій привѣтствовалъ освобожденіе крестьянъ; но всѣ эти произведенія составляютъ въ суммѣ незначительное количество въ ряду всего написаннаго Шевченкомъ и Костомаровымъ.

Въ 2-хъ, начинатели новѣйшаго украинофильства примыкали къ славянофиламъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности, по общимъ своимъ понятіямъ о народности. Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко примѣняли эти общіе взгляды къ малорусской народности и старались раскрыть отличительныя черты ея въ ея исторіи и современномъ характерѣ. Шевченко прибѣгалъ для того къ поэтической формѣ, Кулишъ же и Костомаровъ разрабатывали по преимуществу научно исторію и этнографію южной Руси. То же дѣлали отчасти и другіе украинскіе писатели, но они не просвѣтляли въ такой мѣрѣ сознанія украинцевъ. Сверхъ того Кулишъ и Костомаровъ выступали по временамъ на поприще литературной критики и публицистики и выясняли основанія, сущность и задачи украинофильства.

Такимъ образомъ, при изученіи дѣятельности Костомарова, Кулиша и Шевченка особый интересъ могло бы представить выясненіе происхожденія: 1) панславистскихъ стремленій Кирилло-Меѳодіевскаго кружка; 2) общественно-политическихъ идеаловъ и 3) мнѣній Костомарова, Шевченка и Кулиша объ украинской народности. Въ сущности всѣ эти три задачи сводятся къ исторіи южнорусскихъ взглядовъ на славянскій, правильнѣе — на русско-польскій, вопросъ и опыта теоретическаго рѣшенія его въ произведеніяхъ Костомарова, Кулиша и Шевченка: вопросъ объ украинской литературѣ и южнорусской народности рѣшается у этихъ писателей въ связи съ общей постановкою славянскаго вопроса. Исторія возникновенія общихъ взглядовъ начинателей новѣйшаго украинофильства тѣмъ интереснѣе, что научные труды Костомарова и Кулиша имѣли важное значеніе въ выясненіи

Польша могла стать во главѣ славянства, еслибы полякамъ былъ присущъ братскій духъ. Въ указанныхъ словахъ Костомарова заключается удовлетворительное рѣшеніе польско-русскаго вопроса. Поляки не сумѣли разумно воспользоваться удобнымъ для нихъ историческимъ моментомъ, вина падаетъ исключительно на нихъ, и, по закону исторической справедливости, они должны уступить тому государству, которое взяло на себя выполненіе задачи, оказавшейся не по силамъ Польшѣ. Какъ увидимъ, поляки оказались лишенными братскаго духа даже въ настоящемъ столѣтіи, что подтверждается, между прочимъ, отношеніемъ ихъ къ ученію славянофиловъ.

отношенія обѣихъ русскихъ народностей и въ исторіи общерусскаго самосознанія; кромѣ того, славянофильскихъ воззрѣній Кирилло-Меѳодіевскаго кружка придерживаются и теперь нѣкоторые украинскіе писатели [1]), а равно и обвинители украинской литературы продолжаютъ указывать на «Кирилло-Меѳодіевское общество», какъ на доказательство «сепаратическихъ тенденцій» и «соціально-политической подкладки украинофильства со времени перенесенія центра его дѣйствій изъ Харькова въ Кіевъ».

Г. Петровъ касается нѣсколько разъ происхожденія общихъ воззрѣній Костомарова, Кулиша и Шевченка, но во всѣхъ этихъ мѣстахъ своей книги онъ не выказалъ ясности и единства своего взгляда на украинское славянофильство. На стр. 233 онъ говоритъ, что славянофильство «одинаково (?) появилось и на сѣверѣ и на югѣ Россіи.... Существенное отличіе украинскаго славянофильства или панславизма отъ московскаго состоитъ въ томъ частномъ пунктѣ, что украинофилы считали малороссовъ особымъ племенемъ среди другихъ племенъ славянскаго міра, со своимъ особымъ языкомъ и культурой, имѣющими право на дальнѣйшее развитіе, чего не допускало большинство московскихъ славянофиловъ». Дальнѣйшее изложеніе г. Петрова показываетъ однако, что были и другія существенныя различія между украинскимъ и московскимъ славянофильствомъ. Такъ, изъ характеристики словами г. Пыпина программы «Кирило-Меѳодіевскаго братства» на слѣдующей страницѣ оказывается, что это «братство задавалось соціально политическимъ планомъ, и мечты его напоминаютъ западно-европейскія ученія, «тѣ мечты, которыя нашли тогда энтузіастическихъ проповѣдниковъ въ Ламенне, Гверацци и проч.» Далѣе, «идеаломъ политическимъ (этого «братства») было не централизованное государство, а феде-

---

[1]) Одинъ изъ новѣйшихъ украинскихъ поэтовъ обращается съ такимъ призывомъ ко всѣмъ славянамъ:

Подаймо-жъ ми руки на вічнье кохання
І крикнімъ на бенкети згоди:
«Ми цілому світу бажаємъ братання,
Поради, освіти й свободи».

Старицькій, Зъ давнёго зшитку, Кіевъ 1883, До славянъ, IV. Первоначально это стихотвореніе было напечатано въ «Правдѣ», рікъ V, ч. 1 (Львівъ 1872. 15 Цвѣтня) подъ псевдонимомъ «Гетьманець».— Червонороссы относятся съ сочувствіемъ къ программѣ славянскаго единенія, поэтически выраженной Шевченкомъ. См. напр., брошюру Корн. Устіановича: «М. О Раевскій и россійскій панславизмъ», Львів. 1884.

рація подъ протекторствомъ русскаго императора»; славянскія народности, освобожденныя изъ-подъ власти иноплеменниковъ, должны были быть организованы въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной связи ихъ между собою». На стр. 331 г. Петровъ говоритъ, что Шевченко «подошелъ къ идеямъ славянофильства, только безъ исключительности московскихъ славянофиловъ». — Въ виду такихъ неточностей и противорѣчій въ изложеніи г. Петрова, остается обратиться за разъясненіемъ къ книгѣ г. Пыпина, изъ которой г. Петровъ почерпнулъ общую характеристику идей Кіевскаго кружка панславистовъ, предпославъ ей приведенныя нами выше слова о томъ, что «славянофильство одинаково появилось и на сѣверѣ и на югѣ Россіи». У г. Пыпина мы прочтемъ слѣдующее общее заключеніе о «Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ»: «Въ русской литературной жизни вообще «братство» было заявленіемъ *панславизма*, очень непохожаго на тотъ, который начинался въ это же время въ московскомъ кружкѣ — панславизма, основаннаго не на господствѣ одного племени надъ другими, а на равноправности и на внутренней свободѣ. Въ этомъ характерѣ той и другой постановки вопроса отразилась и разница исходныхъ теоретическихъ пунктовъ, и разница государственнаго положенія народностей; одной — подчиненной, другой — оффиціальной и господствующей».... «Въ трудахъ людей этого круга и ихъ ближайшихъ преемниковъ сказывался иной, противъ московскаго, взглядъ на развитіе народныхъ литературъ и на между-славянскія отношенія, взглядъ, въ которомъ было много исторически вѣрнаго и человѣчески справедливаго» [1]).

Не выяснивъ точно отличій Кіевскаго панславизма отъ Московскаго славянофильства, г. Петровъ не вникъ также обстоятельно въ исторію возникновенія Кіевскаго кружка и его идей.

Г. Петровъ приводитъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги выдержки изъ воспоминаній Костомарова и Кулиша о Кіевскихъ панславистахъ-народникахъ 40-хъ годовъ, а также слова Пыпина о нихъ, но не согласуетъ критически этихъ свидѣтельствъ и не возсоздаетъ цѣльной исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка. На стр. 234 г. Петровъ повторяетъ слова Пыпина, что во главѣ Кирилло-Меѳодіевскаго общества стояли Гулакъ, Н. И. Костомаровъ, Т. Г. Шевченко, а между тѣмъ г. Петрову слѣдовало принять къ свѣдѣнію заявленіе Костомарова, который говоритъ:

---

[1]) Ист. слав. литературъ Пыпина и Спасовича, т. I., Спб. 1879, стр. 377.

«Кулиша и Шевченка наказали независимо отъ ихъ участія въ составленіи славянскаго общества за ними не признали, но поставили имъ въ вину ихъ малорусскія сочиненія». «Кулишъ и Шевченко не были участниками разговоровъ, происходившихъ въ генварѣ 1846 года; Кулишъ находился тогда въ Петербургѣ, а съ Шевченкомъ я еще не былъ лично знакомъ» [1]). На стр 312—313 г. Петровъ приводитъ изъ «Хуторной поэзіи» Кулиша свѣдѣніе о томъ, что «въ Кіевѣ, года за три-за четыре до 1847 года кіевская молодежь, проникнувшись евангельскимъ ученіемъ, задумала проповѣдывать среди просвѣщенныхъ пановъ украинскихъ освобожденіе народа отъ крѣпостничества путемъ просвѣщенія, вмѣстѣ и христіанскимъ и научнымъ. Во главѣ этой молодежи стоялъ Шевченко. Къ ней принадлежалъ и Кулишъ». Если примемъ во вниманіе еще заявленіе Костомарова относительно мотивовъ сближенія его съ Шевченкомъ [2]), то должны будемъ признать, что въ идеяхъ кіевскаго кружка панславистовъ произошло сліяніе двухъ теченій: 1) харьковскаго славянофильства, перенесеннаго въ Кіевъ Костомаровымъ, и 2) анти-крѣпостническаго народничества и славянофильства, развившагося въ Кіевѣ еще до прибытія въ послѣдній Костомарова [3]). Душой украинскаго народничества былъ Шевченко, и проектъ о народномъ образованіи былъ выработанъ уже до 26-го сентября 1845 г. [4]).

Разсмотримъ, какія данныя собралъ для исторіи этихъ идей

---

[1]) Кіевская Стар. 1883, № 2, ст. Костомарова: «П. А. Кулишъ и его послѣднія литературная дѣятельность», стр. 229—230. Въ воспоминаніяхъ Костомарова о Шевченкѣ, напечатанныхъ при Пражскомъ изданіи Кобзаря, говорится (стр. VI), что знакомство обоихъ писателей началось въ маѣ 1846 г. См. еще ниже сообщеніе Костомарова о спорахъ его съ Шевченкомъ.

[2]) Оно приведено г. Петровымъ на стр. 237: «Въ то время *всю мою душу занимали идеи славянской взаимности*, общенія духовнаго народовъ славянскаго племени, и когда я повелъ разговоръ съ нимъ на этотъ вопросъ, то услыхалъ отъ него самое восторженное сочувствіе, и *это болѣе всего сблизило меня* съ Тарасомъ Григорьевичемъ».

[3]) Мѣсто учителя 1-й Кіевской гимназіи Костомаровъ получилъ въ 1845 г., а не въ 1846 г., какъ утверждаетъ г. Петровъ (стр. 237).

[4]) См. стр. 313 книги г. Петрова. Въ воспоминаніяхъ Я. П. Полонскаго при 1-мъ т. Пражскаго изд. Кобзаря читаемъ: «Крѣпостное право это ненавидѣлъ Шевченко всѣми силами души своей, и въ этомъ случаѣ какъ бы вторилъ всѣмъ лучшимъ настроеніямъ какъ нашего общества, такъ и лучшихъ представителей тогдашней нашей литературы». Сохранились и другія подобныя свидѣтельства.

г. Петровъ, говоря о дѣятельности Костомарова, Шевченка и Кулиша.

По мнѣнію г. Петрова (стр. 240—241), Костомаровъ проникся славянофильскими стремленіями въ Харьковѣ, быть можетъ подъ вліяніемъ А. Метлинскаго и А. Корсуна, «съ которыми П. И. Костомаровъ былъ хорошо знакомъ во время харьковской своей жизни». Въ особенности «проповѣдь Измаила Иваночича Срезневскаго о славянскомъ братствѣ и единеніи произвела сильное дѣйствіе» на него. Въ Саратовѣ Костомаровъ, «удаленный изъ Малороссіи, имѣлъ возможность познакомиться съ воззрѣніями московскихъ славянофиловъ и умѣрить ими прежніе свои взгляды, ограничивъ ихъ предѣлами взаимныхъ отношеній между сосѣдними славянскими племенами — поляками, русскими и малороссами». Въ общихъ идеяхъ своихъ позднѣйшихъ историческихъ трудовъ Костомаровъ слѣдовалъ воззрѣніямъ московскихъ славянофиловъ (К. Аксакова и Хомякова), но исправилъ допущенныя ими ошибки и отвелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ видное мѣсто Украинѣ и Польшѣ.

Шевченко «увлекся идеею о славянскомъ общеніи и единеніи въ духѣ мира и любви», когда познакомился съ Костомаровымъ (стр. 316). Послѣдній, какъ мы видѣли, относитъ это знакомство къ 1846 г. Спрашивается, какъ объяснить, что «Посланіе славному П. І. Шафарикові (при поемі «Иванъ Гусъ», або «Еретикъ»)» было написано ранѣе этого знакомства, именно въ Переяславлѣ 22-го ноября 1845 г. (стр. 314)? Г. Петровъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство, а между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, указывая на то, что и до знакомства съ Костомаровымъ Шевченко проникся славянофильскими стремленіями. Кто развилъ ихъ въ Шевченкѣ, г. Петровъ не разъяснилъ. На стр. 330 и 331 г. Петровъ выводитъ славянофильскія воззрѣнія Шевченка преимущественно изъ процесса мысли самого этого поэта. «Скоро Шевченко начинаетъ останавливаться на томъ горѣ, которое связано съ соціальными привиллегіями и гнетомъ класса надъ классомъ («Катерина»). Поэтъ долженъ былъ обратиться къ козацкому періоду исторіи своей родины, такъ какъ въ этомъ періодѣ все-таки видно стремленіе устроить *равную правду для всѣхъ*, видна была горячая борьба за эту правду, или хоть месть за нарушеніе ея [1]). ....Задумавшись глубже надъ настоящимъ и прошлымъ своей родины, надъ тѣмъ, кто виноватъ въ пролитой крови и текущихъ

[1]) Толки о правдѣ не напоминаютъ ли ученія славянофиловъ?

слезахъ, поэтъ нашелъ виновныхъ между чужими и своими.... Поэтъ перешелъ въ новую фазу своего развитія. Одною своей стороною онъ приближается къ идеямъ тогдашнихъ передовыхъ столичныхъ западниковъ (Бѣлинскаго и его друзей), обличая, часто смѣлѣе ихъ, недостатки общерусской дореформенной системы. А южнорусское происхожденіе и обязательная необходимость думать и о польскомъ вопросѣ заставила украинскаго поэта подойти и къ идеямъ славянофильства, только безъ исключительности московскихъ славянофиловъ». На стр. 312—313 находимъ еще приведенное выше указаніе, основанное на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ г. Кулишемъ въ «Хуторной поэзіи», о принадлежности Шевченка къ кружку Кіевской молодежи, составившемуся въ 1843—44 гг.

Болѣе подробныхъ свѣдѣній касательно генезиса первоначальныхъ воззрѣній г. Кулиша г. Петровъ не сообщаетъ. Въ представленномъ имъ очеркѣ біографіи г. Кулиша есть однако нѣкоторыя данныя, могущія навести на соображенія о тѣхъ вліяніяхъ, какимъ подпадалъ Кулишъ въ годы своей молодости. Такъ г. Петровъ сообщаетъ (стр. 265), что, «бывши въ университетѣ, Кулишъ познакомился съ профессоромъ русской словесности, извѣстнымъ Максимовичемъ.... [1]). Въ альманахѣ Максимовича «Кіевлянинъ» (1840—1841 гг.) явились первые труды Кулиша, разсказы изъ народныхъ преданій. Около того же времени Кулишъ познакомился съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ Михаиломъ Грабовскимъ, библіоманомъ Свидзинскимъ, содѣйствіе которыхъ много помогло его изученіямъ украинской старины.... Въ 1845 году Кулишъ познакомился въ Кіевѣ съ кружкомъ молодыхъ украинскихъ патріотовъ, которые были одушевлены тѣмъ же стремленіемъ работать для своей родины, — Шевченкомъ, В. Бѣлозерскимъ».

Вотъ все, что даетъ намъ изслѣдованіе г. Петрова въ объясненіе такого весьма важнаго и интереснаго явленія, какъ украинофильскій панславизмъ и народничество. Мы видимъ, что г. Петровъ не свелъ, какъ слѣдуетъ, собранныхъ имъ матеріаловъ и не углубился въ бывшія предъ нимъ интересныя свѣдѣнія. Мало того: онъ воспользовался не всѣми тѣми печатными данными, которыя могли быть въ его распоряженіи.

Въ подтвержденіе недостаточности представленнаго г. Петро-

---

[1]) Намъ передавали, что Кулишъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Максимовичемъ во время пребыванія въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ.

ьымъ очерка генезиса украинофильскаго панславизма, мы позволимъ себѣ кратко указать на тѣ элементы, изъ которыхъ составилось ученіе украинскихъ славянофиловъ 40-хъ годовъ.

Мы видѣли, что въ этомъ ученіи произошло сліяніе тѣхъ умственныхъ движеній, которыя имѣли мѣсто въ началѣ 40-хъ годовъ въ Харьковѣ и Кіевѣ. Исходные пункты того и другого движенія были не во всемъ одни и тѣже, и потому мы выдѣлимъ сначала общіе элементы Харьковскаго и Кіевскаго движенія, а затѣмъ отмѣтимъ мѣстныя особенности.

Въ ряду общихъ источниковъ первое мѣсто занимаетъ то увлеченіе идеею народности, которое съ начала настоящаго столѣтія явилось великою двигательною силою и европейскаго, въ частности общеславянскаго, просвѣщенія, и политическихъ событій. Это увлеченіе, проникая въ Украину, находило опору какъ въ общемъ движеніи славянскаго возрожденія, такъ и въ чисто русской теоретической формулировкѣ ученія о народности — въ произведеніяхъ т. наз. славянофиловъ, которые долго были у насъ самыми видными представителями и защитниками великой идеи національной и славянской самобытности. Московское славянофильство было однимъ изъ порожденій общеславянскаго возрожденія. Оттуда совпаденіе нѣкоторыхъ его мыслей и предрасположеній съ нѣкоторыми взглядами польскихъ славянофиловъ 20-хъ и 30-хъ годовъ [1]):

---

[1]) Ходаковскій уже въ 1818 г. «питалъ, по выраженію г. Пыпина (стр. 346—347 цит. статьи), идеи и сочувствія общеславянскія». Броданискій, возвращаясь въ 1826 г. изъ Италіи, писалъ въ одной Швейцарской деревнѣ, что онъ съ радостью разстался съ «Гесперійскими садами»:

Wszędzie piękność, wesołość, natura i sztuka,
Lecz niema, czego serce Słowianina szuka:
Niema błogiéj szczerości i głębszego czucia,
Pełno zewnątrz obrazy, a *wewnątrz zepsucia*!

Крашевскій въ статьѣ *Asmodeus w roku 1837*, помѣщенной въ Tygodn. Petersb. 1838, № 79, также отнесся отрицательно къ современной цивилизаціи Запада, представилъ ее гнилью, но не указывалъ средствъ исцѣленія, которыя были проповѣдываемы славянофилами. Лишь въ одной статьѣ 1837 г., говоря о программѣ «сравнительно-исторической грамматики славянскихъ языковъ», Крашевскій предсказывалъ сближеніе славянъ въ будущемъ: «cywilizacya łączy ludy tysiącem stosunków i potrzeb wzajemnych, ustanawia handel płodów umysłowych; wpływy częstsze, terminologie wspólne-powoli nieznacznemi ogniwami łączą najrozmaitsze języki; czemużby *bratnich* kiedyś nie związała wspólność ukształcenia i losów, jak je rozłączyły wypadky różne i odmienne koleje. Jest to daleko podobniejszém od projektu pasigrafii Leibnitza: co czas rozłączył, czas

оттуда же совмѣщеніе вліяній общеславянскаго, въ частности польскаго, и московскаго въ развитіи украинскаго славянофильства. — Что представители украинофильскаго народничества и славянофильства примыкали къ тому стремленію, которое одушевляло дѣятелей славянскаго возрожденія и этнографическаго изученія, напр. Ходаковскаго, и направляло къ изученію народной души, народнаго характера и поэзіи, это не можетъ подлежать сомнѣнію и безъ пространныхъ доказательствъ [1]). Не столь ясна связь украинскихъ панславистовъ съ московскими. У г. Петрова приведены нѣкоторые факты, какъ бы указывающіе на эту связь. Такъ, г. Петровъ упоминаетъ (стр. 255) о «мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ» Костомарова, «въ которыхъ авторъ возстаетъ противъ увлеченія западными доктринами, мѣшающими славянамъ познать самихъ

---

złączyć może, co rozdział odróżnił, połączenie zjednoczyć». Четыре года спустя Крашевскій вновь повторилъ эту мысль, но также—мимоходомъ. Chmielowski, Nasi powieściopisarze, 83—85.

[1]) Самъ Костомаровъ заявляетъ въ своей автобіографіи, что онъ съ любовью занимался этнографіей. Біограф. слов., 285. Въ болѣе полной автобіографіи Костомаровъ разсказываетъ, что въ 1836 г. онъ «вздумалъ учиться польскому и нѣмецкому языкамъ и нашелъ себѣ учителей ... въ три мѣсяца сдѣлалъ большіе успѣхи и, въ то же время, усиленно занимался исторіей и литературой». Р. Мысль 1885. № 5, стр. 201. Объ осени 1837 г. онъ сообщаетъ: «Въ это время мнѣ, уже прежде читавшему Гоголя, попались *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки и Тарасъ Бульба*. Это было чуть ли не первое пробужденіе того чувства къ Малороссіи, которое дало совершенно новое направленіе моей дѣятельности. Я читалъ Гоголя съ увлеченіемъ, перечитывалъ и начитаться не могъ ... Затѣмъ я взялъ небольшое изданіе пѣсенъ малорусскихъ Максимовича 1827 года, сталъ читать потомъ *Думы*, изданныя тѣмъ же Максимовичемъ, и совершенно увлекся ими. *Идея народности*, уже существовавшая въ то время, *стала сильно занимать меня*; я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацію Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться по чешски и сербски». Въ Москвѣ К-въ *«съ большимъ удовольствіемъ слушалъ Шевырева»*. Въ 1838 г. К-мъ «овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому». «Я вздумалъ, говоритъ онъ, писать помалорусски, но какъ писать? Нужно учиться у народа, сблизиться съ нимъ. И потъ я сталъ заговаривать съ хохлами, ходилъ на вечерницы, сталъ собирать пѣсни ... я сталъ дѣлать экскурсіи одна за другою». Р. Мысль, ib., 202—203. Ср. замѣчаніе г. Петрова на стр. 255.—Г. Кулишъ говоритъ о кіевскомъ кружкѣ: «Українська пісня и неписана словесність народу Українського натхнули молоді уми и Києві спасенною думкою — видвигнути свою націю с темрави, котора не дала духовним силам її піднятись из занепаду, а тим самим нівечила и її добробут». Хут. поэзія 7. Славянофильскія идеи повѣстей г. Кулиша указаны г. Петровымъ, но не полно приняты во вниманіе «Воспоминанія дѣтства Николая М.»

себя, и грозитъ гибелью надменному западу». Стихотворенія эти показываютъ, что Костомаровъ подпалъ вліянію московскихъ славянофиловъ ранѣе 50-хъ годовъ, когда, по мнѣнію г. Петрова, Костомаровъ познакомился съ воззрѣніями этихъ славянофиловъ. Онъ сроднился съ нѣкоторыми ихъ взглядами такъ, что не могъ отстать отъ нихъ даже въ петербургскій періодъ своей дѣятельности вопреки своимъ позднѣйшимъ друзьямъ [1]). — Пріятель Костомарова, А. А. Навроцкій, по сообщенію г. Петрова (стр. 258), перевелъ три стихотворенія Хомякова въ 1856 г.—Позднѣйшія связи украинофиловъ съ московскими славянофилами, дававшими въ «Р. Бесѣдѣ» мѣсто и стихотвореніямъ Шевченка, оставляемъ въ сторонѣ. Желательно было бы обстоятельное выясненіе отношеній украинскаго славянофильства къ московскому и къ вопросу о народности вообще. Въ 40-хъ годахъ въ нашей литературѣ велись оживленные споры о народности, о значеніи особенностей ея въ народной жизни и въ исторіи человѣчества, объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому. Къ сожалѣнію, г. Петровъ не говоритъ отчетливо о томъ, какъ отражались эти споры о народности въ вопросѣ о малорусской народности, и читателю приходится самому извлекать

---

[1]) Въ своей автобіографіи Костомаровъ говоритъ, что познакомился съ Конст. Аксаковымъ въ мартѣ 1856 г. въ Москвѣ у Кулиша; Аксаковъ очень понравился К—ву «своей прямодушной, увлекающейся натурой. Онъ съ увлеченіемъ толковалъ о славянскихъ идеяхъ»... «Въ февралѣ мнѣ было назначено читать рѣчь для акта. Я написалъ о Константинѣ Аксаковѣ. Рѣчь эта возмутила противъ меня Стасюленича, Пыпина, Б. Утина, которые видѣли въ ней переходъ къ славянофильству. Кавелинъ былъ на ихъ сторонѣ и видѣлъ въ моей рѣчи уклоненіе отъ прямаго пути». Р. Мысль, іюнь 1885, стр. 30 и 35.—Съ другой стороны, сѣверные славянофилы также относились не сочувственно къ Костомарову, какъ то доказываетъ полемика, которая велась противъ Костомарова въ «Дн.», затѣмъ Гильфердингомъ.—Г. Петровъ не упоминаетъ объ этой полемикѣ. Ср. ст. О. О. Миллера «Даръ пятидесятницы и наши первоучители» (Кіевская Старина 1885, № 9). По мнѣнію г. Миллера, Костомаровъ «оставался вполнѣ вѣрнымъ себѣ», «со своими южнорусскими единомышленниками» «понималъ *русское* единство подъ условіемъ сохраненія всѣхъ входящихъ въ него разновидностей», и вслѣдствіе этого «должно было явиться все болѣе и болѣе недоразумѣній между бывшими основателями Кіевскаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества» и тѣми, «кто считалъ себя преемниками умершихъ славянофиловъ», людьми, отступившими отъ ученія послѣднихъ «подмѣномъ внутренняго единства внѣшнимъ». Вслѣдствіе недоразумѣній южнымъ славянолюбцамъ приходилось вступать въ сдѣлки съ западниками, но Костомаровъ не вполнѣ соглашался съ направленіемъ западническихъ органовъ, въ которыхъ участвовалъ» (стр. 44—46).

для уясненія того факты, разсѣянные въ книгѣ г. Петрова отрывочно. Этихъ фактовъ немного. Мы узнаемъ лишь, что Кирилло-Меѳодіевскій кружокъ не ставилъ православія однимъ изъ необходимыхъ условій единенія славянъ и ограничивался лишь требованіемъ употребленія славянскаго языка въ богослуженіи всѣхъ славянъ. Относительно Шевченка г. Петровъ сообщаетъ (стр. 332), что, «обращаясь съ поученіемъ къ землякамъ, Ш-ко звалъ ихъ не назадъ, а впередъ: «роскуйтеся, братайтеся! обнимите найменьшого брата, учитеся своему и чужому» — вотъ что онъ внушалъ имъ (посланіе «до живыхъ и мертвыхъ и не нарожденныхъ землякiвъ моихъ»). Главнымъ образомъ надѣялся поэтъ на «слово разума святого», которое поставлено на стражѣ около людей» [1]). Изъ этихъ фактовъ вытекаетъ какъ будто, что украинскіе славянофилы считали не всѣ народныя особенности, отмѣчаемыя славянофилами, чѣмъ-то непреложнымъ и неизмѣннымъ. Если такъ, то уже въ 40-хъ годахъ украинскіе славянофилы примыкали къ западникамъ въ мысли о томъ, что *новое* содержаніе можетъ становиться національнымъ достояніемъ, что утверждалъ Бѣлинскій.

Слабо намѣтивъ связь украинскаго славянофильства съ общеевропейскою идеею народности, съ общеславянскимъ возрожденіемъ, этнографическимъ изученіемъ и московскимъ славянофильствомъ, г. Петровъ точно также недостаточно ярко освѣтилъ мѣстныя условія, содѣйствовавшія развитію славянофильства въ Харьковѣ и Кіевѣ.

Приведенныя нами выдержки изъ автобіографіи Костомарова показываютъ, что уже въ Харьковѣ К—въ соединялъ живой интересъ къ языкамъ и литературамъ разныхъ славянскихъ народностей съ особой любовью къ малорусской народности. То же подтверждаютъ научныя и литературныя произведенія Костомарова, относящіяся къ Харьковскому періоду его дѣятельности. Изъ нихъ видно также, что уже въ Харьковѣ Костомаровъ выработалъ мнѣніе о малороссахъ, какъ объ особой народности русскаго племени [2]). Эти воззрѣнія Костомарова и направленіе его дѣятель-

---

[1]) Г. Кулишъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній о Шевченкѣ въ половинѣ 40-хъ годовъ: «Раз по́ раз, у сій розмо́ві поривáв наш Кобзáрь óчі за ту мéжу, що відмежо́вує Импéрию од нарóдів западных». Хут. поезія 21.

[2]) Уже въ 1842 г. Костомаровъ высказалъ ту мысль, которая легла въ основу его статьи о двухъ русскихъ народностяхъ: «народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности Великороссійской; Малороссіяне новее

ности въ Харьковѣ характеризуютъ уже до извѣстной степени ту среду, въ которой возникло Харьковское славянофильство. Въ Харьковѣ уже съ 1816 г. пріобрѣло силу мѣстное литературное движеніе, ставшее въ началѣ 40-хъ годовъ вполнѣ сознательнымъ [1]). Кромѣ Квитки видными представителями его были нѣкоторые изъ лицъ, получившихъ образованіе въ Харьковскомъ университетѣ и не порывавшихъ связей съ нимъ. Эти послѣднія, въ особенности Срезневскій, Метлинскій и Костомаровъ, обращали усиленное вниманіе на славянское возрожденіе, занялись этнографическимъ изученіемъ украинской народности и благодаря тому постепенно пришли къ горячему убѣжденію въ полномъ правѣ на существованіе украинской литературы. Въ то время горячіе приверженцы славянской идеи должны были всѣми силами стараться о поднятіи сознанія угнетенныхъ и подавленныхъ славянскихъ племенъ и о развитіи для того мѣстныхъ литературъ. Необходимость при этомъ постоянно имѣть въ виду и общую литературную связь всѣхъ славянъ и заботиться о возможномъ сближеніи мелкихъ славянскихъ литературъ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ богатѣйшею изъ славянскихъ литературъ—русскою—въ 30-хъ и 40-хъ годахъ не могла еще выступать такъ ясно, какъ была формулована позже В. И. Ламанскимъ, заявившимъ въ 1864 г., что «только прекращеніе лите-

---

или не должны были касаться литературы, или же усвоить себѣ народность Великороссійскую. Несправедливость того и другаго мнѣнія, если бы кто имѣлъ несчастье защищать ихъ, очевидна сама собою». Молодикъ на 1844 годъ, стр. 160.

[1]) «Украинскій Вѣстникъ» началъ собою рядъ попеременныхъ изданій, выходившихъ въ Харьковѣ. Они были заключены Молодикомъ Бецкаго, который былъ «исключительно посвященъ южному краю». Въ этомъ сборникѣ «главными, по внутренней цѣли изданія», были мѣстныя статьи, относящіяся къ исторіи и статистикѣ Украины, матеріалы, памятники старины, біографіи замѣчательныхъ людей, лучшія произведенія изящной словесности на малороссійскомъ языкѣ, и пр. и пр.». «Я желалъ бы, говоритъ издатель въ концѣ выпуска 1844 года, чтобъ Молодикъ со временемъ принялъ совершенно мѣстный характеръ, оправдывающій его названіе; чтобъ самыя произведенія изящной словесности, въ немъ помѣщаемыя, представляли въ художественной формѣ изящный міръ Украйны, ея Исторію, однимъ словомъ, чтобъ все изданіе (предпринятое вначалѣ съ этою единственною цѣлію) отличалось русскою народностію, блескомъ украинскаго колорита, носило бы въ себѣ не одни внѣшніе признаки мѣстности, но и внутренніе» .... «Самая цѣль изданія ... заставляетъ меня надѣяться на богатую жатву съ дѣвственныхъ еще полей украинской литературы». Молодикъ на 1844 г., стр. 242—244.

ратурной автономіи всѣхъ славянскихъ нарѣчій и племенъ признаніемъ гегемоніи одного изъ нарѣчій славянскихъ можетъ положить конецъ ихъ нынѣшнему служебному положенію и духовному рабству»[1]). Увлеченіе всѣмъ народнымъ и любовное отношеніе къ индивидуальнымъ особенностямъ славянскихъ народностей оправдывали то значеніе, какое было придаваемо украинской словесности ея пламенными ревнителями. Въ этомъ отношеніи Срезневскій, который былъ панславистомъ и романтикомъ въ Харьковскій періодъ своей дѣятельности, долженъ былъ произвести особое впечатлѣніе на Костомарова. Въ теоретическихъ воззрѣніяхъ Срезневскаго[2]) заключалось какъ нельзя лучшее оправданіе сліянія украинофильства съ двигательными началами славянскаго возрожденія. Въ приведенномъ г. Петровымъ воспоминаніи Де-Пуле о лекціяхъ Срезневскаго, эта сторона ученія молодаго слависта, снискавшаго громадный

---

[1]) Отеч. Зап. 1864 г., т. CLVII, стр. 182. См. выше, во введеніи, слова г. Ламанскаго, разъясняющія эту мысль и заслуживающія глубокаго вниманія.

[2]) Въ періодъ до перехода въ Петербургскій университетъ Срезневскій выказывалъ «преувеличенное увлеченіе всѣмъ народнымъ, стремленіе найти въ немъ разгадку исторіи и уясненіе національнаго характера». Ганка въ письмѣ къ министру Уварову назвалъ Срезневскаго «этнографомъ» по преимуществу. См. *А. Ѳ. Бычкова* «Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ за 1880 годъ» (Сборн. отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н., т. XXII № 6), стр. 76. До путешествія своего за границу Срезневскій интересовался малорусскою народною стариною болѣе нежели всякою другою, но и въ этотъ періодъ онъ издалъ записанныя имъ со словъ дротарей «Словацкія пѣсни» и выдвигалъ въ предисловіяхъ къ разнымъ выпускамъ «Запорожской Старины» указаніе на общенаучный интересъ памятниковъ, выходившихъ въ этомъ изданіи. Очевидно, уже тогда у Срезневскаго слагался тотъ взглядъ, который былъ высказанъ отчетливо потомъ, когда Срезневскому пришлось говорить объ «изученіи топографическомъ славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ ихъ народной словесности». По мнѣнію Срезневскаго, «каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная словесность представляетъ этнологу, историку, филологу хотя нѣчто такое, что на перекоръ судьбѣ пережило долгіе вѣка и сохранилось только въ немъ, что каждый славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звеномъ въ общемъ развитіи славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ общеславянскихъ вопросовъ». Срезневскій «отдавалъ предпочтеніе маленькимъ народнымъ литературамъ, уважающимъ свое родное, предъ большими развитыми, занимающимися отвлеченными вопросами и потому далекими отъ народа». Бычковъ, ibid., стр 21—39.—Указаніе на тѣсную дружбу Костомарова со Срезневскимъ во время пребыванія ихъ въ Харьковѣ имѣется и въ автобіографіи Костомарова: Р. Мысль 1885, № 5, стр. 204. Въ «Збірникѣ творівъ Іеремії Галки» есть стихотвореніе «И. И. Срезневскому. При одъїзді ёго на чужину».

успѣхъ въ Харьковѣ, не выдвинута съ надлежащею отчетливостью. Представленная А. Ѳ. Бычковымъ характеристика взглядовъ Срезневскаго въ Харьковскій періодъ дѣятельности послѣдняго выясняетъ значительную долю самобытности въ Харьковскомъ славянофильствѣ, котораго Срезневскій былъ весьма виднымъ представителемъ. Оказывается, что панславистскія идеи проникали въ Украину не только изъ общерусской литературы, но также благодаря непосредственному изученію славянскихъ литературъ и народностей. Главнымъ образомъ это изученіе внесло въ содержаніе украинской литературы новую, невѣдомую ей дотолѣ, струю—панславизмъ.

Итакъ, начало украинофильскому панславизму было положено въ Харьковѣ. Въ Кіевѣ произошло осложненіе этого панславизма элементомъ новымъ, доктриной соціально-политической. Самъ Костомаровъ сообщаетъ въ своей автобіографіи, что лишь на Волыни онъ началъ вникать въ тягостное положеніе народа [1]). Тѣ юноши, съ которыми сошелся потомъ Костомаровъ въ Кіевѣ, относились еще сердечнѣе къ этому положенію, а болѣе всего принималъ къ сердцу народное горе тотъ украинскій поэтъ, который съ трудомъ высвободился изъ путъ крѣпостнаго права и, прибывши въ Украину, сталъ однимъ изъ вдохновеннѣйшихъ защитниковъ человѣческихъ правъ крестьянства, т. е. Шевченко. Какъ извѣстно, и московскіе славянофилы весьма интересовались рѣшеніемъ крѣпостнаго вопроса. Въ Кіевѣ, повидимому, школѣ самостоятельно отдались этому вопросу со всѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживалъ. Г. Кулишъ возводитъ появленіе такихъ стремленій какъ бы ко вліянію Св. Писанія на ряду съ народною поэзіею [2]), но уже въ его собственныхъ словахъ встрѣчаемъ любо-

[1]) «Въ Ровно я сталъ непріязненно относиться къ поляковъ помѣщикамъ и жидамъ: бесѣдуя постоянно съ народомъ, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, какъ страшно бѣденъ и забитъ народъ на Волыни. По выѣздѣ оттуда, русскіе помѣщики, по сравненію съ польскими, показались мнѣ почти гуманными людьми и самый народъ, по мѣрѣ приближенія къ Великороссіи, казался мнѣ болѣе живымъ и крѣпкимъ». Р. Мысль 1885, май, 209.

[2]) Г. Кулишъ говоритъ, что кіевская молодежь «була́ глибоко просвічена святі́мъ письмо́мъ». Хут. поэзія, 8. «Учителемъ киевської ку́пки послідува́телів проповідника глаго́лів живота́ вічного був сам ніи. Усі бо вони були́ рівні між себе... Тілько на Шевченка взира́ло незвизане нічі́м, опріч дружби, братте, як на якийся небе́сний світи́льник»... Считали себя вдохновенными свыше. Задумали «ви́двигнути рідну на́цію з духо́вного занепаду, а украінського кренака́ з неволі духо́вної и соціяльної». Ibid. 9. Замѣтимъ, что то изреченіе Св. Писанія, которое пользовалось особымъ вниманіемъ въ средѣ

нытное выраженіе, которое указываетъ какъ бы и на иной источникъ Кіевской доктрины [1]). Мы видѣли, что г. Пыпинъ, слова котораго повторены г. Петровымъ, сближаетъ мечты малорусскихъ патріотовъ съ «мечтами, которыя нашли тогда энтузіастическихъ проповѣдниковъ въ Ламенне, Гверацци и проч.» Иные указываютъ на болѣе близкій источникъ, на то движеніе, которое выступало въ то время въ польской литературѣ [2]), и это послѣднее указаніе заслуживаетъ на нашъ взглядъ также нѣкотораго вниманія. Вспомнимъ идеи поэмъ Красинскаго [3]), ученіе Товянскаго [4]) и мессіанизмъ Мицкевича [5]), сопоставимъ ихъ съ ученіемъ

кіевскихъ панславистовъ: «Духа не угашайте» составило предметъ особой брошюры, изданной подъ этимъ заглавіемъ въ 1819 г. въ С.-Петербургѣ.

[1]) Ibid. Исповѣдывала эту доктрину «*коммуна* не бѣлыя жмѣни нѣрих душ», не захотѣвшихъ оставить Спасителя.

[2]) См. ст. V. Kovačević-a: «Književni preporod Malorusa» въ «*Zvonimir*, almanak hrvatske omladine za godinu 1886. Izdalo ga hrvat. akadem. družtvo «Zvonimir» u Beču. U Zagrebu 1886», стр. 199—200: «Osim toga bijaše taj panslavizam više kopija onoga panzlavizma, koji je u to doba našao odziva te propovjednike svoje, posrednictvom Poljaka - emigranta, u Francezkoj, te je tražio, perhorescirajuć Rusiju i panslavizam ruski, sjedniti sve Slovjene, medju njimi i Malorusc, proti Rusom, s kojimi se ne mogoše složiti polonofilski ondašnji Francuzi. Malorusi steniahu u ono doba još odviše pod moralnim pritiskom Poljaka, koji se u samoj Ukrajini kao kod kuće baniše, te se ne mogahu tako lako njihovu uplivu oteti. Da, činilo se je dapače, kano da su Malorusi ne jedan put bili pripravni prije se sljubiti s istimi Poljaci ne sa sjevernimi suplemenici svojim».

[3]) Белицкопскій такъ излагаетъ идею, выступающую въ Niedokończonym poemacie Красинскаго: «Swiat dotąd składa się z ciemieźców i ciemięźonych; chodzi o to, ażeby wszyscy przemienili się w ludzi wolnych i szczęśliwych....» Послѣ нѣковъ столкновеній народовъ и сословій міръ можетъ достигнуть счастія и свободы путемъ евангельской любви. Въ «Nieboska komedya» Pankracy умираетъ, «przyznając falsz swoich zasad i dążności, a prawdę» tym, którzy w miłości widzieli jedynie zbawienie świata». Bełcikowski, 400. Въ «Irydyon» развита мысль, что политическое примиреніе можетъ произойти только въ духѣ любви: «wybawienie narodów ma być dziełem nie zemsty, nie wojny i mordów, ale dziełem miłości zapowiedzianéj przez słowo boże, kiedy ta przejdzie w ducha ludzkości i z martwéj litery, jak dotąd, stanie się czynem». Ibid. 401. О «Nieboska komedya» говорилъ съ университетской каѳедры въ Кіевѣ даже профессоръ русской словесности А. И. Селинъ еще въ 50-хъ годахъ; упоминалъ онъ о ней съ большимъ уваженіемъ даже въ лекціяхъ конца 60-хъ годовъ, которыя мы слушали.

[4]) См. о немъ въ ст. Макушева въ «Славянскомъ Ежегодникѣ» 1884.

[5]) Мессіанизмъ также имѣлъ въ виду братство народовъ и ихъ общее благо. О немъ см. во II-мъ т. монографіи Хмѣлёвскаго о Мицкевичѣ. См. также замѣтку Токаржевича: «Adam Mickiewicz w Collège de France» въ № 16 газ. «Kraj» 1885 г.

кіевскихъ панславистовъ и мы должны будемъ признать нѣкоторую близость идей послѣднихъ къ мечтамъ перечисленныхъ польскихъ писателей. Далѣе, въ польской украинской литературѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ говорилось по временамъ о всеславянскомъ значеніи Кіева [1]), и мечты о всеславянскомъ призваніи Польши страннымъ образомъ сливались съ идеей о великомъ призваніи Кіева. Въ самомъ Кіевѣ были поляки, интересовавшіеся нѣмъ славянствомъ и не питавшіе нетерпимости къ русскимъ [2]); они были въ пріятель-

---

[1]) Въ Powieści kozackie, 142, читаемъ: «Kijów jest prawdziwą kolebką Sławiańszczyzny-tamtędy przepływały ludy Sławiańskie rozlewając się po Europie ... Jest cos dziwnego w położeniu, w powietrzu, w budowie miasta, że każdy Sławianin czy to z nadbrzegów Dunaju, czy Wisły — czy z gór Karpackich lub Czeskich, z po nad Morza Adrijatyckiego czy Baltyckiego wjechawszy doń-przeniknionу jest uczuciem poszanowania dla téj kolebki swego rodu. Nieraz mi się zdarzyło mówić z Sławianami różnych krajów, każdy na to się godził, ze Kijów jest Arcy Sławiańskiém miastem». Въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій Чайковскаго не разъ повторяется мысль, что Кіевъ — всеславянская столица См. Legendy, 297, 302, 304, 305, 307. Недаромъ въ свои послѣдніе годы Чайковскій искалъ новой жизни именно въ Кіевѣ, какъ и одинъ изъ его героевъ (Legendy, 311). Но, называя Кіевъ всеславянскою столицей, Чайковскій мечталъ прежде о торжественномъ въѣздѣ польскаго короля въ Кіевъ, о томъ, что въ Кіевѣ будетъ господствовать лянская рѣчь и надъ городомъ будетъ развѣваться знамя съ бѣлымъ орломъ. Слѣдовательно, славянофильство Чайковскаго было тоже, что и Б. Залескаго. Послѣдній до 1830 г. совсѣмъ даже не упоминаетъ о «славянствѣ»; это слово встрѣчается довольно часто въ «стихотвореніяхъ» Залескаго лишь послѣ 1830 г., но польскій поэтъ, говоря о славянскомъ братствѣ, желалъ при этомъ, чтобы во главѣ славянства стала Польша:

Nie chcę oklasków słowiańskiéj rzeczy,
Bo bez méj Polski nic mnie nie cieszy.

Такія желанія питало большинство польскихъ писателей, исполненныхъ будто бы сочувствія ко всему славянству: къ Россіи они относились враждебно и не сочувствовали русскому панславизму. Оттуда-то отношеніе Крашевскаго къ Грабовскому, которое составитъ предметъ слѣдующаго примѣчанія. Wincenty Pol, въ своей рѣчи, произнесенной въ Институтѣ Оссолинскихъ 12 октября 1863 г., ставитъ даже въ заслугу Польшѣ то, что ея литература боролась съ кабинетной теоріей русскаго панславизма: «walczył z nią duch literatury polskiej XIX wieku, i walczył z nią z takim skutkiem, że dziś przejrzały ludy sąsiednie słowiańskiej i germanskiej rzeszy, bo Słowianie pragną zająć tylko stanowisko narodowe». Bibl. Ossolińskich, t. VII, str. 386.

[2]) Въ автобіографіи Костомарова читаемъ подъ 1846 г.: «Всего чаще посѣщалъ меня тогда Гулакъ и одинъ старикъ-полякъ, химикъ, который не разъ развивалъ передо мною и Шевченко какую-то своеобразную теорію электричества и магнетизма, а мы подсмѣивались надъ нимъ. Было этому полику лѣтъ подъ девяносто. Передъ третьимъ раздѣломъ Польши онъ былъ

скихъ отношеніяхъ съ такими вожаками украинофильскаго движенія, какъ Костомаровъ и Кулишъ. Намъ кажется, что соприкосновеніе украинцевъ съ этими представителями польской интеллигенціи и знакомство съ польско-украинскою литературою должны были оставить немалый слѣдъ въ мысли кіевскихъ славянофиловъ, ко-

---

отправленъ Екатериной II, въ качествѣ агента, въ Турцію волновать турецкихъ славянъ. По убѣжденіямъ онъ былъ панславистъ и республиканецъ, мечталъ о соединеніи славянъ и несславянской республикѣ». Р. Мысль 1885, май, 211. Изъ ряда поляковъ, жившихъ въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ, выдавался названный уже много разъ нами Мих. Грабовскій, съ которымъ, какъ мы видѣли, былъ хорошо знакомъ Кулишъ. Уже въ 30-хъ годахъ Грабовскій высказалъ достопримѣчательный взглядъ на «людъ украинскій», какъ на рѣзко отдѣляющуюся вѣтвь русскаго народа, сохранившую въ довольно чистомъ видѣ исконныя племенныя черты. «Lud ukraiński, писалъ Грабовскій, jak wszystkie inne gałęzie słowiańskiego szczepu, zachował dużo przyrodniéj narodowości i szczętów w najodleglejszych czasach wykształconego uobyczajenia, które niech co chcą mówią *), jest dziś dla nas szczéra poezyą. U Ukrainców dochowały się one jeszcze całkowiciéj jak u wielu innych i z charakteryczniejszą właściwością. Sama (dziś powszechnie przyznana) wysoka wartość ich poezyi gminnéj świadczy że wywinąć się musiała śród szczególnych obyczajów, wielkiém czuciem i żywą fantazyą obdarzonego płomienia. Tak jest w rzeczy saméj. Przytém kilkowiekowy byt polityczny tego ludu namnożył pamiątek i zwyczajów kozackich, któremi różni się Ukraina od reszty pokrewnéj sobie Rusi słowiańskiej». Lit. i Krit. 1839, str. 51. Ср. то, что говоритъ Грабовскій въ t. I, cz. dr., str. 96: есть такіе народы, которые doszły do *cywilizacyi*, to jest do pojmowania siebie, natury i Boga, inną drogą = wykształceniem serca i uczucia.... Uosabia Göthe taką cywilizacya w swojéj Ifigenii, kiedy ta mówy: *Ja nie myślę, ja czuję*». Отголоски такого воззрѣнія встрѣчаются даже въ позднѣйшихъ статьяхъ Костомарова (1861 г.). Костомаровъ также признавалъ «глубокую древность южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ славянскаго міра» и «форму кочевства» считалъ «народившеюся собственно въ древности». Въ отношеніи къ идеямъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка не безынтересно, что въ 1842 г. Грабовскій отзывался весьма сочувственно о Варшавской «Денницѣ» (Jutrzenka) (см. Tygodnik Petersburski» 1842, № 46) (ср. Денницу 1842, № 13), а въ 1843 г. задумалъ-было стать апостоломъ славянскаго единенія. Онъ хотѣлъ выпускать въ Кіевѣ повременное панславянское изданіе, подъ названіемъ *Słowianin*, и представилъ Писареву, начальнику канцеляріи генералъ-губернатора, программу этого изданія, въ которой обѣщалъ, повидимому, очень много въ пользу правительственной власти. Рукопись программы сдѣлалась извѣстной обществу, и польскіе кружки подняли вопль. Грабовскій написалъ тогда новое изложеніе своихъ взглядовъ и послалъ его адъютанту Струтинскому, который распространилъ ранѣе молву о представленной Грабовскимъ про-

---

*) Zarzucano że mniemana *Cywilizacya uczuciowa* jest wymysłem nowych *Słowianofilów*.

торые, само собою разумѣется, проникались и панславянскими стремленіями русской литературы [1]) и въ нихъ находили исправленіе

граммѣ будущаго панславянскаго изданія. Въ запискѣ къ Струтинскому Грабовскій провозгласилъ неизбѣжность и необходимость соединенія и сліянія польской вѣтви славянства съ побѣдившею ее націею. Копія этого письма распространилась повсюду въ польскихъ кружкахъ и вызвала новыя опасенія польскихъ патріотовъ касательно возможности политическаго раскола въ средѣ поляковъ. Холоневскій и Краневскій стали на стражѣ полной польской особности и самобытности въ мысли и не допускали никакихъ уступокъ. Грабовскій остался въ одиночествѣ: прежніе его друзья, Залескій, Гощинскій, Краневскій, отшатнулись отъ него. Грабовскій поселился въ Кіевѣ, сблизился съ малорусскими литераторами, между прочимъ и съ Кулинемъ. Подъ конецъ своей жизни Грабовскій началъ усматривать «непреодолимыя препятствія и преграды на пути, который всегда признавалъ труднымъ». *Dr. Antoni J.* J. I. Kraszewski i ksiądz A. Chołoniewski, 40—44.

[1]) Слова Шевченка въ «Посланіи славному П. І. Шафарикові»:

І потекли въ одно море
Славянськиї ріки!

а равно стихи:

Слава жъ тобі, Шафарику,
Во віки і віки,
Що звів-еси въ одно море
Славянськиї ріки!

напоминаютъ стихъ Пушкина (въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи»):

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?

У Шевченка находимъ оригинальное примѣненіе идеи, высказанной Пушкинымъ: «русское море» превращено въ общеславянское. При этомъ Шевченко высказывалъ желаніе,

Щобъ усі Славяне стали
Добрими братами,
И сынами сонця правди
І єретиками
Оттакими, якъ Констанський
Єретикъ великий!

Извѣстны стихотворенія Хомякова, заключавшія такой же призывъ, напримѣръ стихи:

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ
Златоверхая Москва!
Вспомнимъ: мы — родные братья,
Дѣти матери одной:
Братьямъ — братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

того вѣковаго заблужденія въ отношеніи русской народности, отъ котораго, какъ и отъ соединенной съ нимъ нетерпимости, не могло отрѣшиться большинство польской интеллигенціи. Польской идеѣ о расширеніи Польши до Днѣпра, о политическомъ мессіанизмѣ и главенствѣ Польши въ славянскомъ мірѣ была противопоставлена въ Украинѣ идея болѣе широкая и могучая. Украинская мысль претворяла въ Кіевѣ болѣе или менѣе оригинально идею всеславянскаго единенія и вырабатывала частности и подробности программы этого единенія, руководясь ближайшимъ соприкосновеніемъ съ тою частію славянства, съ которою Русь пребывала въ вѣковой борьбѣ; украинская мысль находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстныхъ условій жизни и старалась примирить общее съ частнымъ. При этомъ не обходилось и безъ чрезмѣрнаго увлеченія своими мѣстными преданіями [1]).

Такъ слагались до осени 1845 г. [2]) взгляды нѣсколькихъ просвѣщенныхъ украинцевъ, жившихъ въ Кіевѣ и увлекшихся пан-

---

Стихотворенія Хомякова воспламеняли и нашихъ заграничныхъ братьевъ. К. Устіяновичъ говоритъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ: «пôдозвавъ ся до мене зъ поезій Хомякова (котри я дôставъ водъ Расевского) такій патріотичный огняный духъ всеславянскій, кипѣла въ нѣмъ такъ горяча любовь до всѣхъ народôвъ Славы — не выключаючи и Поляковъ, — вѣяло зъ нихъ такимъ теплымъ вѣтромъ надѣѣ, а будучнôсть Славянъ сіяла зъ нихъ такимъ чарôвнымъ блескомъ, що они сталися пôдъ разу моимъ евангеліемъ, а Хомяковъ идеаломъ патріота, пророка всеславянства». «Однакъ пôзнѣйше, коли стававъ спокôйнѣйшимъ, находивъ я часто неодно, що побуджуна до критики. Менѣ не сподобалось, що Хомяковъ написавъ:

Арлы́ славя́нскіе взлетаютъ
Шірокімъ, дерзостнымъ крілôмъ,
Но мôцную главу склоня́ютъ
Предъ ста́ршімъ северным арлôмъ.

Hier zeigte der Engel den Pferdefuss».... М. О. Расевскій и россійскій написавшимъ, 16—17. Потомъ, прибывъ въ Россію, Устіяновичъ услышалъ отъ «одного дуже честного москаля»: «Хиба-жь вы думаете, що въ Россіи хто-небудь читае Хомякова? Хиба-жь вы вѣрите, що вôнъ тутъ для кого пророкомъ? Вôнъ-апостолъ Славянъ, а не русскихъ! Мы-жь за багато маемо самолюбія....» Ibid., 28.

[1]) Предисловіе «До землякôвъ» въ книжкѣ Кулиша «Украйна» (К. 1843) начинается словами: «Не було въ свѣтѣ люду одважнѣйшого й славнѣйшого надъ Грекôвъ и Козакôвъ: нема жъ ни въ кого й пѣсень лучшихъ, якъ у Грекôвъ да въ Козакôвъ».

[2]) «Такъ провадили ми на́ше діло́, въ благода́тній тихості, до ро́ку 1845. В осени 1845 ро́ку, я розлучивсь не кіевськими апо́столами наро́днеі свобо́ди и переіхав на службу в столи́цю». Хут. поезіи, 10.

славянскою идеею, съ которою они соединили стремленіе къ поднятію просвѣщенія на Украинѣ и улучшенію положенія крестьянства [1]).

Костомаровъ, поселившійся въ Кіевѣ въ 1845 г., подружился съ ними и сообщилъ новое движеніе ихъ мыслямъ, обративъ особенное вниманіе своихъ друзей на общеславянскіе вопросы. Эти послѣдніе вызывали много споровъ [3]), и мысль собесѣдниковъ вызрѣвала, пока, наконецъ, кружокъ, составившійся уже до прибытія Костомарова въ Кіевъ, не преобразился подъ вліяніемъ Костомарова [2]) въ товарищество панславянской и украинофильской пропаганды, задавшееся самыми широкими затѣями [4]) и слившее мечты панславизма съ народничествомъ.

Невзгода, постигшая членовъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, болѣе внимательное изученіе современной жизни и исторіи русскаго народа, бо́льшая зрѣлость мысли привели со временемъ бывшихъ кіевскихъ мечтателей къ измѣненію прежнихъ взглядовъ и къ нѣкоторымъ новымъ воззрѣніямъ. Г. Петровъ отмѣчаетъ вслѣдъ за Пыпинымъ, что «дѣятели братства, получившіе амнистію въ началѣ минувшаго царствованія, впослѣдствіи далеко не остались вѣрны своимъ старымъ идеямъ, и между ними особенно Кулишъ» (стр. 235), но, къ сожалѣнію, не разъяснилъ обстоятельно (см. стр. 332, 349, 355),

---

[1]) «Мали ми на ду́мці не одно́ те, щоб тілько ви́рвати крепаськ у пана з рук. Сёго з нас було́ ма́ло, або лучче сказати, се и нас було́ діло остáнне. Проч. грамою *на́шого* освобожденія крепаків служи́ли слова́ Избавители: «И уразумѣете и́стину, и и́стина свободи́т вы́»..... Ми зна́ли, що в Англиї не право и не декрéт, а культура зни́щила крепа́цтво». Ibid. 13.

[2]) Въ своей автобіографіи Костомаровъ говоритъ: «Когда я сообщилъ Шевченко о существованіи общества, онъ тотчасъ же изъявилъ готовность пристать къ нему; но отнесся къ его идеямъ съ большимъ задоромъ и крайнею нетерпимостью, что послужило поводомъ ко многимъ спорамъ между мною и Шевченко». Р. Мысль, май 1885, 211.

[3]) Костомаровъ написалъ въ своей автобіографіи (ibid.): «Идеи *основанного мною* общества»..... Мысль о созданіи этого общества явилась въ январѣ 1846 г. среди разговоровъ Костомарова съ Н. И. Гулакомъ и В. М. Бѣлозерскимъ.

[4]) Въ «Хут. поэзіи» читаемъ: «я.... догадавсь не корреспонде́нціи, що моє киевське бра́тте щось компонує собі инше, ши́рше и небеспечнійше од нашої *первохристиянської коммуни*» (стр. 11). «Самъ Шевченко зробивсь не тим, яки́м я ёго поки́нувъ, ідучи з Украіни. Се вже був не кобзарь, а національний пророк.... Ки́евська интеликгенціи, лучче сказати плодюща її части́на, обгортала украінського барда глибоким почитанням» (стр. 15). Ср. о Шевченкѣ еще отрывокъ изъ воспоминаній Кулиша въ № 6 газ. «Трудъ» 1881 г.

въ чемъ состояла перемѣна во взглядахъ Костомарова и Шевченка. Нельзя не признать этотъ пропускъ весьма существеннымъ въ виду того интереса, какой представляютъ, напр., послѣднія статьи Костомарова по вопросу объ украинской литературѣ.

Вслѣдъ за г. Петровымъ не станемъ и мы вдаваться въ разсмотрѣніе позднѣйшихъ взглядовъ Костомарова и сопоставленіе ихъ съ прежними, а равно оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, отступилъ ли въ чемъ-нибудь Шевченко подъ конецъ своей жизни отъ взглядовъ своей молодости. Мы замѣтимъ лишь относительно г. Кулиша, что его колебанія между Польшей и всероссійскимъ, крѣпко сплоченнымъ, *государствомъ* составляютъ весьма характерное явленіе, обусловленное не личными только качествами г. Кулиша, къ которымъ сводятъ его превращенія Костомаровъ [1]) и Мордовцевъ; колебанія г. Кулиша — повтореніе вѣковой коллизіи, которую не разъ испытывали западно-русскіе болѣе или менѣе интеллигентные люди, начиная съ XV в., люди, горячо любившіе свою родину, но не возвышавшіеся достодолжнымъ образомъ надъ своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ, во имя высшей любви ко всей русской землѣ [2]). Того же узкаго мѣстнаго патріотизма исполнены и тѣ наши заграничные собратья, которые повторяютъ тривяльныя выходки противъ «москалей», столь обычныя у поляковъ, а также въ нецензурныхъ стихотвореніяхъ Шевченка. Галичане,

---

[1]) Г. Петровъ (стр. 293) приводитъ слова Костомарова, соглашаясь, очевидно, съ ними.

[2]) Проф. Коялоничъ отмѣчаетъ политическія колебанія западно-русскихъ земель уже въ XV стол. По его мнѣнію, эти колебанія начались уже при Витовтѣ (не будетъ ли вѣрнѣе сказать, что они начались съ 1386 г.?). «Витовтъ знаменитъ и силенъ тѣмъ, что онъ, если смотрѣть на него, какъ на выразителя внутренняго склада жизни Литвы, точно и теперь живетъ въ западной Россіи и вышелъ изъ живой западно-русской среды. Тамъ и теперь много Витовтовъ, конечно въ миньятюрѣ.... Дѣла Витовта живутъ до сихъ поръ...» Церк. Вѣстникъ 1886, № 12. — Въ этомъ отношеніи одной изъ характерныхъ личностей южно-русской исторіи является Байда. Одинъ критикъ драмы Кулиша, героемъ которой является Байда, провелъ интересную параллель между Байдою и самимъ авторомъ ея. По словамъ этого критика, не избѣжавшаго преувеличенія, «созданный г. Кулишемъ Байда безъ опредѣленнаго идеала и съ смутными порывами къ чему-то неизвѣстному, постоянно мѣняющій свою преданность, предающій сегодня то, чему вчера поклонялся, а завтра измѣнникъ и передъ тѣмъ, во имя чего онъ сегодня предалъ вчерашняго идола, такой Байда и вся эта «драма» г. Кулиша пріобрѣтаетъ несомнѣнный интересъ въ смыслѣ матеріала для объясненія, если не эпохи, ею изображенной, то литературной физіономіи самого автора («Сѣв. Вѣстн.» 1886, № 1).

считающіе безусловно непогрѣшимыми идеи послѣдняго, забываютъ печальныя обстоятельства, при которыхъ создавала свои пѣсни негодующая муза украинскаго кобзаря, напр. господство крѣпостнаго права, а также односторонность и постепенное созрѣваніе воззрѣній Шевченка[1]), и изъ-за временныхъ невзгодъ малорусской народности упускаютъ изъ виду великое будущее русскаго народа, обусловленное единеніемъ его племенъ[2]).

---

[1]) Укажемъ хотя бы на воспоминанія Я. И. Полонскаго при I-мъ т. Пражскаго изданія Кобзаря. Полонскій (стр. XII) говоритъ, что политическія убѣжденія Шевченка «были на столько же непрактичны, на сколько благородны. Разъ на вечерѣ у Бѣлозерскаго, редактора журнала «Основы», я помню, Шевченко подтвердилъ мнѣніе одного заѣзжаго славянина—Галичанина, что всякая политика безнравственна, что ради политическихъ соображеній совершались и совершаются всѣ неправды и изъ нихъ проистекаютъ всѣ злосчастія племенъ и народовъ, почему для государства самое лучше—не имѣть никакой политики. Помню также, что на Екатерину II Шевченко смотрѣлъ только какъ на виновницу крѣпостнаго права въ Малороссіи,—и знать ничего больше уже не хотѣлъ, ни видѣть, ни слышать».

[2]) См., напр., указанныя уже нами весьма интересныя но, къ сожалѣнію, написанныя съ односторонней точки зрѣнія воспоминанія К. Устіяновича. Г. Устіяновичъ противополагаетъ «россійскому панславизму» «народную малорусскую идею» и «славянскій федерализмъ, (стр. 17 и 21). Онъ вѣритъ «въ разумъ людской» (стр. 79), вѣритъ въ силу народности, которой «не спольщили 500 лѣтъ Польщѣ, не змосковщили 200 лѣтъ Москвы», убѣжденъ въ томъ, что «даремнй и нынѣшнй змагання нашихъ полономановъ, марна работа нашихъ москвомановъ, безумнй надѣѣ ультрамонтановъ» (стр. 58), и все-таки прислушивается лишь къ неразумнымъ толкамъ и застрашиваніямъ и игнорируетъ вѣковое направленіе исторіи русскаго народа, приводящее тяжкими испытаніями къ спасительному сознанію необходимости единенія и къ великому по своимъ послѣдствіямъ единенію его племенъ. Г. Устіяновичъ обращаетъ вниманіе лишь на пренебреженіе къ малорусской народности, которое вызывало, какъ мы видѣли, негодованіе въ лучшихъ людяхъ Украины уже въ 30-хъ годахъ, и не помышляетъ о томъ, что въ силу признаваемаго имъ торжества разумности въ человѣческой исторіи онъ долженъ былъ принять во вниманіе преимущественно мнѣнія тѣхъ людей, о которыхъ вспоминаетъ такъ (стр. 32): «На вечеркахъ у Ламанскаго, профессора университету, збиралися люде свѣтлй, благороднй, любителѣ Славянъ, якъ дѣйствительный штатскій совѣтникъ Гильфердингъ, слѣпець Ширяевъ и щирй покровителѣ Галичанъ. И я хоть и якъ брыдивъ ся товариствомъ россійскимъ Царства Польскаго, не мôгъ не почути глубоко поважаня и привязаня до тыхъ передовыхъ людей Россіи». Не считаетъ Устіяновичъ сепаратистами и своихъ украинскихъ пріятелей: «Они-жь черезъ мене переказували, щобъ Галичане занехали нерозумнои лайки на Россію. Они-жь всѣ горѣли для славы и чести Россіи. Они-жь були всѣ за единостею державною народôвъ Россіи. Они тôлько бажали свободы для свого рôдного слова.... И якй-жь они сепаратисты»? (стр. 47).

Здѣсь не мѣсто входить въ полную оцѣнку украинофильскаго панславизма, но, съ другой стороны, нельзя пройти молчаніемъ тѣ сужденія о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ, которыя вскользь прорываются въ книгѣ г. Петрова. Г. Петровъ считаетъ, повидимому, непрактичною програму Кирилло-Меѳодіевскаго кружка [1]). Иначе смотрѣлъ на эту програму Костомаровъ даже въ послѣднее время. По его словамъ, «нѣкоторыя desiderata кіевскаго кружка были приведены въ исполненіе, другія намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II». Высоко цѣнитъ идеи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка и другіе представители нашей науки. О. О. Миллеръ видитъ въ программѣ Костомарова туже «великую идею единства въ разнообразіи», которой встарину слѣдовало славянство, не взирая на латинянъ и грековъ, защищавшихъ треязычную ересь. Первоучители славянъ были проникнуты любовью ко всему человѣчеству; общество, задуманное въ Кіевѣ Костомаровымъ, «основывалось на началѣ широкой терпимости». Г. Миллеръ думаетъ, что первые московскіе славянофилы (Кирѣевскіе, Хомяковъ, К. Аксаковъ и Самаринъ) согласились бы съ этой программой, если бы она дошла въ подлинномъ видѣ до Москвы. «Но согласятся ли съ нею славянофилы теперешніе? — Будемъ надѣяться». Программа Костомарова «выражала идею единства въ разнообра-

---

[1]) На стр. 235 читаемъ: «Сами западные славяне, къ которымъ Кирилло-Меѳодіевское братство простирало свои объятія, вовсе не имѣли желанія идти въ эти объятія.... прежде, чѣмъ заботиться о соединеніи всѣхъ славянъ въ одну федерацію, подъ главенствомъ Россіи, — нужно было болѣе всего позаботиться объ улучшеніи внутреннихъ отношеній Россіи, что собственно и сдѣлалось задачей русской и украинской литературъ съ 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка». Мы не понимаемъ послѣдняго замѣчанія г. Петрова въ виду того, что самъ же онъ упоминулъ ранѣе о стремленіи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка къ распространенію идей о необходимости улучшенія внутреннихъ отношеній въ Россіи. Въ этомъ улучшеніи проф. В. И. Ламанскій усматриваетъ одно изъ необходимыхъ условій «благопріятнаго для Россіи теченія и развитія восточнаго славянскаго вопроса». По его словамъ, «борьба съ латинствомъ и германствомъ, на защиту всего своего будущаго, своей духовной и внѣшней самостоятельности... требуетъ самаго глубокаго сосредоточенія, самаго высшаго напряженія силъ, разнообразнаго раскрытія нашихъ дарованій, усерднѣйшей разработки нашихъ богатствъ, сколько возможнаго усилія и умноженія средствъ къ просвѣщенію и образованію, къ развитію личной и общественной энергіи». — На стр. 369 г. Петровъ говоритъ: «Новое украинофильство, начавшееся въ Россіи съ прошлаго царствованія, имѣетъ близкій и тѣсный связи съ прежнимъ украинофильствомъ, *отличаясь* отъ него лишь *большею практичностью и примѣнимостью къ дѣйствительной жизни*».

зіи». «Свобода жизни» «сказывается въ разнообразіи». Единство при такой свободѣ будетъ «чисто духовною, ненасильственною связью, *какую и можетъ лишь допускать* краеугольная въ настоящемъ славянофильствѣ правда внутренняя». Въ ученіе объ этой правдѣ внутренней «со смертію основныхъ, первоначальныхъ славянофиловъ стали проникать кое-какія позаимствованія у «правды внѣшней», со свойственнымъ ей принудительнымъ началомъ единства, уже не щадящаго жизненныхъ разновидностей» [1]). — По мнѣнію г. Пыпина, взгляду Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, «въ болѣе широкой постановкѣ, предстоитъ больше и больше пріобрѣтать распространенія и вліянія на ходъ «славянской идеи» въ Россіи» [2]). — И дѣйствительно, въ современномъ движеніи славянскихъ племенъ къ тѣснѣйшему культурному единенію [3]) повторяются нѣкоторыя идеи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка. Лишь одна изъ этихъ идей — можно сказать съ полною вѣроятностію — не имѣетъ будущности — мысль о томъ, что малорусское племя можетъ занять отдѣльное мѣсто въ національно-культурной федераціи славянскихъ племенъ: теперь, когда повсюду среди славянъ обнаруживается признаніе верховенства русскаго языка и величія его литературы, болѣе чѣмъ когда-либо немыслимо и неумѣстно созданіе вполнѣ самобытной обширной литературы на малорусскомъ нарѣчіи, которое не составляетъ отдѣльнаго языка [4]); малорусское племя врядъ ли создастъ значительную отдѣльную славянскую литературу даже за предѣлами русскаго государства.

Признаніе малорусскаго нарѣчія за отдѣльный языкъ, которое могло имѣть мѣсто среди украинскихъ панславистовъ, могло и не обусловливать политическаго сепаратизма. Въ тѣ годы, когда существовалъ Кирилло-Меѳодіевскій кружокъ, Кулишъ писалъ свой романъ «Черную Раду». По словамъ эпилога къ этому роману, авторъ «желалъ выразить во всей выразительности олицетворенной исторіи

---

[1]) Кіевск. Стар. 1885, № 9, ст. «Даръ Пятьдесятницы и наши первоучители»

[2]) Ист. слав. литер., 377.

[3]) См. ст. Т. Д. Флоринскаго: «Славяне и Россія» въ «Кіевскомъ Словѣ» 21 и 22 августа 1887 г.; имѣемъ далѣе въ виду рѣшеніе сходки, состоявшейся 25 августа въ Моравіи, о приглашеніи славянъ къ принятію русскаго алфавита для письма, и движеніе у австрійскихъ славянъ къ возстановленію Кирилло-Меѳодіевскаго богослуженія.

[4]) См. Лекціи по исторіи русскаго языка, А. И. Соболевскаго, 1888, введеніе. Это признаютъ и не предубѣжденные иностранные славяне; см., напр. стр. 220 статьи Ковачевича.

причины политическаго ничтожества Малороссіи и доказать каждому колеблющемуся уму не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южнаго племени съ сѣвернымъ. А это соединеніе уже было шагомъ къ потерѣ своей индивидуальности». — Отрицать соціальную подкладку Кирилло-Меѳодіевскаго кружка невозможно, но составитель программы этого кружка устраняетъ антигосударственную интригу и затѣи сепаратизма [1]). Во всякомъ случаѣ, въ идеяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка было много благородства и были выдвигаемы на видъ такіе важные вопросы, какъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, о народномъ образованіи, о славянской взаимности. Вопросъ объ этой послѣдней ставился примѣнительно къ великому значенію русскаго государства въ рѣшеніи славянскаго вопроса и широко, безъ той односторонности и крайности, въ какія впадали поляки, а также лица, составившія резо-

---

[1]) По разсказу Костомарова, въ разговорѣ 25 декабря 1846 г. «высказывались надежды будущаго соединенія славянскихъ народовъ въ одну федерацію *подъ скипетромъ Всероссійскаго Императора*». Ср. «Хут. поезіи», 28. Ср. еще мнѣніе М. И. Сухомлинова въ ст. «И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ» (Историч. Вѣстн. 1888, № 2, стр. 325): «къ числу даровитѣйшихъ ученыхъ и писателей, тогда еще молодыхъ», заговорившихъ о сочувствіи къ славянамъ, принадлежали И. С. Аксаковъ и Ник. Ив. Костомаровъ. Они сходились между собою въ томъ, что признавали необходимымъ изученіе славянства, но въ развитіи своей основной мысли не всегда руководствовались одними и тѣми же началами: Аксаковъ говорилъ о славянахъ какъ русскій писатель, принимавшій горячее участіе во всемъ, что совершалось въ нашей общественной и политической жизни; Костомаровъ имѣлъ въ виду преимущественно бытовую сторону: этнографія интересовала его гораздо болѣе политики.... Костомаровъ въ повѣсти своей *Панычъ Паталичъ* юмористически изобразилъ мечтателя, доведшаго идеи панславизма «до смѣшнаго». Мы воздерживаемся отъ общаго полнаго заключенія о стремленіяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, потому что еще не извѣстны данныя, собранныя слѣдствіемъ и др., а печатные матеріалы, въ томъ числѣ и воспоминанія Костомарова, не лишены противорѣчій. Замѣтимъ только, что даже Кулишъ, который выступилъ въ «Хуторной поэзіи» врагомъ «Москаля», мечталъ о «сонцѣ духовної свободы» и призывалъ лишь «выставить національное знамя на высотахъ науки и литературы», дѣйствовать «перомъ та лагодою», какъ подобаетъ людямъ, просвѣщеннымъ наукою, не потрясая «високіх стольців, не зневажая и великих заслуг давніх государників. Нехай старий завіт історії стоїть перед нами в своїй повазі» (стр. 132—134). См. еще ст. Костомарова «Украинофильство» въ Русской Старинѣ 1881, т. XXX.

ноцію Пражскаго съѣзда 1848 г.[1]); кіевскій кружокъ занялъ посредствующее положеніе между крайностями въ рѣшеніи славянскаго вопроса и представлялъ противодѣйствіе польскимъ мечтамъ о расширеніи Польши по Днѣпръ, о главенствѣ въ славянскомъ мірѣ, о политическомъ мессіанизмѣ. Близость къ сосѣднимъ славянскимъ племенамъ и другія обстоятельства сообщали особое направленіе кіевскому мышленію по славянскому вопросу. Недаромъ возлагали большія надежды на рѣшеніе славянскаго вопроса въ Кіевѣ такіе поборники славянской взаимности какъ Гильфердингъ[2]) и Хомяковъ[3]), и поэтъ Тютчевъ, который сказалъ о Россіи и Польшѣ:

А примирятся эти двѣ
Не въ Петербургѣ и Москвѣ,
А въ Кіевѣ и Цареградѣ.

VI.

Украинская литература съ начала прошлаго царствованія и общее заключеніе объ украинской литературѣ.

Украинская литература трехъ послѣднихъ десятилѣтій составляетъ прямое продолженіе украинофильской литературы сороковыхъ годовъ[4]). Между тѣмъ г. Петровъ обособляетъ «періодъ

---

[1]) См. объ этомъ съѣздѣ въ ст. Н. Стороженка объ А. Я. Стороженкѣ въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г.

[2]) Мнѣніе Гильфердинга извѣстно. Оно приведено, между проч., и въ Ист. слав. литер. Пыпина.

[3]) См. слова Хомякова о сборникѣ Максимовича «Кіевлянинъ»: «пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнью. Я увѣренъ, что слово и жизнь лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями» (стр. 180 книги Петрова)

[4]) Г. Кулишъ такъ опредѣлялъ въ «Основѣ» (1862, № 2, стр. 70—71) задачи новѣйшаго украинофильства: «Главное наше дѣло — пользоваться достойнымъ образомъ настоящими условіями нашего положенія. Главная наша цѣль — узнать самихъ себя, ознакомиться другъ съ другомъ, научиться всему хорошему, всему жизненному другъ отъ друга, утвердиться въ основныхъ своихъ понятіяхъ о народѣ и его потребностяхъ. Мы никуда не рвемся безъ оглядки; мы терпѣливо сносимъ неудобства настоящаго нашего положенія, изъ любви къ тому великому дѣлу, которымъ мы заняты. Мы твердо убѣждены, что, употребляя въ свою пользу настоящее, мы каждый день тво-

новѣйшаго украинофильства, съ 60-хъ годовъ и до позднѣйшаго времени». Говоря о моментахъ развитія украинской литературы XIX в., г. Петровъ такъ характеризуетъ послѣдній изъ этихъ моментовъ: «Среди разнообразія мотивовъ и направленій этого періода, въ немъ мало по малу пробивается демократическое направленіе, которое встало въ оппозицію польскому шляхетству и имѣло связи съ русской реалистической школой» (стр. 17). Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Петровъ отмѣчаетъ другія существенныя черты послѣдняго періода украинской литературы, и прежде всего—ея «соціально-общественное направленіе» (стр. 429). «Нужно было болѣе всего позаботиться объ улучшеніи внутреннихъ отношеній Россіи, что собственно и сдѣлалось задачей русской и украинской литературъ съ 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка» (стр. 235). Новое украинофильство отличается отъ прежняго «лишь большею практичностью и примѣнимостью къ дѣйствительной жизни» (стр. 369). «Стремленіемъ изучить простой народъ, сблизиться съ нимъ и просвѣтить его опредѣлилась и изящная украинская литература первыхъ лѣтъ прошлаго царствованія» (стр. 371).—Мы видѣли, что демократическое направленіе и оппозиція польскому шляхетству занимали видное мѣсто также въ украинской литературѣ 40-хъ годовъ, и уже тогда обозначились въ этой литературѣ соціально-общественное направленіе и стремленіе къ изученію простаго народа, къ сближенію съ нимъ и просвѣщенію его. Что до реализма, который будто бы былъ заимствованъ украинскими писателями изъ общерусской литературы, то онъ издавна имѣлъ мѣсто въ украинской литературѣ. Связь украинскихъ писателей съ общерусскими въ общей идеѣ, равно вдохновлявшей всѣхъ лучшихъ писателей времени нашего пробужденія въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, несомнѣнна, но въ частностяхъ

ромъ свое невѣдомое будущее. Оно придетъ, оно не можетъ не придти; но блага грядущей судьбы народа обусловливаются его внутренними достоинствами... Мы убѣждены, что только наша внутренняя дѣятельность, только внутреннія наши достоинства спасутъ насъ отъ ничтожества, которымъ долженъ томиться каждый, чувствующій способности стать выше..... Если нѣтъ въ насъ силы стать выше нынѣшняго нашего положенія, то мы и недостойны лучшей участи; а сила эта должна, по нашему убѣжденію, быть не механическая; все, въ жизни народовъ, зависитъ отъ развитія внутренней, нравственной силы... другихъ усилій (кромѣ усилій — познать себя) мы не намѣрены дѣлать». — То же повторялъ г. Кулишъ и въ послѣднее время (см. выше). Намъ кажется, что въ приведенныхъ словахъ передана вѣрно мысль, которою руководятся также новѣйшіе украинофилы подобно прежнимъ. Ср. идеи того Кіевскаго кружка 40-хъ годовъ, къ которому принадлежалъ г. Кулишъ.

были различія. Г. Петровъ готовъ признать (стр. 369) эти различія, но точнѣе не указываетъ ихъ. Такимъ образомъ въ изложеніи г. Петрова ярко не оттѣнены существенно новыя черты, которыми отличалась бы литература новѣйшаго украинофильства отъ прежней, лучшимъ представителемъ которой былъ Шевченко.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе частныхъ этюдовъ г. Петрова о новѣйшихъ украинскихъ писателяхъ и остановимся лишь на его общей оцѣнкѣ украинской литературы, вошедшей въ этотъ отдѣлъ разсматриваемаго труда.

Оцѣнка эта довольно скудна. Согласно своему первоначальному намѣренію—«сдѣлать опытъ такого изложенія украинской литературы нынѣшняго вѣка, въ которомъ *менѣе всего было бы апріорныхъ взглядовъ* и поболѣе фактическихъ данныхъ» (стр. 2), г. Петровъ старался воздерживаться отъ общихъ выводовъ о разсмотрѣнной имъ литературѣ. Выводы эти однако напрашивались сами собою, и г. Петровъ высказалъ ихъ мимоходомъ на стр. 372 и 373 своего труда. При этомъ г. Петровъ не избѣжалъ «апріорныхъ взглядовъ».

Въ общей оцѣнкѣ украинской литературы замѣчаются неполнота и односторонность, обусловленныя тѣмъ, что г. Петровъ почти не обращалъ вниманія на вліяніе разсматриваемыхъ имъ произведеній и на успѣхъ ихъ, на ихъ мѣстное значеніе. Въ этомъ сказался общій недостатокъ книги г. Петрова: въ ней, помимо далеко не вездѣ пригодной мысли о постоянномъ и преобладающемъ вліяніи русской литературы на содержаніе украинской, чувствуется отсутствіе мысли, которая органически проникала бы всю работу г. Петрова и сообщала бы ей внутреннее единство.

По словамъ г. Петрова, «въ направленіи своемъ, по преимуществу простонародномъ украинскомъ, новѣйшая украинская литература, по отзывамъ знатоковъ, имѣетъ полное право на существованіе и дальнѣйшее развитіе, удовлетворяя немногосложнымъ потребностямъ духовной жизни простаго народа и знакомя съ нимъ интеллигентные классы общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, заключенная въ узкія рамки простонародности, украинская литература не могла бы выдерживать сравненія съ другими славянскими литературами, получившими уже значительное развитіе. Поэтому понятнымъ становится стремленіе малорусскихъ патріотовъ обогатить свою родную, скудную литературу переводами образцовыхъ произведеній изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ.—Такимъ образомъ, въ новѣйшей украинской литературѣ можно замѣчать два

существенные элемента, или два направленія: одно изъ нихъ идетъ вглубь народнаго міровоззрѣнія и сознанія и ищетъ въ немъ питательныхъ корней для себя; другое идетъ вширь, старается раздвинуть такую сферу народнаго міросозерцанія и обогатить его заимствованіями изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. Но оба эти направленія не регулируются одно другимъ, расходятся въ противоположныя стороны и доходятъ до крайностей: первое не имѣетъ широты дѣйствія, а второе—надлежащей жизненности. Въ этомъ заключаются существенные недостатки современной малорусской литературы, не смотря на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ писателей».

Такова общая оцѣнка новѣйшей украинской литературы у г. Петрова. Изъ нея видно, что автору, дѣйствительно, не удалось говоря его словами—«развязать гордіевъ узелъ запутанныхъ отношеній», а между тѣмъ въ виду того обстоятельнаго историческаго изученія, которому посвящена книга г. Петрова, отъ него можно было бы ожидать болѣе вѣскаго слова; онъ могъ бы сказать это слово о предметѣ, подлежавшемъ его изслѣдованію, не какъ публицистъ, а какъ ученый—оставаясь въ предѣлахъ научнаго наблюденія.

Съ положеніемъ г. Петрова, что переводная украинская литература не имѣетъ «надлежащей жизненности», можно согласиться, если не имѣть въ виду Галичины, для которой литература эта не лишена значенія; но что до тезиса о томъ, что оригинальная украинская литература «не имѣетъ широты дѣйствія», то онъ требуетъ болѣе обстоятельнаго раскрытія, и невозможно удовлетвориться тѣмъ неяснымъ замѣчаніемъ, какое находимъ у г. Петрова.

Конечно, малорусской литературѣ въ силу историческихъ обстоятельствъ не довелось и врядъ ли удастся подняться до произведеній универсальнаго значенія, каковы произведенія Тургенева и Л. Толстого. Нерѣдко она наполнялась сентиментальными воздыханіями, лиризмомъ, не имѣющимъ особой цѣны, или же замыкалась въ тѣсный кругъ провинціальнаго быта. Нельзя отрицать и того, что въ украинской литературѣ выдвинулось болѣе посредственныхъ, а иногда бездарныхъ писателей, чѣмъ крупныхъ дарованій. Доселѣ она имѣла лишь одного поэта, котораго знаетъ все образованное славянство. Даже этотъ поэтъ не ограничивался творчествомъ на родномъ нарѣчіи и писалъ также на общерусскомъ языкѣ; онъ успѣлъ такъ выработать свою украинскую литературную рѣчь, что его читаютъ и довольно хорошо понимаютъ образованные люди

всего русскаго государства. Другіе талантливые малороссы либо совсѣмъ отдавали свою дѣятельность общерусской литературѣ, какъ Гоголь, либо дѣлали столько же кладовъ въ нее, сколько и въ украинскую литературу (Квитка, Кулишъ), либо посвящали большую часть своихъ силъ общерусской литературѣ (Костомаровъ, Марко Вовчокъ, Мордовцевъ). Уже изъ этого видно, что значеніе украинской литературы—ограниченное и не можетъ поравняться съ тѣмъ значеніемъ, какое принадлежитъ малорусской литературѣ въ современной Галичинѣ благодаря особымъ условіямъ жизни послѣдней и отрѣшенію ея отъ политической связи съ остальною русскою землею; потому то и галицко-русская литература превосходитъ въ настоящее время украинскую, о чемъ печатно заявилъ недавно г. Мордовцевъ. Характерно однако, далѣе, что и въ Галичинѣ, не смотря на ненависть, какую питаютъ къ общерусскому литературному языку и общерусскому государству поборники полной исключительности мѣстной литературы [1]), не возобладалъ всецѣло узкій мѣстный патріотизмъ, и не у всѣхъ утратилось живое воспоминаніе о томъ времени, когда «того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ».

Украинской литературѣ не быть литературою общенародною и даже въ земляхъ, заселенныхъ исключительно или преимущественно малорусскою народностью, не занять первенствующаго мѣста, подобающаго литературѣ на томъ языкѣ, который сталъ въ силу вѣковаго теченія исторіи общерусскимъ. Потому даже мѣстное значеніе украинской литературы должно признать весьма ограниченнымъ. Но, при всемъ томъ, найдется мѣсто для малорусской литературы даже въ случаѣ все большаго и большаго распространенія общерусской грамотности. Справедливо ли было бы заграждать уста поэту, который, вдохновляясь природою роднаго юга и жизнью и поэзіею южнорусскаго народа, тѣмъ языкомъ, на которомъ «.... мати спѣвала, якъ малого сповивала, зъ малымъ розмовляла», заговоритъ рѣчью Шевченка, будетъ «думать, читать и чужому научаться й свого не цураться»? Такого рода поэзія не будетъ вступать въ конкуренцію съ общерусскою и не будетъ вытѣсняема послѣднею, потому что у нея есть своя частная сфера вдохновенія и вліянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлы ея тѣже, что и у всякой другой поэзіи. Въ этомъ смыслѣ тезисъ объ отсутствіи «широты дѣйствія» у украинской

---

[1]) См., напр., *Огоновскаго* Исторія литературы русской, ч. I, Львôвъ 1887, Вступъ.

литературы подлежитъ ограниченію, и врядъ ли можно согласиться съ мнѣніемъ, усвояющимъ украинской литературѣ роль литературы преимущественно простонародной. Противъ этого мнѣнія говоритъ не только украинская литература послѣднихъ лѣтъ, но и весь ходъ развитія новой украинской литературы.

Разсмотрѣніе этого развитія даетъ намъ, кажется, право на слѣдующее общее заключеніе объ украинской литературѣ, не вполнѣ согласное съ мнѣніемъ г. Петрова.

Въ общемъ эта литература должна быть признана не искусственнымъ, а естественнымъ продуктомъ мѣстнаго развитія. Содержаніе украинской литературы было изначала при высшей художественности творчества народное. Народная тенденція была сильна даже у такихъ поэтовъ, которыхъ, какъ Котляревскаго, заподазривали въ подслуживаніи. Изученіе народности и преимущественно народная поэзія были живымъ источникомъ украинскаго литературнаго творчества. Вслѣдствіе того украинская литература отличалась нерѣдко оригинальнымъ содержаніемъ и оригинальнымъ стилемъ и была запечатлѣна оригинальнымъ колоритомъ уже начиная съ произведеній Котляревскаго. Она начала развиваться сравнительно быстро съ 1816 г. подъ вліяніемъ углубленія самопознанія и самосознанія въ Украинѣ. Съ 30-хъ годовъ русло ея теченія значительно расширилось и количество составныхъ элементовъ ея увеличилось. Подражанія и заимствованія не могли не имѣть мѣста въ украинской литературѣ, какъ и во всякой другой, но въ общемъ эта литература подражательна настолько, насколько подражательна всякая другая новѣйшая истинно народная литература: заимствованія не устраняли народности. Послѣдняя была главнымъ двигательнымъ началомъ; различныя вліянія претворялись самостоятельно. Была, конечно, и доля искусственности въ украинской литературѣ, напр.—въ идеализаціи казачества, но исходный пунктъ этой идеализаціи заключался въ народной поэзіи, и романтическія грезы о козачествѣ выразились прежде всего въ польско-украинской поэзіи и въ общерусской (у Рылѣева и Н. Маркевича). Въ возвеличеніи прошлаго Украины въ украинской литературѣ было много чрезмѣрнаго романтическаго увлеченія (напр., въ произведеніяхъ г. Кулиша, который потомъ отрекся отъ крайностей, въ которыя впалъ), но и эта идеалистическая романтика въ Украинѣ искала постоянно связи съ реальной исторіей. Уже въ поэзіи Шевченка, начавшаго писать подъ вліяніемъ романтики, эта идеализація не была преобладающимъ мотивомъ; новѣйшіе же украинскіе

писатели значительно отрѣшились отъ романтической идеализаціи. По временамъ старались расширить искуственно содержаніе украинской литературы посредствомъ переводовъ, и въ этихъ случаяхъ иногда, дѣйствительно, проявлялось стремленіе къ рѣзкому обособленію украинской литературы не смотря на то, что прошлое Руси и славянскаго міра могло достаточно доказать предъ разобщенія; но несправедливо объяснять всю переводную дѣятельность украинскихъ литераторовъ только стремленіемъ вывести украинскую литературу изъ рамокъ простонародности [1]). Нерѣдко дѣйствовало искреннее и безпритязательное увлеченіе поэтическимъ творче-

---

[1]) Въ переводахъ, какъ и оригинальныхъ произведеніяхъ, украинцы могли естественно руководиться народною гордостью въ виду тѣхъ презрительныхъ отзывовъ о «хохлахъ», которые были такъ обычны въ настоящемъ столѣтіи вплоть до 40-хъ годовъ. Къ приведеннымъ выше фактамъ такого отношенія великороссовъ къ малороссамъ можно бы прибавить рядъ другихъ. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ, по словамъ автобіографіи Костомарова, «всякое малороссійское слово возбуждало только смѣхъ». Въ той же автобіографіи читаемъ подъ 1845 г.: «....я остановился гдѣ-то подъ Курскомъ у одного великоросса, который съ какимъ то особеннымъ презрѣніемъ отзывался о хохлахъ: «Что это за народъ, — говорилъ онъ, — ни понятія, ни чувствія. Нехай! Хиба»! Р. Мысль 1885, май, 210. Въ связи съ этимъ получаетъ полное значеніе слѣдующее замѣчаніе того-же Костомарова въ «Молодикѣ на 1844 годъ» (стр. 166): «Стихотворенія Артемовскаго-Гулака, пріобрѣтшія такую извѣстность, написаны, исключая перевода Готева Рыбака, въ пародическомъ духѣ, подобно Энеидѣ Котляревскаго.... Впрочемъ, для многихъ не столько было забавно содержаніе сочиненій Котляревскаго и Артемовскаго, сколько слова, выговоръ, обороты малороссійскаго языка. Но пришла наконецъ пора получить вѣрнѣйшее понятіе о славянской филологіи. Гребенка первый*) отошелъ отъ прежняго пародическаго направленія: этотъ даровитый писатель, сознавая, что слово, которымъ потѣшали публику Котляревскій и Артемовскій, вовсе не искаженное нарѣчіе русскаго языка, а языкъ данный судьбою въ удѣлъ 12 мил. народа, хотѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ показать способность его къ развитію и богатство. Перевесть Полтаву Пушкина на малороссійскій языкъ — идея смѣлая, приносящая честь тому, кто первый счелъ языкъ способнымъ къ этому». — Въ примѣчаніи *) читаемъ: «Кажется не Гребенка, а Боровиковскій въ своихъ балладахъ. *Примѣчаніе корректора*». И дѣйствительно, отрывокъ изъ перевода Полтавы явился въ 1831 г. (Моск. Тел. ч. 41, 1831, № 17; др. переводъ отрывка изъ Пушкинской Полтавы см. въ Харьковскомъ Украинскомъ Альманахѣ 1831, стр. 52—54), а переводъ Свѣтланы на малорусское нарѣчіе подъ названіемъ «Маруся», принадлежавшій Л. Боровиковскому (въ журналѣ онъ подписанъ буквой В), былъ напечатанъ уже въ Вѣстн. Европы 1829, № 6 (у г. Петрова, стр. 140, сказано неточно: «въ третьей книжкѣ»). Ранѣе явилось стихотвореніе N-аго «Молодыця» (Вѣст. Европы 1828, № 9).

ствомъ иноземныхъ и русскихъ поэтовъ. Далѣе, безъ сомнѣнія такіе переводы, какъ переводы произведеній Гоголя, имѣютъ мало смысла помимо тенденціозности: мы считаемъ преувеличеніемъ толки о томъ, что украинскій народъ нуждается въ подобныхъ переложеніяхъ, такъ какъ де усвоеніе русскаго литературнаго языка представляетъ для него значительныя трудности; на нашъ взглядъ, въ школѣ и учебной литературѣ почти нѣтъ мѣста малорусскому нарѣчію, и народъ самъ, становясь грамотнымъ, чувствуетъ инстинктивное влеченіе къ усвоенію общерусскаго литературнаго языка и нерѣдко интересуется болѣе произведеніями на послѣднемъ, чѣмъ малорусскими книжками, но, съ другой стороны, нѣкоторые переводы, какъ, напр., переложенія басенъ, могутъ быть вполнѣ оправдываемы [1]). — Нельзя не указать, наконецъ, вмѣстѣ съ Костомаровымъ на то, что, «въ желаніи поднять малорусскій языкъ къ уровню образованныхъ литературныхъ языковъ было много искусственнаго» [2]). Въ послѣднее время эта искуственность выступила съ особою яркостью въ произведеніяхъ Старицкаго. Но, помимо искуственной культивировки и подогрѣванія украинской литературы, и содержаніе и языкъ ея постоянно отличались жизненностью. Ли-

---

[1]) Говорятъ, что уже Котляревскій переводилъ басни Лафонтена. Затѣмъ писалъ «Басни на малорусскомъ нарѣчіи Л. Боровиковскій. Укажемъ далѣе, на «Басни Крылова, переложенныя на малороссійское нарѣчіе О. Мазюкевичемъ» (Кіевъ, 1853) и на басни Бѣлецкаго-Носенка. Въ «Москвитянинѣ» 1855, т. II, № 8, апр., кн. 2, въ извѣст. о трудахъ Бѣлецкаго-Носенка сообщается, что басни его передѣланы «на Малороссійскій языкъ съ лучшихъ французскихъ (почти весь Ла-Фонтенъ и Флоріанъ), нѣмецкихъ и россійскихъ (Крыловъ и Дмитріевъ) баснописцевъ». Болѣе другихъ цѣнятся басни Гребенки, которыя вышли въ 1836 г. вторымъ изданіемъ. О *Приказкахъ* Гребенки Костомаровъ писалъ въ Молодикѣ на 1844 г.» (стр. 166 — 167), что онѣ «всегда прочтутся съ наслажденіемъ: авторъ явился въ нихъ не народнымъ, но наемникомъ надъ малороссійскою народностію и словомъ, но малороссійскимъ баснописцемъ и превосходно показалъ способность малороссійскаго языка къ апологическимъ сочиненіямъ». Очень цѣнитъ Приказки Гребенки и Пискуновъ въ «Прякмета» («Пыритынська ластника», изд. Корчакъ-Новицкаго, Кіевъ 1878, стр. 107—108): «Байки Гребинчыни найкраща его праци... не суть (за невелыкымъ ымыкомъ) переробкы зъ Крылова и Лафонтена, або Федора и Эзопа (якъ то робылы Ин. Мазюкевичъ, Билецькый-Носенко, Л. Глибонъ, Р. Витавськый, а низнише—и. Старицькый), а самостойни утворы вновни украинськаго понятбу и кошту.... Его байки... таки коштовни утворы, що имъ позавыдувалы бъ не тильки абы-хто, а и самъ Крыловъ, або Лафонтенъ». — Г. Петровъ, къ сожалѣнію, не остановился достаточно на развитіи украинской басни.

[2]) Поэзія славянъ 162.

тература эта несмотря на общедоступность изначала не была только простонародною, а въ послѣднее время въ ней дѣлается особенно много попытокъ расширить ея содержаніе, но въ общемъ это содержаніе надо признать мѣстнымъ, провинціальнымъ, а тенденцію — демократическою [1]). Украинская литература находила читателей по преимуществу въ среднихъ слояхъ общества, простой же народъ былъ причастенъ ея развитію, поскольку былъ грамотенъ и подпадалъ вліянію литературы. Что до авторовъ литературныхъ произведеній на малорусскомъ нарѣчіи, то они выходили изъ всѣхъ сословій и были въ большинствѣ случаевъ люди достаточно или весьма образованные.

Представимъ въ заключеніе общей характеристики украинской литературы оцѣнку послѣдней. — Какъ литература не общенародная, а по преимуществу провинціальная, украинская литература не часто блещетъ оригинальными мыслями, которыя выдавались бы величіемъ и возвышенностію. Но въ предѣлахъ своей болѣе скромной задачи эта литература совершила немало и принесла много пользы, поддерживая и укрѣпляя любовь къ народу, выясняя народные идеалы, воспроизводя народный бытъ. Нечего таить — бывали и крайности, которыхъ нельзя было бы оправдать, если бы онѣ внушали рознь, въ тенденціяхъ нѣкоторыхъ украинскихъ писателей [2]), но эти крайности не говорятъ противъ литературы вообще, основная тенденція которой не политическая, а чисто литературная, и которой исходный пунктъ — любовь къ родному слову и поэтическимъ произведеніямъ на родномъ нарѣчіи. Въ политическомъ отношеніи украинская литература также дѣйствовала благотворно, поскольку проясняла русское самосознаніе южнорусовъ и противопоставляла изображеніе дѣйствительныхъ польско-украинскихъ, старыхъ и новыхъ отношеній призрачнымъ и невѣрнымъ картинамъ, которыя рисовала польско-украинская школа. Не говоримъ о той общей заслугѣ, которая можетъ

---

[1]) На демократизмъ украинской литературы, на то, что ей мѣсто не у пановъ, указывалъ уже Метлинскій (Думки и пѣсни, «До васъ»).

[2]) Какъ извѣстно, тенденціозные политическіе выводы изъ романтической идеализаціи украинской старины или возгласы о послѣдней встрѣчаются и у нѣкоторыхъ второстепенныхъ украинскихъ писателей (напр., у Бодянскаго — см. въ «Молодикѣ» эпитафію его къ могилѣ Разумовскаго, или у Падурры), а выступаютъ съ особою яркостью въ поэзіи Шевченка; не нецензурныя стихотворенія послѣдняго должны быть принимаемы во вниманіе при общей оцѣнкѣ его поэзіи въ такой же мѣрѣ, въ какой могутъ вліять на оцѣнку поэзіи Пушкина нецензурныя стихотворенія послѣдняго.

быть усвояема украинской литературѣ, поскольку послѣдняя выполняла общее призваніе всякой литературы: поднимала народъ духовно, возводила его на высшую ступень человѣчности и развивала, так. образомъ, его внутреннія силы. Украинская литература не осталась безъ вліянія также на общерусскую литературу, и въ настоящемъ столѣтіи продолжалось взаимодѣйствіе обѣихъ русскихъ народностей, начавшееся въ XVII в. Такъ, украинскій юморъ далъ русской литературѣ и развилъ талантъ Гоголя, составившій весьма цѣнное пріобрѣтеніе русской литературы. Украинское народничество выдвинуло рядъ повѣстей изъ народнаго быта, какихъ не много было въ то время въ русской литературѣ и другихъ [1]). Поэзія Шевченка не прошла безслѣдно и для общерусской литературы. И т. п. Развитіе украинской литературы въ настоящемъ столѣтіи нисколько не ослабляло общерусской литературы, потому что дѣятелями украинской литературы являлись лица, которыя оказывались не столь талантливыми или даже довольно безцвѣтными писателями, какъ скоро принимались за произведенія на общерусскомъ языкѣ [2]), либо такія, которыя, удѣливъ долю своего таланта украинской литературѣ, посвящали свою дѣятельность преимущественно обще-русской литературѣ [3]), либо, наконецъ, такіе поэты, которые вовсе не выказали склонности писать на языкѣ общерусскомъ. Съ другой стороны, украинская литература, помимо произведеній болѣе крупныхъ, выдвинула рядъ мелкихъ произведеній, которыя, отличаясь художественными достоинствами, изображаютъ со всею правдивостью край и народъ, не привлекающіе и не могущіе привлекать полнаго вниманія общерусской поэзіи. Такимъ образомъ, согласуется съ интересами цѣлой русской литературы развитіе украинской отрасли ея подъ условіемъ памятованія объ единствѣ въ разнообразіи. Въ украинской литературѣ находила и находитъ полное и оригинальное художественное выраженіе даровитая народная индивидуальность, которая заявила себя въ теченіе многихъ вѣковъ стойкою защитою своихъ правъ на существованіе, находясь среди самыхъ

---

[1]) См. Jul. Schmidt - a Neue Bilder aus dem Geistigen Leben unserer Zeit, IV-ter B. Leipz. 1875, S. 64 fgde (статья объ Ауэрбахѣ).

[2]) Квитка, А. П. Стороженко, Шевченко. Произведенія послѣдняго на обще-русскомъ языкѣ печатались въ послѣдніе годы на страницахъ «Кіевской старины» и теперь вышли отдѣльною книгою (к. 1888). О нихъ см. ст. Пыпина въ мартовской кн. «Вѣстн. Евр.» 1888.

[3]) Марко-Вовчокъ, Мордовцевъ

тяжелыхъ обстоятельствъ, подъ владычествомъ иноземцевъ. «Привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной козацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушеніямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ народнаго малорусскаго характера» [1]). Самое лучшее подтвержденіе устойчивости южнорусскаго народнаго типа находимъ въ Галичинѣ: вѣковое польское угнетеніе не подавило тамъ русской народности. Теченіе исторіи и тяжкія невзгоды обособили сѣверную и южно-русскую вѣтви русскаго народа въ своеобразные типы, но разумный ходъ исторіи началъ приводить потомъ обѣ народности къ тѣснѣйшему сближенію и единенію. По мѣрѣ неизбѣжнаго сглаживанія рѣзкихъ отличій въ характерѣ обѣихъ русскихъ народностей, по мѣрѣ сближенія ихъ въ общемъ національномъ образованіи и житейскомъ общеніи, значеніе украинской литературы будетъ становиться все меньше и меньше. Но пока южно-русская народность будетъ существовать какъ обособленный типъ не только въ крестьянствѣ, но и въ среднихъ слояхъ общества, пока будетъ жива богатая мѣстная народная поэзія, пока будетъ существовать южно-русскій говоръ въ рѣзкой обособленности, до той поры можетъ внушать интересъ и находить общественную поддержку и литература на малорусскомъ нарѣчіи; до той же поры она будетъ имѣть и смыслъ. Въ «Молодикѣ на 1844 годъ» Галка (Костомаровъ) писалъ о сочиненіяхъ Квитки: «Литература, считающая въ себѣ такія творенія, не можетъ быть ничтожною: при маломъ количествѣ своихъ произведеній она счастлива, если можетъ похвалиться такими, въ которыхъ видно не какое-нибудь подражаніе чужому, не иностранныя чуждыя идеи, одѣтыя въ искаженную форму, не жалкая всеобщность, мысли всѣмъ извѣстныя, выраженныя образами всѣмъ извѣстными, но истинное изображеніе своего роднаго, со всѣмъ отпечаткомъ національнаго характера»! Мы присоединяемся къ этой оцѣнкѣ украинской литературы тѣмъ охотнѣе, что нѣкоторые изъ лучшихъ представителей этой литературы и въ томъ числѣ авторъ приведенныхъ словъ не ограничивались узкимъ кругомъ провинціальной поэзіи, не погрязали въ типѣ узкаго провинціализма и не замыкались китайскою стѣною. Впослѣдствіи Костомаровъ зашелъ даже такъ далеко въ отрѣшеніи отъ областныхъ предрасположеній, что призналъ несостоятельною мысль «подни-

---

[1]) Слова А. А. Котляревскаго въ «Основѣ» 1862 г., № X.

мать малороссійскій языкъ до уровня образованнаго, литературнаго въ высшемъ смыслѣ, пригоднаго для всѣхъ отраслей знанія и для описанія человѣческихъ обществъ въ высшемъ развитіи» [1]).

VII.

Группировка украинскихъ писателей и дѣленіе на періоды въ книгѣ г. Петрова.

Предыдущее изложеніе показало, думаемъ, достаточно, какъ неудачна попытка г. Петрова выяснить общій ходъ развитія украинской литературы и тѣ основныя теченія, которыя обусловливали это развитіе, какъ односторонне г. Петровъ старался пріурочить эти основныя теченія къ главнымъ направленіямъ общерусской литературы. Онъ не поднялся до широкаго созерцанія всего литературнаго движенія XIX в. и обыкновенно отводилъ мѣсто произведеніямъ украинской литературы вслѣдъ за общими теченіями русской литературы, мало обращая вниманіе на мѣстныя условія и посторонніе вліянія. Теперь мы покажемъ, какъ вслѣдствіе невѣрнаго общаго представленія о ходѣ развитія украинской литературы и по причинѣ неосновательности принятой г. Петровымъ классификаціи оказались не вполнѣ вѣрными и отчетливыми разграниченія и общія опредѣленія и характеристики періодовъ, на которые г. Петровъ раздѣлилъ исторію украинской литературы, и какъ не всегда вѣрно г. Петровъ распредѣлялъ украинскихъ писателей по составленнымъ имъ группамъ. Эти писатели, благодаря разнообразію ихъ произведеній, весьма часто не подходятъ подъ тѣ ярлыки, какими надѣляетъ ихъ г. Петровъ, заимствовавшій готовыя рубрики изъ исторіи общерусской литературы. Вслѣдствіе того данные г. Петровымъ отдѣльные очерки жизни и литературной дѣятельности украинскихъ писателей подрываютъ иногда классификацію, положенную въ основу книги г. Петрова.

Развивъ разсужденія г. Кулиша о такъ наз. Котляревщинѣ, о подражаніяхъ Котляревскому, г. Петровъ помѣстилъ этого поэта и рядъ писателей, отнесенныхъ въ число подражателей ему, въ первый періодъ XIX в. Названіе, данное этому періоду: «Псевдоклассическая украинская литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдоклассицизму», мало соотвѣтствуетъ большинству произведе-

---

[1]) Поэзія славянъ, 162.

ній тѣхъ писателей, которые зачислены въ этотъ отдѣлъ. Было основательно замѣчено, что псевдоклассицизмъ, который имѣлъ довольно силы въ литературѣ XVIII в., былъ весьма слабъ въ литературѣ XIX в. Въ частности въ украинской литературѣ онъ совсѣмъ не имѣлъ силы. Мы не знаемъ, кто изъ украинскихъ поэтовъ XIX в. можетъ назваться приверженцемъ псевдоклассицизма. Писаніе басенъ, передѣлка немногихъ античныхъ сюжетовъ на совершенно новый и народный ладъ не даютъ права на пріуроченіе къ псевдоклассическому направленію. Мы видѣли, что Котляревскимъ была написана одна ода, но она отличается отъ другихъ одъ [1]) и вполнѣ народна по содержанію, если не по формѣ. Такимъ образомъ, изъ заглавія, даннаго г. Петровымъ украинской литературѣ перваго періода, можно удержать лишь вторую часть его: «реакція псевдоклассицизму», но и это послѣднее заглавіе можно принять лишь въ самомъ широкомъ смыслѣ и тогда оно не охарактеризуетъ надлежаще тѣхъ писателей, которые будутъ соединены подъ этой рубрикой. Сементовскій совершенно справедливо назвалъ Котляревскаго въ 1846 г. «народнымъ поэтомъ». Самъ г. Петровъ замѣтилъ на стр. 86: «у И. П. Котляревскаго въ его оперѣ «Наталка-Полтавка» замѣчается значительное присутствіе сентиментальнаго элемента, роднящаго ее съ сентиментальными повѣстями Карамзина и Жуковскаго». Ясно изъ этихъ словъ, что если Котляревскаго отчислять за «Энеиду» къ фалангѣ реакціи псевдоклассицизму, то за Наталку-Полтавку его надо помѣстить въ ряду сентименталистовъ; всецѣло нельзя причислить его ни къ одному изъ этихъ разрядовъ, а между тѣмъ г. Петровъ помѣстилъ Котляревскаго въ главу о псевдоклассицизмѣ и реакціи послѣднему. Авторъ считаетъ, повидимому, и оперетки произведеніями того литературнаго направленія, которое назвалъ реакціею псевдоклассицизму [2]). Потому-то вѣроятно г. Петровъ отнесъ къ первой, самой ранней, группѣ украинскихъ писателей не только Гоголя-отца, но и Кухаренка. Г. Петровъ находитъ, что и оперетта Кухаренка «Черноморській побитъ» написана по подражанію оперѣ Котляревскаго «Наталка-Полтавка» (стр. 85). Намъ кажется, что пьеса Кухаренка не столь близка къ

---

[1]) См. «Новь» 1885, т. II, № 5, стр. 127 — 128. Въ этой одѣ на ряду съ отстаиваніемъ народныхъ интересовъ находимъ юморъ; она полна реальности и добродушія.

[2]) Наше мнѣніе объ операхъ изъ народнаго быта см. выше въ гл. II и III

опереттѣ Котляревскаго, какъ утверждаетъ г. Петровъ; она представляетъ рядъ картинъ мѣстнаго быта, какъ то показываетъ самое названіе ея. Во всякомъ случаѣ Гоголь-отецъ и Кухаренко совершенно не подходятъ подъ общее опредѣленіе, подъ какое подведены г. Петровымъ. Равнымъ образомъ лишь въ отдаленномъ литературномъ родствѣ съ Котляревскимъ состоитъ Гулакъ-Артемовскій. Онъ противополагалъ себя автору Энеиды и избралъ самостоятельный путь, какъ самъ заявилъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1827 г. Гулака-Артемовскаго слѣдуетъ сближать не только съ Котляревскимъ, но и съ Квиткою, съ которымъ Гулакъ-Артемовскій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ [1]). Литературная дѣятельность Гулака-Артемовскаго точно также не можетъ быть подведена въ тѣсномъ смыслѣ подъ рубрику «псевдоклассическая литература нынѣшняго вѣка и реакція псевдоклассицизму», какъ и дѣятельность Котляревскаго. Самъ г. Петровъ замѣтилъ: «Артемовскій имѣетъ значеніе въ исторіи украинской литературы не только какъ комическій и сатирическій писатель въ классическомъ стилѣ, но и какъ одинъ изъ первыхъ представителей украинскаго романтизма (стр. 66)... Теперь мы можемъ указать стихотворенія Гулака-Артемовскаго, въ которыхъ менѣе всего заключаются насмѣшки и пародіи... (стр. 69). Въ произведеніяхъ послѣдняго рода Гулакъ-Артемовскій является передовымъ дѣятелемъ украинской литературы и пролагаетъ въ ней путь новому романтическому направленію» (стр. 71). О Думитрашковѣ г. Петровъ замѣтилъ, что онъ «подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ» (стр. 77), поскольку заимствовалъ содержаніе своихъ легендъ и балладъ изъ быта и вѣрованій простаго народа.

О неосновательности выдѣленія изъ ряда украинскихъ писателей особой группы сентименталистовъ съ Квиткою во главѣ мы говорили выше. Отрѣшеніе сентиментальнаго направленія *въ украинской литературѣ* отъ романтическаго лишено основанія. Самъ г. Петровъ говоритъ, что во время появленія «Наталки-Полтавки» «въ русской литературѣ сентиментализмъ дошелъ уже до своихъ крайностей и замѣтно переходилъ въ новое направленіе романтическое» (стр. 86—87). Собственно говоря оба направленія изна-

---

[1]) Ср. у г. Петрова на стр. 70 и 99. Ср. ниже — въ VIII-й главѣ настоящей рецензіи.

чала были тѣсно связаны одно съ другимъ въ дѣятельности Карамзина и Жуковскаго. Во время спора романтиковъ съ классиками въ началѣ настоящаго столѣтія нѣкоторые опредѣляли романтизмъ, какъ «сантиментальный идеализмъ». — О томъ, какъ смотрѣть на писателя, котораго г. Петровъ поставилъ во главѣ украинскихъ сентименталистовъ, — на Квитку — у насъ была рѣчь выше. Не касаясь другихъ сентименталистовъ, замѣтимъ лишь, что Кириллъ Тополи съ такимъ же правомъ могъ бы назваться у г. Петрова романтикомъ какъ и сентиментальнымъ писателемъ.

Слѣдующія двѣ группы произведеній украинской литературы носятъ у г. Петрова названія: «Романтико-художественная украинская литература» и «Украинскій націонализмъ или національная школа въ украинской литературѣ». Смыслъ этого раздѣленія намъ не вполнѣ ясенъ. Мы говорили ранѣе, что такое разграниченіе врядъ ли правильно. Такъ, напримѣръ, А. Л. Метлинскій причисленъ г. Петровымъ къ романтикамъ, но съ не меньшимъ основаніемъ его можно было бы помѣстить въ группу націоналистовъ, а также отнести къ панславистамъ. Вѣдь нельзя же сказать, что только тѣ писатели, которые получили у г. Петрова кличку «націоналистовъ», «обозрѣвали Малороссію только какъ часть единой нераздѣльной Россіи» (стр. 231). Г. Петровъ не указалъ, съ другой стороны, какъ повліялъ націонализмъ на малорусскія произведенія писателей, руководившихся послѣднимъ, напр. А. П. Стороженка. Произведенія Стороженка г. Петровъ сближаетъ съ произведеніями Н. В. Гоголя, но замѣчаетъ также соприкосновеніе ихъ съ произведеніями нѣкоторыхъ чисто украинскихъ писателей. Г. Петровъ говоритъ (стр. 218): «всѣ разсказы и повѣсти Стороженка съ этнографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служатъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней каррикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницею, что тэмы для своихъ комическихъ разсказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаній». Не было ли бы удобнѣе выдѣлить нѣкоторыхъ писателей, напр. Н. В. Гоголя, Стороженка, Раевскаго, Свидницкаго, въ особую группу украинскихъ беллетристовъ-изобразителей народнаго быта и воспроизводителей народныхъ преданій и повѣрій?

Оставляя въ сторонѣ тѣхъ писателей, которыхъ г. Петровъ назвалъ не совсѣмъ удачно украинскими славянофилами (см. о нихъ выше—въ V-й главѣ настоящей рецензіи, гдѣ мы указали на то, что славянофильское ученіе не составляло главнаго содержанія произведеній Костомарова, Кулиша и Шевченка), мы перейдемъ къ той украинской литературѣ, которую г. Петровъ разсматриваетъ въ концѣ своего очерка, какъ «новѣйшую». Г. Петровъ не далъ болѣе опредѣленнаго обозначенія этому періоду. Это объясняется тѣмъ, что онъ не выдѣлилъ отчетливо характерныхъ чертъ «новѣйшей украинской литературы», какъ и не установилъ удовлетворительно начальную грань этого періода (начинать его съ 60-хъ годовъ не основательно хотя бы уже потому, что Марко-Вовчокъ начала писать въ концѣ 50-хъ годовъ). Г. Петровъ указалъ въ «новѣйшей украинской литературѣ» такія особенности, которыя замѣчаются и у писателей предыдущаго періода. По мнѣнію г. Петрова, «первою насущною потребностію новѣйшей украинской литературы, вмѣстѣ съ русскою литературою, стало—доказывать и защищать человѣческое достоинство и человѣческія права простаго народа».... Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости «явилась особенная нужда въ ознакомленіи и сближеніи привиллегированныхъ классовъ съ народомъ, для чего потребовалось съ одной стороны изучить бытъ народа въ многоразличныхъ его отношеніяхъ, съ другой стороны — возвысить его умственно и нравственно путемъ образованія» (стр. 369). Началось изданіе «учебныхъ пособій украинскихъ для народнаго обученія» и «популярныхъ малорусскихъ книжекъ для народнаго употребленія» (стр. 370). Съ Н. С. Левицкаго «уже начинается нѣкоторый поворотъ въ простонародномъ направленіи украинской литературы, которая теперь, послѣ фактическаго уничтоженія крѣпостнаго рабства, занимается изображеніемъ другихъ неблагопріятныхъ соціально общественныхъ условій крестьянскаго и вообще простонароднаго быта» (стр. 371).—Если приглядимся къ украинской литературѣ Николаевскаго времени, то замѣтимъ уже тамъ начало всего того, что г. Петровъ усвояетъ новѣйшей литературѣ. Въ общерусской литературѣ «тѣ писатели, которыхъ хотятъ теперь заносить въ спеціальную группу народничества, приписывать имъ какъ бы *новое* литературное *направленіе*, въ дѣйствительности бывали достойными продолжателями ранѣе начатаго дѣла» [1]). То же должно сказать и

[1]) Вѣстникъ Европы 1884, авг., ст. Пыпина: «Беллетристъ-народникъ шестидесятыхъ годовъ», стр. 653. О беллетристахъ—народникахъ русской

объ украинскомъ народничествѣ. То, что г. Петровъ отмѣчаетъ въ новѣйшей украинской литературѣ какъ стремленіе къ народному благу, было присуще и дѣятелямъ прежняго времени. Начать должно со Сковороды, старавшагося дѣйствовать не только сочиненіями, но и живою рѣчью и своею жизнію и со всею смѣлостью протестовавшаго противъ злоупотребленій. Одно изъ изреченій Сковороды гласило: «Рыба отъ головы начинаетъ портиться». Не касаясь малорусскихъ книгъ, предназначавшихся для народа въ прошломъ столѣтіи [1]), укажемъ на популярныя книжки Максимовича и Квитки [2]). «Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ» Максимовича была замѣчательнымъ явленіемъ въ свое время, первымъ опытомъ разумной и вмѣстѣ занимательной книги для народнаго чтенія. «*Сельское чтеніе*, первая книжка, составленная изъ трудовъ: О. Вельтмана, И. С. Волкова, И. И. Даля, Н. М. Загоскина. К. О. Энгельке, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ», книжка, пользовавшаяся значительнымъ успѣхомъ [3]), явилось 10 лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ книжки Максимовича. Что до «Листовъ» Квитки, то они не очень цѣни-

---

литературы недавно явилась монографія А. Скабичевскаго: «Беллетристы-народники (Рѣшетниковъ, Левитовъ, Гл. Успенскій, Златовратскій и пр.)» С.-Пб. 1887.

[1]) Интересно, что во второй половинѣ прошлаго вѣка была напечатана «Книжица для господарства», предназначенная не для напоить, а для «посполитства Волынскаго, Кіевскаго, Подольскаго и Брацлавскаго посполитыхъ». Въ польскомъ предисловіи къ ней прямо указывается, что книга эта была составлена для простаго народа и потому изложена на его языкѣ и напечатана славянскимъ шрифтомъ, «какъ знакомымъ большей части народа». Преподается совѣтъ «владѣльцамъ городовъ и селъ, чтобы они заставляли своихъ подданныхъ смолоду упражняться въ русскомъ чтеніи, чтобы давались имъ для чтенія такія книги, въ которыхъ изложены хозяйственные совѣты, какъ напр. настоящая о поданіи помощи больнымъ животнымъ». Авторъ обращается и къ настоятелямъ греческаго обряда, говоритъ, что они «должны стараться о преуспѣяніи блага отечества», говоритъ о просвѣщеніи простаго и бѣднаго люда». Языкъ этой книжки—малорусскій, но въ немъ встрѣчаются по мѣстамъ полонизмы (преимущественно въ техническихъ обозначеніяхъ). Авторомъ книги могъ быть подольскій полякъ послѣдняго времени Речи-Посполитой. См. «Кіевскую Старину» 1884 г., іюльскую кн., замѣтку Неймана: «Любопытная книжица XVIII столѣтія».

[2]) См. объ этихъ книжкахъ въ брошюрахъ г. Сумцова: «Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ», Харьк. 1884, стр. 3; «Князь В. Ѳ. Одоевскій», Харьк. 1884, стр. 21 — 22.

[3]) Въ 1848 г. 1-я книга «Сельскаго чтенія» вышла седьмымъ изданіемъ.

лись [1]), но помимо того важно отношеніе Квитки къ народу [2]). Итакъ, стремленія, указанныя г. Петровымъ, какъ отличительныя черты новѣйшихъ украинскихъ дѣятелей, возникли ранѣе и не были прежде менѣе практичны. Въ послѣднія десятилѣтія они только сообщились бо́льшему количеству личностей. Новѣйшую украинскую литературу отличаютъ отъ прежней появленіе соціальной повѣсти и романа [3]), изображеніе не только малорусскаго простонародья, но и среднихъ классовъ южнорусскаго населенія, и изрѣдка проявляющіяся попытки характеризовать представителей и представительницъ южнорусской интеллигенціи [4]). Слѣдовательно, украинская литература расширилась въ послѣднее время. — Въ распредѣленіи украинскихъ писателей послѣднихъ десятилѣтій по періодамъ замѣчаемъ такъ же невыдержанность, какъ и въ отношеніи къ писателямъ первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Относительно Щоголева самъ г. Петровъ замѣтилъ, что этотъ писатель [5]) является представителямъ новѣйшей украинской литературы, занимающейся, «послѣ фактическаго уничтоженія крѣпостнаго рабства, изображеніемъ другихъ неблагопріятныхъ соціально-общественныхъ условій крестьянскаго и вообще простонароднаго быта», — лишь «отчасти въ позднѣйшей своей поэтической дѣятельности» (стр. 371). [6]). Приводя это замѣчаніе г. Петрова, мы имѣемъ

---

[1]) См. неблагопріятное сужденіе о «Листахъ» въ «Современникѣ», т. LXXXV, 76.

[2]) Вотъ какъ выразился Срезневскій о Квиткѣ въ рѣчи при погребеніи его: «Подумаемъ ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истинъ Вѣры и Науки, правилъ мысли и жизни, — и вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Украинѣ сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовалъ и въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовалъ и трудомъ и имуществомъ для заведенія народной библіотеки, самъ брался за перо и писалъ для народа живымъ народнымъ языкомъ, такъ что заставлялъ и глубоко чувствовать, и глубоко задумываться самаго простаго селянина, дотолѣ не понимавшаго силы слова».

[3]) Лишь въ очеркѣ дѣятельности Левицкаго г. Петровъ отмѣтилъ, что этотъ писатель «положилъ начало романамъ соціальнымъ» (стр. 394).

[4]) Костомаровъ, какъ извѣстно, находитъ, что спеціально южнорусской интеллигенціи нѣтъ вовсе.

[5]) Онъ началъ свою литературную дѣятельность уже въ 40-хъ годахъ, писалъ для «Ластовки» Гребенки, «Молодика» Бецкаго и др.

[6]) Ср. на стр. 429: «Тогда какъ первыя его стихотворенія относятся къ школѣ украинскаго художественнаго романтизма,—послѣднія его произведенія относятся къ новѣйшему направленію украинской литературы съ соціально-общественнымъ направленіемъ и характеромъ».

въ виду показать словами самого автора неудобства принятаго имъ распорядка. Укажемъ и другой примѣръ. Глѣбовъ, печатавшій свои произведенія въ 40-хъ и 50-хъ годахъ [1]), врядъ ли можетъ быть причисляемъ къ представителямъ новѣйшей украинской литературы. Съ другой стороны, желая соблюсти вѣрность принятой схемѣ, г. Петровъ помѣстилъ въ отдѣленіе націоналистовъ Петра Раевскаго, принадлежащаго новѣйшему періоду. А между тѣмъ Раевскій, по словамъ г. Петрова (стр. 229), «въ своихъ украинскихъ эпизодахъ, сценахъ и разсказахъ является въ значительной мѣрѣ реалистомъ, послѣдователемъ того направленія въ нашей литературѣ, которое начато Гоголемъ и въ настоящее время имѣетъ своимъ представителемъ Глѣба Успенскаго».

Итакъ, г. Петровъ, попытавшись распредѣлить матеріалъ, который былъ въ его распоряженіи, принялъ отчасти то дѣленіе на періоды, которое встрѣчается и въ курсахъ исторіи русской литературы, а отчасти дополнилъ его тѣмъ, какое нашелъ у предшествовавшихъ ему обозрѣвателей украинской литературы. Добытая такъ схема оказывается непригодною. Пріуроченіе авторовъ къ искусственно установленнымъ періодамъ лишило классификацію хронологической послѣдовательности, а распорядокъ, установленный по внутреннимъ признакамъ, не сообщаетъ надлежащаго понятія о главныхъ двигательныхъ началахъ украинской литературы.

Неудовлетворительность размѣщенія писателей по группамъ у г. Петрова зависѣла также отчасти отъ того, что авторъ не выяснилъ себѣ отчетливо существенныхъ признаковъ тѣхъ категорій, подъ которыя подводилъ дѣятелей украинской литературы. У г. Петрова оказываются по мѣстамъ сбивчивыми общія характеристики литературныхъ направленій.

Такъ, г. Петровъ не отграничилъ ясно сущность и особенности того направленія, которое называютъ романтическимъ. Г. Петровъ представилъ опредѣленіе этого направленія въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги, но ни въ одномъ изъ его замѣчаній не находимъ отчетливой и вѣрной характеристики романтизма, и по прочтеніи указанныхъ страницъ труда г. Петрова можно сказать то же, что сказалъ онъ самъ, приступая къ выясненію сущности романтики: «романтизмъ — слово довольно неопредѣленное».

---

[1]) Укажемъ здѣсь кстати, что приведенное г. Петровымъ въ переводѣ Гербеля стихотвореніе Щоголева нѣсколько напоминаетъ «украинскую пѣсню» «Кіевскій козакъ», помѣщенную въ «Вѣстн. Европы» 1827, № 8.

На стр. 66 читаемъ по поводу романтическихъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго: «Въ западной Европѣ романтизмъ или новоромантизмъ имѣлъ важнѣйшими представителями своими Гёте, Шиллера и Байрона и отразился у насъ въ Россіи въ поэзіи Пушкина и Лермонтова, а у поляковъ—въ поэзіи Мицкевича. Этотъ-то романтизмъ, затрогивающій лучшія стороны человѣческаго бытія, но безъ опредѣленныхъ очертаній, нашелъ себѣ долю сочувствія въ сердцѣ Гулака-Артемовскаго»... Въ этихъ строкахъ, во 1-хъ, находимъ неточность въ указаніи на главныхъ представителей западно-европейской романтики (Гёте и Шиллеръ не могутъ быть названы таковыми—см. ниже) и, во 2-хъ, опредѣленіе романтизма не заключаетъ—употребимъ выраженіе самого г. Петрова—«опредѣленныхъ очертаній».

Опуская сказанное г. Петровымъ на стр. 87, гдѣ идетъ рѣчь преимущественно о Жуковскомъ, переходимъ къ главнымъ замѣчаніямъ г. Петрова о романтизмѣ,—на стр. 123—126. Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Петровъ не обнаружилъ полной самостоятельности. Онъ призналъ за лучшее обратиться за разъясненіемъ сущности «новоромантизма» къ одному изъ представителей послѣдняго.

Пріемъ этотъ неудаченъ. Начинатели извѣстнаго литературнаго движенія обыкновенно чувствуютъ инстинктивно потребность новизны, но не могутъ ясно опредѣлить сущность этого новаго движенія. Потому-то и рискованно опредѣлять какое-нибудь литературное движеніе, вызрѣвающее постепенно и вполнѣ опредѣляющееся лишь въ моментъ апогея, словами одного изъ его вожаковъ въ началѣ дѣятельности.

Въ отношеніи къ новой романтикѣ такой способъ опредѣленія долженъ быть признанъ въ особенности несостоятельнымъ: романтика представляла собою весьма сложное явленіе, которое подлежитъ уясненію лишь подъ условіемъ наблюденія на значительномъ протяженіи.

Какъ извѣстно, въ русской литературѣ въ 20-хъ и отчасти въ 30-хъ годахъ велись самые ожесточенные споры по вопросу о классицизмѣ, романтизмѣ и народности [1]). Они отзывались даже

---

[1]) И на западѣ среди споровъ, возбужденныхъ романтическимъ движеніемъ, поднималась рѣчь о народности. Такъ, въ анонимномъ разсужденіи: «Essai sur la littérature romantique», Paris (1825) говорится о средневѣковой французской литературѣ: «Dénuée sans doute de ce genre de variété et de profondeur que donnent seule l'abondance des lumières et l'habitude de la reflexion elle étoit du moins en parfaite harmonie avec le génie de la nation».

на страницахъ оффиціальныхъ журналовъ [1]), а также дѣлались достояніемъ сатирической литературы [2]).

Въ польской литературѣ появленіе романтики ознаменовалось такимъ же хаотическимъ столкновеніемъ мнѣній по вопросу о классицизмѣ и романтизмѣ. Особенности романтики, какъ онѣ сказывались въ нѣмецкой литературѣ, были указаны довольно отчетливо уже за нѣсколько лѣтъ до появленія знаменитой статьи Мицкевича «O poezyi romantycznej», — Бродзинскимъ въ статьѣ «O klasyczności i romantyczności» (1818) [3]). Точно также ранѣе Мицкевича Бродзинскій формулировалъ знаменитый призывъ Мицкевича «Miej serce i patrzaj w serce!». Въ своемъ стихотвореніи «O poezyi» Бродзинскій указывалъ на значеніе сердца и чувства въ поэзіи:

Niech na wieki kraine poetów zaniecha,
Kto nie zna krain prawdy, komu obce serce.

Къ 1825 г. относится статья Лелевеля «O romantyczności. Z powodu drugiego Numeru Dziennika Warszawskiego» [4]), отличающаяся трезвостію сужденій. Разсужденіе Мицкевича въ обращеніи къ Варшавскимъ критикамъ [5]) напоминаетъ мнѣніе Мохнацкаго о классицизмѣ, выраженное три года ранѣе.

Г. Петровъ, желая опредѣлить сущность новой романтики, не обращался къ этой статьѣ Мицкевича, предпосланной въ 1829 г. Петербургскому изданію его стихотвореній, и лишь принялъ во вниманіе предисловіе Мицкевича къ первому (Виленскому) изданію стихотвореній Мицкевича (1822) [6]). Почему г. Петровъ

---

[1]) См., напр., ст. «О народности въ литературѣ» въ Ж. М. Н. Пр. 1834 г.

[2]) См., напр., Д. Сигова — Умственная революція, или война романтизма съ классицизмомъ, М. 1831.

[3]) См. Хмѣлёвскаго Ad. Mickiewicz, I, 147.—Въ своей статьѣ 1818 г. Бродзинскій возставалъ противъ мнѣнія, по которому романтическая поэзія имѣла мѣсто лишь въ средніе вѣка: Бродзинскій указывалъ на то, что первобытная поэзія всякаго народа также можетъ быть причисляема къ романтической. Ср мнѣніе о романтизмѣ Deschanel-я, автора монографіи «Le romantisme des classiques».

[4]) Статья эта была напечатана въ Bibl. Polska 1825 г.; перепечатана въ Polska dzieje i rzeczy jéj rozpatrywane przez Joachima Lelewela. T. XVIII, Pozn. 1865. str. 137—152.

[5]) Подробно о нападеніи Мицкевича на классиковъ говорится въ ст. Бигелейзена въ «Przegląd Tygodniomy» 1885.

[6]) Оба разсужденія Мицкевича перепечатаны и въ недавно вышедшемъ Варшавскомъ изданіи «Poezye Adama Mickiewicza» (Nowe uzupełnione wydanie ułożone przez P. Chmielowskiego), t. I, 1886, str. 37—73.

взялъ за исходный пунктъ своего опредѣленія романтики разсужденіе, которымъ Мицкевичъ оправдывалъ въ годы юности свое выступленіе въ качествѣ романтика, намъ непонятно въ виду указаннаго нами отношенія разсужденія Мицкевича къ статьямъ другихъ польскихъ критиковъ, а также въ виду того, что опредѣленіе романтики, къ которому Мицкевичъ старался подойти исторически, не было основано на такомъ обстоятельномъ и отчетливомъ изученіи исторіи поэзіи, какъ нѣмецкія опредѣленія (Шлегеля, Бутервека, Эбергарда), на которыя ссылался польскій поэтъ, и не отличалось особыми достоинствами. Въ разсужденіи Мицкевича немало недомолвокъ и неточностей, которыя могутъ ввести въ заблужденіе читателей. Такъ, нельзя сказать, что средневѣковая романтика была совершенно подавлена французскимъ псевдоклассицизмомъ. Эта романтика не умирала въ новыхъ литературахъ и имѣла мѣсто въ періодъ псевдоклассицизма даже въ самой Франціи; достаточно указать на элементы романтики у Корнеля,—на то, что Мольера совершенно ошибочно причисляли къ классикамъ чистой воды, наконецъ—на то, что въ вѣкъ Людовика XIV происходила ожесточенная борьба такъ наз. anciens et modernes. Сверхъ того г. Петровъ передалъ не совсѣмъ отчетливо содержаніе «Przemow»-ы Мицкевича; онъ не извлекъ изъ этого предисловія замѣчаній, которыя наилучше характеризуютъ романтику. Такъ, не указано, что Мицкевичъ строго отнесся къ латинской поэзіи и не призналъ ея народною; не приведены ясно основанія, по которымъ Мицкевичъ осуждалъ французскую псевдоклассическую поэзію: Мицкевичъ примкнулъ ко взгляду, по которому поэзія должна занимать воображеніе и трогать сердце, и не одобрялъ французской поэзіи за подавленіе въ ней воображенія, за дидактичность, за неудачныя описанія, отличающіяся разсудочностію и холодностію, за придавленность чувства, за прозаичность, напыщенность, условность. — Какъ скоро г. Петровъ удѣлилъ особое вниманіе взгляду Мицкевича на романтику, онъ долженъ былъ также имѣть въ виду стихотвореніе Мицкевича «Romantyczność», напечатанное въ томъ собраніи стихотвореній, которому предшествовало разсужденіе «O poezyi romantycznej». Въ «Romantyczność» выдвигаются «czucie i wiara»; Мицкевичъ говоритъ:

Dziewczyna czuje — odpowiadam skromnie —
A gawiedź wierzy głęboko;
Czucie i wiara silniej mówi do mnie,

Niż mędrca szkiełko i oko.
Martwe znasz prawdy, nieznane dla ludu,
Widzisz świat w proszku, w każdej gwiazd iskierce:
Nie znasz prawd żywych, nie obaczysz cudu!
Miej serce i patrzaj w serce.

Такимъ образомъ, Мицкевичъ возстановлялъ права присущаго человѣческой душѣ влеченія къ чудесному, таинственному, требовалъ равновѣсія въ поэзіи, ставилъ чувство и вѣру рядомъ съ разумомъ, выдвигалъ права фантазіи рядомъ съ правами разсудка, стоялъ за право общенароднаго творчества; важно было, что Мицкевичъ опирался въ своихъ балладахъ на народныя пѣсни и преданія. Все это не отмѣчено достодолжнымъ образомъ у г. Петрова.

Изложивъ мнѣніе Мицкевича о сущности новаго романтизма, г. Петровъ говоритъ затѣмъ: «Сущность этого новоромантизма, смѣшаннаго съ другими направленіями литературы и поэзіи(?), нѣкоторые новѣйшіе писатели(?) понимаютъ какъ гармоническое сочетаніе въ новѣйшемъ художественномъ идеалѣ романтической глубокой жизни души и классической красоты формы. Поэтому, новоромантизмъ вѣрнѣе слѣдуетъ назвать художественнымъ романтизмомъ». Это новое опредѣленіе должно быть признано неудачнымъ вслѣдствіе неопредѣленности и растяжимости его. Подъ него подойдутъ и такія произведенія какъ «Сидъ» Корнеля и «Мизантропъ» Мольера. Сверхъ того авторъ упустилъ изъ виду борьбу многихъ романтиковъ противъ господства классической формы; вѣроятно, по причинѣ такой борьбы Пушкинъ со свойственною ему мѣткостію назвалъ романтизмъ «парнасскимъ аоизмомъ» (Посланіе Арк. Гавр. Родзянко. 1826). О сочетаніи романтическаго содержанія съ классическою формою говорили преимущественно не прямые поборники романтики, а лишь люди средней партіи, мирившіеся съ «классическимъ романтизмомъ». Такого рода примиреніе провозглашалось и въ польской литературѣ 20-хъ годовъ [1]) и въ нашей.

Намъ кажется, далѣе, неосновательнымъ и то, что г. Петровъ говоритъ въ концѣ своего общаго опредѣленія «новоромантизма»: «Нѣкоторые представители его вели борьбу противъ французскаго псевдоклассицизма, чтобы возстановить дѣйствительное классиче-

---

[1]) J. F. Królikowski въ Познанской Mrówce указывалъ на то, что не всякая романтичность противоположна классицизму.

ское образованіе, какъ оно было въ Греціи. Греческая поэзія, греческая философія въ дѣлѣ новоромантическаго движенія нерѣдко были руководительными началами». Романтики, дѣйствительно, увлекались Гомеромъ, но — въ такой же мѣрѣ, въ какой увлекались Оссіаномъ; послѣдній привлекалъ иногда ихъ вниманіе ранѣе Гомера. Мицкевичъ отзывался съ энтузіазмомъ о греческой поэзіи и искусствѣ, потому что находилъ въ нихъ гармоническое выраженіе всѣхъ душевныхъ силъ, и однакоже не произведенія античнаго искусства послужили ему руководительнымъ началомъ. Желательно было бы знать, какихъ *романтиковъ* въ полномъ смыслѣ этого слова разумѣлъ г. Петровъ, когда утверждалъ, что «греческая поэзія, греческая философія въ дѣлѣ новоромантическаго движенія были руководительными началами». Если судить по предыдущему и послѣдующему изложенію, г. Петровъ имѣлъ въ виду въ приведенныхъ словахъ Гёте и Шиллера, которыхъ считаетъ настоящими романтиками. Но Гёте и Шиллеръ склонялись къ романтическимъ началамъ лишь въ непродолжительные моменты своей дѣятельности, и истинно романтическіе писатели, воспользовавшіеся этими начатками въ творчествѣ Гёте и Шиллера, разошлись затѣмъ съ этими корифеями нѣмецкаго Возрожденія конца XVIII в. и пошли инымъ путемъ. Гёте потомъ призналъ здоровымъ направленіе классическое, а романтическое объявилъ болѣзненнымъ [1]). Что до Шиллера, то онъ любилъ изъ классическихъ писателей въ особенности Виргилія [2]), и вообще воздѣйствіе классическихъ писателей на него весьма умѣрялось вліяніемъ новыхъ, между проч.— французскихъ. Въ періодъ дружества Гёте и Шиллера и въ послѣдующее время авторъ «Фауста» не выказывалъ въ своей поэзіи особаго вниманія къ интересамъ ближайшей современности, и потому намъ непонятно замѣчаніе г. Петрова: «Въ Германіи новоромантика, въ лицѣ Гёте и Шиллера, опиралась на классическую древность и тоже имѣла въ виду насущныя потребности настоящаго времени».

---

[1]) См. хотя бы ст. Waetzoldt-a: «Goethe und die Romantik» въ 1 Heft IV-го т. «Berichte des Freien Deutschen Hochstifts» и въ отдѣльномъ оттискѣ въ брошюрѣ: Zwei Goethevorträge, Berl. 1888; здѣсь показано, какъ Гете возвышался надъ романтикою.

[2]) См. въ особенности ст. Hauff-a: «Schiller und Vergil» въ «Zeitschr. für Vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur», N. F., I Bd. 1-tes Heft; здѣсь указаны и другія статьи объ отношеніи Шиллера къ Виргилію.

Итакъ, мы находимъ у г. Петрова блѣдную и довольно неопредѣленную характеристику романтики. Въ извиненіе г. Петрова можно сказать, что слово «романтическій» принадлежитъ къ числу терминовъ, употребляемыхъ въ большинствѣ случаевъ безъ яснаго представленія. Смыслъ этого названія доселѣ не ясенъ для многихъ. Лучшее средство для устраненія этой сбивчивости—выясненіе послѣдовательнаго употребленія слова «романтическій». Опыты такого выясненія уже имѣются, но они не достигли еще широкой извѣстности.

Представивъ общее опредѣленіе новоромантическаго литературнаго движенія, г. Петровъ кратко характеризуетъ затѣмъ своеобразные оттѣнки «гармоническаго сочетанія романтическаго содержанія съ классическою формою» въ разныхъ литературахъ. Онъ говоритъ словами Ю. Шмидта о романтикѣ англійской и нѣмецкой и обращается потомъ къ новоромантизму въ литературахъ польской и русской.

Въ немногихъ замѣчаніяхъ, удѣленныхъ польскому романтизму, г. Петровъ допустилъ нѣсколько неточностей. Онъ назвалъ Мицкевича «романтикомъ отчасти регрессивнымъ» потому, что «Мицкевичъ въ изданіи своихъ стихотвореній 1829 года, въ предисловіи «къ читателю о критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ», указывая на представителей новоромантизма Гёте, Мура, Байрона и др., ссылается также на Шлегелей, Тика, Гизо, Вильмена и др., т. е. на авторитеты реакціоннаго романтизма, обращеннаго на давнопрошедшую жизнь». Но такое замѣчаніе не имѣетъ полнаго значенія хотя бы въ виду того, что въ польской романтикѣ[1]) былъ и элементъ революціонный; сверхъ того въ указанномъ предисловіи Мицкевичъ вспоминаетъ еще «wysokie o sztuce myśli Lessynga, Homa, Hotezesona, Borka, Smita». Основываясь лишь на статьѣ Мицкевича «O krytykach i recenzentach Warszawskich», г. Петровъ утверждаетъ, что въ Варшавѣ господствовалъ псевдоклассицизмъ, но это не совсѣмъ точно. Въ 1819 г. противъ романтики выступилъ Виленскій ученый Снядецкій, а защита романтичности была помѣщена въ «Pamiętnik Warszawski». Варшавскіе литераторы перепечатали-было нѣкоторыя баллады I-го т. стихотвореній Мицкевича. Произведенія послѣдняго цѣнились также и въ

[1]) См. опытъ выясненія элементовъ польской романтики въ лекціяхъ Брандеса о польской литературѣ XIX в., читанныхъ въ Варшавѣ въ 1886 г. Онѣ были напечатаны въ польскомъ переводѣ въ «Gazeta Polska» 1886, а въ 1887 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ.

Варшавѣ, гдѣ существовала партія романтиковъ и выходилъ органъ романтиковъ [1]). Наконецъ, г. Петровъ преувеличилъ значеніе Мицкевича, какъ образователя «цѣлой школы польско-украинскихъ поэтовъ».

Перечисляя русскихъ романтиковъ, г. Петровъ, слѣдуя установившемуся обычаю, называетъ прежде всего Жуковскаго. Намъ кажется, что, говоря о возникновеніи русской романтики, неосновательно забываютъ Карамзина. Послѣдній соотвѣтствовалъ до извѣстной степени швейцарцамъ нѣмецкой литературы XVIII в.: онъ также началъ съ противодѣйствія французскому классицизму и сентиментализма и обратился къ русской старинѣ. Литературная дѣятельность Карамзина совпала съ началомъ романтическаго движенія въ Германіи. Карамзинъ склонялся къ романтикамъ, хотя переносилъ къ намъ романтизмъ не вполнѣ.

Переходя къ украинскому романтизму, г. Петровъ ограничился замѣчаніемъ, что и украинская литература «не чужда была этого новоромантическаго движенія и знакомилась съ нимъ или непосредственно изъ первыхъ рукъ, или же при посредствѣ польской и русской литературъ». Слѣдуетъ перечень тѣхъ романтиковъ, черезъ которыхъ «малороссы знакомились съ новоромантизмомъ». Въ чемъ состояли общія мѣстныя особенности украинскаго романтизма, читателю остается неясно.

Сказанное достаточно, думаемъ, показываетъ, какъ неглубоко вникнулъ г. Петровъ въ сущность романтики и сколь неясными чертами она рисуется въ разсматриваемой книгѣ.

Столь же неясны въ ней и другія опредѣленія основныхъ направленій европейскихъ литературъ XVIII и XIX вв. Оттуда-то несостоятельность распредѣленія матеріала, какое находимъ въ книгѣ г. Петрова.

Благодаря невѣрному дѣленію украинской литературы на періоды, принятому г. Петровымъ, литературный матеріалъ получилъ невѣрное освѣщеніе. Развитіе украинской литературы не укладывается въ тѣ рамки, въ которыя попытался втиснуть его г. Петровъ, подраздѣляя на періоды. Это чувствовалъ какъ будто и самъ авторъ, подрывая по мѣстамъ предложенное имъ подраздѣленіе. На стр. 17 онъ говоритъ: «намѣчая эти періоды въ развитіи украинской литературы, мы должны оговориться, что по нимъ нельзя строго

---

[1]) См. въ книгѣ Chmielowski-аго: Ad. Mickiewicz, I, въ особенности стр. 427

распредѣлить всѣхъ украинскихъ писателей. При быстрой смѣнѣ литературныхъ понятій и вкусовъ, объясняемой подражательностію украинской литературы, часто одинъ и тотъ же украинскій писатель пробовалъ себя въ разныхъ родахъ и направленіяхъ литературы, такъ что его дѣятельность можетъ быть раздроблена между нѣсколькими періодами». Отчисленіе того или инаго писателя «къ извѣстному періоду по преобладающему характеру его произведеній» часто оказывается совершенно неудачнымъ у г. Петрова. Такъ, поставивъ И. П. Котляревскаго во главѣ періода псевдоклассицизма и реакціи послѣднему, г. Петровъ въ началѣ слѣдующей главы — объ украинскомъ сентиментализмѣ — отмѣчаетъ въ оперѣ «Наталка-Полтавка» «значительное присутствіе сентиментальнаго элемента» (стр. 86), а между тѣмъ опера эта, по значенію въ ряду произведеній Котляревскаго и украинской литературы вообще, немногимъ ниже «Энеиды». На стр. 107 г. Петровъ отмѣчаетъ двойственность произведеній Квитки и т. п.

На нашъ взглядъ не можетъ быть рѣчи о многихъ періодахъ въ исторіи украинской литературы XIX в. Возможно говорить лишь о нѣсколькихъ теченіяхъ или основныхъ направленіяхъ, которыя могли сливаться въ дѣятельности нѣкоторыхъ писателей. Направленія эти могутъ быть различаемы примѣнительно къ характеру творчества и преобладающимъ тенденціямъ въ содержаніи литературныхъ произведеній. Мы предложили бы пріурочить произведенія украинской литературы XIX в. къ тремъ главнымъ теченіямъ, которыя переходили часто одно въ другое. Эти теченія слѣдующія. Во-первыхъ, юмористическое (а не каррикатурное по преимуществу) изображеніе украинской дѣйствительности при постоянномъ сочувствіи къ положенію украинской народности и любви къ ней (произведенія Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, большая часть произведеній Квитки [1]); сюда примыкаютъ также произведенія Павловскаго и Василія Гоголя). Во-вторыхъ, направленіе романтическое, начавшееся съ появленіемъ сборниковъ Цертелева и Максимовича и соединявшееся съ этнографическимъ и историческимъ изученіемъ южнорусскаго племени. Это направленіе открылось произведеніями Боровиковскаго, Бодянскаго, Тополи, Метлинскаго; сюда же относятся и нѣкоторыя произведенія Квитки. Отголоски этого направленія слышатся въ

[1]) Здѣсь и ниже называемъ самыхъ раннихъ представителей каждаго литературнаго направленія.

произведеніяхъ позднѣйшихъ этнографовъ изобразителей [1]). Послѣднее изъ основныхъ направленій украинской литературы — украинофильское народничество, начатое Шевченкомъ и Костомаровымъ, продолженное сотрудниками «Основы» и возродившееся съ новою силою въ украинской литературѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Въ благихъ начинаніяхъ прошлаго царствованія, въ особенности въ крестьянской реформѣ, украинское народничество получило опору, какой не имѣло до той поры, и если г. Петровъ хотѣлъ выдѣлить новѣйшее украинофильство, то ему слѣдовало начать не съ 60-хъ годовъ, а съ самаго начала прошлаго царствованія.

Тѣ основныя направленія, которыя г. Петровъ различаетъ въ украинской литературѣ XIX в., либо не могутъ быть признаны таковыми, либо должны быть признаны существовавшими во всѣ періоды развитія украинской литературы XIX в., и слѣдовательно невозможно установить подраздѣленіе на періоды примѣнительно къ этимъ особенностямъ творчества.

Въ украинской литературѣ постоянно господствовалъ реализмъ, и самый романтизмъ здѣсь склонялся къ реализму въ смыслѣ весьма внимательнаго изученія старины и народности. Этотъ реализмъ въ большинствѣ случаевъ не переходилъ въ ультра-реализмъ и отличался художественностію. Къ нему можетъ быть примѣнено то, что сказалъ Крашевскій о своихъ повѣстяхъ изъ народнаго быта: «Sztuka wymaga wyboru razem i prawdy. Fotografia jéj nigdy nie zastąpi ani realizm bezmyślny».... Украинскую литературу послѣднихъ десятилѣтій связываютъ съ прежнею любовь къ народности и отличительныя черты, постоянно присущія украинскому творчеству. Любовь къ родинѣ и народу, внимательное изученіе его либо въ прошломъ, либо въ настоящемъ, тѣсная связь съ народною поэзіею, особый юморъ и рядомъ съ нимъ нѣжное и глубокое чувство, грусть и тонкое чувство природы, проникающія народную пѣсню, составляютъ общія черты произведеній всѣхъ трехъ основныхъ

---

[1]) Еще въ «Основѣ» продолжалось то «изобразительно-этнографическое направленіе», которое, по словамъ Костомарова (Поэзія славянъ, 162), «исчерпывалось, оказывалось слишкомъ узкимъ. Буйные вѣтры, степовыя могилы, козаки, чумаки, чернобривы дивчата, зозули, соловейки, барвинковые шиночки и прочія принадлежности малорусской поэзіи становились избитыми, типическими призраками». Ясно, что съ развитіемъ новѣйшаго направленія украинской литературы, предвозвѣщеннаго Шевченкомъ, не изсякло прежнее; не умерло оно и теперь.

направленій, указанныхъ нами въ украинской литературѣ XIX в. Сочувственное воспоминаніе о временахъ подъема народнаго духа, когда украинцы отстаивали свою народность противъ поляковъ, татаръ и турокъ, встрѣчаются не только у романтиковъ, но и у новѣйшихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ г. Левицкаго, котораго г. Петровъ считаетъ начинателемъ поворота въ новѣйшей украинской литературѣ, находимъ и юморъ (въ разсказахъ о бабахъ Параскѣ и Палажкѣ), и любовь къ «идиллическимъ картинкамъ малорусской жизни», и тонкое чувство природы; отъ соціальнаго романа и повѣсти изъ недавней и современной жизни Левицкій переходилъ по временамъ къ фантастическому возвеличенію прошлаго Украины («Запорозьці»; см. еще оперету «Маруся Богуславка»). У Кропивницкаго рядомъ съ украинскимъ юморомъ встрѣчается сентиментальность; и этотъ изобразитель современной дѣйствительности драматически обработалъ, подобно Левицкому, эпизодъ изъ казацкаго періода Украины («Невольникъ»).

Итакъ, не смотря на кажущуюся систематичность, книга г. Петрова не заключаетъ удовлетворительной характеристики различныхъ направленій украинской литературы, и генезисъ этой литературы выясненъ недостаточно. У г. Петрова не находимъ правдиваго и полнаго анализа условій, вліявшихъ на развитіе украинской литературы, не усматриваемъ внутренней связи явленій. Такимъ образомъ, г. Петровъ не выполнилъ той довольно сложной задачи, которая, по его мнѣнію (стр. 1—2), предлежитъ историческому изученію украинской литературы. Г. Петровъ не поднялся въ своей книгѣ до уровня того воззрѣнія, которое начало утверждаться въ новѣйшей наукѣ и по которому литература есть выраженіе и развитіе народнаго духа.

Впрочемъ, какъ мы видѣли, г. Петровъ старался быть подальше отъ «апріорныхъ взглядовъ»; онъ желалъ дать только «поболѣе фактическихъ данныхъ». Посмотримъ же, каковы эти послѣднія.

VIII.

Очерки жизни и произведеній украинскихъ писателей въ отдѣльности, данные въ книгѣ г. Петрова.

Послѣ общаго обзора каждаго «періода» украинской литературы г. Петровъ представляетъ очерки жизни и дѣятельности выдаю-

щихся изъ тѣхъ писателей, которые отнесены имъ къ тому періоду. Онъ сообщаетъ біографіи писателей, излагаетъ содержаніе ихъ произведеній и подвергаетъ критикѣ эти произведенія.

Изученіе жизни и произведеній писателей въ отдѣльности, положенное въ основу этихъ частныхъ очерковъ, отличается нѣкоторыми достоинствами, но не лишено также и крупныхъ недостатковъ.

Правда, г. Петровъ воспользовался неизвѣстными доселѣ въ печати матеріалами [1]) и отвелъ имъ сравнительно немало мѣста въ своей книгѣ. Кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе читателей на нѣкоторыхъ полузабытыхъ украинскихъ писателей, каковы, напр., Белецкій-Носенко и Думитрашковъ. Такое извлеченіе изъ бездны забвенія полузабытыхъ или совсѣмъ мало извѣстныхъ писателей приноситъ долю пользы, въ особенности когда имѣется въ виду выясненіе широкаго литературнаго движенія во всей его полнотѣ. Но, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что, по указанію компетентной критики, г. Петровъ умолчалъ о другихъ такихъ же второстепенныхъ писателяхъ [2]). Выдвигая иной разъ не въ мѣру менѣе важныхъ поэтовъ, напр. Думитрашкова [3]), г. Петровъ говоритъ о другихъ, заслуживавшихъ большаго вниманія, всего въ нѣсколькихъ словахъ, именно о Мордовцевѣ [4]), Чубинскомъ, А. Кониссскомъ [5]). О Куликѣ г. Петровъ только упоминаетъ, а между тѣмъ его ставятъ выше Щоголева [6]). Мало сказано у г. Петрова и о Глѣбовѣ, Ганнѣ Барвинокъ и Свидницкомъ [7]). Слѣдовало бы также отвести болѣе мѣста Максимовичу [8]). Такимъ образомъ, степень вниманія, удѣ-

---

[1]) См., напр., стр. 36, 154, 159, 181, 257, 427, 443 книги г. Петрова. Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія г. Петровъ добывалъ непосредственно отъ самихъ писателей.

[2]) Таковы Го, Мова, Огіенскій и др., о которыхъ см. въ «Дѣлѣ» 1884, № 15.

[3]) Главная литературная заслуга Думитрашкова состояла лишь въ гекзаметрахъ его *Жабомышодракіоки*, которые признаются удачными. См. о Думитрашковѣ замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» 1886, № 5.

[4]) «Оповидання Мордовцева» разсмотрѣны г. Франкомъ въ «Ватрѣ», стр. 147—153. Ср. «Московскія Вѣдомости» 1885 г. 30 апрѣля.

[5]) См. «Дѣло» 1884, ч. 45.

[6]) «Дѣло» 1884, ч. 55.

[7]) О немъ см. въ «Ватрѣ».

[8]) Г. Петровъ не говоритъ о полемикѣ Максимовича съ Погодинымъ и о значеніи Максимовича въ исторіи вопроса о малорусскомъ нарѣчіи.

леннаго г. Петровымъ различнымъ украинскимъ писателямъ, не всегда соотвѣтствуетъ ихъ значенію, и мѣсто, отведенное имъ, не пропорціонально ихъ важности. Группы второстепенныхъ писателей слѣдовало бы охарактеризовать хотя въ общихъ чертахъ со стороны содержанія и стиля ихъ произведеній. Тѣ общія характеристики, которыя г. Петровъ предпосылаетъ разсмотрѣнію писателей каждаго періода въ отдѣльности, оказываются недостаточными.

Кое-гдѣ г. Петровъ не вполнѣ точно выяснилъ себѣ предѣлы своего изслѣдованія. Онъ говоритъ довольно подробно о повѣстяхъ на русскомъ языкѣ Гоголя и Гребенки, но опускаетъ многія другія произведенія русской беллетристики, относящіяся къ Украинѣ, и ограничивается перечисленіемъ лишь нѣкоторыхъ заглавій (на стр. 174—175). Почему совсѣмъ не названы г. Петровымъ иныя повѣсти, содержаніе которыхъ заимствовано изъ украинской жизни [1]), не ясно.

Біографическія данныя объ украинскихъ писателяхъ собраны г. Петровымъ не всегда съ возможною полнотою и не провѣрены критически. По мѣстамъ біографическіе очерки представляютъ компиляціи либо дословныя выписки изъ довольно доступныхъ книгъ и заимствованіе цѣлыхъ тирадъ безъ указанія источника [2]), что объясняется, быть можетъ, недосмотромъ и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ трудъ автора разростался постепенно вокругъ сдѣланныхъ первоначально выписокъ. Изученіе и оцѣнка литературныхъ произведеній у г. Петрова часто не отличаются ни полнотою, ни тщательностью, ни глубиною.

Ограничимся лишь немногими примѣрами для подтвержденія

---

[1]) Такъ, въ перечнѣ повѣствователей объ украинской старинѣ не названъ Кукольникъ, написавшій «Запорожцевъ»; въ числѣ произведеній Кузьмичева не названа повѣсть «Послѣдніе потомки гайдамака: Украинское преданіе» (обработка думы о побѣгѣ трехъ братьевъ); перечень сочиненій Кулжинскаго см. въ кн. «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко», стр. 273.

[2]) Сравн., напр., стр. 303 книги г. Петрова съ 21-ю стр. книги Чалаго, «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка»; стр. 311—312 книги Петрова со стр. 38—41 книги Чалаго; стр. 315—316 книги Петрова со стр. 54—55 книги Чалаго; стр. 202—205 книги г. Петрова со стр. 170—171 книги Гербеля: «Поэзія славянъ». Но нѣсколько строкъ изъ книги Гербеля внесено г. Петровымъ въ біографію Метлинскаго на стр. 129, 131 и 134 (Гербеля стр. 193 и слѣд.). Ср. еще стр. 78 книги г. Петрова со статьею о Гоголѣ—отцѣ въ сборникѣ «Нѣжинскій лицей», стр. 361; стр. 265—266 книги г. Петрова и стр. 373 и 374 «Исторіи славянскихъ литературъ» Пыпина.

этого замѣчанія, такъ какъ разсмотрѣніе всѣхъ очерковъ г. Петрова и указаніе всѣхъ промаховъ, допущенныхъ имъ, увеличили бы нашу рецензію до значительныхъ размѣровъ; сверхъ того нѣкоторые примѣры поверхностнаго изученія предмета у г. Петрова приведены въ предыдущемъ изложеніи.

Мы разсмотрѣли въ первой главѣ настоящей рецензіи этюдъ г. Петрова объ И. П. Котляревскомъ. Возьмемъ теперь очеркъ, слѣдующій за тѣмъ этюдомъ, біографію и перечень произведеній Гулака-Артемовскаго.

Въ началѣ біографіи Гулака-Артемовскаго у г. Петрова находимъ почти буквальное повтореніе словъ біографическаго очерка, находящагося въ книгѣ Гербеля «Поэзія славянъ» [1]). Г. Петровъ воспроизвелъ и тѣ неточности, какія допустилъ Гербель. Гулакъ-Артемовскій поступилъ въ Харьковскій университетъ не въ 1817 г., какъ утверждаетъ г. Петровъ, а въ 1816—17 академическомъ году, какъ значится въ отчетѣ Харьковскаго университета, читанномъ 30 августа 1817 г., и въ томъ же году былъ уволенъ отъ должности попечителя графъ Потоцкій [2]). Въ то время въ Харьковѣ было развито стихотворство, какъ то доказываетъ, между проч., «Украинскій Вѣстникъ», и не удивительно, что принялся писать стихи и Гулакъ-Артемовскій. Онъ сошелся весьма скоро съ Квиткою [3]), и произведенія послѣдняго въ шутливомъ тонѣ могли повліять на молодаго поэта [4]). Г. Петровъ не изслѣдовалъ обстоятельно и исторіи произведеній Гулака-Артемовскаго. Напр., о баснѣ Гулака-Артемовскаго «Панъ та собака» г. Петровъ говоритъ на стр. 64: «Зная первоисточникъ этой басни Артемовскаго, мы, къ сожалѣнію, должны умень-

---

[1]) Ср. стр. 66 книги Петрова и 168-ю книги Гербеля.

[2]) Укр. Вѣстникъ 1817, окт., 68 и 63.

[3]) Г. Петровъ говоритъ на стр. 89, что Квитка «черезъ отношенія къ институту тѣсно сблизился съ талантливымъ украинскимъ писателемъ И. П. Гулакъ-Артемовскимъ, который..,.съ 1818 г. былъ преподавателемъ института. Но Гулакъ-Артемовскій сблизился съ Квиткою, повидимому, не въ 1818 г., а тотчасъ же по прибытіи въ Харьковъ, потому что стихотвореніе Гулака-Артемовскаго «Справжня добрість» (до Грицка Основъяненка) помѣчено 17 сентября 1817 г.

[4]) Въ бумагахъ Квитки сохранилось неизданное стихотвореніе на русскомъ языкѣ «Посвященіе альбома» (переводъ изъ Горація) въ шутливомъ тонѣ. Оно помѣчено 5 января 1816 г., слѣдовательно написано до прибытія Гулака-Артемовскаго въ Харьковъ. Гулакъ-Артемовскій могъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ.

нить нѣсколько ея значеніе и смотрѣть на нее только какъ на вольный переводъ или передѣлку польскаго оригинала». Г. Петровъ предварительно привлекъ для сравненія сатиру Красицкаго «Pan niewart sługi», заявляя, что онъ досталъ только сатиры Красицкаго въ изданіи 1779 г. и не нашелъ стиха, послужившаго эпилогомъ къ баснѣ Гулака-Артемовскаго». Справившись съ полнымъ изданіемъ басенъ Красицкаго [1]), г. Петровъ увидѣлъ бы, что басня «Pan i pies» состоитъ всего изъ четырехъ стиховъ, и что, слѣдовательно, процессъ творчества Гулака-Артемовскаго въ данномъ случаѣ состоялъ въ самостоятельномъ претвореніи двухъ произведеній Красицкаго въ одно. Насколько обща мысль, положенная въ основу стихотворенія Гулака-Артемовскаго, видно хотя бы изъ того, что и въ «Королѣ Лирѣ» шутъ говоритъ: «правда всегда что дворная собака,—бей ее хлыстомъ, сколько хочешь». Говоря о появленіи произведеній Гулака-Артемовскаго въ печати, г. Петровъ не упомянулъ о томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы» [2]).

Посмотримъ теперь, какова критика литературныхъ произведеній у г. Петрова.

Приступая къ разбору тѣхъ или иныхъ произведеній, г. Петровъ выдвигаетъ на первый планъ сужденія объ этихъ произведеніяхъ, высказанныя въ современной литературѣ, какъ бы не вполнѣ довѣряя собственному мнѣнію въ виду своего «иноплеменнаго происхожденія», на которое указываетъ (стр. 2). Сводъ критическихъ отзывовъ, нерѣдко противорѣчивыхъ, имѣлъ бы полную цѣну, если бы былъ достаточно полонъ и если бы сопровождался всюду провѣркою согласно общему взгляду автора и принципамъ, которыхъ онъ придерживается. Исторія взглядовъ на литературныя произведенія освѣтила бы всестороннѣе ихъ значеніе, а общія заключительныя оцѣнки со стороны автора цѣльнаго очерка исторіи украинской литературы представили бы особый интересъ для читателя, потому что исходили бы отъ лица, стоящаго внѣ исключительно малорусской точки зрѣнія и въ то же время хорошо знакомаго съ украинскою литературою. Сужденія г. Петрова были бы

---

[1]) См., напр., Bayki i przypowiesci. Tudzież bayki nowe Ignacego. Krasickiego, W Warsz. 1813, str. 35—36.

[2]) «Твардовскій, Малороссійская баллада» явилась въ № 6 «Вѣстн. Европы» 1827 г.; «Рыбакъ, Малороссійская баллада»—ib, № 20; «Батько да сынъ, казка», «Рыбочка, казка», «Двѣ оды Горацієвы»—въ № 22.

тѣмъ цѣннѣе, что произведенія украинской литературы вызывали немного вѣскихъ и хорошихъ критикъ.

Г. Петровъ старался довольно усердно собрать критическіе отзывы о произведеніяхъ украинской литературы, но ограничивался при этомъ изложеніемъ такихъ мнѣній, которыя были высказаны въ довольно доступныхъ книгахъ и повременныхъ изданіяхъ. Въ нашу старую журналистику г. Петровъ почти не заглядывалъ и потому не привелъ отзывовъ журнальной и газетной критики 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, а между тѣмъ разсмотрѣніе литературныхъ произведеній въ связи съ современною имъ критикою въ значительной степени углубляетъ пониманіе ихъ значенія. Ту же неполноту въ сборѣ данныхъ г. Петровъ допустилъ и относительно нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей и писательницъ. Такъ, онъ не изложилъ отчетливо спора, поднявшагося въ русской литературѣ по поводу повѣстей Марка-Вовчка [1]). Равнымъ образомъ, немаловажный пробѣлъ составило опущеніе критическихъ статей объ украинской литературѣ, являвшихся въ галицко-русской журналистикѣ, а между тѣмъ эти послѣдніе разборы также не лишены интереса, потому что въ нихъ г. Петровъ могъ бы найти иногда оцѣнку съ чисто малорусской точки зрѣнія. Г. Петровъ привелъ даже не всѣ важнѣйшія замѣчанія русской журнальной критики, вошедшія потомъ въ отдѣльныя книги. Напр., собраны не всѣ отзывы Бѣлинскаго, заслуживавшіе вниманія. Жаль также, что г. Петровъ не изложилъ взгляда Полеваго на «Чары» Тополи и лишь упоминаетъ вскользь о статьѣ Полеваго (стр. 121). А между тѣмъ эта статья, помѣщенная первоначально въ «Библіотекѣ для чтенія» 1837 г. (т. XXV—безъ подписи автора) и перепечатанная въ «Очеркахъ русской литературы», заслуживаетъ пересказа. Полевой высказалъ взглядъ на украинскую литературу, который принялъ, повидимому, и врагъ его Гулакъ-Артемовскій. Полевой обнаружилъ болѣе основательности въ сужденіи, чѣмъ нѣкоторые другіе критики, напр. авторъ рецензіи на книгу г. Петрова въ «Кіевской Старинѣ», выразившійся, что «Чары» Тополи слишкомъ отрывочное и безформенное произведеніе [2]).

---

[1]) Не приведены, напр., отзывы Дружинина и А. А. Котляревскаго. Статья послѣдняго, подъ псевдонимомъ Эк. С-тъ, по компетентному отзыву,— одна изъ самыхъ живыхъ его статей и обѣщала въ немъ замѣчательнаго литературнаго критика.

[2]) Кіевск. Стар. 1884, апрѣль, 668. Намъ кажется болѣе вѣрнымъ отзывъ Г. Данилевскаго, по мнѣнію котораго Кирилла Тополи послѣ автора «Думъ»,

Къ перечню мнѣній разныхъ критиковъ о произведеніяхъ украинской литературы, составлявшихъ предметъ разбора въ книгѣ г. Петрова, послѣдній присоединялъ провѣрку этихъ мнѣній, но— не всегда. Сводя несходныя сужденія, г. Петровъ «приводилъ къ одному знаменателю» «важнѣйшіе критическіе отзывы объ этихъ сочиненіяхъ, иногда совершенно противоположные между собою» (стр. 2), но по мѣстамъ самостоятельный взглядъ автора не выступаетъ.

Остановимся на литературномъ анализѣ въ книгѣ г. Петрова и для характеристики этого анализа возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ разбираемаго труда.

Разсмотримъ прежде всего взглядъ г. Петрова на отношеніе поэзіи Шевченка къ народной украинской словесности и общерусской поэзіи. Въ народной словесности Шевченко уже занялъ мѣсто какъ «характерникъ» и народный герой, стоявшій за «сермяжный людъ» и его «волю»[1]). Г. Петровъ признаетъ (стр. 356) значительную долю правды за мнѣніемъ Кулиша, по которому «Шевченко менѣе всего былъ копіистомъ и воспроизводителемъ устной народной украинской поэзіи, и только въ болѣе слабыхъ своихъ произведеніяхъ онъ ближе подходитъ къ украинскимъ народнымъ пѣснямъ и думамъ. Мнѣніе это, хотя и высказанное г. Кулишемъ голословно, имѣетъ однако значительную долю правды на своей сторонѣ. Въ большихъ, лучшихъ произведеніяхъ Шевченка на малорусскомъ языкѣ, народное преданіе служитъ для него только тэмою, или же даетъ ему основной мотивъ, а иногда и нѣкоторыя детали, но мелкія, сравнительно слабыя стихотворенія Шевченка нерѣдко представляютъ изъ себя только незначительную передѣлку украинскихъ пѣсенъ и преданій». Выясняя затѣмъ въ частностяхъ

рано сошедшаго съ литературнаго поприща, едва-ли не болѣе многихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу». Укр. Стар., 200. Ср. отзывъ Вагилевича о «Чарахъ»: «есть то здраматизованая пригода зъ думы: Не ходи Грицю на вечерницю, въ которой представилъ великій образъ изъ житья мирского, наветь отчасти съ талантомъ» (Р. Библ. III, 155).—То, что сообщаетъ г. Петровъ о Тополи, можно бы дополнить. К. Тополи (такъ писалъ самъ этотъ авторъ свою фамилію) родился въ Украйнѣ и, хоти полякъ, былъ проникнутъ демократическою тенденціею, которая выражается въ «примѣчаніи» къ Чуръ-Чепухѣ: «Паны-шляхта ничѣмъ не различаются отъ черни . . . Про дѣтей шляхты сказать можно, что они не будучи воспитаны, часто разбойничали, или буянили надъ жидами, нечисты на руку были, чтобъ было чѣмъ угостить паннъ на гулянкахъ».

[1]) Кіевск. Стар. 1882, августъ, 371—373.

отношенія Шевченка къ народной поэзіи, г. Петровъ указываетъ лишь на совпаденіе нѣкоторыхъ мотивовъ и фабулъ: болѣе тонкаго анализа не находимъ. А между тѣмъ къ такому анализу могли побудить сужденія нѣкоторыхъ критиковъ, напр. Добролюбова, который говоритъ: Шевченко—«поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ нейдетъ съ нимъ въ сравненіе [1]), потому что складомъ своихъ мыслей и даже своими стремленіями иногда отдаляется отъ народа. У Шевченка, напротивъ, весь кругъ его думъ и сочувствій находится въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни» [2]) Поэзія Шевченка сближается съ народною поэзіею хотя бы инстинктивнымъ возсозданіемъ исторической правды и воспроизведеніемъ ея въ общихъ типическихъ очертаніяхъ, съ чѣмъ согласовалось также умѣніе Шевченка угадывать истинный обликъ прошлаго. На это указалъ В. Б. Антоновичъ въ рѣчи, содержаніе которой было изложено въ газетѣ «Трудъ». На стр. 344—345 и 347—348 книги г. Петрова читаемъ почти буквальныя заимствованія изъ этого пересказа. Эта рѣчь не процитована точно г. Петровымъ — можетъ быть по недосмотру — даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ приведена выдержка изъ нея въ кавычкахъ съ поясненіемъ, что то—слова г. Антоновича (см. 347—348).

Г. Петровъ постоянно говоритъ о вліяніи общерусскихъ поэтовъ на украинскихъ, но ощутительныхъ признаковъ *значительнаго* вліянія первыхъ и *подражанія* со стороны послѣднихъ часто не указываетъ. Такъ, со словъ Кулиша г. Петровъ трижды (стр. 127, 304, 362; ср. стр. 356) говоритъ о томъ, что Шевченко «Пушкина зналъ наизусть, даромъ, что писалъ не его рѣчью, не его складомъ». Но тѣ факты вліянія Пушкина «на развитіе Шевченка», какіе приведены на стр. 363 и слѣд., довольно скудны. Г. Петровъ указываетъ, между проч., на то, что сюжетъ поэмы Шевченка «Наймичка» «еще раньше разработанъ былъ А. С. Пушкинымъ въ его романѣ «Подъ вечеръ осенью ненастной...». Но не слѣдуетъ упускать изъ виду народныхъ пѣсенъ о дѣвушкѣ, ставшей матерью внѣ законнаго брака и разставшейся со своимъ ребенкомъ. Самъ г. Петровъ замѣтилъ (стр. 357), что «въ поэмѣ

---

[1]) Григорьевъ высказалъ подобное же мнѣніе. См. стр. 366—367 книги г. Петрова.

[2]) III, 324. См. еще на стр. 322 указаніе на «спокойную грусть», составляющую постоянный элементъ стихотвореній Шевченка.

Наймичка» почти буквально приводится народная украинская пѣсня «о молодой вдовѣ, родившей двухъ сыновей и пустившей ихъ на Дунай». Существуютъ и другія подобныя пѣсни, которыхъ мы не приводимъ, за недостаткомъ мѣста [1]). Но, конечно, схема фабулы «Наймичка» можетъ быть указана и въ нѣкоторыхъ весьма извѣстныхъ произведеніяхъ западной литературы прошлаго вѣка. Приведенное г. Петровымъ свидѣтельство Кулиша подлежитъ ограниченію согласно тому, что читаемъ въ воспоминаніяхъ Полонскаго, приложенныхъ къ I-му т. Пражскаго изданія Кобзаря (стр. XI): «Сидя въ гостяхъ у Шевченка, я узналъ изъ рѣчей его, что онъ не любитъ нашего поэта Пушкина и не потому, чтобъ онъ считалъ его дурнымъ поэтомъ, а просто потому, что Пушкинъ—авторъ поэмы «Полтава».—Если бы слѣдовать методу г. Петрова, то надо бы отыскивать въ поэзіи Шевченка и *значительное* вліяніе Шекспира, такъ какъ Кулишъ рядомъ съ приведеннымъ выше свѣдѣніемъ о томъ, что Шевченко зналъ Пушкина наизусть, сообщаетъ еще, что Шевченко «Шекспира возилъ съ собою, куда бы ни ѣхалъ».

Г. Петровъ совершенно основательно и въ духѣ новѣйшаго научнаго метода придавалъ большое значеніе указанію источниковъ фабулъ тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя подлежали его разсмотрѣнію, но иногда указывалъ не подходящіе источники. Напр., онъ говоритъ (стр. 247): «что касается сказки о хитрой дѣвкѣ и панѣ, то мотивы ея суть не что иное, какъ отраженіе судовъ Соломоновыхъ восточнаго происхожденія, перешедшихъ къ славянамъ уже въ историческія времена». См. однако Romania XIV, 150. Можно бы подыскать также въ новѣйшей русской литературѣ не указанныя г. Петровымъ параллели къ произведеніямъ украинской литературы. Такъ, стихотвореніе С. Л. Метлинскаго «Пидъ небомъ литае хмаронька высоко» напоминаетъ одно изъ стихотвореній В. И. Красова. Пѣсню Глѣбова: «Мчится голубь въ поднебесьи» (стр. 440—441 книги г. Петрова) слѣдуетъ сравнить со стихотвореніемъ Макарова: «Кіевскій козакъ» (В. Евр. 1827, № 8). Интересно бы, далѣе, указать на отношеніе повѣстей Марка-Вовчка къ разсказамъ Даля.

---

[1]) Одна изъ этихъ пѣсенъ начинается такъ:

Ой за гайкомъ, за Дунайкомъ,
Тамъ Иванію сіно косить и *проч.*

Другая: Ой идуть, идуть рыболовушки
Рыбушки ловить и *проч.*

О томъ какими критеріями руководился г. Петровъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, можно видѣть изъ отзыва г. Петрова о драмѣ Костомарова «Сава Чалый», которая была такъ прославлена въ свое время Бѣлинскимъ (отзывъ Бѣлинскаго обойденъ г. Петровымъ). По словамъ г. Петрова, эта трагедія «служитъ развитіемъ козацкой думы о Савѣ Чаломъ, доселѣ очень распространенной въ Малороссіи, и вслѣдъ за Из. Ив. Срезневскимъ, относитъ ее къ 1639 году.... Но козацкая дума о Савѣ Чаломъ относится не къ 1639 году, а ко временамъ гетмана Даніила Апостола, позже на цѣлое столѣтіе.... Разумѣется, ошибочно перенесши думу изъ одного вѣка въ другой, Н. И. Костомаровъ не могъ быть вѣренъ дѣйствительности» (стр. 247—249). Пріемъ критики, который примѣненъ въ данномъ случаѣ, не можетъ быть признанъ удачнымъ. Во первыхъ, какъ заявилъ самъ Костомаровъ, содержаніе пьесы, а слѣдоват. и хронологическое пріуроченіе, заимствовано изъ *думы* [1]). Во-вторыхъ, вопросъ объ отношеніи трагедіи къ исторіи — вопросъ трудный, и Лессингъ трижды возвращался къ нему въ своей Драматургіи [2]).

Какова критика, приложенная г. Петровымъ къ произведеніямъ новѣйшей украинской литературы, можно видѣть изъ разбора пьесъ Кропивницкаго, которыхъ достоинства и недостатки выступили вполнѣ замѣтно при сценической постановкѣ и слѣдовательно могли оставить живое впечатлѣніе.—По мнѣнію г. Петрова, въ пьесѣ «Дай серцю волю, заведе въ неволю» изображена «одна изъ важнѣйшихъ язвъ народной жизни въ послѣднее время»; такую язву составляютъ «кулаки-міроѣды, захватившіе въ свои руки всѣ пружины деревенской жизни и высасывающіе изъ нея послѣдніе соки». Г. Петровъ не совсѣмъ вѣрно выразилъ въ этихъ словахъ основную идею пьесы. Никита, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ

---

[1]) См. 1-е (Харьковское) изданіе (1838 г.). Тамъ на листкѣ, слѣдующемъ за заглавнымъ листкомъ, Костомаровъ ссылается на сборникъ Максимовича, на Запорожскую старину и на пѣсни Вацлава изъ Олеска. И дѣйствительно, у Срезневскаго былъ варіантъ пѣсни о Савѣ Чаломъ, сообщавшій что Чалый бился съ Сагайдачнымъ и какимъ-то Юрой. См. Запор. Стар., часть I, III, 122 и слѣд.

[2]) См. монографію Lambeck'a: Lessings Ansichten über das Verhältniss der Tragödie zur Geschichte въ «Programm der Ober-Realschule zu Koblenz» 1885. Многое отдѣляетъ фабулу драмы въ ея развитіи отъ чисто историческаго событія, которое могло составить ея основу. По мнѣнію Лессинга, поэтъ долженъ соблюдать вѣрность исторіи только въ характерахъ, а во всемъ остальномъ можетъ отступать отъ исторической правды сколько угодно.

лицъ разсматриваемой пьесы Кропивницкаго,—богатый паробокъ и сынъ старосты, избалованъ, какъ единственный сынъ, желаетъ играть видную роль, не можетъ примириться съ неудачею въ любви и хочетъ отомстить сопернику; вотъ это-то неумѣнье обуздать себя въ личномъ чувствѣ и въ порывахъ сердца—главное, что хотѣлъ выдвинуть въ этой личности авторъ пьесы, какъ показываетъ самое заглавіе ея. То, что Никита—сынъ «кулака-*міроѣда*», не вліяетъ особенно на ходъ пьесы. Возмнить такъ о себѣ, какъ Никита, могъ бы не только сынъ старосты, но и всякій избалованный сынъ богатыхъ родителей; такіе характеры существовали и будутъ существовать не только въ «современной южнорусской народной жизни, какъ она сложилась или складывается послѣ уничтоженія крѣпостничества и введенія важнѣйшихъ реформъ прошлаго царствованія». Нѣкоторую натяжку въ своемъ выясненіи основной идеи пьесы замѣтилъ какъ будто самъ г. Петровъ, который говоритъ, что въ пьесѣ «Дай серцю волю, заведе въ неволю» «главныя пружины дѣйствія, находящіяся въ рукахъ сельскаго старшины (?), заслоняются отъ читателя второстепенными лицами и бытовыми картинами, хотя, тѣмъ не менѣе, чувствуются, такъ сказать, инстинктивно» (стр. 418). Г. Петровъ характеризуетъ недостатки этой пьесы словами двухъ газетныхъ рецензентовъ, но упустилъ изъ виду главный промахъ въ ней—отсутствіе цѣльности, вслѣдствіе чего въ драмѣ нѣтъ главнаго лица, около котораго сосредоточивался бы ходъ дѣйствія, нѣтъ настоящаго трагическаго конфликта.—Этотъ недостатокъ находятъ и въ другой пьесѣ Кропивницкаго—«Невольникъ». Г. Петровъ отзывается о ней такъ (стр. 418): «вся пьеса, при всѣхъ своихъ внутреннихъ достоинствахъ, не дѣйствуетъ на слушателя возбуждающимъ образомъ, потому что содержаніе ея относится къ безвозвратно минувшему времени, отъ насъ отдаленному». Врядъ ли можно согласиться съ общимъ положеніемъ, котораго придерживается въ этихъ словахъ г. Петровъ.

Нельзя не признать, что г. Петровъ выказалъ много научнаго безпристрастія въ частныхъ очеркахъ дѣятельности украинскихъ писателей, что́ служитъ къ его чести. Но иногда проскальзываютъ не совсѣмъ справедливыя замѣчанія. Такъ, на стр. 255 г. Петровъ говоритъ о повѣсти Костомарова «Черниговка»: «что касается изображенія быта и жизни Москвы и московскихъ людей того времени, то на него наложены авторомъ уже слишкомъ густыя, темныя краски, производящія отталкивающее впечатлѣніе»; но вѣдь

неприглядными чертами изображены и малороссы второй половины XVII в.[1]).

Укажемъ еще на одно общее упущеніе.

При цѣльномъ очеркѣ всего состава извѣстной литературы важно выясненіе того, что называютъ народностью, важно выясненіе типическкхъ чертъ народности и основнаго характера ея литературнаго развитія. Въ литературѣ столь народной, какъ украинская, даже и въ мелкихъ произведеніяхъ могутъ выступить черты народности и ея идеаловъ, заслуживающія вниманія въ силу того великаго значенія, какое принадлежало южнорусской народности въ исторіи общерусскаго государства, русской литературы и просвѣщенія. Украинская литература создана *оригинальнымъ* геніемъ южнорусскаго племени, и черты его обнаружились съ достаточною яркостію у писателей XIX в. Г. Петровъ, отъ котораго мы въ правѣ были бы ожидать выясненія этихъ чертъ, не обратилъ вниманія на нихъ и не указалъ своеобразныхъ стилистическихъ и внутреннихъ особенностей украинской поэзіи: онъ слѣдилъ преимущественно за взаимодѣйствіемъ постороннихъ вліяній въ украинской литературѣ.

Не выполнилъ онъ надлежащимъ образомъ и той части своей задачи, которая состояла въ указаніи «украинскаго элемента въ русскихъ писателяхъ» (стр. 376).

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о библіографическихъ данныхъ въ трудѣ г. Петрова. — Г. Петровъ видимо придавалъ большое значеніе такимъ указаніямъ, и его собственные библіографическіе перечни иногда нѣсколько расширяютъ данныя, заключающіяся въ «Покажчикѣ нової української литератури» М. Комарова[2]), но въ большинствѣ случаевъ г. Петровъ мало исправилъ ошибки «Покажчика» и восполнилъ его пробѣлы, а между тѣмъ послѣдній весьма неполонъ и вообще не вполнѣ удовлетворителенъ[3]). И г. Петровъ и г. Комаровъ не пользовались многими старыми журналами. Оттого у г. Петрова встрѣчаются значительные промахи въ библіографіи. Возьмемъ хотя бы перечень

---

[1]) Ср. рецензію въ журналѣ «Миръ» 1881, № 10.

[2]) См., напр., перечень произведеній г. Кулиша; г. Петровъ раскрылъ псевдонимы этого писателя при помощи Бѣлозерскаго.

[3]) Въ послѣднее время г. Комаровъ перепечаталъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ списокъ литературы, относящейся къ Шевченку, въ «Кіевской Старинѣ» 1886, №№ 3 и 4.

статей объ И. П. Котляревскомъ и изданій его произведеній. Въ главныхъ библіографическихъ трудахъ замѣчается нѣкоторое разногласіе относительно перваго изданія Энеиды Котляревскаго. Ср. Геннади съ указателемъ Комарова. Новѣйшая библіографія въ статьѣ И. М. В. представила нѣкоторыя исправленія. Г. Петровъ пересмотрѣлъ не всѣ изданія, о которыхъ говоритъ. Такъ, онъ сообщаетъ, что изданіе Энеиды 1808 г. вышло въ *четырехъ* частяхъ, но это изданіе, по заявленію Котляревскаго въ «увѣдомленіи» при изданіи 1809 г., было напечатано «безъ вѣдома и согласія автора» *въ трехъ частяхъ*. И Комарову и Петрову осталось неизвѣстно, что отрывки изъ послѣднихъ частей Энеиды печатались въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. У Комарова не указана біографія Котляревскаго въ Иллюстраціи (ч. II 1846) въ ст. Сементовскаго «Полтава», стр. 309—310. И у Комарова и у г. Петрова не отмѣчена брошюра Стеблина-Каминскаго «Воспоминаніе о Котляревскомъ (изъ записокъ старожила). Полтава 1871» [1]). Въ сообщеніи «Кіевской Старины» (1885, № 3, стр. 606) о статьѣ И. М. В. указана еще статья о Котляревскомъ, помѣщенная въ галицко-русскомъ журналѣ «Світъ» 1881 г. Вслѣдствіе неточности указаній библіографовъ повтореніе этихъ указаній безъ провѣрки можетъ приводить къ повторенію ошибокъ. Такъ, г. Комаровъ и авторъ статьи въ «Нови» повторили неточныя указанія относительно статей о Котляревскомъ, находящіяся у Межова [2]).

Иной разъ точныя библіографическія указанія не лишены значенія для исторіи литературной дѣятельности того или иного писателя. Въ составленномъ Данилевскимъ перечнѣ сочиненій Квитки не названы статьи Квитки въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г., именно «Письма изъ Харькова», помѣщенныя въ ч. 61, №№ 1 и 2 [3]). Въ виду этихъ «Писемъ» начало литературной дѣя-

---

[1]) Рецензія на эту брошюру была помѣщена въ Р. Старинѣ № 8. Ср. у Межова: Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно, № 20523. Мы пользовались брошюрою подъ тѣмъ же заглавіемъ, изданною въ 1869 г. со ссылкою: «Перепечатана изъ №№ 45, 46 и 47 Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1866 года».

[2]) Въ №№ 83 и 84 «Сѣв. Пчелы» 1846 г. и въ № 17 «Полтавскихъ Еп. Вѣдомостей» 1869 мы не нашли ничего о Котляревскомъ.

[3]) Полуденскій, Указатель къ «Вѣстнику Европы» 1802—1830, М. 1861, стр. 105.

тельности Квитки надо относить уже къ 1812 г., а не къ болѣе позднему времени [1]).

Можно бы отмѣтить и другіе библіографическіе промахи въ трудѣ г. Петрова.

IX.

Заключеніе.

Представимъ въ заключеніе общую оцѣнку труда г. Петрова и отмѣтимъ заслуги его въ изученіи и изслѣдованіи новой украинской литературы.

Подробное разсмотрѣніе книги г. Петрова показываетъ, что въ ней, при всемъ стремленіи автора къ научному изложенію фактовъ, нѣтъ стройной систематизаціи ихъ, которая вытекала бы *естественно изъ самаго матеріала*. Главныя теченія украинской литературы выяснены не совсѣмъ удовлетворительно и безъ надлежащей полноты: такъ, сказано мало о развитіи малорусской этнографіи, о польскомъ вліяніи. Бо́льшую цѣну имѣютъ въ монографіи г. Петрова очерки жизни и дѣятельности писателей въ отдѣльности. Въ этихъ очеркахъ г. Петровъ накопилъ значительное количество матеріала, но, къ сожалѣнію, матеріалъ собранъ неполно и обработанъ безъ должной тщательности. Г. Петровъ мало знакомъ съ русскою журнальною литературою до 40-хъ годовъ и почти совсѣмъ незнакомъ съ матеріалами для исторіи украинской литературы, явившимися въ галицко-русской печати. Самъ г. Петровъ заявляетъ на 2-й стр. своего труда, что онъ «далекъ отъ претензіи на совершенную полноту историко-литературныхъ фактовъ». Какъ въ установленіи общей схемы, такъ и въ частныхъ биографическихъ очеркахъ и библіографическихъ обзорахъ работа автора отличается нерѣдко компилятивностью. Слѣдовательно, собственныя разысканія автора въ общемъ не отличаются цѣнною оригинальностью и глубиною; г. Петровъ обогатилъ исторію

---

[1]) Геннади, Справ. словарь, говоритъ (стр. 126), что Квитка «началъ печатать въ Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 г. и въ «Вѣстникѣ Европы» 1820 г. То же повторилъ и г. Науменко въ очеркѣ дѣятельности Квитки. Укажемъ кстати на замѣченные нами пропуски въ библіографическихъ указателяхъ о Квиткѣ; въ эти указатели надо внести ст. Основьяненка «Исторія Харьковскаго театра отъ старинныхъ временъ» («Литерат. Газета» 1841, №№ 114, 115) и «Планъ романа о Мировичѣ» (Р. Арх. 1863, 2, 160).

украинской литературы преимущественно отдѣльными очерками дѣятельности нѣкоторыхъ писателей и детальными изслѣдованіями.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ монографіи г. Петрова нельзя не признать, что авторъ много потрудился надъ нею, разыскивая довольно тщательно печатные матеріалы, доставленные послѣднимъ сорокалѣтіемъ, обращаясь иногда къ рукописнымъ даннымъ и тщательно добывая еще не обнародованныя свѣдѣнія. Г. Петровъ попытался указать источники нѣкоторыхъ произведеній украинской литературы въ народной словесности, при чемъ значительную помощь оказало ему довольно хорошее знакомство съ этою послѣднею. Наконецъ, авторъ тщательно слѣдилъ за отношеніемъ современныхъ русскихъ журналовъ и газетъ къ произведеніямъ украинской литературы.

До появленія труда г. Петрова не было такого обстоятельнаго свода данныхъ для исторіи новой украинской литературы. Книга г. Петрова восполнила пробѣлъ, давно чувствуемый въ русской литературѣ и наукѣ.

Уже давно сознана въ западной наукѣ плодотворность изученія областныхъ вкладовъ въ общую исторію народностей. У насъ Ѳ. И. Буслаевъ отчетливо указалъ на важность изученія областныхъ теченій въ исторіи русской литературы. Съ этой точки зрѣнія изученіе украинской литературы получаетъ особое значеніе и въ общей исторіи русской литературы, болѣе или менѣе самостоятельно развивавшеюся частью которой является украинская литература. Исторія русской литературы должна удѣлить украинской словесности первое мѣсто въ ряду областныхъ вкладовъ въ общерусскую сокровищницу духа и слова. Поэзія, въ особенности поэзія, отличающаяся народностью въ такой мѣрѣ, какъ украинская, заключаетъ наилучшія данныя для характеристики племеннаго типа. Г. Петровъ не далъ такой характеристики, но предложилъ читателю множество фактовъ. Онъ распредѣлилъ и освѣтилъ ихъ не совсѣмъ вѣрно, но все-таки надо принести благодарность г. Петрову за то, что онъ попытался соблюсти безпристрастіе и научную объективность, возвысившись надъ предразсудкомъ, по которому украинская литература не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Г. Петровъ иного мнѣнія объ этой литературѣ. Онъ издавна уже занимается южнорусскою литературою, открылъ нѣсколько памятниковъ южнорусской искусственной поэзіи, собиралъ черезъ другихъ произведенія южнорусской народной словесности, и ему принадлежитъ кромѣ разсматриваемаго изслѣдованія довольно цѣнная мо-

нографія: «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Матеріалы, собранные г. Петровымъ въ «Очеркахъ украинской литературы XIX столѣтія», будутъ весьма пригодны будущему изслѣдователю. Въ качествѣ сборника довольно численныхъ историко-литературныхъ указаній книга г. Петрова, быть можетъ, послужитъ нѣсколько къ устраненію тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, о которыхъ говоритъ г. Петровъ въ началѣ своего труда.

BINDING SECT. DEC 17 1975

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3916
P4872D3
1888a

Dashkevich, Nikolai Pavlovich
Otzyv o sochinenii g. Petrova: "Ocherki istorii ukrainskoi literatury XIX stolietiia"